

БИОГРАФИИ

Королевская СЕМЬЯ АНГЛИИ

Книга 1

БИОГРАФИИ

**Королевская семья
Англии**

Китти Келли

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ АНГЛИИ

Книга 1

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 34

Kitty Kelley
THE ROYALS
1997

*Перевод с английского
Г. Корчагина, В. Гольдича, И. Оганесовой*

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения Warner Books, Inc.
с/o Toumania LLC.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Издание подготовлено АО «Титул».

Келли К.

К34 Королевская семья Англии. Кн. 1 / Пер. с англ. –
М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 448 с.

ISBN 5-237-01670-7

Они – самая знаменитая семья на свете. Жизнь их описана в огромном количестве книг и статей. Кричащие заголовки извещают мир о каждом их шаге. Однако все попытки проникнуть за королевский фасад оставались безуспешными. За стены дворца удалось попасть только Китти Келли, прославленному автору биографий Нэнси Рэйган, Фрэнка Синатры и многих других знаменитостей. Китти Келли – самый бесстрашный биограф нашего времени. Она посвятила четыре года изучению истории королевского семейства. Кроме тщательного исследования документов, она провела сотни эксклюзивных интервью с бывшими и нынешними служащими королевского дома, друзьями и родственниками рода Виндзоров, членами парламента и другими лицами, имевшими возможность близко наблюдать королевскую семью. Она подняла занавес над жизнью самого скрытного семейства в истории.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Н.В. Productions, Inc., 1997
© Перевод. Г. Корчагин, В. Гольдич, И. Оганесова, 1999
© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

Моему мужу Джону,
умеющему сны делать явью

«...И неизбежно наступает день, когда семья вынуждена покориться мнению окружающих. Семья может отгородиться завесой молчания, но это, на мой взгляд, ведет прямо к разоблачению лжи и развенчанию мифов, а уж и то, и другое рано или поздно приводит к тому, что из обрывков запутанной истории начинает складываться правда».

Кэрл Шилдс. Из «Каменных дневников»

«И все-таки я верю в аристократию, если это подходящее слово и если демократу позволено его употреблять. То есть я верю не в те «сливки общества», что кичатся титулами и влиянием, а в аристократию чуткую, деликатную и отважную. Ее представителей вы найдете в любом народе или классе, во все эпохи; между ними при встречах возникает скрытое от чужих глаз взаимопонимание. Они — воплощение истинной гуманистической традиции, перманентной победы нашей необычной расы над жестокостью и хаосом».

Э. М. Форстер. Из эссе 1941 года

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

13 февраля 1997 года

Перефразируя английскую поговорку, скажу так: если кошка имеет право смотреть на короля, то дозволено это и Китти*. К тому времени когда я заинтересовалась августейшими особами, старых британских монархов давно сменила современная монархия. Потому-то я и адресовала Ее Королевскому Величеству Елизавете II вежливейшее послание, где сообщила о том, что собираю материалы для книги о династии Виндзоров. Я почтительнейше просила об аудиенции, но пресс-секретарь королевы отказал мне под тем предлогом, что не в обычае Елизаветы давать интервью.

«Но нам вменено в обязанность, — ответил Чарльз Энсон на бланке Букингемского дворца, — в меру сил помогать добросовестным авторам, пишущим серьезные книги о британской монархии и августейшем семействе, получить достоверную информацию на интересующие общественность

* Игра слов: «китти» в переводе с английского — «котенок». — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

темы. Посему буду счастлив оказать содействие, при условии, что Вы вкратце опишете направление Ваших исследований и составите перечень вопросов ко мне».

Еще он попросил краткий план будущей книги. «Естественно, я гарантирую полную конфиденциальность», — обещал Чарльз Энсон.

Это меня озадачило. Следует ли понимать так, что он не покажет план даже Ее Величеству и остальным членам королевского семейства? Или намерен хранить его в тайне от британской прессы, которая уже сообщила (ошибочно) о том, что я пишу биографию мужа королевы — Филиппа, герцога Эдинбургского?

По моим сведениям, герцог был раздражен, узнав, что без его разрешения о нем сочиняют книгу. В 1994 году британские репортеры, сопровождавшие его в поездках, писали, что он намерен привлечь меня к суду. Во время визита герцога Филиппа в Нью-Йорк ему досаждали вопросами о «книге, над которой работает Китти Келли», и он сказал буквально следующее: «Я намерен защитить свое доброе имя».

В британских средствах массовой информации это заявление вызвало переполох. «Еще ни от кого из членов королевской семьи мы не слышали столь откровенных угроз, — утверждал Крис Хатчинс в «Тудей». — Консорт заявляет, что готов судиться, и адвокаты Букингемского дворца уже подняты по тревоге». Эстафетную палочку подхватила «Дейли стар»: «Принц против Бульварной Китти: суда не избежать, если книга получится слишком когтистой».

Эти публикации вызвали целый град звонков в мой вашингтонский офис. Великое множество

джентльменов из Аргентины, Австралии, Англии, Уэльса и Нью-Йорка выдавали себя за незаконных отпрысков различных августейших особ. Чего только не рассказывали они о своих царственных родителях! В подтверждение исповедей они выражали готовность выслать фотографии, или выписки из семейных дневников, или письма от дальних родственников, но почему-то никто не захотел предьявить свидетельство о рождении. Тем не менее отсутствие документов никого не смущало: все были уверены в том, что зачаты вне брака кем-нибудь из членов британской королевской фамилии.

И тогда я написала пресс-секретарю королевы. Я изъявила желание взять интервью у всех, кто имеет право говорить от имени дома Виндзоров. Как американка, пишущая для мировой общественности, я просила королевского пресс-секретаря о помощи в создании правдивой и беспристрастной книги на тему, столь живо интересующую читателей. Как известно, о доме Виндзоров написано немало книг, но в большинстве своем они противоречат друг другу. Даже взгляды выдающихся историков различаются в корне. Пожалуй, единственное, в чем сходятся большинство из них, — это в написании членами королевской семьи своей фамилии.

Поскольку я в то время еще только собирала материалы, мне пришлось объяснить, что форму произведения диктует отрезок истории с 1917 года, когда королевское семейство сменило фамилию, до нынешнего дня. Вместо плана книги я представила две страницы вопросов о браках, финансах и генеалогии. Любезнейший мистер Энсон прислал мне том о шестистах тридцати двух страницах, носящий гордый заголовок — «Королевская энциклопедия».

Мы обменялись еще несколькими письмами, пока я сновала между Вашингтоном и Лондоном, как того требовали мои исследования. В 1995 году я прилетела в Англию к 8 мая, дню Победы союзников над фашистской Германией, и обратилась в королевский дворец с накопившимися вопросами, а также с повторной просьбой об интервью. На этот раз я говорила с мистером Энсоном по телефону.

Мы обсудили кипучую деятельность по организации празднования пятидесятой годовщины победы над гитлеризмом. Мы поговорили о трогательной сцене минувшего дня, когда девяностопятилетняя королева-мать вышла на балкон Букингемского дворца, чтобы показаться толпе в пятьдесят тысяч человек, собравшейся внизу на площади. Полвека назад на этом же месте она принимала дань уважения от благодарной нации. В тот день, как и вчера, справа и слева от нее стояли две ее дочери. Но на историческом полотне 1995 года недостает имен ее мужа, короля Георга VI, и премьер-министра Уинстона Черчилля: они ведь тоже стояли рядом с ней в сорок пятом. И все же, видя на балконе королеву, каждый, должно быть, вспоминал ту неукротимость духа, что прославила англичан во Вторую мировую войну.

«Подобные мероприятия, — объяснил мне пресс-секретарь Ее Величества, — очень хорошо объединяют граждан нашей страны. Они доказывают, что монархия — институт власти, который вполне устраивает всех британцев».

Вскоре я возвратилась в Вашингтон и засела за книгу, а мистер Энсон больше не отвечал на мои вопросы. Похоже, заподозрил, что сотрудничество со мной способно послужить дурным целям: при-

крываясь его добрым именем, я продам свою книгу как авторизованную биографию.

Разумеется, его тревоги не имели под собой почвы, но они передались одному из репортеров любимой газеты правящего семейства — «Дейли телеграф», и грянули заголовки: «Американская книга о королеве. Паника во дворце». Я с удивлением прочитала нижеследующее высказывание королевского пресс-секретаря: «Никакого особого содействия миссис Келли мы не оказывали. От нас она получила лишь одну или две справки, на каковые вправе рассчитывать любой автор, пишущий о королевском семействе. Для этого вовсе не требуется специального допуска».

Через несколько дней на мой рабочий стол легло последнее письмо мистера Чарльза Энсона. «Я должен особо подчеркнуть, — писал он, — что в случае, если скромная информация, которую мы предоставили Вам, окажется хоть в малейшей степени искажена, мы будем вынуждены позаботиться о соответствующих мерах». Очень похожие слова я прочитала в английской газете «Гардиан». Статья называлась «Дворец принимает меры предосторожности» и сопровождалась карикатурой: два корги* охраняют Букингемский дворец, изображенный в виде собачьих конур; один песик скалит зубы и рычит: «Китти! Р-р-р... Да у меня только при звуке этого имени шерсть дыбом!»

И все же, несмотря на широко растиражированное предостережение королевского пресс-секретаря, за последние четыре года мне удалось взять интервью у нескольких сот человек, из кото-

* Уэльская порода декоративных собак.

рых многие либо в прошлом, либо в настоящем имели отношение к двору Ее Величества королевы английской. Никто из них не получил от меня денег (платить за информацию не в моих правилах), но я обещала хранить в тайне имена тех, кто опасался возмездия Букингемского дворца. Большинство из них, нанимаясь на службу во дворец, дали подписку о неразглашении, так что я вполне отдавала себе отчет, сколь многим они рискуют, откровенничая со мной. Я вовсе не желаю, чтобы кто-нибудь из этих людей, не сделавших мне ничего плохого, остался без работы и пенсии. Чарльз Энсон счел необходимым довести до моего сведения в одном из ранних писем: «Мы очень тщательно подбираем персонал и серьезно относимся к любым утечкам информации и иным проявлениям непорядочности или недобросовестности».

Как бы то ни было, вольно или невольно многочисленные бывшие и нынешние слуги Виндзоров, их друзья и родственники помогли мне узнать, как выглядит правящий дом Британии в глазах его ближайшего окружения. Собирать материалы я начала в Кенсингтонском дворце — он расположен в центре Лондона, в нескольких милях от Букингемского дворца.

Пока принцесса Маргарет путешествовала за границей, одна из ее служанок, моя знакомая, предложила мне персональный тур по ее покоям. Я еще ни разу не бывала в Кенсингтонском дворце, а потому с благодарностью приняла приглашение. Каково же было мое изумление, когда у главных ворот мне приветливо помахали веселые охранники! Они не требовали, чтобы я представилась, даже не спросили, зачем пожаловала, — вероятно, потому, что меня сопровождал хорошо знакомый им человек.

Мы начали с апартаментов, вошедших в историю как «покои, жалуемые сувереном», — их предоставляют тем, кто снискал расположение самого монарха.

Некоторые из этих помещений выглядят как монашеские кельи. Они содержатся в безупречной чистоте, но места хватает лишь самым необходимым предметам: кровати, стулу, кушетке, столу. Попадались мне и спальни-клетушки, зажатые между ванной и туалетом. «Зато не приходится платить за жилье», — заметил один благодарный слуга.

В покоях Ее Королевского Высочества принцессы Маргарет у меня глаза полезли на лоб: неужели это и есть обиталище сестры самой богатой женщины в мире? Я ожидала чего-нибудь повнушительнее. Наверное, меня бы куда меньше удивили усыпанные алмазами стены и выложенные рубинами полы.

Но вместо алмазов и рубинов я увидела пластмассовые цветы в вазах на подоконниках и электрокалорифер с ужасающе ветхим шнуром. За дверью гостиной прятался складной сервировочный столик из алюминия. Мне сказали, что его ставят перед телевизором, когда принцесса трапезничает в одиночестве.

Вход в помещение с ярко-синими драпировками стерегли две большие черные статуи, изображающие негров. Эту комнату принцесса отвела любимой коллекции кубков, хрустальных ваз и кувшинов. На стенах рядами сияли фарфоровые блюда и тарелки, щедро украшенные золотом. Возле письменного стола на вращающейся этажерке из красного дерева хранилось собрание миниатюрных фарфоровых шкатулок. На одной шкатулке начала девятнадцатого века я прочла грави-

ровку: «Пусть здравствует король, чтобы награждать подданного, готового отдать за него жизнь».

Мой любезный гид водила меня по залам и терпеливо рассказывала о титулованных особах: королеве, королеве-матери, герцоге Эдинбургском, принцессе Маргарет, принцессе Анне, принцах Эндрю и Эдуарде, принце и принцессе Уэльских. Когда я спросила о Саре Фергюсон, герцогине Йоркской, мне кратко ответили: «Она не родственница королеве». Я внимательно рассматривала портреты и фотографии, в том числе снимок, изображающий принцессу Маргарет и ее бывшего мужа, Энтони Армстронг-Джонса, в обществе президента Соединенных Штатов Линдона Джонсона и его супруги на обеде в Белом доме. Это фото, подписанное Джонсонами, висит в ванной.

Путь из Кенсингтонского дворца в Букингемский оказался нелегким и связан с множеством интриг, поскольку изучение дома Виндзоров вынуждало меня скакать то вверх, то вниз по ступенькам классовой лестницы. Внизу я брала интервью у прислуги, наверху беседовала с придворными. Я выслушивала членов палаты лордов и палаты общин. Я говорила с тори и лейбористами из парламента о доминирующем влиянии монархии.

На собрании женщин, которое я посетила, актриса Гленда Джексон, депутат парламента от партии лейбористов, заявила: «Моим избирателям совсем не по нраву смотреть, куда катится наша страна, но вы ни за что не узнаете об их тревогах из средств массовой информации, одержимых любовью к монархии». Руперт Алласон, депутат от партии тори, пишущий шпионские романы под псевдонимом Найджел Уэст, в письме ко мне общал о своем почтении к монархии: «Я монар-

хист весьма старой закваски, и пусть далеко не все в королевском правлении выглядит привлекательно, надо признать, что в целом оно служит благу страны... Для нас это старая, но все же любимая игрушка».

Еще большим озорником оказался лорд Джекоб Ротшильд. За ужином в лондонском «Риверкафе» он упомянул, что недавно обедал в Букингемском дворце. «Может, и не пристало об этом рассказывать, — подмигнул он, — но что проку от знакомства с королевским семейством, если нельзя им похвастать?» Жена пыталась его приструнить и, увидев в моих руках блокнот и авторучку, погрозила мне пальцем. «Не пишите об этом, — попросила она. — Мы должны защищать наших королей от них же самих. Нам не нужна книга объективной американки. При всем желании вы не можете быть объективной, когда речь идет о нашей монархии».

Сбор материалов для книги был сопряжен и со столь приятным занятием, как чаепитие с титулованными дамами — женами джентльменов, носящих длинные цепочки аббревиатур после своих фамилий. Аббревиатуры должны напоминать о почестях, оказанных королями предкам этих джентльменов. В их поместьях я видела отороченные горностаем одежды, в которых они присутствовали на коронации; и маленькие золоченые стульчики, на которых они сидели во время этой церемонии в Вестминстерском аббатстве. Многие из сих господ знают королеву с детства, она бывала на их свадьбах и письма к ним начинала словами «дорогой кузен». «В этом кругу, — объяснял мне один аристократ, — каждый считается ее родственником».

Даже изучив «Дебретт»* — библию английской знати, — я все равно спотыкалась на тонкостях британской социальной иерархии. Не раз, надписывая конверт, я путалась в инициалах, но слава Богу, огрехи сходили мне с рук. «Милочка, вы же американка, — сказала мне одна герцогиня. — Какой с вас спрос?» Все эти аристократы — роялисты до мозга костей, истово веруют в монархию и утверждают, что она переживет даже Белые утесы Дувра. Как бы то ни было, я искренне благодарна им за помощь и потраченное на меня время.

Но их взгляды резко контрастируют с мнением республиканцев, у которых я брала интервью. Республиканцы считают, что дни монархии сочтены. В компании писателя Энтони Холдена я побывала на собрании в лондонском «Клубе здравого смысла», где английские литераторы, издатели и ученые всерьез рассматривают идею ликвидации монархического института власти; они готовы даже изменить конституцию страны, распустив палату лордов и отделив церковь от государства. «Клуб здравого смысла» своим названием обязан памфлету, написанному Томасом Пейном** в 1776 году; автор этого произведения настаивал на принятии Новым Светом Декларации независимости. Сын квакера, промышлявшего изготовлением корсетов, он был арестован, обвинен в государственной измене и выслан из Англии. Революционные идеи Пейна по сей день

* «Дебретт» (по фамилии первого издателя Джона Филда Дебретта) — ежегодный справочник английского дворянства, выходящий с 1802 года.

** Томас Пейн (1737—1809) — английский и американский философ и просветитель радикального направления. Его труды «Здравый смысл» и «Кризис» оказали большое влияние на умы колонистов. Участвовал в Войне колоний за независимость.

вдохновляют мистера Холдена и его единомышленников-республиканцев, которым удается сочетать огромный шарм и недюжинные умы с увлечением политикой. С ними я чудесно провела время; невозможно переоценить их титанические усилия, хоть чему-то меня научить.

Марк Пачтер, консультант по особым проектам секретаря Смитсоновского института*, проводит ежемесячные семинары «Вашингтонской группы биографов»; я частенько посещаю их в надежде получить мудрый совет. Марк считает, что биография — это жизнь, прожитая и увиденная сторонним наблюдателем. «Пишите, прижимая нос к оконному стеклу», — учит он нас. Я так и делаю, по крайней мере пытаюсь.

Для экспертной оценки собранного материала я обратилась к нескольким социальным историкам, читающим лекции в Смитсоновском институте. Особенно меня очаровали Вирджиния У. Ньюмайер; Стенли Вейнтрауб — профессор искусствоведения и гуманитарных наук Пенсильванского государственного университета; Эдвард Кифер из Госдепартамента США; Марлен Эйлерс; бывший зарубежный корреспондент журнала «Тайм» Роланд Фламини; Кэтрин А. Клайн, профессор истории Католического университета, и Дэвид Каннадин — тоже историк, профессор Колумбийского университета.

Бесценными историческими справками я обязана нескольким библиотекарям: Юджину Веберу,

* Смитсоновский институт — одно из старейших государственных научно-исследовательских и культурных учреждений США. Основан в 1846 году в Вашингтоне на средства английского ученого Дж. Смитсона.

директору Агентства печати Соединенного Королевства, и его в высшей степени компетентным коллегам Эйдриану Макли, Ричарду Пикоку и Катарине Шелли, а также Линде Эмстер («Нью-Йорк таймс»), Полу Гамбургу (Центр Симона Визенталя), Гарнеру Шоу («Нью-Йорк обсервер»), Гвен Одум («Палм-Бич дейли ньюс»), Стиву Глаттеру (Публичная библиотека Майами-Дэйд), Дону Остервейлу («Вэнити фэйр»), Дженет Браун («Ю-эс-эй тудей»), Мерлю Томасону («Фэйрчайлд пабליкейшнс»), Полу Корнишу и Дженет Бекон (Британская информационная служба), Лайзе Броуди (Американский институт кинематографии), Терри Натейлу («Нью стейтсмен»), Чарльзу Ситону («Спектейтор»), Родни Смитгу (Публичная библиотека Нью-Орлеана), Полли Таунсенд (библиотека города Десмонд-Фиш), Гаррисону из Нью-Йорка, Дженет Лоренц (Национальная служба киноинформации при Центре изучения кино и Академии кинематографии), Маргарет О'Салливан («Путнем каунти ньюс энд рекордер»), Патрику Вагнеру (Смитсоновский институт). Кроме того, хочу от всей души поблагодарить оказавших мне неоценимую помощь сотрудников публичных библиотек Александрии, Арлингтона и Ферфакса (штат Виргиния), Вашингтонского филиала библиотеки Мартина Лютера Кинга, а также библиотеки Вашингтонского «Фаундейшен-сендер».

За документы, имеющие отношение к королевскому семейству, я должна сказать спасибо Британскому Адмиралтейству, Бюро переписи населения (Сент-Катеринс-Хаус, Лондон) и президентским архивариусам и историкам из библиотек Франклина Д. Рузвельта, Гарри С. Трумэна, Дуайта Д. Эйзенхауэра, Джона Ф. Кеннеди, Линдона Б. Джонсона,

Ричарда М. Никсона, Джералда Р. Форда, Джимми Картера и Рональда У. Рейгана. Я признательна сотрудникам Национального управления архивов и документации, Библиотеки конгресса в Вашингтоне, судебного департамента штата Нью-Йорк, Управления по контролю за свободой прессы Государственного департамента, Министерства юстиции, Федерального бюро информации, Министерства обороны и Центрального разведывательного управления. Немаловажна и роль Ривза Уэста — он добыл много полезных материалов в Лондоне, в Британской библиотеке. В полном соответствии с протоколом я обратилась к Джин П. Инман из американского посольства в Лондоне и заручилась помощью персонала английского посольства в Вашингтоне, а также посольств Швеции, Дании, Норвегии, Канады и Австралии.

Одним я благодарна за материалы для книги, другим — за гостеприимство. И то, и другое переоценить невозможно. Посему хочу выразить свою признательность еще и персоналу отеля «Атенеум», где Джеймс А. Браун, Салли Буллок, Алекс Серра и Дональд Биррейн сделали столь приятными первые мои экспедиции в Лондон. Именно они представили меня президенту Южно-Африканской Республики Нельсону Манделе, который проживал в этой гостинице одновременно со мной. В его обществе я провела час, и это было моим первым и единственным знакомством со знатью.

Работая над книгами, авторы бывают невыносимы, и я не исключение, а потому хочу выразить самую глубокую благодарность тем, кто мужественно вытерпел мое занудство. Да, длинен список имен тех, кто помог мне пройти через нелегкое испытание. Последние десять лет мой ассистент и секре-

тарь Мелисса Лейки жертвовала частицу сердца и ясного ума любому моему поручению, и скажу не кривя душой: как профессионал и как друг она — бесценное сокровище. Столь же велик мой долг перед ее матерью Дженет Смоллинг и братом Уолтером Смоллингом, чьи доброта и терпение помогли осуществиться моему проекту. Весьма обязана я и другим родственникам Мелиссы, особенно Рею Райнехарту; Полу, Марте и Элисон Гибсон; Стивену и Маргарет Гибсон; Роджеру, Энн, Дженет и Рэчел Бачхольц; Джин, Биллу, Майку, Дугу, Эбби, Гейл и Джону Лейки. Не могу не упомянуть и о муже Мелиссы, Брайане, сквозь пальцы смотревшем на ее многочасовые ежедневные труды над созданием этой книги перед появлением на свет их первого ребенка, Дрю Эварда Лейки.

Месяцы корпения над книгой скрашены любовью и поддержкой моих сестер Мэри Кэри Куглан и Адель О'Тул, а также дорогой моей подруги Маргарет Инджел, директора Фонда Алисии Паттерсон*. Ценную помощь оказали мне члены Международного форума женщин, особенно Шерил Маршалл, Джони Эванс, Ширли Нельсон, Пегги Цизак-Данненбаум, Марта Тейчнер, Барбара Хоскинс, Пэм Гарсайд, Сьюзен Гринвуд, Уилли Кемпбелл, Морин Ниндел, Мэри Лиман и Фруцина Хэрсени. Благодарю за поддержку и друзей этого форума Патрисию Герн, Мишель Хаганс, Сандру Тейлор, Митци Вертейм, Лилию Энн Эброн, Александру Армстронг, Эстер Смит, Патрисию Бейли и Патрисию Голдман.

* Алисия Паттерсон — дочь известного американского издателя Джозефа М. Паттерсона. В 1940 году при ее участии стала выходить знаменитая нью-йоркская газета «Ньюсдей».

Кроме того, я не забуду усилий Билла Чепута из нью-йоркского «Лотос-клуба», Рича Солка, Эрны Штейнер, Джеймса Гендерсона, Фабиолы Молины, Гермины Эттбери, Сьюзен Николас, Сильвии Кастанос, Джоан Уорден, Деборы Коэн, Расселла Котта, Юнайс и Монес Хоули, Сьюзен Майкельвейт, Патти Панко, Кэролин Тельман, Форреста Маккормака, Сэмюэля Мельмана («Джастин Мельман, Инк.»), Элайн Лаффонт — президента «Сигма фото ньюс», а также мистера и миссис Эшпел, чья квартира на Ленокс-гарденс стала моим лондонским домом.

В различных исследовательских проектах мне оказывали содействие знатоки своего дела Мелисса Голдблат, Аура Липпинкотт, Элайн Р. Стейвер, Жаклин Уильямс, Энн Уайтмен из Эй-би-си ньюс, Эндрю Сэндз, Рей Бостон, Барри Фелпс, Сью Хармер, Мэри Эйлмер, Саймон Натан, Дафн Сринивасан, Лилли Лессинг, Роджер Ло из «Спиттинг имэдж», Памела Уоррик из «Лос-Анджелес таймс», Эллен Уоррен из «Чикаго трибюн», Уэйд Нельсон, Рэчел Грейди, Эбби Джонс Поули, Эмили Грейнес, Ребекка Солт из лондонского издательства «Рид консьюмер букс», Феб Бентинк, Эдда Тасимка из «Ханс Тасимка акайвс», Энн Женева («Йель юнивесити пресс»), Тед Ричардс («Оллсон букс»), Тим О'Коннор и Фрэнк Тенот, президент «Хэчетт Филипачи пресс».

Широкий выбор кино-, аудио- и иных материалов мне великодушно предоставили Говард Розенберг из Си-би-эс и Ричард У. Карлсон, президент и исполнительный директор Корпорации общественного вещания.

За помощь при переводе с иностранных языков сердечное спасибо Вивиан Глик — знатоку фран-

цузского, немецкого и итальянского — и Марии де Мартини, помогавшей мне брать интервью у испанцев.

По лабиринту финансов королевского двора меня вели Марвин Х. Макинтайр из «Легт, Мейсон, Вуд и Уокер» в Вашингтоне и его сотрудники Коллин Бредли, Ким Декстер, Дон Мещер, Боб Парр, Суэйти Пейтель, А. Дж. Фектор. Кроме того, я благодарна Арнольду Х. Кунину из «Куперс и Лайбранд», Стиву Вейстману и Трейси Нобль из «Вейстман, Нобль и Мур».

В делах юридических я полагалась на опыт Марка Миллера из «Маклеод, Уоткинсон и Миллер», Вашингтон (О.К.), Роберта Уолда, Майкла Нассбаума и Бенджамина Зеленко из «Нассбаум и Уолд». Моим любимым адвокатом был и остается мой девяностотрехлетний отец, Уильям В. Келли из бюро «Уитерспун, Келли, Дейвенпорт и Тул» в городе Спокане, штат Вашингтон.

За последние годы мне довелось побеседовать о доме Виндзоров с многими людьми. Среди тех, кто не жалел для меня времени, знаний и вдохновения, — Питер и Памела Эванс, Роберт Лейси, Сью Таунсенд, Майкл Коул, Линда Уайт, Стив Аронсон, Патриция Босуорт, Питер и Кит Хэммонд, Барбара и Кен Фоллетт, Мара Берни, Лесия Кристел, Эрика Барти-Кинг, Эндрю Дэвид Болл и Джудит Болл, Нэнси, Барбара и Дэвид Моровиц, Боб Глик, Шейла и Добли Шринивазан, Сисси Филли Грант, Лайонел Эпштейн и Элизабет Штрейкер, Лайнетт и Джон Пирсон, Энтони Холден и Синди Блейк, Розы Бойкотт из «Эсквайра», Росс Бенсон из «Дейли экспресс», Питер Маккей из «Ивнинг стандарт», Гордон Маккензи из «Дейли мейл», Хэл Робинсон, Майкл Байуоттер,

Питер Казарис, Роберта Эшли, Ричард Коэн, Дэвид Патрик Коламбиа, Фьямметта Рокко из «Индепендент он санди», Сью Крив, Филлис Штирман, Эрик Уэйл из «Буэнос-Айрес геральд», Иванна и Джеймс Уитакер из «Дейли миррор», Барбара Картленд, Тим Хилд, Жюль Гордон, Кристофер Хитченс из «Вэнити фэйр», Фрэнсис Уин из «Гардиан», Йан Хислоп (издатель «Прайвит ай»), Мэттью Эванс, Кэролин Мичел, Ларри Адлер, Ларри и Мэри Девлин, Дэрилл Боннер, Нэнси Поллард, Марк Холлингсуорт, Норман Дуглас Хатчинсон, Энтони Саммерс, Мюриэл Фокс и Шеп Ааронсон, Кен Берроуз и Эрика Джонг, Бонни Гольштейн из Эй-би-си Ти-ви, Джим Грейди, Мьюки Уильямс, Джеки и Джефф Уивер, Морис Уивер из «Дейли телеграф», Бетси и Айра Силвермен, Моника Уорт, Кристофер Галкин, Уильям Норвич из «Нью-Йорк обсервер», Мэриан Лир Суэйбилл, Хитер Перрем, Ричард Хью, Фрэнклин Джонсон, Флер Коулес, Доминик Лоусон из «Спектейтор», Маргарет Гарднер, Кен Дженнингз, Рекс Рид, Юнис Робертс, Уэндалл (Сонни) Роулз, Г. Х. Хатчинсон Смит, Джефффри Бейли, Джефффри Харли, Джойс Хопкирк, Эмили Малино Шер, Бевис Хильер, Вероника Форвуд, Лаура Зеленко, Рори Найт Брюс, Робин Найт Брюс, Джон Дейви Бевертон, Норин Тэйлор, Розалинда Майлз, Ричард Джонсон из «Нью-Йорк пост», Ричард Терли, Карлос Анесси, Нина Мискоу, Грант Маккаон, Мэри Кирекодис, Каринтия Уэст из «Мари Клэр», Джон Тинан, Филипп Бенджамин, Таки Теодоракопулос, Маргарет Холдер, Майкл Торнтон, леди Колин Кэмпбелл, Сильвия Уоллас, Джонатан Инджел из Рейтер, Майкл Нейджел, Джефффри Аквилина Росс, Кевин Даулинг, Джин Ритчи, Николас Хас-

лам, Кэролин Кеннеди, Джон Барратт, Стивен Мейтин, Линдка Черач, Юна Мэри Паркер, Жанетт Уоллс из «Эсквайр», Маджори Уоллас, Уэнди Ли, Ричард Ингрэмз, Кристофер Сильвестр, Джек Хедли, Уилли Гамильтон, Кеннет Джост из «Конгрешна куотерли», Джеймс Беллини, Филипп Найтли, Эндрю Росторн, Пэдди Креранд, Десмонд Эллотт, Гант Гайтер, Джоди Джекобс, Шерман Дуглас, Ачтар Хуссейн, Арлен Дэл, Памела и Рональд Кесслер, Джон Принс, Форнида и Нанг Санг из «Пипл», Уонда Боку, Марк Джисборн, Джон Вудс, Тони и Одри Чарльз, Фелисити Грин из «Дейли телеграф», Шейла Хейли, Джеральдин Шарп Ньютон из Си-эн-эн, Сьюзан Йеркс из «Сан-Антонио экспресс ньюс», Йан Каултер, Энджюс Каултер, Хитер Эллиотт, Гордон Грэм, Марко Пьер Уайт, Виктория Мэтер, Пенелопа Мортимер, Десмонд Эллиотт, Йан Гордон, Майкл Блох, Ингрид Сьюард из «Мэджести мэгэзин», Стивен Бирмингем, Боб Джером, Эндрю Нейл из «Санди таймс», Сьюзан Уоттерс из «Вименс веэр дейли», Джуди (Деметра) Грин, Роберта Клейн, Чарльз Хайгэм, Джулия Шу, Лисса Огест из «Тайм», Конни Брансилвер, Лестер Хаймен, Энн Ландерс, Люси Скардино, Кевин Макманус из «Таун энд кантри», Уоррен Роджерс, Джо Лейтин, Лилла Пеннант, Лесли Линдер и Норма Квайн, Николас Монсон, Стивен Хейзелер, Линдсей Маки, Рой Гринслейд, Хью Байгот-Уэбб, Магдален де Блакуайр, Ники Макуиртер из «Детройт ньюс», Джеймс Реджинато из «Вименс веэр дейли», Максайд Чампион, Лесли и Эндрю Кокбурн, Роберт Сэм Энсон, Мартин Перец из «Нью рипаблик», Дэвид Хьюм Кеннерли, Норман Мейлер, Энни Гроэр из «Вашингтон пост», Тони Эльюси, К. Вайат Дикерсон,

Терри Лихштейн (Эй-би-си Ти-ви), Эд Керран, Барри Иврингэм, Дэвид Коган из Рейтер, Кэролин Макдональд, Гилберт Мэтью, Максайн Мовинни (Джи-эм Ти-ви), Джоан Уорден, Уильям Китинг, Барбара Диксон, Сюзан Толчин, Мериэнн Минс из «Херст ньюспейперс», Эл Эйсель из «Зе хилл», Евангелина Брюс, доктор Нельсон Ланкфорд из Виргинского исторического общества, Присцилла Бейкер, Роберт М. Эйсенджер, Джиллиан Пачтер, Ронни и Эрни Поллард, Рики Морелл, Нэнси А. Поланд, Пенелопа Фартинг.

Кроме них, я хочу поблагодарить моего литературного агента Уэйна С. Кабака из «Интернэшнл криэйтив менеджмент», рыцаря без страха и упрека, которому даже в трудные времена не изменяют добродушие и ясный ум. Я высоко ценю его советы, а также дружескую поддержку, оказанную мне его женой Маршей Беркович и детьми, Викторией и Бенджаменом. Если бы не помощь сотрудников «Интернэшнл криэйтив менеджмент», работа над книгой, наверное, была бы мне в тягость. Особенно мне помогли неподражаемая Лаура Блауштейн, ассистентка Уэйна, и лондонский офис «Интернэшнл криэйтив менеджмент», где трудятся Данкан Хит и его помощница Люси Моррисон.

Нижайше кланяюсь «Уорнер букс» и ее энергичному производственному директору Лоренсу Дж. Киршбауму, главе «Тайм Уорнер трэйд паблицинг»; издателю, президенту и коммерческому директору Морин Иген; Крису Барбе — вице-президенту и менеджеру по сбыту и маркетингу; Эми Баттаглия — вице-президенту, менеджеру по связям с общественностью; Джеки Джойнер — помощнику президента; Харви-Джейн Коуэл —

вице-президенту и ответственному редактору; Дайане Люгер — ответственному художественному редактору; Марте Отис — вице-президенту, начальнику отдела рекламы; Карен Торрес — начальнику отдела сбыта; Нэнси Вайс — начальнику юридического отдела. От всей души спасибо опытному художественному редактору Соне Фогель и фотохудожнику Винсенту Вирге.

Литература — сложное ремесло, трудно стать писателем, не имея учителей. Моим учителем (и кумиром) был и остается Мервин Блок. Мы дружим уже двадцать лет, а я по-прежнему восхищаюсь его мастерством и умом. И пусть он бывал не в меру суров со мной, я все равно благодарна за правку красной пастой в моих черновиках, за его настойчивые требования писать короче, острее и яснее.

Когда я закончила рукопись, издатель прислал мне сокровище в лице Кэролин Блекмур. В Вашингтон она прибыла с намерением сделать кое из чего конфетку. И увезла, кроме кипы исчириканных листов, мою любовь и благодарность.

И самую глубокую признательность я хочу выразить моему мужу Джонатану Е. Цукеру, которому посвящена эта книга. Он вошел в мою жизнь пять лет назад, и с тех пор мое сердце наполнено радостью.

ГЛАВА 1

Принцесса Маргарет быстрым и твердым шагом покинула кинотеатр. Она не вынесла даже первых кадров «Списка Шиндлера». Она начала ерзать на сиденье, едва увидела, как догорают молитвенные еврейские свечи, оставляя лишь дым, — предзнаменование грядущего пепла. Принцесса наморщила нос, когда на экране заключенному еврею-ювелиру бросили пригоршню человеческих зубов — искать алмазы в дуплах. Кошмар разворачивался, и она все явственнее чувствовала себя не в своей тарелке.

Улицы оккупированного города, заполненные кричащими еврейскими арестантами, жестокими фашистскими солдатами, рычущими полицейскими собаками, вдруг опустели, на мостовой остались только распотрошенные саквояжи несчастных евреев, обреченных на смерть в концентрационных лагерях.

И в этот момент принцесса сорвалась с кресла.

«Я ухожу, — сказала она. — Ни минуты больше не выдержу».

Ее друзья очень удивились, но перечить не посмели. Они тотчас встали и вместе с Ее Королев-

ским Высочеством отправились в Кенсингтонский дворец, где принцессу ждали слуги.

«Больше не желаю слышать ни слова о евреях и холокосте, — заявила сестра королевы. — Ни единого слова. С меня хватит, в войну наслушалась. Довольно!»

Друзья Маргарет недоумевали: ведь она сама предложила ехать в кино. Неужели не подозревала, что «Список Шиндлера» — это рассказ об ужасах геноцида?

Где же им было знать, что принцесса недавно прочла критическую статью о фильме и была тронута образом доброго немца Оскара Шиндлера, который начинал войну, пожиная плоды мародерства, а закончил самоотверженным героем, которому удалось спасти великое множество человеческих жизней. Ах, если бы фильм был посвящен только его благородству!..

Маргарет Роуз, принцессе из правящего дома Виндзоров, уже перевалило за шестьдесят, и всю сознательную жизнь она была вынуждена отречься от своих немецких корней, отрицать, что в ее жилах течет саксен-кобург-готская кровь, уверять, что к потомству Вюртембергов и Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургов она не имеет никакого отношения.

Ее душу не бередили жгучие детские воспоминания об Англии времен блица*. В 1939 году, когда вспыхнула война, ей было всего девять лет. В шестьдесят четыре принцесса редко задумывалась о бомбах огромной разрушительной силы, о светомаскировке, о лишениях, которые они со стар-

* Имеется в виду так называемый лондонский блиц, ночные налеты немецких бомбардировщиков в 1940—1941 годах.

шей сестрой, королевой, были вынуждены терпеть, служа образцом для подражания тем, кому приходилось гораздо тяжелее. Она не жаловалась, что на ее долю не выпало нормального детства. Хотя нет, разок пожаловалась. Но лишь один-единственный раз.

В те далекие годы ее образ вдохновлял тринадцатилетнюю еврейскую девочку, скрывавшуюся от фашистов в Амстердаме. Чтобы не забыть о существовании иного, лучшего мира, Анна Франк украсила чердак, на котором вместе с семьей скрывалась два года, портретами принцессы Маргарет Роуз и ее сестры, принцессы Елизаветы. Но потом семью кто-то выдал гестаповцам, и ее, точно скот, в теплушке без окон отправили в Берген-Бельсенский концлагерь. Анна умерла там за месяц до освобождения Европы. После войны журналисты побывали в убежище Анны Франк, и с пожелтевших от времени плакатов им все еще улыбались маленькие английские принцессы.

Маргарет гордилась ролью, которую сыграла в войну, гордилась и своей мужественной сестрой, и храбрыми родителями, не пожалевшими труда, чтобы у мировой общественности сложилось самое лучшее впечатление о британском правящем доме.

В том, что принцессе Маргарет не понравился «Список Шиндлера» (и другие «скучные фильмы о холокосте»), виноват не Спилберг, а цепкий немецкий запашок, все еще витающий над ее семейством. Все секреты Виндзорского двора (алкоголизм, наркомания, эпилепсия, психические расстройства, гомосексуализм, бисексуальность, прелюбодеяния, супружеская неверность и уголовщина) бледнеют рядом с его связями с «Третьим рей-

хом». О тех связях немало могут поведать трофейные немецкие архивы, а также семейные дневники, письма и фотографии, что плесневеют за семью замками в подвалах Виндзорского замка. В те подвалы еще не скоро проникнут (и проникнут ли вообще?) жадные взоры историков. Сегодня мало кто помнит, что мать и отец принцессы Маргарет не испытывали особого желания тягаться с Гитлером и на посту премьер-министра Черчиллю охотно предпочли бы Чемберлена. Мировая общественность успела позабыть о том, что любимый дядя принцессы принял гитлеризм с распростертыми объятиями и назвал фашистскую Германию спасительницей Европы, а ее царственный кузен управлял концентрационным лагерем, за что впоследствии предстал перед судом как военный преступник. Маргарет Роуз этого не забыла — она всего лишь предпочла, чтобы некоторые зловещие «нюансы» истории семьи сохранились в секрете.

Все же принцесса оказалась недостаточно осторожна, и ее высказывания демонстрировали неосведомленность, поразительную для женщины, которая, по ее утверждениям, читала не меньше, чем работала. Несмотря на показное увлечение искусством и всюду декларируемую преданность балету и драме, Маргарет Роуз осталась невосприимчива ко всему, что лежало вне ее привилегированного кругозора. Она так и не попросила прощения за свои оскорбительные выпады, причинившие отношениям Британии и Индии огромный ущерб. (Принцесса изволила сказать, что ей «ненавистны эти коричневые пигмеи».) Вскоре после гибели ее кузена лорда Льюиса Маунтбаттена от рук боеви-

ков из ИРА она примерно в том же духе выразилась насчет населения Ирландии. «Свиньи! Все они свиньи», — сказала она мэру Чикаго, ирландцу по крови, во время своего визита в Америку. Когда ей представили известную и всеми уважаемую журналистку Энн Ландерс, Маргарет посмотрела на нее в упор и осведомилась: «Вы случайно не еврейка?» Как только журналистка ответила утвердительно, принцесса утратила к ней всякий интерес. Встреча с доктором Чедди Джаганом*, президентом Гайаны, вызвала у нее бурное отвращение: «Он — олицетворение всего того, что я презираю. Во-первых, он чернокожий, во-вторых, у него жена еврейка, к тому же американская».

Покинув кинозал, где демонстрировался «Список Шиндлера» («скучное кино про евреев»), она посоветовала своему дворецкому не тратить деньги на фильм, удостоенный награды Академии киноискусства.

«Такие фильмы, как этот «Список Шиндлера», лишь распалют нездоровое любопытство, — высказалась принцесса на другое утро, когда дворецкий прислуживал ей за завтраком. — Это было так отвратительно, так мерзко! Мне пришлось встать посреди сеанса и уйти».

Как всегда, дворецкий терпеливо выслушал, затем поклонился и ушел в кладовую. Впоследствии он повторит слова своей госпожи американке, которая спросит, не смущали ли его эти высказы-

* Чедди Джаган родился в Британской Гвиане (ныне Гайана) в семье гайанского крестьянина индийского происхождения. Профсоюзный и политический деятель левого толка, создатель и лидер Народной прогрессивной партии Гайаны, автор ряда книг о марксистском движении в странах Карибского бассейна. С 1953 года возглавляет правительство Гайаны.

вания принцессы Маргарет. Похоже, вопрос американки всерьез его озадачил.

— О нет. Ведь вы не понимаете! Принцесса — особа королевской крови. Королевской!.. — повторил он благоговейно. — Она принадлежит дому Виндзоров — самой выдающейся династии в мире. Она — дочь короля и сестра королевы. Это почти предел того, что может достичь человек на этой земле.

— Вы хотите сказать, что особы королевской крови, тем паче в Англии, непогрешимы? Принцесса Маргарет вне критики только потому, что она — принцесса?

— Она — особа королевской крови, — повторил дворецкий.

— И потому ее слова и поступки не подлежат обсуждению?

— Короли — это короли, — торжественно изрек дворецкий. — И этим все сказано.

ГЛАВА 2

В некие времена дом Виндзоров был всего лишь плодом фантазии, игры воображения придворных. Эта династия появилась на свет в 1917 году, чтобы скрыть германское происхождение короля и королевы, и фокус удался на славу. Подданные, презиравшие немцев, не усомнились в том, что их монархи — истинные англичане.

А до тех пор многие английские короли даже не говорили на «королевском английском». Они говорили только по-немецки, ибо почти двести лет — с 1714 года до нашего столетия — Британской империей правила длинная череда немцев. К 1915 году Англия наконец приобрела короля, способного изъясняться по-английски без немецкого акцента. Звали его Георг V*. И хотя по крови Георг был немец саксен-кобург-готской ветви, что обосновалась в Англии за восемьдесят лет до восшествия на престол Георга V, сам он считал себя несомненным британцем. Правда, его подданные,

* Георг III говорил по-английски, но для него это был второй язык. Он предпочитал разговаривать по-немецки.

ненавидевшие Германию, немцев и все немецкое, почему-то не были в этом убеждены.

С годами англичане все больше проникались страхом перед прусской военщиной. Особенно усилился этот страх к началу двадцатого века. Британия ясно видела грозовую тучу, надвигающуюся со стороны кайзеровской Германии. И была «сыта по горло бряцанием немецких сабель», по выражению Джорджа Бернарда Шоу. Первую мировую войну простые англичане считали войной против Германии.

Газеты печатали свидетельства нарастающей жестокости немцев, которые бомбили незащищенные города и истребляли гражданское население. В 1915 году злодеяния германцев потрясли мир. Кайзеровские подводные лодки топили пассажирские суда, и заголовки английских газет кричали о «походе новых гуннов» и «дамокловом мече, нависшем над цивилизацией». Росли списки павших на французских полях сражений, все труднее жилось населению Англии, все сильнее оно ненавидело свирепых иноземцев.

Короля Георга встревожило, что его подданные кромсают мясников с немецкими именами и жгут дома ни в чем не повинных владельцев такс. В ту пору оказались под запретом и немецкие хрустящие соленые крендельки, а в концертных залах перестали звучать симфонии Моцарта и Бетховена.

Впрочем, эта антипатия не была характерна только для Великобритании. Неутолимая ненависть ко всему немецкому распространилась подобно заразе по Европе и достигла Америки, где Голливуд выпустил пулеметную очередь фильмов с такими сокрушительными названиями, как «Кайзер — берлинский зверь», «К дьяволу кайзе-

ра» и «Волки культуры» (в последнем названии слово «культура» писалось по-немецки).

Король Англии сожалел об «истерии и шумихе», отзывался о поведении иных своих подданных как о ребяческом и недостойном, но мало кто внимал его сетованиям. Воображением общества прочно завладел образ отвратительного гунна — мучителя, насильника, грабителя, убийцы невинных.

Его Величество настолько смутили умонастроенная темпераментных соотечественников, что он даже не осмелился защитить своих родственников с немецкой кровью в жилах. Он молчал, когда его любимого кузена поносили за немецкую фамилию. А ведь когда стало ясно, что избежать столкновения с кайзером не удастся, принц Льюис Баттенберг, занимавший пост первого лорда Адмиралтейства Великобритании, так быстро и эффективно организовал его работу, что начало войны Англия встретила в полной боеготовности. Но Баттенберга, обританенного немца, это не спасло. Ведь он родился в Германии, говорил с немецким акцентом, носил немецкую фамилию, брал на службу немцев и владел поместьями на родине.

И хотя он был предан английской короне, даже титул принца крови не спас его от отставки. Последнее оскорбление он получил от короля — Георг велел ему сменить фамилию. Полностью раздавленный, принц Льюис покорно переделал фамилию Баттенберг (berg по-немецки — гора) в менее заковыристую для языка англичанина — Маунтбаттен.

Король пытался утешить своего кузена приобретением его к английской высшей аристократии, и тот, желая, чтобы его дети выросли пэрами, согласился принять титул маркиза Милфорд-Хейвенского, но до конца своих дней терзался стыдом

из-за того, что как бы отрекся от своих предков. Как бы то ни было, он сохранил чувство юмора. У его сына в книге визитов сохранились отцовские записи: «9 июня: прибыл принц Хайд. 19 июня: отбыл лорд Джекиль».

Его младший сын и тезка, Льюис, был потрясен, узнав, что родителю пришлось уйти в отставку. «Это было совершеннейшим абсурдом, — вспоминал он. — Мой отец сорок шесть лет отдал королевскому флоту. Он был британским офицером до мозга костей, и мы всегда считали себя типично английской семьей. Конечно, мы никогда не забывали наших немецких родственников — как же иначе? Никому из нас и в голову не приходило стыдиться их, совсем напротив. Мы — очень старинный род и гордимся этим. Отец достиг высшего поста в Адмиралтействе только благодаря своим талантам и предприимчивости. И вдруг его карьера рухнула из-за нелепого подозрения, что в душе он сочувствует тем самым людям, от которых бежал в Англию!»

Потом король занялся чисткой остальной своей немецкой родни. Подобно мифологическим монархам, которых всюду сопровождал магический ореол, Его Величество Георг V знай себе помахивал чудодейственным скипетром. И вот в одночасье его шурин герцог Текский стал маркизом Кембриджским, а Александр, принц Текский, — графом Атлонским. Одно движение королевской волшебной палочки уничтожило все следы Мекленбург-Стрелицев, Гессенов и Веттинов в родословной британского властелина. Гадкие немецкие утята обернулись прекрасными английскими лебедями. Тевтонские герцоги, эрцгерцоги и князья молниеносно превратились в британских маркизов.

Но король чувствовал: чтобы выжить, его династии необходимо утратить всякое сходство с кайзеровской империей. Личным указом он позволил своим родственникам вступать в брачные узы с английской знатью.

Это привело к тому, что младший сын Георга, носящий в кругу семьи прозвище Берти, не моргнув глазом попросил руки и сердца у одной смазливой девицы. Красотка всюду представлялась дочерью шотландского графа, хотя ее мать, по слухам, была родом из Уэльса и графу приходилась не женой, а лишь одной из многочисленных служанок. Официальные круги так и не подтвердили этот факт, но и не опровергли слухи. В 1923 году Берти и коммонер* Элизабет Боуэс-Лайон поженились, и, как ни странно, этот брак обеспечил английскому трону вожде ленную устойчивость и хранил династию на протяжении нескольких поколений.

В Первую мировую войну умы бередила кровавая роль кузена Георга V — принца Альберта Шлезвиг-Гольштейнского, коменданта расположенного близ Берлина лагеря военнопленных.

«Но ведь он, по сути, не сражается на стороне Германии, — защищался король. — Он лишь отвечает за лагерь, где содержат пленных англичан».

«Очень милое различие!» —отреагирует на это позднее премьер-министр Асквит. Его преемник Ллойд Джордж окажется еще более прямодушен. Получив королевское приглашение в Букингемский дворец, он повернется к секретарю и произнесет: «Интересно, что мне хочет сказать мой немецкий дружок?» Неприязнь премьера пере-

* В Англии — нетитулованное лицо.

дастся чиновникам его аппарата, которые однажды заставят личного секретаря Его Величества — лорда Стамфордэма долго ждать на деревянном стуле в приемной и не соблаговолят подняться, когда он войдет. Личный секретарь короля не подаст виду, что заметил неучтивость. «Мы все — слуги, — скажет он потрясенным придворным, — хотя некоторые из нас более важны, чем другие».

Лорд Стамфордэм, секретарь и доверенное лицо еще королевы Виктории, был без преувеличения одним из самых важных слуг дома Виндзоров. Он служил и наследнику королевы Виктории, королю Эдуарду VII, который доверил ему воспитание своего юного сына Георга. «Он меня учил быть королем», — рассказывал тот впоследствии о своем наставнике.

Именно лорду Стамфордэму досталась незавидная миссия — сообщить королю Георгу о беде Д. Г. Лоуренса, вынужденного скрываться из-за брака с немкой. Любимый всеми писатель имел неосторожность жениться на сестре немецкого военного летчика Манфреда фон Рихтгофена — легендарного Красного барона, сбившего в Первую мировую войну восемьдесят аэропланов союзников. После свадьбы Лоуренс и его жена Фрида подверглись такой травле, что им пришлось искать убежища в английской сельской местности. Они прятались в сараях и хлевах, как животные.

Эти новости совершенно не понравились королю, тоже женатому на немке. Но умница Мария Текская, говорившая по-английски с легким придыханием, при каждом удобном случае заявляла, что она «англичанка с головы до пят». Незамедлительно из писем короля к кайзеру Вильгельму II, верховному главнокомандующему вооруженных

сил Германии, превративших пол-Европы в выжженную пустыню, исчезло обращение «любезный кузен Вилли». После этого ненавидящие немцев подданные Георга V, избегавшие открытых упоминаний о сексе, стали звать мужской половой орган «Вилли».

Англия до такой степени прониклась ненавистью к немцам, что королева-мать попросила сына снять с дворцовой часовни кайзеровские флаги. «Обычно я не вмешиваюсь в твои дела, но сейчас, кажется, обязана сказать свое слово, — писала королева Александра. — В высшей степени неблагоприятно позволять, чтобы над Виндзорским замком, над часовней Святого Георгия, развевались отвратительные стяги Германии».

Королева-мать адресовала это письмо своему «любимому малютке Георгу» после того, как «Дейли мейл» прошла насчет «восьми флагов вражеских императоров, королей и принцев», красующихся на почетном месте в Виндзоре. «Пока остаются эти гнусные знамена, молитвы возносятся и за их владельцев! — бушевала газета. — О чем только думают королевские советники?!»

Король не обращал внимания на критику, пока ею не увлеклась «драгоценная мамочка». А когда это произошло, ничего не оставалось, как снять флаги. «Иначе, — сказал он другу, — народ возьмет часовню штурмом».

И после этого король и его семейство всерьез занялись военными действиями. Георг отправил сыновей на западный фронт. Принц Уэльский Эдуард, которого в семье звали Дэвидом, служил во Франции, а принц Альберт (Берти) — на линкоре ВМФ Великобритании «Коллингвуд». Король ввел сухой закон и распорядился о строго норми-

рованной выдаче продовольствия во дворце, чтобы дать нации положительный пример.

В марте 1917 года его кузен, русский император Николай II («дорогой Ники») был вынужден отречься от престола — помимо всего прочего, потому, что был женат на немке, которая являлась, по выражению короля, «виновницей хаоса, воцарившегося в России».

Королевский конюший высказался в этом отношении куда нелюбезнее: «Императрица не только по рождению бош, но и по убеждениям. Из кожи вон лезла, чтобы примириться с Германией, и теперь ее считают изменницей или опасной психопаткой, а бывшего императора — преступником и тряпкой за то, что ей потакал».

Похоже, только этих слов и ждал король. Заботясь о спасении лишь собственного трона, он вмиг забыл о нежной дружбе, которую совсем недавно испытывал к «любимому кузену». Когда царь попросил убежища для себя и своей семьи, король решил вежливо запретить им въезд в Англию. И то сказать: зачем ему русский империализм, да еще с немецкой подарочной лентой? А посему он написал кузену, что не советует ему и его семье «выбирать резиденцию именно в этой стране». Взамен свергнутому самодержцу было предложено попытать счастья в Испании или на юге Франции. Русские революционеры поняли это однозначно: король не применит военную силу ради спасения своих родственников. И вскоре брошенный на произвол судьбы царь был схвачен и отправлен в Сибирь вместе со всей семьей.

Но за свою трещавшую по швам монархию король в ту пору готов был сражаться не на жизнь, а на смерть. Его возмущали шпильки насчет немец-

кой родословной и доводили до бешенства карикатуры Макса Бирбома*, изображавшего своего короля фигурой столь же зловещей, сколь и комичной. Георг V вышел из себя, когда один лейборист в парламенте обозвал его «немецким мясником», и взорвался, когда с легкой руки Г. Дж. Уэллса к нему прилипла кличка Иностранец. В открытом письме газете «Таймс» английский журналист и писатель предвещал близкий конец древних фетишей наподобие трона и скипетра. Он бичевал саксен-кобург-готскую династию и называл ее «бездушным иноземным двором».

«Может, я и бездушный, — кипятился король, — но разрази меня гром, если я иноземец!»

Тогда-то он и решил защитить себя и свой дом от того, что ему казалось ужасной немецкой заразой. Продемонстрировав самое неподражаемое волшебство со времен кудесника Просперо, он утвердился в своих божественных правах. Для этого ему пришлось повторно креститься и взять новую фамилию, звучнее и мелодичнее которой вряд ли можно найти во всем английском языке. Во всяком случае, придворные Георга V потратили недели, чтобы перелицевать монархию на чисто английский фасон.

Наконец лорд Стамфордэм отыскал подходящий вариант и обеспечил династии место в новейшей истории. Да, именно ему нынешние английские короли обязаны фамилией Виндзор. В этом единственном слове нашлось то, что требовалось Георгу V, — бравурный мотив, созвучный с историей, уходящей корнями к Вильгельму Завоевате-

* Генри Максимилиан Бирбом (1852—1956) — английский писатель и художник-карикатурист.

лю. Ибо Виндзорский замок, самый яркий символ Британии, на протяжении восьми веков служил родовым гнездом английским монархам. И хотя немногие из королей там жили, некоторые встретили в Виндзорском замке свою смерть, а девять усопших погребены в королевском склепе. Этого имени было достаточно, чтобы вернуть блеск потускневшей короне.

Провозглашение Виндзоров правящим родом Британии состоялось 17 июля 1917 года, а на другой день на первых полосах английских газет появился соответствующий указ Его Величества. Пресса послушно сообщила о том, что король отказался от своей немецкой фамилии и всего германского наследия, и отныне его и всех остальных потомков королевы Виктории надлежит звать не иначе как дом Виндзоров.

А в Соединенных Штатах об этом знаменательном событии упомянула только «Нью-Йорк таймс», и то на девятой полосе. В той статье «Нью-Йорк таймс» утверждала, что «переименование» было одобрено на собрании самого большого тайного королевского совета в истории британской монархии, и на этом же совете была предложена фамилия Виндзор, по названию англосаксонской крепости, где легендарный король Артур сидел среди рыцарей Круглого стола. Должно быть, писала газета, советники Георга V исходили из соображений «исторической преемственности, возрождения древнего рыцарского духа». Американская газета хвалила английского короля за «удачный выбор почтенного имени для своего рода».

Германия же восприняла эту новость куда менее снисходительно. Кайзер высмеял своего донкихотствующего родственника и заявил, что презабавней-

шую пьесу «Саксен-кобург-готские насмешницы» он посмотрит с наслаждением*. Но даже кайзер понимал, что в политике невозможно обойтись без уступок. «Монархия — все равно что девственность, — говорил он. — Потеряешь — не вернешь».

Как бы то ни было, через девятнадцать лет он отомстил. Когда умер английский король, в Виндзорский замок на похороны своего родственника прибыл герцог Саксен-Кобург-Готский. Герцог щеголял фашистским мундиром.

Георг V никогда не колебался в своих поступках. Чтобы спасти престол, он весьма практично обрубил свои немецкие корни, а потом систематически отрекался от иноземных родственников. Он не раскаялся, даже когда из России пришла весть о том, что большевики вывезли в Екатеринбург и жестоко казнили царя с царицей, четырьмя дочерьми и юным наследником.

«Какое гнусное убийство! — написал он в дневнике, который заботливо вел для потомства. — Я так любил бедного Ники. Он был добрейшим человеком, истинным джентльменом».

Держась на безопасной дистанции, Георг V сохранил на голове корону и два десятилетия с честью правил домом Виндзоров. Во всяком случае, после войны не было громких скандалов, связанных с его именем. Как и его бабка — королева Виктория, он проявил качества, ценимые англичанами превыше всего: чувство долга и пунктуальность. Подданные видели в нем простого и достойного человека, чьи вкусы не отличались от вкусов большинства обывателей.

* Намек на комедию Шекспира «Виндзорские насмешницы».

Вступая во взрослую жизнь, будущий король получил титул герцога Йоркского и семнадцать лет посвятил стрельбе по шотландским куропаткам. Прямым наследником он стал, когда умер его старший брат — герцог Кларенский. Даже после этого события Георг требовал стрелки всех часов ставить на час вперед, чтобы не опаздывать на охоту. Ему бы родиться типичным сельским сквайром — он исходил пешком все двадцать тысяч акров своего норфолкского поместья. Жену обожал, дочь баловал и терроризировал пятерых сыновей. «Я боялся отца, и будь я проклят, если не позабочусь о том, чтобы мои дети боялись меня», — говорил он.

Его образование оставляло желать лучшего. Читал он мало, от посещений театра уклонялся и не слушал классической музыки. На досуге он с удовольствием лизал марки и с детской аккуратностью наклеивал их на страницы синих кожаных альбомов. Перед смертью Георг V имел возможность полюбоваться огромной коллекцией марок стран, в которых ему никогда не хотелось побывать. Он носил прозвище «Король-мореход», но ни разу не путешествовал ради новых впечатлений или развлечений. «За границей ужасно, — говорил он. — Я знаю, я там бывал». Поэтому его путешествия в основном служили военным целям. В 1911 году он сделал исключение из этого правила, короновавшись в Индии, и в 1913 году посетил родственников в Германии.

«Георг V, мой отец, гордится тем, что его нога никогда не ступала на землю Соединенных Штатов», — сказал его старший сын.

«Слишком далеко», — пояснял король.

Таковыми же он вырастил и детей. Позднее его старший сын, принц Уэльский, который станет гер-

цогом Йоркским, до такой степени устыдится отцовского невежества, что откажется от обещания написать книгу воспоминаний о королевской семье, сказав издателю: «Я не хочу, чтобы всему миру стало известно, какие мы неучи». Однажды принц Уэльский опозорился на банкете — выяснилось, что он не знает имен сестер Бронте, проживших очень недолго, но успевших написать «Джен Эйр» и «Грозовой перевал». Они считаются классиками английской прозы. Принц Уэльский, неохотный до чтения, не ведал даже, как произносится их фамилия. «Кто такие Бронты?» — осведомился он.

Не разбираясь в психических заболеваниях, он считал позором состояние рассудка своего младшего брата, принца Джона. Последний из шести детей монарха, Джон отставал в умственном развитии и страдал эпилепсией. В раннем возрасте его тайно разлучили с семьей и поселили на ферме в Сандринхемском поместье, где он и умер в 1919 году, в возрасте тринадцати лет.

Необразованность не помешала Георгу V заслужить глубокое уважение подданных за серьезное отношение к королевским обязанностям, за многочисленные военные мундиры и умилительную привычку красоваться в них на парадах. Обыватели видели в нем отца нации и персонификацию их ценностей. Англия захватила столько земель, что под ее властью оказалось больше четверти земного шара и добрая четверть населения мира. Георга V это сделало последним из величайших императоров. В годы его правления над Британской империей никогда не заходило солнце.

Георг V скончался в 1936 году, когда его беспокойная нация стояла на пороге новой войны с Германией, — войны, которой было суждено по-

ложить конец мировому господству Англии. И стены замка, построенного им на песке иллюзий, — дома Виндзоров — сразу покрылись трещинами под таранными ударами скандалов.

Последние два года жизни королю отравили мучительные раздумья о наследнике. Он с ужасом думал о том, что монархия окажется в руках его безрассудного сына, который прожил сорок один год, но все еще не удосужился жениться. У принца Уэльского четырнадцать лет длилась связь с чужой женой, а теперь ему вскружила голову другая замужняя дама, один раз развопившаяся, американка Уоллис Уорфилд Симпсон. Миссис Симпсон уже воображала себя очередной английской королевой.

В те дни даже мысль о том, что в королевскую семью может войти человек с разводом в жизненном багаже, была святотатственной, и король отказал в приеме «порочной любовнице» своего сына. За намерение сделать разведенку родственницей королей принц Уэльский подвергся остракизму. Когда Его Величество понял, что смерть близка, он взял с жены клятву не принимать у себя презренную миссис Симпсон. Королева, для которой Георг V был больше чем мужем («Он мой всемогущий Господь и суверен»), выполняла его завет до конца своих дней.

Незадолго до кончины Георг V проклинал законы первородства — они не позволяли его второму сыну, состоявшему в прочном браке, унаследовать престол. Хотя заикание и косноязычие Берти неопишимо раздражали отца, он был готов на все, чтобы оградить корону от принца Уэльского и его распутства.

«После моей смерти, — изрек он, — мальчик не продержится и двенадцати месяцев». Прогноз Его Величества оказался точен.

Он хотел, чтобы трон достался младшему сыну, а затем любимой внучке Елизавете, прозавшей его «дедушка Англия», так как он любил повторять, что национальный гимн («Боже, храни короля!») — его песня. Елизавета часто сиживала у деда на коленях, ерошила ему волосы, теребила бороду и таскала с его тарелки еду для своих уэльских собачек. Иногда шалунья заставляла старика опускаться на четвереньки и изображать лошадку. Дряхлеющий король души не чаял в старшей внучке и выносил ее на балкон Букингемского дворца, чтобы она послушала рев восторженной толпы. «Знай, они приветствуют тебя», — говорил он ей. Позже он скажет конюшему по секрету: «Молю Господа, чтобы старший сын (Эдуард) не женился и не наплодил детей и чтобы никто не встал между Берти с Лилибет и тронем».

Безнадежно больной Георг V скончался в понедельник 20 января 1936 года, без пяти двенадцать ночи. Это событие приблизил лорд Доусон, введя королю смертельную дозу кокаина с морфием. Придворный хотел, чтобы король преставился до полуночи, — тогда о его уходе из жизни первой сообщила бы утренняя «Таймс», а не менее престижные вечерние газеты. Монарх, переименовавший свою династию, умер, повинувшись сроку выхода газет.

Таково наследие дома Виндзоров — словно марионетке в дешевом балаганчике, ему судьбой начертано то взлетать, то падать на радость газетчикам.

ГЛАВА 3

Уинстон Черчилль попыхивал сигарой и размышлял над проблемой, которая угрожала перерасти в конституционный кризис. Новый король Эдуард VIII желал объявить о своей помолвке с американкой Уоллис Уорфилд Симпсон.

— И почему бы не позволить королю жениться на его профурсетке? — спросил Черчилль.

— А потому, — отрезал драматург Ноэль Коуард, — что Англии не нужна королева-профурсетка.

Новый король, которому исполнился сорок один год и который еще ни разу не был женат, вознамерился повести свою пассию под венец, как только она разведется со вторым мужем. Он хотел, чтобы ее возвели в достоинство консорта. Но британский истеблишмент, не желавший видеть Уоллис на английском престоле, выступил решительно против. Премьер-министр Стэнли Болдуин высказался со всей откровенностью: «Возмутительна сама мысль о том, что американка, потерпевшая фиаско в двух браках, может оказаться женой нашего монарха и королевой Британской империи».

Король упорствовал, доказывая, что общественное мнение на его стороне. Тогда премьер-министр организовал референдум премьер-министров Содружества и сообщил о результате: Эдуард VIII должен отречься либо от миссис Симпсон, либо от короны.

«На что мне корона, — отозвался Его Величество, — если рядом со мной не будет Уоллис?»

Не прошло и десяти месяцев после восхождения Эдуарда на престол, как он отказался от короны. О своем отречении он сообщил по радио 11 декабря 1936 года. Черчилль помог ему написать речь. Вечерний радиорепортаж из Виндзорского замка слушали во всех странах, где художественно знают английский язык. В Нью-Йорке таксисты спешили приткнуть машины к тротуару, чтобы послушать исповедь короля. А тот утверждал, что не может продолжать править Британией без помощи и поддержки любимой женщины.

Английская общественность, узнавшая о кризисе считанные недели назад, засыпала форт Бельведер* телеграммами, умоляя короля: «Останьтесь с нами. Не покидайте нас!» Народ рыдал, слушая, как его властелин отказывается от трона. «Нас ограбили!» — причитали газеты Бивербрука**.

Журналист Х. Л. Менкен написал: «Это самая грандиозная сенсация со времен воскрешения Христа».

Шесть месяцев спустя, когда Эдуард уже состоял в браке с миссис Симпсон, королева Мария на-

* Принадлежащий британской короне особняк XVIII века под городом Саннингдейл; в 1936 году был резиденцией Эдуарда VIII.

** Имеется в виду издательский концерн «Бивербрук ньюспейперс лимитед», основанный в 1910 году бароном Бивербруком.

писала в своем дневнике: «Отказаться от всего этого — ради ЭТОГО!!!» Премьер-министр повторил шутку из водевиля: «Он был адмиралом королевского флота, а теперь он третий помощник на торговом американском корыте».

Человек, которого в семье звали Дэвидом, родился Его Королевским Высочеством принцем Эдуардом Альбертом Христианом Георгом Эндрю Патриком Дэвидом. Все двадцать пять лет до своего восхождения на престол он был самым популярным принцем Уэльским в истории. В каждой стране, где он побывал, его сочли галантным, очаровательным рыцарем с гипнотическим взглядом грустных синих очей и прекрасными светлыми кудрями. Где бы он ни странствовал, молодого человека сопровождал ореол царственной магии, и люди благоговейно склонялись в его присутствии. Он был одним из самых любимых народом наследников трона, оказавших своим существованием честь Британской империи.

«Наверное, никто в нашей истории не был отмечен печатью королевской власти в такой степени, как этот молодой принц; никому больше не дано было создать такие прочные узы сочувствия и симпатии между нашей родиной и миллионами людей за рубежом, — писала Фрэнсис Дональдсон, правдивый и добросовестный биограф Эдуарда VIII. — Чувство, питаемое к Англии, невозможно объяснить только нашими политическими или экономическими преимуществами, и нет никаких сомнений в том, что британская монархия сыграла величайшую роль в объединении этих столь несхожих между собой наций».

В обществе такого выдающегося человека, как принц Эдуард, женщины трепетали. Их приводи-

ли в экстаз даже встречи с его знакомыми. Вовсе не случайно тогда родились популярные стихи: «Я танцевала с тем, кто танцевал с той, что танцевала с принцем Уэльским».

Одна из этих женщин была дочерью шотландского графа. Речь идет о леди Элизабет Анджеле Маргарет Боуэс-Лайон. Девятую из десяти детей, ее избаловала донельзя, даже испортила отцовская снисходительность. Как и многие сверстницы, она была малообразованной, но знала толк в искусствах, необходимых для удачного замужества. Все же в двадцать три года она еще не успела побывать под венцом, хотя большинство ее родовитых подруг уже вступили в брак. На ее знакомство с принцем Эдуардом, считавшимся в ту пору самой яркой личностью эпохи, «Дейли ньюс» от 5 января 1923 года отреагировала так: «Шотландская невеста для принца Уэльского. Наследник трона женится на дочери пэра?»

Газета не назвала ее имени, но и так было ясно, о ком идет речь. «Будущая королева Англии — дочь известного шотландского дворянина, владельца замков к югу и северу от Твида».

«Мы все ее дразнили: кланялись, расшаркивались, называли ее «мадам», — писал в дневнике Генри Ченнон. — Она была самой нежной, милой и красивой девушкой на свете, но в тот вечер она мне показалась рассеянной и огорченной. Она знала, что ее роман с принцем Уэльским — не более чем газетная утка, и как назло через несколько дней вышло опровержение: «Мы официально уполномочены заявить, что сведения о... не соответствуют действительности».

И только в преклонные годы она призналась другу, что была всего лишь одной из многих мо-

лодых дурочек, которые в двадцатые без памяти влюбились в принца Уэльского. «Он был такой милый, — сказала она и добавила: — Тогда».

Но в то время принц интересовался исключительно замужними женщинами — худыми и прямыми, как жердь, похожими, как и он, на гермафродита, страдающего несварением желудка. Спелые формы Элизабет Боуэс-Лайон не привлекали его ни в малейшей степени. Если на то пошло, спустя годы он и его супруга наградили Элизабет шутливым прозвищем Пампушка за немодную полноту и любовь к съестному.

В апреле 1923 года Элизабет вышла замуж за Берти — герцога Йоркского, младшего брата принца Уэльского. Перед этим он сватался к леди Морин Стэнли и получил отказ. Берти страдал очень серьезной формой невроза — он заикался, веки его все время дергались, а мышцы вокруг рта не подчинялись сигналам мозга. «Элизабет Боуэс-Лайон была полна решимости породниться с королевским семейством, — писал ее биограф Майкл Торнтон, — так что после третьего предложения герцога она вспомнила поговорку: «Лучшее — враг хорошего». Однажды я спросил герцога Виндзорского, почему даже столько лет спустя не угасает ненависть королевы-матери к герцогине. «Ревность, — ответил он. — Как бы сказать поприличнее... Она сама хотела выйти за меня». Разумеется, сейчас, по прошествии стольких лет, ее друзья это отрицают, но я ручаюсь за точность слов, произнесенных устами герцога незадолго до его смерти».

В 1936 году, по отречении короля Эдуарда VIII от трона, на сцену вышел его младший брат, Альберт (в кругу семьи — Берти). Чтобы подчеркнуть верность идеалам своего венценосного отца, он

стал королем Георгом VI. Исполнилась самая сокровенная мечта его супруги, которая в детстве обожала играть в королеву. Народ узнал об этом из кинохроник и радиопередач, однако церемонию в Вестминстерском аббатстве сочли слишком священной, чтобы транслировать по радио. Архиепископ Кентерберийский испугался, что слушатели в пабах забудут снять шляпу.

Заняв престол, новый король Георг VI исполнился решимости удержать старшего брата подалеже от Англии во избежание соперничества двух дворов. Черчилль советовал назначить герцога Виндзорского губернатором Багамских островов, но король воспротивился, так как королева считала даже эту незначительную должность слишком жирным куском для Виндзоров.

«Королева хотела содрать с них все титулы и вытупить в шею, — утверждал Майкл Торнтон. — Она была такой мстительной, что даже отправила письмо в Министерство колоний лорду Ллойдю: дескать, если герцогиня Виндзорская, знаменитая своей привычкой менять мужей как перчатки, станет супругой губернатора на Багамах, то на гордое британское знамя ляжет несмываемое пятно позора».

Сэр Уолтер Монктон, придворный, выступавший в роли посредника, тоже разгадал мотивы королевы. В его дневнике осталась запись: «Думаю, королева считала крайне нежелательным предоставление герцогу какой бы то ни было сферы деятельности. Мне и тогда казалось, и сейчас кажется, что для нее это была вполне естественная мера предосторожности: ведь герцог Виндзорский, по которому всегда равнялись его братья, был личностью привлекательной, энергичной, и вокруг него легко могли сплотиться те, кто относился

критически к новому королю, далеко не столь обаятельному».

И все же, несмотря на противодействие королевы, герцог Виндзорский получил губернаторскую должность. «Местью она насладилась позже, позаботясь о том, чтобы перед герцогиней Виндзорской не склонялись в реверансах, чтобы к ней не обращались «Ваше Королевское Высочество», — свидетельствует Торнтон. — Королева приложила руку к появлению жалованной грамоты, той самой, по которой герцогу Виндзорскому присваивались «титул, стиль и атрибуты Королевского Высочества», тогда как его жене и потомкам не доставалось ни того, ни другого, ни третьего».

Король обращался к герцогине «миссис Симпсон», а королева за глаза ее звала не иначе как «та женщина». Вместе Их Величества проинструктировали лорда Чемберлена, чтобы он по телеграфу оповестил всех членов кабинета министров о новых правилах. Вот текст телеграммы из Букингемского дворца:

«Несомненно, вы осведомлены о том, что дама, представляемая герцогу Виндзорскому, должна делать полуреверанс. Титул же герцогини Виндзорской таковых почестей не предусматривает. К герцогу следует обращаться «Ваше Королевское Высочество», а к герцогине — «ваша светлость».

Герцог Виндзорский адресовал Уинстону Черчиллю письмо, полное страсти и горечи:

«...Я против нашего знаменитого придворного этикета... посредством коего король (или правильнее будет сказать — королева?) лишает герцогиню ранга члена королевской семьи. Я совершенно уверен, что, если бы и ваша супруга подверглась столь ревнивому и мстительному третированию...

вы испытывали бы точно такое же, как я, нежелание служить короне...»

Прежде на жену любой титулованной особы распространялись придворные блага. Этикет оставался неизменным десятилетия — пока не понадобилось отвести от престола герцогиню Виндзорскую. Если дважды разведенная американка не годится в королевы Англии, то она не украсит собой и столь уважаемое общество, как августейшее семейство. Так что до кончины ее мужа никто не проявлял к ней снисхождения, да и после максимум того, на что она могла рассчитывать, — это натянутая вежливость. «Они были любезны и тактичны, — рассказывала она, — но холодны. Очень холодны». Герцогиня Виндзорская пережила своего последнего мужа на несколько лет и, одинокая, дрожащая от старческой слабости, умерла, когда ей было девяносто.

Задолго до восшествия на престол Елизавета вместе с супругом взяла на себя ответственность за восстановление репутации королевской семьи. Флегматичные, чопорные, они разительно контрастировали с наследником трона, который упивался шампанским в форте Бельведер и предавался милым чудачествам вместе со своими замужними любовницами. Йорки, или Бетти и Берт, как звали их иные газеты, казалось, олицетворяли собой прелесть семейной жизни. Елизавета всячески укрепляла этот образ, позируя художникам, наливая чай гостям и выгуливая в парке корги. Она предложила леди Синтии Асквит написать «Жизнь герцогини Йоркской в замужестве»; на титульном листе книги можно прочесть: «Записано и издано с личного одобрения Ее Королевского Высочества». Родив первого ребенка, она позволи-

ла мисс Энн Ринг, ранее служившей при ее дворе, опубликовать «Историю принцессы Елизаветы, рассказанную с позволения ее родителей». С этих вычурных названий начиналось зарождение мифа, который поднял авторитет королевы Елизаветы на недостижимую высоту.

«Все это приемы иллюзионистов, зеркала и только», — выдаст впоследствии Ноэль Коуард хитрую тайну царственного мифотворчества. Но вместо зеркал Елизавета умело пользовалась перьями экзотических птиц, обворожительной улыбкой, ласковым голосом и сверкающей тиарой. Магия этих ингредиентов делала ее поистине неотразимой.

Она родилась в 1900 году, при королеве Виктории, и пережила многих монархов и премьер-министров. Она увидела две мировые войны и превращение великой Британской империи в зыбкое Содружество наций. В преклонные годы ее чествовали, как блистательный символ славного прошлого. Она сама была историей — звеном золотой цепи, которая связывала поколения англичан с самыми светлыми воспоминаниями о временах, когда слова «долг», «отвага», «стойкость» еще что-то значили.

С малых лет она понимала, как сильно воздействует на воображение общества дворцовая символика, все эти реверансы, мундиры, гарцующие всадники в высоких меховых шапках, титулованные особы, машущие толпе из золоченых карет. Инстинкт ей объяснил, как сильно бережит людские сердца подобная мишура. Елизавета гениально умела «преподнести» себя и своего мужа, особенно в годы войны, когда она поддержала слабовольного, упавшего духом спутника жизни и заставила его на людях вести себя как подобает королю.

Элизабет Боуэс-Лайон — первая невеста, взятая домом Виндзоров «со стороны», однако это не помешало ей показать стране, как должны выглядеть королевские особы. Еще герцогиней Йоркской она сумела привлечь к себе симпатии народа, элегантно помахивая рукой и одаривая всех вокруг ласковыми улыбками. Но обожание масс как королева она снискала во Вторую мировую войну, когда за весь срок блица ни разу не покинула Лондон. Она даже сфотографировалась рядом с королем на фоне разбомбленного Букингемского дворца. «Я почти счастлива, что в нас попала бомба, — сказала она. — Теперь у меня есть силы глядеть в глаза жителям разрушенного Ист-Энда». И окончательно завоевала любовь мужественной страны, отказавшись покинуть Англию ради спасения своей жизни и жизни своих детей.

«Они не смогут расстаться со мной, — объяснила она, — а я не смогу расстаться с королем, а король никогда не сможет расстаться с вами».

Когда король с супругой посетили лондонский Ист-Энд, чтобы осмотреть последствия бомбежки, еврейский портной посоветовал монарху «перерегистрировать империю на имя жены». Она так высоко подняла боевой дух нации, что Адольф Гитлер назвал ее «самой опасной женщиной в Европе». После войны благодарный солдат посвятил ей стихи:

В лучшем наряде, с улыбкой из юности,
Она не оставила пост,
Пока над Англией реяли «юнгерсы»,
И рушился Лондонский мост.

В годы войны с фотоснимка Ее Величества были напечатаны рождественские открытки, которые ра-

зослали всем мужчинам и женщинам в вооруженных силах Британской империи, — на память героическим подданным от любящего монарха.

Елизавета оказалась столь изобретательна по части гуманизации королевской семьи, что попутно завоевала и симпатии мировой прессы. До вторжения в нашу жизнь телевидения она стала героиней великого множества киножурналов. Ее речи вселяли надежду в души жителей оккупированной Европы. Вот что она говорила своим радиослушателям: «Где бы я ни побывала, я видела сияющие глаза и улыбающиеся лица. И хотя путь наш тернист и крут, он все же прямой, и мы знаем, что сражаемся за правое дело». Ее улыбка в сполохах рвущихся немецких бомб крепила патриотизм лучше всякой пропаганды.

Благодаря ей на чело монархии впервые легла тень заботы о простом народе. Елизавета побывала во всех местах, подвергшихся бомбежке, и перед каждой поездкой обязательно советовалась со своим кутюрье Норманом Хартнеллом о выборе платья, прически и украшений. Ни разу ее не видели в чем-нибудь вроде мундира. Она прекрасно понимала, что королеве ни к чему выглядеть мужественной, а также излишне царственной и властной.

После долгих и жарких споров она решила избегать траурного черного цвета, как и красного — слишком праздничного для военного времени. Взамен, вспоминает Хартнелл, он изготовил несколько «боевых костюмов в мягких тонах — тускло-розовом, тускло-голубом и тускло-сиреневом... потому что ей хотелось оказывать на людей как можно более ободряющее и успокаивающее воздействие».

Посещая развалины, королева непременно надевала шляпку и драгоценности. На вопрос, подобает ли ей щеголять в разбомбленных районах лучшими нарядами, она с улыбкой отвечала: «Разумеется. Ведь жители этих мест надели бы лучшее, если бы пришли повидаться со мной».

Немцев она ненавидела и часто говорила, что перестреляла бы их всех, но не сдалась. Жалкий парад свергнутых королей и королев, сбежавших в Лондон от гитлеризма, произвел на Елизавету тягостное впечатление; она поклялась защищать себя и свою корону до последней капли крови. В подтверждение своих слов она начала практиковаться по утрам в стрельбе из револьвера и этого же требовала от мужа. «Я не унижусь, как остальные», — заявила она.

Восхищение герцога Виндзорского Гитлером бесило и ее, и короля. В апреле 1941 года им сообщили о таком его изречении: «Со стороны Америки будет весьма неразумно вступить в войну с Германией: ведь с Европой уже покончено». С этим согласилась герцогиня: «Если эта страна вступит в войну, она покажет себя самой большой душой в истории». Позднее герцог сказал издателю американского журнала «Либерти»: «Если Гитлера свергнут, это будет трагедией для всего мира».

Королеву привел в ярость киножурнал, в котором герцогиня Виндзорская путешествовала на роскошном лайнере, в то время как простые англичане мерзли в очередях за хлебными и рыбными пайками. Герцогиня так и не рассталась до конца войны с шитыми на заказ ридикюлями от «Гермеса» и прочими атрибутами высокого стиля. Она носила изумруды величиной с яйцо и меха в количестве, достаточном, чтобы устлать пол в двор-

цовом зале, а простые люди в гибнущих под бомбами городах латали дыры в старых пальто, чтобы не умереть от стужи. И уж последней каплей в чаше королевского терпения стала газетная статья о перелете герцогини Виндзорской с Багамских островов в Нью-Йорк первым классом всего лишь ради прически.

В прошлом королева не раз демонстрировала бесстрашие перед любыми препятствиями, из которых самым серьезным оказалась ее неспособность забеременеть в течение многих месяцев после свадьбы. Были и другие неприятности, в их числе так называемая «нервозность» ее мужа, которая внешне проявлялась в мучительном заикании, сильном дерганье лицевых мышц, дрожании ног и кровоточащих язвах на коже. Но больше всего королеву огорчала неспособность супруга оплодотворить ее. В этом он был похож на старшего брата. Когда герцогиню Виндзорскую спрашивали, почему у нее нет детей от последнего мужа, она отшучивалась: «Герцог не предназначен для обеспечения престола наследниками».

Как и его брат. Через два года после свадьбы герцогиня Йоркская обратилась к гинекологам и акушерам. В конце концов по совету своего врача Лейна Робертса они с мужем прибегли к помощи искусственного оплодотворения, которое было разработано британскими специалистами еще в 1866 году. Болезненная процедура механического впрыскивания мужниной спермы в матку позволила Елизавете наконец забеременеть и родить первую дочь, Елизавету, в 1926 году и вторую, Маргарет Роуз, в 1930-м. Единственный публичный комментарий врачей к рождению Елизаветы посвящен кесареву сечению: «Необходимый курс

лечения проведен успешно». Почтительная же британская пресса ни словом не обмолвилась о том, что будущая королева Англии — плод искусственного оплодотворения. «Тогда это не было тайной в наших кругах, — сказал один друг королевского семейства, сын крестной дочери королевы Виктории. — Моя мать обсуждала эту тему с герцогиней Йоркской, ведь они пользовались услугами одного и того же гинеколога... У герцога была небольшая проблема... с его «Вилли». Как писал Джордж Бернард Шоу: «Монархами не рождаются. Монархами становятся благодаря наведенным галлюцинациям».

Как выходец из среды простолюдинов, герцогиня Йоркская снискала уважение, возложив на свои плечи величайшую ответственность за рождение королевского наследника. Ради достижения этой цели годилось все, даже искусственное оплодотворение. «Наша семья знала, что принцессы Елизавета и Маргарет появились на свет благодаря науке, — вспоминает родственник графа Арранского. — В ту пору это выглядело революционным, но публично не обсуждалось и, думаю, этого и не следует обсуждать впредь...»

К концу войны королева-мать стала живой святыней, на нее молились, ее берегли как зеницу ока. И уж если народ сдувал с нее пылинки, то пресса была вынуждена по крайней мере воздерживаться от шпилек в ее адрес. За любой пустяк на других членов королевской семьи тотчас опрокидывались ушаты грязи, и только Елизавета оставалась чиста как лебяжий пух. Средства массовой информации тактично смолчали, когда после хирургической операции на кишечнике ей пришлось носить калоприемник. Пристрастие к

спиртными напиткам, которое любому другому принесло бы славу алкоголика, ей сошло с рук как пустяковая слабость. Да и любовь к азартным играм никто не осмелился заклеить; если о ней и упоминали, то лишь как о невинном хобби пожилой дамы, которая иногда приказывала установить у себя в покоях телефонный аппарат для прямой связи с букмекером, чтобы узнавать результаты скачек. В поддержке, оказанной ею правительству белого меньшинства в Родезии, кое-кто был склонен усмотреть не расизм, а политические причуды твердой сторонницы правого крыла. В те времена столь важным персонам, как Елизавета, легко прощали словечки «арап» и «ниггер». «Она недолюбливает чернокожих, — писал в «Интернешнл экспресс» Пол Кэлан, — но ведь это типичная черта ее поколения и класса».

Даже сатирическое телешоу «Спиттинг имэдж»* старалось не задеть ненароком любимицу англичан. «Для первого выпуска мы подготовили рисунок: королева-мать и принцесса Маргарет состязаются в арм-рестлинге за бутылку водки, — вспоминал Роджер Ло, — но Джон Ллойд, продюсер, не позволил нам дебютировать с этой карикатурой. Шаржировать королевскую семью как самую обыкновенную? Простите, это уже слишком. Нам пришлось ждать, пока зрители привыкнут к шоу».

«В 1994 году королева-мать была до такой степени неприкосновенна, что мне запретили упоминать даже о возможности ее смерти в написанном мной отрывке, — вспоминает писательница Сью Таунсенд, автор книги «Королева и я». — Когда я

* «Спиттинг имэдж» — телевизионная передача, подобная нашим «Куклам». — *Примеч. ред.*

переделала повесть в пьесу, художественный руководитель театра «Ройял Корт» Макс Стаффорд-Кларк велел мне вымарать сцену похорон королевы-матери. Он боялся взрыва общественного негодования. Так что пришлось уступить, ведь я побивалась Макса и дорожила своей пьесой».

Когда в книге другого писателя появилось несколько невинных замечаний, сделанных королевой-матерью за обедом, его прозвали подлецом. «Оказывается, я хам — всего лишь потому, что повторил слова старой леди», — рассказывает Э. Уилсон*, нарушивший неписаный закон: никогда не повторять слов августейшей особы, если они не предназначены для скрижалей. В статье для «Спектейтора» он описывает, как королева-мать вспоминала один забавный случай во время войны. Она боялась, что ее дети не получат достойного образования, и попросила организовать поэтический вечер в Виндзорском замке. На этом вечере ждали Т. С. Элиота.

— Какой конфуз! — вспоминала она. — Явился этот хмурый джентльмен, стал читать свою поэму — кажется, она называлась «Пустыня», и вдруг мои девочки захихикали... А за ними и король!

— «Пустыня», мадам? А вы уверены, что не «Бесплодная земля»?

— Точно, — сказала королева-мать. — Боюсь, хихикали мы все. Еще бы: такой мрачный дяденька, вылитый банковский служащий, и бубнит — ни слова не поймешь.

— Кажется, он и в самом деле когда-то работал в банке, — сказал писатель, которому здорово досталось за то, что выставил всеми обожаемую

* Энджюс Уилсон (1913—1991) — прозаик, в сатирическом ключе описывавший нравы современной Англии.

королеву мешанкой. Ведь к тому времени она уже давно была ходячей иконой.

«Возможно, она самый популярный человек Западного полушария», — предположил сэр Эдвард Форд, бывший помощник личного секретаря королевы.

«Она — олицетворение всего того, что мы хотим видеть в королях», — считает писатель Роберт Лейси.

Напряженная деятельность королевы на протяжении семидесяти с лишним лет — разрезание ленточек, строевые смотры полкам, освящение кораблей, закладывание краеугольных камней — укрепила ее пьедестал. Британским налогоплательщикам это обходилось примерно в миллион фунтов стерлингов ежегодно. Она весело махала рукой, кокетливо склоняла голову и чарующе улыбалась.

«Труд — это твоя арендная плата за место на земле», — говорила она.

Британцы считали, что она стоит каждого шиллинга, идущего на ее содержание, а также на содержание ее дворцового, двух шоферов, двух охранников, на три замка с четырьмя горничными, четырьмя фрейлинами, восемью ливрейными лакеями, десятью слугами, пятнадцатью конюхами и четырнадцатью лошадьми.

«Королева-мамуля — моя любовь, чего не скажу о ее родственничках, — произнесла художница Флер Коулис. — Я никого из них не знаю, да и знать не хочу. — Она распахнула дверь в гостиную своего лондонского дома и указала на обитый роскошным бархатом диванчик. — Когда Ее Величество королева Елизавета, королева-мать, приезжает ко мне обедать, она садится здесь, а когда уходит, обязательно задерживается в дверях,

приподнимается на носках, точно хористка, и скидывает руки над головой. Очень милый прощальный жест».

Мягкость и обходительность королевы-матери были всего лишь маскировкой, под слоем пуха прятался кремьнь. Да, на самом деле она была негибаема и себе на уме и надежно хранила тайны своего двора, дабы сберечь его мистический ореол. Всю жизнь она простояла на страже своего драгоценного мифа, и любая угроза королевской харизме вдребезги разбивалась о елизаветинские бастионы, а обломки хоронились быстро, умело и надежно. Она помогла устоять дому Виндзоров и сделала все от нее зависящее, чтобы в будущем его столпы были непоколебимы. Даже когда ей перевалило за девяносто, Елизавета сохранила достаточно влияния, чтобы удержать правительство Англии от разглашения контактов дома Виндзоров с «Третьим рейхом». На протяжении пятидесяти с лишним лет она прятала документы, способные пролить свет на переговоры герцога Виндзорского с фашистами относительно сепаратного мира. В подвалах Виндзорского замка лежат взаперти военные соглашения, заключенные в 1937 году, когда герцог Виндзорский посетил Германию ради встречи с Гитлером.

Среди этих документов — наброски плана возвращения герцога Виндзорского на трон после завоевания Европы немцами. В июле 1940 года Гитлер, задумавший вторжение в Британию, решает похитить герцога Виндзорского и держать его в Берлине, чтобы оттуда пленник уговорил соотечественников сменить правительство и предложить Германии союз. Сразу после заключения сепаратного мира герцог с герцогиней вернулись бы на

престол как марионеточные монархи. И хотя план не был введен в действие, гипотезы о возможном сговоре герцога Виндзорского с «Третьим рейхом» по-прежнему основательно подмачивают репутацию королевского семейства.

Даже годы не источили боевой дух неукротимой королевы-матери. В девяносто шесть, улыбаясь направо и налево, она пошла на операцию по замене тазобедренного сустава. Через считанные недели после выхода из больницы Елизавета надела любимую синюю шелковую шляпку, прихватила трость и посетила дом престарелых. «Я здесь самая старая», — заявила она дряхлым пенсионерам. Щедро одарив их улыбками и словами ободрения, она удалась, а старики остались в благоговейной уверенности, что им являлся ангел небесный.

«Ее шарм не выразить словами, — сказала одна женщина. — Стоит ей произнести: «Я понимаю, понимаю», — и вы на седьмом небе от счастья. Какая простая и вместе с тем глубокая фраза! В каждом случае она звучит по-разному. Если королеве что-то нравится, она говорит с улыбкой: «Я понимаю, понимаю». Если хочет кого-нибудь утешить, гладит его по руке и шепчет: «Я понимаю, понимаю».

Очень немногим людям — только прислуге и ближайшим родственникам королевы-матери — было дано разглядеть стальной скелет под плюшем и ватой.

«Железная рука в бархатной перчатке», — так охарактеризовал ее министр иностранных дел лорд Галифакс.

«Она была тверда и безжалостна», — сказал историк Джон Григг.

С этим она и не спорила. «Вы считаете меня мягкосердечной, — прозвучало однажды в дове-

рительном разговоре королевы-матери с подругой. — На самом деле я не совсем такая».

Да, на самом деле она была фанатичным защитником интересов короны, посвятила свою жизнь монархии и всегда хранила верность взятой на себя миссии. Она была царственнее, чем короли крови. И все эти годы она хранила тайны. Этому Елизавета научилась еще в детстве у отца.

Со временем ей удалось завуалировать нюансы своего происхождения. Она легко уклонялась от вопроса, что помешало ее отцу, уже имевшему восемь детей, зарегистрировать ее рождение в обязательный шестинедельный срок. (А затем он, четырнадцатый наследник исторического рода графов Стратмор, подписался под ложью.) В 1900 году к фальсификации официальных документов относились серьезно, и за такой обман можно было расплатиться пожизненным заключением. Но факт остается фактом — любящий родитель заплатил штраф в семь шиллингов шесть пенсов и заявил, что его дочь появилась на свет в Гертфордшире, в Сент-Полз Уолбен Бюри, фамильном гертфордширском особняке. А сама королева-мать утверждала, что родилась в Лондоне.

Эта нестыковка вызвала немало слухов. Наиболее правдоподобный из них таков: родив восьмерых детей, тридцатидевятилетняя мамаша решила, что с нее достаточно. Ее супруг вступил в связь с девицей из Уэльса, которая служила горничной в шотландском замке Гламис; от одного союза и появился младенец, известный всему миру под именем Элизабет Боуэс-Лайон. Никаких доказательств этой версии не найдено; возможно, она возникла всего лишь на почве странных обстоятельств регистрации рождения ребенка.

«Да какая разница, где она родилась и что там намудрили с метрикой? — вопрошал представитель Кларенс-Хауса*. — Стратмор сделал свое черное дело и сошел в могилу. Если даже он поступил плохо, вреда это не принесло».

Королева-мать всячески препятствовала изучению ее родословной, чтобы утаить наследственные пороки семьи. Ибо поколения Стратморов преследовала легенда о Гламисском Чудовище — бесформенной твари, рожденной от семени брата прадеда Елизаветы. Мальчик, похожий на яйцо с кривыми паучьими конечностями, якобы вырос в гротескное чудовище, с головы до пят покрытое длинной черной шерстью. Десятилетия просидел он взаперти в родовом замке, и о его существовании было известно только брату и еще троим. Семья окутала свой позор покровом тайны. «Нам никогда не позволяли об этом говорить, — призналась Роуз, старшая сестра Елизаветы. — Родители строго-настрого запретили касаться этой темы».

Что ж, в 1920-х, когда родились младшие племянницы Елизаветы, к физическим и психическим недостаткам отношение было суровое. Кэтрин и Нерисса Боуэс-Лайон от рождения отставали в развитии и десятки лет тайно содержались в психиатрической лечебнице города Редхилла, графство Суррей, а семья до такой степени стыдилась их, что в 1941 году зафиксировала кончину обеих женщин в «Книге пэров Берка»**.

* Кларенс-Хаус — большое здание в Лондоне рядом с Сент-Джеймским дворцом, резиденция членов королевской семьи.

** Издание, содержащее список пэров Англии и их родословную. Впервые выпущена Джоном Берком в 1826 году, с 1847 года издается ежегодно.

«Если так утверждала семья Боуэс-Лайон, то мы были обязаны поместить в справочнике эту дату, — сказал Гарольд Брукс-Бейкер, издатель «Книги пэров Берка». — Любые сведения от королевской родни мы принимаем за чистую монету, даже когда видим, что нам подсовывают липу».

Столь глубокое почтение к короне позволило королеве-матери утопить все концы, потянув за которые можно было бы размотать клубок династических грехов и пороков. В секрете остались алкоголизм ее мужа, гомосексуальные наклонности, а также увлечение наркотиками его брата, принца Джорджа, который потом женился и стал герцогом Кентским. После войны Елизавета спрятала сенсационный доклад королю Георгу V от фельдмаршала Монтгомери и два конфиденциальных донесения от лорда Маунтбаттена, лишь заметив в телеинтервью, что они «слишком острые и несдержанные» для публикации. Она понимала, что эти три документа могут бросить тень на поведение ее мужа во время войны.

«Королю обо всем рассказывали, — призналась она Тео Аронсону* в 1993 году, — так что, разумеется, и я слышала обо всем. Тогда-то я и научилась кое-что держать при себе. Зная столько тайн, волей-неволей становишься очень скрытной. Такой я остаюсь до сих пор».

* Тео Аронсон — английский историк, биограф.

ГЛАВА 4

Герцоги Йоркские, став королем и королевой Англии, постарались обзавестись влиятельными американскими друзьями, чтобы воздействовать на общественное мнение в США. Они хотели, чтобы Америка приняла участие в мировой войне, пока не треснул хребет Великобритании.

Весной 1939 года для этой цели облюбовали Джозефа П. Кеннеди, посла США в Англии. Послу и его жене Роуз предложили провести уик-энд в Виндзорском замке. На банкете в зале ордена Подвязки Ее Величество села между премьер-министром Британии Невиллом Чемберленом и послом Кеннеди. И поведала послу о том, какое незабываемое удовольствие ей и королю доставил недавний визит в Соединенные Штаты, и как их очаровали президент и миссис Рузвельт, и как было чудесно в Гайд-парке*, где их угощали хот-догами и пивом.

Тот королевский визит вызвал в Америке политическую грызню, особенно в республиканских

* Имеется в виду местечко на юго-востоке штата Нью-Йорк, где сейчас находится Дом-музей Ф. Д. Рузвельта.

верхах, которые благоговейно называли Великобританию «матерью». Одна гранд-дама так расстроилась, узнав о предстоящей неофициальной встрече монархов и президента в Гайд-парке, что обратилась в МИД Британии с просьбой настоять на отмене этой части программы визита.

«Даже в мирное время никто не удосужился наладить взаимодействие британской секретной службы и американской полиции, — писала она. — В здании нет надлежащих удобств и мебели, в прислугу второпях набрали негров и белых бродяг из Англии и Ирландии. В лакейской — шайка рыжих ирландцев, которые умеют только носить дрова и уголь да чистить ботинки...»

Президент, как справедливо подозревали, пытался втянуть Америку в европейскую войну, но ему предстояли трудные перевыборы в 1940 году. Закон о нейтралитете, обсуждавшийся тогда в конгрессе, мог ударить по поставкам американского оружия в Англию, а также ограничить конституционные полномочия президента. Рузвельт надеялся, что законопроект будет забаллотирован.

Он хотел подать визит королевской четы как прорыв в дипломатических отношениях Англии и Америки, чтобы рядовые американцы прониклись симпатией к Великобритании и поняли, сколь мудрым было решение администрации предоставить военную помощь островам. Но снобизм британской кастовости, даже среди слуг, застиг президента врасплох. Он взялся помочь персоналу Гайд-парка в подготовке встречи и прислал двух чернокожих церемониймейстеров из Белого дома. Чем вывел из себя дворецкого своей матери, англичанина Джеймса, — тот наотрез отказался обслуживать августейших гостей, имея в подчинении цветных, и потребовал при-

читающийся ему отпуск как раз на срок пребывания короля и королевы в Америке.

— О Джеймс! — воскликнула Сара Рузвельт. — Но ведь как раз в эти дни у нас будут гостить Их Величества!

— Мадам, — отвечал дворецкий, — я не желаю участвовать в унижении английской монархии.

Король с королевой потребовали, чтобы фрейлины были обеспечены перинами и на ночь в постели клали грелки с горячей водой. Это изрядно рассмешило президента — визит намечался на июнь, а лето в Вашингтоне всегда теплое, даже почти невыносимо душное. Негодование Джеймса изумило Рузвельта, ведь он тогда еще не знал, что английские слуги бывают не менее спесивы, чем их хозяева. Президент громко смеялся, когда ему рассказали, что прослужившего три года у короля Эдуарда VIII лакея вынудили попросить расчет, как он выразился, «неподобающие манеры Его Величества». «Мистер Осборн, дворецкий, — пояснил экс-лакей, — отправил меня к плавательному бассейну с двумя порциями спиртного, и там я увидел, как Его Величество красит лаком ногти на ногах госпоже Симпсон! Это было уже слишком! Я сразу подал в отставку».

Точно такое же высокомерие проявил дворецкий матери Рузвельта, уйдя в отпуск за день до того, как на американскую землю ступили король и королева Великобритании. Пока Их Величества были в пути, посол США во Франции Уильям С. Буллит отправил президенту конфиденциальный меморандум такого содержания:

«Малютка королева летит к Вам со своим корольком. Она славная девочка, грелки там или не грелки, и Вам понравится, даже несмотря на то,

что ее золовка, принцесса, разъезжает по Англии и щебечет о «дешевых улыбках на публику». Королева так похожа на девчущек-кэдди*, много лет назад носивших мои клюшки в Шотландии в Питлохри, что мне показалась лапушкой. Королек уже почувствовал свою силу, но все-таки он еще мальчишка-трусиска».

Годом ранее королевская чета побывала с официальным визитом в Париже, и этот «прорыв в дипломатических отношениях» высоко оценили все, кроме премьер-министра Франции Эдуарда Даладье. В кругу единомышленников он назвал Его Величество дебилем, а его супругу — «амбициозной сверх всякой меры молодой женщиной, готовой принести в жертву любую страну, кроме Англии, лишь бы остаться королевой».

В меморандуме 1939 года посол Буллит советовал Рузвельту не упоминать при августейшей чете о Виндзорах, потому что «примерно месяц назад герцог Виндзорский написал королеве Марии [его матери], что Берти [его брат, король], попавший под дурное влияние «этой простолюдиночки» [королевы], вел себя по отношению к нему «так не по-джентльменски», что он, герцог Виндзорский, не желает больше иметь дела с Берти. Что ни говори, это не назовешь горячей братской любовью».

Король и королева прибыли в сопровождении камердинеров, горничных и фрейлин, и английские слуги, не теряя времени, перессорились со своими американскими коллегами.

* Подносчик клюшек для игры в гольф.

Камердинер Георга VI жаловался на пищу и спиртные напитки, не выдерживающие никакого сравнения с кухней Букингемского дворца, якобы сидевшего на военном пайке. И хотя американцев убеждали, что король, королева и две маленькие принцессы отказывают себе в мясе, хлебе и масле и, дабы разделить со своей страной всю тяжесть лихолетья, перебиваются с жиденького картофельного пюре на мерзлую брюссельскую капусту с яичным порошком, в стенах дворца никто не разделял этого заблуждения. Король с королевой вовсе не желали умерщвлять свою плоть жестокой диетой и регулярно кушали ростбифы и попивали шампанское. На блюдечках для масла красовались монограммы с королевским гербом, а обед подавался на золотых блюдах.

«В годы войны, когда король и королева жили в Лондоне, а их дочери — в Виндзоре, принцессы обычно сами заказывали блюда, — вспоминает Рене Руссен, французский повар, служивший августейшей семье с 1937 по 1946 год. — Вот меню обычного дня: на завтрак — яйца и тосты с маслом; на второй завтрак — отварной цыпленок с приготовленными на пару овощами (девочки не разлюбили пареные овощи, даже когда выросли), картофельные чипсы и горячая запеканка из заварного крема; к чаю — хлеб с маслом, торт, желе и гренки; ну а ужин совсем легкий — бульон, грушевый компот и взбитые сливки».

А тем временем ни в одном лондонском ресторане вам бы не дали потратить на еду больше пяти шиллингов. Зато во дворце король ежедневно заказывал на завтрак два яйца вкрутую и шесть ломтиков жареного бекона, а на ужин, в охотничий сезон, — шотландскую куропатку. Королева, при-

ученная, по английской традиции, хорошенько подкрепляться в пять вечера, днем морила червячка овсяными лепешками и сытным десертом по рецептам придворного кулинара, что позволило ей набрать двенадцать фунтов за год.

«Ее Величество не в силах отказаться от лепешек», — посетовала камеристка, вынужденная то и дело распускать швы на платьях госпожи.

В Америке королева изъявила желание, чтобы ей подавали чай из любимой ею смеси китайского и цейлонского сортов. Лондонскую воду для чая она привезла с собой в тяжелых бочонках.

Гора королевского багажа — громоздкие платяные шкафы, многочисленные чемоданы, шляпные и обувные коробки — до глубины души потрясла президентскую службу, которая почему-то верила, что британским монархам, как и их подданным, одежда достается по ограничительным талонам. На ее закономерное недоумение английская челядь реагировала нервно. Она знала то, чего не знал народ, — что король без ума от золотого шитья на мундирах и ежедневно проводит часы в обществе личного портного. Это болезненное увлечение армейской модой возникло еще в детстве.

«К сожалению, Берти не интересуется ничем, кроме нарядов, нарядов и еще раз нарядов, — жаловался его отец. — Даже на охоте больше внимания уделяет своим брюкам, чем дичи».

Короля интересовали и наряды супруги, и он вздрагивал, когда кто-нибудь находил их немодными. Поэтому он призвал во дворец кутюрье Нормана Хартнелла, чтобы обеспечить Ее Величество подобающим гардеробом. Хотя торговля шелком в Англии находилась под запретом (армия остро нуждалась в парашютах), для королевы было сде-

лано исключение, и в гостях у Рузвельта она меняла туалеты по меньшей мере четырежды в день.

Фотографу Сесилу Битону она позировала в светло-сером платье с длинными, отороченными мехом рукавами и седой лисой на вороте. Затем переделалась в нечто сверкающее рубинами, золотом и серебром и надела шляпку с пышными страусовыми перьями. Чуть позже она встала перед объективом в гиацинтово-голубом платье из газа с двумя рядами алмазов, огромных, как грецкие орехи. И напоследок Ее Величество увековечила свой образ в кружевном платье для приема гостей в саду. Платье было расшито жемчугом, гармонирующим с жемчужинами, сияющими в прическе королевы.

Камеристке Ее Величества была обеспечена полная рабочая неделя. Бедняжка с ног сбивалась, сортируя всевозможные туалеты и драгоценности и предлагая их для выбора королеве. Камеристка сочла себя оскорбленной, когда ее оторвал от дела церемониймейстер из Белого дома, через которого Елизавета хотела что-то передать своей фрейлине.

— Я камеристка Ее Величества, — огрызнулась эта дама, — а не девочка на побегушках!

Прислуга в Белом доме не видела разницы между этими должностями. В Британии жесткая классовая система пронизала всю нацию сверху донизу, или до «низших сословий», согласно общепринятому выражению. В иерархии королевской обслуги главенствующее положение занимала дворцовая челядь. Эта категория слуг имела во дворце свою гостиную и столовую. Они свысока глядели на официантов, клерков и стенографисток и не соглашались выполнять поручения, которые считали не соответствующими их высокому положению.

Казалось, монархов нисколько не заботят капризы прислуги. На лоне природы в Гайд-парке они почувствовали себя как дома, особенно когда увидели поджидающий гостей сервировочный столик с коктейлями.

— Моя матушка думала, что вам следует предложить чашку чаю, — сказал президент. — Она не одобряет коктейли.

— Моя матушка тоже, — благодарно кивнул король и потянулся за выпивкой.

По возвращении в Лондон, когда король с королевой обедали в обществе американского посла, Елизавета вспомнила эту и иные детали пикника с Рузвельтом в Гайд-парке. Она упомянула и трогательную сцену прощания, когда сотни людей, собравшихся на вокзале, внезапно грянули «Доброе старое время»*.

Посол Кеннеди уже прочел восторженные репортажи о визите королевской четы в Америку в 1939 году. «Британские суверены покорили Вашингтон, не сделав ни одного неверного шага, — написал Артур Крок в «Нью-Йорк таймс», — и оставив о себе более благоприятное впечатление, чем ожидали их самые оптимистичные советники».

— Эти молодые люди умеют обзаводиться друзьями, — сказала Элеонора Рузвельт.

Симпатией к ним проникся даже изоляционист Кеннеди. Но на том обеде, когда королева перевела беседу в русло американской внешней политики, дипломатическая выдержка ему изменила.

— Простые американцы больше всего на свете боятся, что их втянут в войну, — сказал он коро-

* Шотландская песня на слова Роберта Бернса, которую по традиции поют на прощание.

леве. — Они говорят себе: «Опять? Ни за что!» И я не смею их упрекать, потому что испытываю такие же чувства.

— Я тоже их испытываю, мистер Кеннеди, — кивнула королева. — Но если бы Соединенные Штаты твердо стали на нашу сторону, активно помогали бы нам, Англии было бы легче справиться с диктаторами.

В этом президент был согласен с королевой. Через несколько месяцев Рузвельт предложил Кеннеди уйти в отставку. Когда президенту донесли, что посол сказал своему секретарю: «Рузвельт и его приспешники втягивают нас в войну», — президент в сердцах воскликнул при жене: «Не желаю больше видеть этого сукина сына!» К этому времени посла в Англии презирали за его политику невмешательства. «Он бежал из Лондона в дни бомбежек, — писал Конор О'Клери, вашингтонский корреспондент «Айриш таймс», — и британцы никогда ему этого не простят».

Королеве не пришлось много трудиться, чтобы привлечь на свою сторону американский шоу-бизнес. Деятели искусства и сами склонялись к выводу, что раз уж Англия вступила в войну, то и Соединенным Штатам не избежать этого шага. Жить при тоталитарном режиме не желал никто.

Естественно, королеву влекло к представителям американского шоу-бизнеса. Театральному режиссеру Джеку Уилсону выдали постоянный пропуск во дворец, потому что он был близким другом и деловым партнером Ноэля Коуарда, любимого драматурга королевы и участника ее литературного кружка. После отречения Эдуарда VIII Коуард завоевал ее любовь, предложив украсить всю Англию статуями Уоллис Симпсон за неоценимую услугу,

которую она оказала британцам. «Она подарила нам вас, — сказал он, — и избавила Англию от правления Эдуарда VIII». Поэтому в 1939 году, когда Уилсон позвонил королеве и поприветствовал ее, он был тотчас приглашен на чаепитие.

Джек Уилсон прибыл в Виндзорский замок и в сопровождении слуги прошел через большой обеденный зал, где нанятый королевской четой художник покрыл обратную сторону полотен Констебла, Рейнолдса и Гейнсборо изображениями мультипликационных героев Микки-Мауса и утенка Дональда, чтобы атмосфера не казалась детям слишком мрачной. Уилсон позабавился, когда лакей посвятил его в эту маленькую деталь. Тогда слуга на цыпочках прошел по обюссонскому ковру и с лукавым выражением лица перевернул золоченую раму с портретом Чарльза II. На обратной стороне холста глупо улыбался вислоухий диснеевский пес Плуто.

Вслед за слугой Уилсон вошел в гостиную королевы, где играла на полу ее тринадцатилетняя дочь, принцесса Елизавета. Уилсон улыбнулся девочке и игриво поздоровался.

— Приветик, милочка, — сказал он. — Как делишки?

Лакей застыл как вкопанный. Девочка вонзила в режиссера кинжальной остроты взгляд и, выдержав суровую паузу, указала на пол.

— Кланяйся, парень, кланяйся, — велела она сорокалетнему дяде.

Подрастающая наследница трона уже научилась защищать свои королевские права.

«И знаете, что я сделал? — со смехом спрашивал режиссер, вспоминая ту встречу с будущим шестьдесят третьим сувереном из старейшей королевской династии в Европе. — Опустил голову

ниже задницы. Этой малютке удалось нагнать на меня страху!»

Подобное впечатление осталось и у лорда Чемберлена после того, как он повстречал принцессу в коридоре дворца.

— Доброе утро, маленькая леди! — сказал он.

— Я не маленькая леди, — огрызнулась она. — Я принцесса Елизавета!

Высокомерный тон девочки смутил даже ее бабу, королеву Марию. Через час, держа внучку за руку, она постучалась в дверь лорда Чемберлена.

— Это принцесса Елизавета, — заявила королева Мария, — и она надеется когда-нибудь стать леди.

Спустя несколько дней девочке понадобилась какая-то услуга от гувернантки. Та отказала, но принцесса настаивала. В конце концов она выкрикнула: «Такова королевская воля!» Вмешалась ее мать: «Королевское происхождение никогда не служило оправданием для дурных манер».

Однако юная принцесса так и не научилась скрывать высокомерие. С десяти лет она не сомневалась в том, что станет очередной королевой Англии*. Ее опекал целый взвод дворецких, ливрейных слуг и шоферов, обязанных кланяться всякий раз, когда она входила в комнату; горничные, няни и фрейлины низко приседали в почтительных реверансах. И когда она въезжала или выезжала из ворот Букингемского дворца, Виндзорско-

* Между собой герцог и герцогиня Виндзорские прозвали милую принцессу Ширли в честь Ширли Темпл — это имя носила самая яркая из юных кинозвезд в истории Голливуда. Откликаясь на реплику матери «Блистай, Ширли, блистай!», кинокуколка пела, плясала, взмахивала кудряшками и добивалась величайшего для того времени кассового успеха. — *Примеч. авт.*

го замка, Сандринхема, Балморала и Беркалла, часовые в красных мундирах вытягивались в струнку и с безупречной четкостью салютовали ей винтовками или саблями.

Такие почести приводили ее в восторг. Обнаружив впервые, что слуги и охрана обязаны проявлять к ней внимание, она сбежала от няньки и с важным видом ходила взад-вперед мимо часовых, вынуждая их снова и снова щелкать каблуками, принимать стойку «смирно» и брать винтовки «на караул».

Ее имя получали сервизы из «костяного» английского фарфора, больницы и даже шоколадные изделия. Восковое изваяние Елизаветы верхом на белом пони — подарок к ее четвертым именинам — стояло в Музее восковых фигур мадам Тюссо. В дни рождения Елизаветы поднимались флаги. Ее лицо появилось на шестицентовой ньюфаундлендской марке. Ее портрет висел в Королевской академии искусств, ее фото было напечатано на обложке журнала «Тайм». Огромная популярность Елизаветы внушала опасения отцу, и он написал своей матери, королеве Марии: «Меня даже слегка пугает такая большая народная любовь. Но это, конечно, замечательно, и я надеюсь, наша славная малютка будет ее достойна».

Юная принцесса провела несколько обычных детских экспериментов, таких как рождественские покупки в «Вулворте», езда на втором этаже автобуса и путешествие инкогнито в метро. Но она ни разу не садилась в такси и не пыталась позвонить куда-нибудь по телефону. Девочку так надежно изолировали от мира, что она даже не переболела детскими болезнями — корью и скар-

латиной*. Путешествовала она чаще всего в золоченой карете вместе с матерью и бабушкой или в королевском поезде о девяти вагонах, с обитыми кремовой кожей сиденьями, позолоченными вентиляторами, светильниками и телефонным аппаратом. Ее всегда сопровождали гувернантка Мэрион Кроуфорд по прозвищу «Кроуфи», камеристка Маргарет Макдональд, или попросту Бобо, и няня Клэр Найт, или Аллах.

«У нас говорят: первое, чему нянька должна научить маленькую особу королевской крови, — это вызывать прислугу», — сказали мне в Букингемском дворце. Разумеется, девочка, звавшая себя Лилибет, прекрасно усвоила этот урок. И в семь лет она уже знала свое место в очереди к трону.

— Я третья, а ты четвертая, — заявила она своей младшей сестренке.

— И вовсе нет, — возразила Маргарет Роуз, решив, что сестра сравнивает их возраст. — Мне три, а тебе семь.

Новый монарх, зная, что на престоле его сменил старшая дочь, Елизавета, рассудил, что к своей роли она должна быть подготовлена лучше, чем он — к своей. В молодости у него так и не хватило мужества отказаться от ежедневной стрельбы по шотландским куропаткам ради постижения премудростей королевского дела.

Через несколько минут после отречения его брата от трона он признался своему кузену лорду Маунтбаттену: «Это самое ужасное из всего, что

* В 1971 году, в возрасте сорока пяти лет, Елизавета заразилась скарлатиной от семилетнего сына Эдуарда. В 1982 году, в возрасте пятидесяти шести лет, у нее удалили первый зуб мудрости. — *Примеч. авт.*

могло со мной случиться. Я же совершенно не го- жусь в короли. Я не учился править страной».

Но подобного не случится с его дочерью, обе- щал он — и начал обучать ее с малых лет. От него Елизавета узнала тонкости церемониалов, он по- долгу не разрешал ей присесть, чтобы приучить к многочасовому выстаиванию в тяжелых платьях у мольбертов придворных портретистов. Он велел ей завести дневник и ежедневно делать записи, по- казал, как надо проводить смотр гвардии и отве- чать на салюты. Еще он продемонстрировал доче- ри красные ящики с поступающими каждый день секретными бумагами государственной важности. Вскоре, столкнувшись с новыми обязанностями, она спросила: «Мне придется это делать, когда папа умрет?»

Младшая сестра очень заинтересовалась, когда однажды пришел конюший и сказал, что король зовет Елизавету «позаниматься с ящиками».

— Значит, ты будешь следующей короле- вой? — спросила Маргарет.

— Да, когда-нибудь, — ответила Елизавета.

— Бедняжка, — вздохнула Маргарет, с горе- чью вспомнив, как отец короновался и семье при- шлось перебраться в Букингемский дворец.

«Что? — негодовала она, оказавшись там. — Так это навсегда?! Какая гадость! Я привыкла быть Маргарет Роуз, герцогиней Йоркской, а тут я Маргарет Роуз Никто». У Елизаветы же глаза по- лезли на лоб, когда она увидела на столе в гости- ной письмо, адресованное «Ее Величеству короле- ве». «Это ведь маме, да?» — с благоговением в го- лосе спросила она.

К 1939 году очень многие фразы Лилибет на- чинались со слов «Когда я буду королевой...»

«Елизавета весьма недвусмысленно дает понять матери, что в отличие от нее она принцесса крови», — заметил герцог Девонширский.

Хотя принцесс разделяли четыре года, родители обращались с ними, как с двойняшками, и до отрочества мать наряжала их в одинаковые коричневые платья, пальто с бархатными воротниками и шляпки, крепившиеся на головах с помощью эластичных тесемок. В таком виде девочки столь часто появлялись в кинохрониках и на газетных полосах, что стали образцом для подражания. Во всей Англии девочек заставляли одеваться, сидеть, ходить, говорить и вообще вести себя, как маленькие наследницы престола.

Принцессы играли вдвоем и разыгрывали перед родителями пьески и пантомимы на сцене, специально для них построенной в Виндзорском замке. Мать любила петь песенки из репертуаров мюзикхоллов, а отцу нравилось танцевать конгу*. Этот, по выражению короля, «мир четверых» был заполнен собаками, лошадьми и слугами, но ему хронически недоставало друзей. Семья слушала пластинки Бинга Кросби, еженедельно брала уроки танцев, играла на пианино и пела без умолку. Поскольку мать ценила музыку выше математики, дочери больше преуспели в первой, пренебрегая второй.

В 1939 году, когда немецкая армия вторглась в Польшу, Англия объявила войну Германии. Вскоре из Лондона эвакуировали женщин и детей из королевской семьи. Следующие пять лет обе принцессы провели в Виндзоре, а столицу посещали только ради визитов к стоматологу. Дворец официально за-

* Латиноамериканский танец.

явил, что предполагаемая наследница* принцесса Елизавета прекращает изучать немецкий и (очередная уловка для привлечения Америки на свою сторону) будет брать уроки американской истории. Касательно образования Маргарет не прозвучало ни слова — она была всего лишь запасным игроком. Позже, когда Маргарет захочет вместе с сестрой брать уроки истории у профессора из Итона и услышит: «Тебе в этом нет необходимости», — она взорвется: «Я слишком поздно родилась!»

На обучение будущего суверена не пожалели времени и раяния, и она выросла такой же деловитой, сосредоточенной и ответственной, как ее отец. «Достойная дочь скромного и добросовестного короля Георга и почтенной королевы Елизаветы, — так отозвался о ней журнал «Тайм». — И как раз такой желают ее видеть будущие подданные».

Елизавета разделяла отцовское увлечение лошадьми, стрельбой по куропаткам и оленьей охотой. Как и отцу, ей мало удовольствия доставляло посещение церкви. Когда в Шотландии один священник пообещал ей дать книгу, она поблагодарила и попросила: «Только не про Бога. О нем я уже все знаю».

От отца ей досталось незаурядное чувство водевильного юмора, и они вдвоем с удовольствием смотрели фарсовые представления и смеялись над ужимками клоунов в широченных трусах. Маргарет, видимо, уродилась в мать, ей больше нравились утонченная комедия и остроумные беседы в

* Титул «предполагаемая наследница» в Англии носят только старшие дочери королей, если в семье нет детей мужского пола. Применительно к наследникам мужского пола слово «предполагаемый» не используется. — *Примеч. авт.*

гостиной. В детстве Маргарет так избаловали, что слуги называли ее ужасным и совершенно несносным ребенком, но любящие и снисходительные родители видели в манерах дочери лишь «любопытность и увлеченность». Они не стремились обуздать ее норы — ведь Маргарет не готовили в королевы. «Мне в отличие от Лилибет не надо быть серьезной и сдержанной, — пошутила она однажды. — Могу хоть на голове стоять».

В стенах Виндзорского замка принцессам случалось ссориться, а в Букингемском дворце они подружились на всю жизнь, причем старшая сестра взяла на себя роль наставницы.

«Маргарет забыла сказать «Спасибо, Кроуфи», — шепнула Елизавета гувернантке, — я же ее пихнула локтем, и она поблагодарила от всей души».

Однако став командиром патруля в дворцовом отряде герл-гайдов*, Елизавета решила не давать спуска никому, даже своей бойкой на язык сестренке.

— Здесь я тебе не сестра, — заявила она, — и не жди никаких поблажек!

Но Маргарет нисколько не уstraшилась своей будущей повелительницы.

— Ты заботься о своей империи, — отрезала она, — а я позабочусь о себе.

Маргарет никогда не стеснялась упрекнуть наследницу английского престола в чрезмерном пристрастии к еде, особенно к сладостям. «Лилибет, — говорила она, — ты уплетаешь уже четырнадцатый шоколадный бисквит. Прямо как мамочка — никак не можешь остановиться».

* Организация девочек-скаутов.

Приструнивать дерзкую юную принцессу лучше всего удавалось матери. Она попросту не обращала внимания на колкости Маргарет.

— Мамочка, зачем вы носите эти ужасные заколки для волос? — спросило как-то раз наивное дитя. — Они вам нисколько не идут.

— О радость моя, — с рассеянной улыбкой отозвалась королева. — Неужели они действительно такие ужасные?

Маленьким принцессам достался на двоих крошечный, изолированный мирок, где все старались их развлечь, чтобы угодить королю и королеве, — особенно королю, огорченному тем, что война лишила его дочерей нормального детства. «Бедные деточки, — вздыхал он, — они еще ни разу по-настоящему не веселились». Поэтому он хватался за любую возможность позабавить дочерей.

Когда Ноэль Коуард начал работу над фильмом «Повинуясь долгу» — о подвигах Льюиса Маунтбаттена, командовавшего британским кораблем «Келли», — августейшая чета воспользовалась предложением посетить съемочную площадку и взяла с собой маленьких принцесс, очарованных фантастическим миром киноискусства.

Королю было приятно общество славного Маунтбаттена, несмотря на чрезмерные амбиции лорда и его чересчур усердную работу локтями на служебной лестнице. Георг VI втайне завидовал его энергии и шарму, умению плыть по жизни, не отдавая якорей. Его Величество даже прощал Маунтбаттену излишнее тщеславие. Видимо, его не покорило, а скорее позабавило, что лорд Льюис взял в поездку свои награды и не преминул их с театральной пышностью продемонстрировать. «Я вам показывал мою непальскую звезду?» — спра-

шивал он, доставая орден из сделанного на заказ ларя с множеством лотков.

Королева не разделяла мужниной снисходительности — ведь Маунтбаттен по-прежнему дружил с опальным герцогом Виндзорским — и через несколько лет, когда лорд стал вице-королем Индии, обвинила его в «развале империи». Не любила Елизавета и его жену Эдви́ну, лощеную аристократку, унаследовавшую от деда, сэра Эдварда Кассела, громадное состояние, а от отца родовое поместье Бродландс в Гэмпшире.

«Она, знаешь ли, не целиком англичанка, — сказала королева одной из фрейлин. — Мать у нее была полуеврейка». Она намекала, что именно «полуеврейское» происхождение Эдви́ны было причиной ее пристрастия к джазу, спортивным автомобилям, вечерним приемам и купаниям нагишом при луне. Для королевы, уже давно считавшей себя воплощением английской респектабельности, все это было совершенно неприемлемо.

«Королева слишком умна, чтобы рубить сплеча, — вспоминал Джон Барратт, личный секретарь Маунтбаттена. — Она презирала Эдви́ну, которую считали самой элегантной женщиной в мире и которой наряды от Шанель придавали сходство с газелью, тогда как платья королевы наводили на мысли о чехлах для пожарных гидрантов. Но на людях королева и не пыталась растерзать Эдви́ну в клочья. Нет, она жалила исподтишка, даже умирающей наносила ловкие и незаметные со стороны удары.

В 1960 году леди Маунтбаттен скончалась во сне. Елизавета, носившая в то время титул королевы-матери, посетила погребальную службу в аббатстве Ромси и вернулась в Кларенс-Хаус, чтобы

досмотреть по телевизору церемонию похорон в море. Когда в воду опускали гроб с прахом Эдвины, королева сказала с улыбкой: «О Боже! Эдвины всегда любила поднимать тучи брызг».

В первые дни своего правления король с королевой чувствовали себя неуверенно, — очень уж неожиданно к ним перешел престол от Эдуарда. Они побаивались козней Уинстона Черчилля. «Величества опасаются, что Черчилль отодвинет их в тень», — в июне 1940 года записал в дневнике Виктор Казалет, депутат парламента от консерваторов. После его встречи с королевскими придворными в дневнике появились новые строки: «Мы поговорили о к. и о том, что Уинстон совершенно неосознанно оттер их [короля и королеву] на задний план. Кто ему об этом скажет?»

Мотивы лорда Маунтбаттена (для родни — «дяди Дики») выглядели еще подозрительнее. Королева ответила твердым отказом, когда он предложил свои услуги в поисках жениха для ее старшей дочери. Первый раз он затронул эту тему, когда принцессе Елизавете было лишь тринадцать лет, но тогда мать сказала, что говорить о замужестве слишком рано, хотя ее теща, королева Мария, уже обзавелась списком кандидатов в консорты. У каждого из них, включая принца Шарля Люксембургского, значительно уступавшего возрастом Елизавете, и принца Горма Датского, текла в жилах королевская кровь.

Однако ничуть не обескураженный Маунтбаттен интриговал еще несколько лет, приглашая своего красавца племянника, греческого принца Филиппа, на различные семейные мероприятия. Он надомнил этого юношу, которого любил, как приемного сына, снискать расположение королевской четы и вступить в переписку с Елизаветой.

«Сегодня — открыточку, завтра — письмецо... Не робей, мой мальчик». Переписка длилась всю войну, и к восемнадцати годам Филипп уже считал себя принцем-консортом без пяти минут.

Избрав поприще офицера флота, Филипп потряс свое начальство откровенным рассказом о дядиных замыслах. Вице-адмирал Гарольд Том Бейли-Гроуман летом 1939 года командовал линкором «Рамиллиес» в Средиземном море. Он не отказал лорду Льюису Маунтбаттену в пустяковой услуге и взял к себе на борт гардемарина, известного как принц Филипп. Но юного сына немца из династии Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбурггов и немки из рода Баттенбергов (Маунтбаттенов) предупредили, что он не сможет расти в чинах на флоте Его Величества, оставаясь греческим подданным. Филипп сразу все понял и изъявил желание стать гражданином Великобритании. В то время Греция еще соблюдала нейтралитет, и Англия не могла себе позволить столь огромный конфуз, как гибель наследника греческого престола (пусть даже маловероятного наследника — шестого в очереди) на борту английского военного корабля.

«Вот тут-то мы и получили сюрприз, — написал в дневнике вице-адмирал. — Принц Филипп рассказывал: «У дяди Дики есть относительно меня идеи. Он думает, что я могу жениться на принцессе Елизавете». Оправясь от замешательства, я спросил принца: «А вы ее любите?» — «О да, и очень, — ответил Филипп. — Я ей пишу каждую неделю».

В скобках адмирал добавил: «Я записал этот разговор незамедлительно и слово в слово».

Через два года, в 1941 году, Филипп, которому исполнилось двадцать один, все еще переписывался с пятнадцатилетней принцессой. Когда он про-

водил отпуск в Кейптауне, его кузина, греческая принцесса Александра, увидела, как гардемарин корпит над листом бумаги, и спросила, кому он адресует свое послание.

— Английской принцессе Елизавете, — сказал Филипп.

— Но она же еще ребенок!

— Может быть, я на ней женюсь.

Эти слова заставили Александру приуныть. «Подозреваю, я сама была немного влюблена в Филиппа, — призналась она спустя годы. — Я ведь была совсем юной и верила, что он возьмет меня в жены... Да и в моей семье заходила об этом речь».

Когда семья Филиппа развалилась, опекать его вызвались родственники. Его отец, принц Эндрю, был седьмым ребенком Георгия I, короля Греции. Мать, принцесса Эндрю Греческая, Элис, приходилась дочерью принцу Льюису Баттенбергу, первому лорду Адмиралтейства в годы Первой мировой войны. Его отец был кадровым офицером греческой армии. В 1922 году, когда турки вторглись в Грецию, Эндрю был обвинен в измене за невыполнение приказа и оставление позиций под вражеским огнем. После следствия и суда его заключили в тюрьму.

Пока он сидел в камере и ждал встречи с расстрельной командой, его жена взмолилась к английским родственникам, чтобы спасли жизнь Эндрю. Король Георг V вспомнил трагическую судьбу своего русского кузена («дорогого Ники») и послал к берегам Греции корабль, чтобы под угрозой пушек вывезти Эндрю и его семью. Принц с глухой супругой и четырьмя дочерьми поднялись на борт военного корабля Великобритании «Калипсо». Горе-полководец нес оранжевую люльку с полуторагодовалым сыном Филиппом.

Малютка с платиновыми локонами родился на греческом острове Корфу, на кухонном столе в доме, называемом Монрепо («Мой привал»), где не было ни электричества, ни горячей воды, ни даже водопровода. Чтобы объясняться с матерью, потерявшей слух в четыре года из-за коревой краснухи, он был вынужден изучить язык жестов. Кроме того, он освоил английский, французский и немецкий, но по-гречески не мог произнести ни слова. Покинув Грецию, он девять лет провел в пригороде Парижа с родителями-бедняками, хотя и принадлежащими роду королей. Жили они впроголодь, под чужим кровом, вынужденные терпеть позор изгнания и брать деньги у родственников на еду, одежду и обучение детей.

В 1930 году в течение девяти месяцев четыре старшие сестры Филиппа, обучавшиеся в Германии, вышли замуж за немецких аристократов. Один из них стал полковником СС, приближенным Гимmlера, а остальные — принцы, которые будут поддерживать нацистов в годы Второй мировой войны. Сестра Софи дала первенцу имя Карл Адольф — в честь Адольфа Гитлера. Удачно пристроив дочерей, отец Филиппа оставил позаимствованный дом и поселился на яхте своей сожительницы в Монте-Карло, где вскоре пристрастился к азартным играм. Его жена Элис, греческая принцесса, сильно сдала, расставшись с мужем. У нее, видимо вследствие климакса, не выдержали нервы. Ухаживать за юным сыном она больше не могла и вообще скоро оказалась в швейцарской клинике для душевнобольных.

Через несколько лет принцесса Элис снова появилась на виду. Она ударилась в религию и основала женскую обитель Марфы и Марии, ее сестры

во Христе взялись помогать больным и бедным грекам. В войну она прятала несколько еврейских семей и посмертно была удостоена государственных наград Израиля. То, что Элис побывала замужем и родила пятерых детей, не помешало ей принять обет безбрачия, и до конца своих дней она носила препоясанную белым шнурком серую рясу с вуалью и апостольником.

Как бы то ни было, в воспитании Филиппа она больше не участвовала, и заботы о десятилетнем мальчике легли на плечи его бабушки по материнской линии, вдовствующей маркизы Милфорд-Хейвенской. Она забрала внука в Англию, а когда через несколько лет умерла, ответственность за воспитание Филиппа взял на себя ее старший сын — Джордж, маркиз Милфорд-Хейвенский. Его жена Нада, мывшая ноги шампанским, эксцентричностью ничуть не уступала Эдвине Маунтбаттен. Обе были богаты и неутомимы и славились сексуальными приключениями. В 1934 году, когда в Нью-Йорке шел суд над Глорией Вандербильт, ее горничная дала показания, что стала свидетельницей лесбийских отношений между матерью юной Глории и Надой. «Она держала миссис Вандербильт в объятиях и целовала в губы», — сказала горничная. Об этой смачной детали — поцелуе в губы — не обмолвилась ни одна британская газета, потому что Милфорд-Хейвены — близкая родня английской королевской семьи, чьей репутации пресса никоим образом не желает повредить. Такой иммунитет распространился и на мужа Нады, Джорджа Милфорд-Хейвена, бисексуала, страсть как охочего до порнографии. Если верить заполненным его рукой гроссбухам, он потратил больше ста тысяч долларов на обширное собрание альбомов с эротическими фото-

графиями и книг о садомазохизме, кровосмешении, гомосексуализме, скотоложестве и семейных оргиях, где матери совокупляются с сыновьями, а отцы — с дочерьми. Джордж вложил целое состояние в покупку каталогов искусственных гениталий, средств повышения потенции, кнутов и прочих снастей для самоистязания. После его смерти эта порноколлекция частично перекочевала в Британский музей.

Маркизу Милфорд-Хейвенскому было всего сорок шесть лет, когда в 1938 году он скончался от рака, и опека над Филиппом досталась в наследство младшему брату Джорджа — лорду Льюису Маунтбаттену. «И тогда за мое воспитание взялся дядя Дики, — вспоминал Филипп, — а до этого считалось, что у меня не было отца. Вообще-то сейчас многие считают меня сыном Дики».

За десять лет Филипп проучился в десяти школах; платили его родственники. Одна богатая тетушка субсидировала его первые два года обучения в «Вязах» — школе для состоятельных американцев в Сен-Клу под Парижем. Еще четыре года счета за обучение оплачивала английская родня. Это когда он посещал «Оулд табор скул» в Суррее — одну из самых старых в Англии и свято чтущих традиции пригготовительных школ. Затем его сестры решили, что завершить образование он должен в Германии, и в 1933 году в возрасте двенадцати лет он появился в списках учеников баденского «Шлосс-Салема» — эту школу опекал его зять. «Когда мы с Филиппом учились в «Салеме», знания ценились невысоко, — вспоминала актриса Лилли Лессинг. — В чести были смелость, правдивость, забота о тех, кто слабее тебя... И Филипп — отличный спортсмен — был на высоте. Очень большое влияние на него, да и на всех нас, оказал доктор Курт Ган. Но доктор Ган был

еврей, и ему пришлось уехать из Германии. Он нашел пристанище в Шотландии, где основал «Гордонстон-скул», и через год Филипп уехал туда следом за ним».

Курт Ган («волевой и догматичный, возможно, с подавленными гомосексуальными наклонностями», по воспоминаниям некоторых бывших учеников) был директором экспериментальной мужской школы, предшественницы военизированных интернатов. В стенах этого заведения строго-настро-го запрещались разговоры о сексе, зато дети имели счастье познакомиться с такими радостями жизни, как почти армейский режим с отбоем по команде, изнурительные физические упражнения, ледяной душ дважды в день и освежающие пробежки перед завтраком. Филипп — один из самых истовых приверженцев Гана — в Гордонстоне процветал, получая прекрасные отметки и отличаясь в спортивных состязаниях. Он стал капитаном крикетной и хоккейной команд.

В Гордонстоне Филипп провел пять лет, и за это время опекуны не навестили его ни разу. Не имея собственного жилья, он был вынужден на каникулы уезжать к родственникам. Один из дядей, шведский наследный принц, подбрасывал ему денег на карманные расходы, но их никогда не хватало, чтобы оплатить все расходы. Даже одежду Филиппу часто приходилось одалживать у друзей, и они помнят, как сообща искали ему костюм и запонки для манжет и воротника, чтобы на свадьбу своей двоюродной сестры Марины и герцога Кентского он явился в подобающем виде.

Отучившись в Гордонстоне, Филипп пожелал надеть мундир королевских военно-воздушных сил и стать летчиком-истребителем. Но тут сказал

свое веское слово дядя Дики: мол, флот Его Величества — единственный род войск, достойный аристократа. «ВВС — это для рабочего класса... Все наши лучшие короли служили на флоте, — заявил Маунтбаттен. — Я твердо верю, что военно-морское образование — наиболее подходящее для будущего правителя». Поэтому Филипп поступил в военно-морское училище в Дартмуте.

При встрече с автором политических дневников сэром Генри Ченноном (по прозвищу Чипс) он был весьма откровенен. Знакомство это состоялось, когда Филипп гостил у матери в Афинах. Принц рассказал Ченнону, по каким причинам он не станет летчиком-истребителем, и этот диалог сэр Генри перенес на бумагу 21 января 1941 года. «Я отправился на уютную греческую вечеринку. Там был принц Филипп. Он поразительно красив. Он будет нашим принцем-консортом, вот почему он служит на нашем флоте».

К тому времени молодой гардемарин уже твердо знал свой курс и рулил напрямик к счастливому браку с будущей королевой Англии. Он уже и забыл, что три года назад влюбился без памяти в юную Кобину Райт-младшую, абсолютную рекордсменку мира среди наиболее часто фотографируемых женщин. Впервые они встретились в Венеции, когда Филипп проводил каникулы у тети Аспазии, вдовы греческого короля Александра.

Филипп вырос среди людей, в чьих жилах текла королевская кровь. Одним из его дядей был шведский наследный принц, другим — свергнутый греческий король, женатый на принцессе Марии Буонапарте, которая некогда была любовницей премьер-министра Франции, а позднее покровительствовала своему учителю Зигмунду

Фрейду. Кузина Филиппа — принцесса Александра вышла замуж за югославского короля, а самая любимая родственница, принцесса Фредерика, внучка кайзера, маршировала в колоннах гитлерюгенда, а затем стала королевой Греции. В детстве Филипп много времени провел в Кенсингтонском дворце, а также в королевских резиденциях Бухареста и на королевской вилле в Трансильвании, когда гостил у кузена, румынского принца Михаила. Королеву Румынии Марию он звал тетушкой Мисси. Навестил он и другую тетю, греческую королеву Софию, сестру кайзера.

Филипп, привыкший к русским белогвардейцам с темными зубами и европейской монархической родне с высокими скулами, оказался беззащитен перед мегаваттным сиянием заокеанских кинозвезд, среди которых особенно ярко сверкала Кобина Райт-младшая. Она жила в Голливуде, в высшем обществе — американском аналоге королевской касты. Блондинка сногшибательной красоты, она появилась на обложках «Лайф энд ледиз хоум джорнэл» в числе дебютанток Бренды Фрейзер. «В то время социальная принадлежность кое-что значила», — сказала ее мать, Кобина Райт-старшая, светский обозреватель изданий Херста, вечно стремившаяся занять более высокое положение, подобно дяде Дики. «Моя крошка Кобина пока всего лишь старлетка, — говорила она. — Но ведь ее отец, мой бывший муж, был мультимиллионером и числился в "Светском альманахе"*». Сама Кобина Райт-старшая после отвратительного и шумного развода лишилась почетного местечка

* Ежегодник, в котором приводятся имена и адреса лиц, принадлежащих к избранному обществу США.

в «Светском альманахе», а заодно и мужниных денег, и была вынуждена зарабатывать на жизнь, вовлекая в свою орбиту знаменитостей той эпохи — генералов, политиков, киноактеров, — всех тех, кого она благоговейно называла «сливками со сливок общества».

«Да, мама была такая энергичная, напористая, не жалела труда, чтобы познакомиться с самыми известными и важными людьми... Честно говоря, меня это всегда коробило», — призналась ее дочь.

Предприимчивая родительница готовила «крошку Кобину» к головокружительной карьере в Голливуде, которая неизбежно должна была увенчаться достойным браком. «Конечно, Кобина — «самая» девушка, — сказала она в 1938 году. — Самая фотографируемая. Самая интервьюируемая. Самая избалованная поклонниками». К тому времени она убедила китов прессы удостоить ее восемнадцатилетнюю дочь титулов «Мисс Манхэттен Всемирной ярмарки в Нью-Йорке», «Самой элегантной хозяйки нью-йоркского Саппер-клуба» и «Самой очаровательной девушки Палм-Бич». Позаботилась она и о том, чтобы имя ее дочери неразрывно сплослось со словами «любимица высшего общества».

К тому времени как Кобина встретила принца Филиппа, она уже пела в ночных клубах, позировала Джону Роберту Пауэрсу и работала по контракту на «Двадцатый век — Фокс» наряду с Линдой Дарнелл и Джин Тьерни, будущей знойной возлюбленной Джона Ф. Кеннеди и женой Олега Кассини.

Филипп был покорен в ту самую минуту, когда увидел ослепительной красоты молодую женщину в Венеции, за столиком бара «У Гарри», в обществе ее матери и итальянской графини. Она была ослепительна. В облике крошки Кобины не сквозило и

следа каменной надменности европейских кузин Филиппа, она выглядела соблазнительнее хищных молодых аристократок, так настойчиво домогавшихся его. В этой девушке сочетались солнечная беззаботность калифорнийского побережья и блестящая утонченность ночных клубов Манхэттена. Длинноногая, высокая, гибкая и стройная блондинка сверкала, как новенький американский цент; ее красота ничуть не уступала красоте Филиппа. Он в тот же миг покинул свою кузину принцессу Александру, двинулся через зал прямо к столику Кобины и беспечно поклонился старшим женщинам, подпрыгнувшим от неожиданности. Они сразу узнали Филиппа и от восторга лишились дара речи. Юная Кобина не догадывалась о том, кто к ней подошел, но все же по примеру матери встала и начала склоняться в реверансе. Филипп быстро выставил вперед ногу, словно хотел сделать ей подсечку.

— Ну что вы, — сказал он. — Я всего лишь третьеразрядный балканский принц не у дел. Меня зовут Филипп Греческий.

— Просто Филипп Греческий? — переспросила Кобина. — Без фамилии?

— Просто Филипп Греческий, — повторил он.

Крошка Кобина была заинтригована. Филипп пытался объяснить, что по традиции принцы не носят фамилий, ведь считается, что в странах, где они живут, их и так все знают. Фамилии нужны лишь подданным. «Потому что, — с улыбкой добавил принц, — их так много, а нас так мало».

Он рассказал, что на бланках Адмиралтейства всегда вычеркивает «мистер» и вписывает «Филипп, принц Греческий». И все же, перечисляя привилегии, отличавшие королевские семьи от

обычных, он сумел выглядеть очень демократичным, совсем земным. Пренебрежительно упомянув о «нудных церемониях», он очаровал Кобину. Да и сам Филипп был очарован ею настолько, что остался в Венеции еще на три недели и не отходил от девушки ни на шаг. Мать Кобины развернула привычную деятельность, и ее стараниями молодые люди кочевали с приема на прием, где танцевали и отдавали должное деликатесам и шампанскому. Позднее Райт-старшая скажет, что парочка проводила «вечера страсти» в гондолах на Гранд-канале, а ее дочь признается: «Вслед за мной Филипп отправился в Лондон».

Забыв о намеченной женитьбе на принцессе Елизавете, Филипп влюбился в американскую красавицу. Он сделал ей предложение, настоял на том, чтобы они считали себя помолвленными, и на Райт-старшую смотрел как на без пяти минут тещу, даже подарил ей свою фотографию с надписью «Моей милой Madre* от Филиппа». Он поклялся, что придет к ее дочери в Соединенные Штаты.

«Переселюсь в Америку и найду работу. Буду жить под именем Огастас Дженкс», — поделился он своими планами.

Кобина-старшая была на седьмом небе от счастья — надо же, на ее дочери хочет жениться настоящий принц! Меньше всего ее заботило, что этот принц — отпрыск самого захудалого королевского рода в Европе и живет на милостыню. «Принц без королевства» — так она любовно охарактеризовала этого красивого молодого викинга. Деньги — не главное. Главное — породниться с

* мать (исп.).

королями. Поэтому она решила всячески способствовать заключению брака между Филиппом и своей дочерью. Она обрадовалась, когда Филипп захотел последовать за ними из Венеции в Лондон, и ей польстило желание принца присоединиться к ним, когда он узнал, что они с дочерью приглашены на уик-энд в загородный дом английской актрисы Би Лилли.

«Филипп напоминал мне огромного голодного пса, — говорила его кузина Александра. — Этакое дружелюбное колли, который сроду не имел своей конуры и привык на любой зов радостно откликаться, виляя хвостом».

Кобина-младшая с Филиппом провели три недели в Венеции и еще одну — в Англии. Они танцевали на балах и рука об руку гуляли по лондонским улицам, плакали, когда смотрели грустный французский кинофильм «Майерлинг» с Чарльзом Бойе и Даниэль Дарье в главных ролях.

Вечером накануне отплытия обеих Райт в Америку Филипп приехал к ним в отель «Клариджес» — попрощаться. Он подарил крошке Кобине золотой браслетик с гравировкой «люблю» и брелком в виде греческого флага. Целуя ее, юноша плакал.

Потом на протяжении трех лет он писал ей дважды в неделю. «Это были полные страсти письма влюбленного, — делится впечатлениями Гант Гайтер, один из самых старых друзей Кобины. — Он клялся, что вопреки всем обстоятельствам будет добиваться ее руки. Как он мечтал жениться на ней! Но увы, Кобину-младшую этот пылкий юноша нисколько не интересовал».

Это подтверждают и прочие ее друзья. «Тут никаких сомнений, — утверждает писатель Стивен

Бирмингем, в 1973 году проведший с Кобиной-младшей несколько часов и написавший о ней статью для «Тайм энд кантри». — Да, у нее был роман с принцем Филиппом, и ее мать хотела их поженить, но Кобина воспротивилась. Она влюбилась в Палмера Бодетта и в 1941 году вышла за него замуж. Мать ей этого до самой своей смерти не простила».

Еще долго после того, как Райт-младшая предпочла наследника семьи автомобильных королей Бодетта молодому греческому принцу, Райт-старшая слала ему письма. Не унывая, Филипп, носивший погоны офицера британского флота, возобновил переписку с кузиной принцессой Елизаветой. Но равнодушные к чарам актрис сохранятся у него, как и у его отца, на всю жизнь.

«В то время почти каждая английская девушка писала кому-нибудь на флот или на фронт, — вспоминала гувернантка принцессы Елизаветы Мэрион Кроуфорд (Кроуфи). — Думаю, Елизавете тоже нравилось при случае говорить, что она шлет посылки и письма человеку, который сражается за ее страну».

Однажды Кроуфи увидела фотографию Филиппа на каминной доске в покоях принцессы.

— По-вашему, это разумно? — спросила гувернантка. — Здесь бывает много людей. Представьте, что они подумают? Какие поползут слухи?

— Да, моя дорогая, слухи поползут, в этом я не сомневаюсь, — ответила принцесса.

Но через несколько дней фотография исчезла. На ее месте появился другой портрет Филиппа, на нем светлые усы и борода закрывали пол-лица.

— Ну что, Кроуфи? — спросила принцесса. — Бьюсь об заклад, теперь его никто не узнает.

Но слухи, конечно, все-таки поползли и скоро добрались до одной из газет, которая напечатала статейку о том, что в спальне принцессы Елизаветы можно увидеть фотопортрет греческого принца Филиппа. Дядя Дики пришел в восторг. Письма «дорогому Филиппу» и «дорогой Лилибет» порхали между Виндзорским замком и линкорами в Средиземном море, в проливе Бонифачо, у берегов Алжира, Мальты, Цейлона и Австралии.

Гардемарин, официально отказавшийся от притязаний на греческий трон, к 1942 году дослужился до звания лейтенанта. В сорок третьем Филипп вернулся в Англию и четыре месяца не ходил в море. Тогда-то его и пригласили на Рождество в Виндзорский замок. Спустя несколько лет он скажет: «Я принял приглашение только потому, что больше никуда идти не собирался». В гостях он довольно смело шутил с королевой Марией, и та сочла его «очень ярким молодым человеком». Короля Георга VI он развлекал рассказами о том, как возле Сицилии немецкий пикирующий бомбардировщик атаковал его корабль, о борьбе с подводными минами и торпедами. Естественно, роль Филиппа в приближении победы над врагом смотрелась более чем выпукло. «Весьма и весьма занятные приключения», — скажет потом Его Величество. Зная, что Филипп имеет награды, король выслушал его внимательно, однако было нечто раздражающее в громком смехе, напористости и прямолинейности молодого человека. Разумеется, такой заботливый отец, как Георг VI, не мог желать для своей любимицы Лилибет брака с грубияном, подобным Филиппу. Тем паче что Филипп не был богат и не мог одеваться, как подобает джентльмену. «Его гардероб просто ужасен», — поморщился король.

Джон Дин, камердинер лорда Маунтбаттена, с этим не спорил. «Кажется, принц Филипп слабо разбирался в партикулярной моде, — вспоминал он. — Его гардероб не вызвал бы зависти даже у заурядного банковского клерка... Должно быть, жалованье флотского офицера едва позволяло принцу сводить концы с концами... И в Лондон он приезжал всегда налегке, иногда только с бритвой... Даже собственной расчески не имел. Может быть, о нем на службе плохо заботились, может, сам был неряшлив — не имел привычки держать в запасе свежие рубашки. Когда он ложился спать, я стирал его сорочку и носки, а по утрам гладил. А еще я штопал ему белье».

Отец Филиппа в возрасте шестидесяти двух лет умер в 1942 году на руках у богатой любовницы. За пять лет до этого он увидел сына в последний раз. От принца Эндрю остались увечные чемоданы с траченными молью костюмами, ветхими орденскими лентами и набором бритвенных принадлежностей из слоновой кости. До 1946 года Филипп не мог вступить во владение наследством, а после костюмы перешли, и он наконец обзавелся штатским гардеробом. Но обноски из потертого габардина не произвели выгодного впечатления на Его Величество, для которого только твид и пласфорсы являлись признаками хорошего воспитания. Правда, Елизавета настаивала, чтобы отец предложил Филиппу поучаствовать в стрельбе по шотландским куропаткам на территории Виндзорского парка, но король не согласился — опять же из-за того, что у Филиппа не было пласфорсов. Принц даже не представлял, что это такое. Его Величество объяснил, что это разновидность брюк, которые называются так потому, что они на четы-

ре дюйма длиннее обычных гольфов — мешковатых никербокеров*.

«Пусть тогда твои наденет, у тебя же их много», — нашлась Елизавета.

Король неохотно уступил, но все же затаил в душе неприязнь к молодому человеку, который никогда не носил пижам и домашних шлепанцев, не имел выходных костюмов да вдобавок не стыдился изношенной обуви. Английский монарх пришел к заключению, что у Филиппа манеры простолюдина, а не принца крови.

Личному секретарю короля сэру Алану Ласелю (Томми) Филипп показался хулиганом. «Невоспитанный, необразованный, неотесанный и, похоже, не очень-то благонадежный», — вот его отзыв, дошедший до нас благодаря писателю Филиппу Зиглеру.

Монарх судил о принце по одежке и не мог постичь его равнодушия к пуговицам и бантам. И хотя Филипп всегда был учтив и предупредителен с «дядей Берти и тетей Елизаветой», его самоуверенность и фамильярность никак не импонировали королю. Королеве же не понравилось, что Филипп сразу почувствовал себя в Виндзорском замке как дома; он даже распоряжался слугами, в связи с чем она была вынуждена сделать ему несколько замечаний. Но ни она, ни ее муж не подозревали, что их застенчивая семнадцатилетняя дочь прочит этого молодого офицера себе в мужья.

«Сдается, они поладили намного раньше, чем об этом заговорила пресса, — сказал Чарльз Меллис, двенадцать лет прослуживший поваром на ко-

* Слово «пласфорсы» — «plus fours» (англ.) — переводится как «плюс четыре».

ролевском поезде. — Я в поездках кое-что замечал... Как они смеялись, поддразнивали друг друга и обменивались заговорщическими взглядами. И никогда не забуду, как на них прикрикнула королева-мать: «Эй вы, двое! Хватит толкать друг друга под столом, ведите себя прилично».

Принцесса Маргарет немилосердно дразнила сестру, «втрескавшуюся» в Филиппа, а король с королевой, похоже, ни о чем таком не подозревали. Но в 1944 году они наконец заметили, что Елизавета взрослеет, — это случилось на скромном балу у герцогини Кентской. Они обратили внимание, что Филипп почти все танцы протанцевал с их старшей дочерью и попал в репортерский объектив, когда помогал ей надеть шубку. Но и после этого они не видели в нем кандидата в зятя до восемнадцатого дня рождения Елизаветы, когда дядя Дики уговорил своего кузена, греческого короля Георгия, потолковать на эту тему с Георгом VI. Разумеется, король Англии тотчас понял, кто дергает за ниточки, и сказал о лорде Маунтбаттене: «Он слишком быстро едет». Позже в письме к матери, королеве Марии, он писал: «Мы оба считаем, что сейчас она еще слишком для этого юна. За ней еще не ухаживали молодые люди... Мне нравится Филипп, он умен, с недурным чувством юмора и правильно смотрит на вещи... Мы намерены сказать Георгию, что Ф. пока не стоит строить планы».

Лорда Маунтбаттена это не обескуражило. Дядя Дики уцепился за словечко «пока» и затеял кампанию по смене Филиппом гражданства и религии — чтобы в будущем принц идеально подходил на роль супруга королевы. Но поскольку в Греции бушевала гражданская война и на стороне правительства сражались британские части, Ма-

унтбаттену дали понять, что Филиппу не время менять паспорт, — это будет превратно истолковано и демаскирует английскую помощь греческим роялистам. Либо, напротив, мировая общественность придет к выводу, что Британия считает роялистскую карту битой и предоставляет Филиппу что-то вроде убежища. Так что с этой затеей надо подождать до марта 1946 года, когда в Греции пройдут всеобщие выборы и референдум насчет монархии.

Маунтбаттен, не забывший, как его самого третируют за немецкие корни, обеспокоился. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Филиппу припомнили шлезвиг-гольштейн-зондербург-глюксбургскую родословную и связи с сестрами и их мужьями, яркими персонажами истории «Третьего рейха»! А ведь со своим зятем Бертольдом, маркграфом Баденским, Филипп был особенно близок. Вызывал тревогу и принц Филипп Гессенский, в честь которого получил имя протеже дяди Дики. Этот немецкий родственник был личным посланником Гитлера и служил так добросовестно, что удостоился почетного звания генерала штурмовиков. А до своей смерти в 1943 году еще один дядя Филиппа — принц Кристофер Гессенский — возглавлял секретную службу телефонного прослушивания под крылом у Геринга. Впоследствии эта служба разрослась и превратилась в гестапо — тайную политическую полицию нацистов.

Дядя Дики решил во что бы то ни стало максимально отдалить Филиппа от его немецкой родни. Кто-кто, а стреляный воробей Маунтбаттен знал, каким страшным оружием может она стать в руках английского истеблишмента. Поэтому он направил главе Британского комитета по граж-

данским делам письмо, в котором подчеркивал, что Филипп больше половины жизни провел в Англии и перед войной пошел служить на флот Его Королевского Величества с намерением всего себя отдать офицерской карьере. «Он вырос настоящим англичанином. Он отлично стреляет, превосходно держится в седле и во всех спортивных играх, таких как футбол, проявил незаурядные способности», — нахваливал принца Маунтбаттен.

Затем он написал Филиппу, чтобы тот «натурализовался на всех парах», после чего можно будет перевести на новый виток роман с принцессой Елизаветой. Филипп ответил дяде слезной просьбой сбавить обороты.

«Я вас умоляю, — писал он, — не советовать так часто моему бедному сердцу, иначе я буду вынужден ухаживать через посредника».

Филипп знал, как огорчила родителей его избранницы статья в «Нью-Йорк таймс», озаглавленная «Свадьба по последней моде» и утверждавшая, что наиболее вероятный кандидат в суженые принцессы Елизаветы — принц Филипп Греческий. Букингемский дворец официально опроверг «эти домыслы». Но фабричные рабочие Англии за шесть тяжелых военных лет истосковались по светским романам. И когда их будущая королева впервые с 1945 года, со дня безоговорочной капитуляции Германии, появилась на людях, толпа встретила ее экзотическими воплями: «Где Филипп? Как там Филипп? Вы за него выйдете?»

— Это было ужасно, — впоследствии сказала Елизавета сестре.

— Бедняжка Лилибет, — посочувствовала Маргарет, — ничего тебе не дадут сделать по-своему. Даже влюбиться...

ГЛАВА 5

Накануне 1945 года дом Виндзоров снова подвергся реконструкции. Королевское семейство повторно разукрасило свой темный немецкий фасад в яркие британские цвета и дополнило экстерьер привлекательной лепниной. Под толстым слоем штукатурки скрылись родовые изъяны, и теперь обновленная германская династия выглядела решительно английской, — такой английской, что к концу Второй мировой войны семейство царственных ловкачей стало популярным как никогда. Отойдя от политики, оно могло уже не опасаться внутренних раздоров. Более того: оно теперь служило образцом респектабельности. Персонифицированная в королевской семье, монархия олицетворяла собой верность долгу, этикету и приличиям.

После того как союзники сокрушили фашистскую Германию, англичане отвернулись от своего отважного лидера военного времени — премьер-министра Черчилля, зато всей душой возлюбили застенчивого маленького монарха. В тот день, когда Германия подняла белый флаг, Букингемский дворец окружили громадные толпы, чтобы

рукоплескать обожаемому королю и королеве. Августейшее семейство — символ преданности Британии высшим моральным ценностям — оказалось раз и навсегда в фокусе внимания. Как только на балкон вышла королевская чета и замахала народу руками, в толпе кто-то выкрикнул: «Благодарение Господу за такого короля!» Тронутый до глубины души, Георг VI подошел к балюстраде и запинаясь ответил: «Б-б-благодарение Господу за т-т-такой народ!»

Война наконец закончилась, и Его Величеству хотелось возместить недоданное по вине обстоятельств семье, особенно старшей дочери. Он предвкушал пикники в Сандринхеме, стрельбу по куропаткам, утиную охоту и травлю оленей в Балморале и рассчитывал, что Елизавета примет участие в его любимых забавах. Девятнадцатилетняя наследница трона любила проводить время с отцом, но за шесть лет вынужденного заточения в Виндзорском замке взлелеяла мечту о свинговой музыке лондонских ночных клубов.

Девочка выросла. Теперь у нее была собственная фрейлина, собственная спальня. В ее распоряжении был «даймлер» с шофером. Она никогда не ходила в школу и не бывала в других странах; ей не приходилось мыть ванну, готовить пищу, оплачивать счета. Зато она сама выбирала себе платья, и, когда ее будущие подданные еще покупали одежду по талонам и шили юбки и брюки из старых гардин, она пользовалась услугами личного кутюрье и заказывала вечерние атласные платья без бретелек.

«Мне, конечно, хочется иметь и собственный автомобиль, — сказала она подруге, — но дома так долго обсуждается, какую марку мне завести, что вряд ли моя мечта когда-нибудь исполнится».

Действительно, все, что касалось Елизаветы, вызвало бурные пересуды. Ее отец не принадлежал к числу инициативных людей. Он постоянно боялся сделать неверный шаг, все время заботился о приличиях, гадал, что о нем подумают. Самое пустяковое дело он начинал, лишь выяснив мнение каждого из придворных. Его жена, напротив, была ничуть не мнительна, но не всегда твердо знала, что для ее старшей дочери хорошо, а что — плохо. А посему такие проблемы, как приобретение автомобиля, шубы или новой лошади для Елизаветы, никогда не решались без тщательного обсуждения.

«Они желали ей самого лучшего, — вспоминала гувернантка Кроуфи, — но ведь родители не всегда отдают себе отчет, в чем это «самое лучшее» заключается».

В одном лишь вопросе король с королевой быстро достигли согласия — Филипп Греческий не годится в зятя. Само собой, они видели, что дочь весьма неравнодушна к красивому лейтенанту флота, но лишь потому, что до сих пор за ней не ухаживали другие мужчины. Поэтому родители взялись за организацию балов, чаепитий, выездов в театры и официальных приемов, чтобы дочь имела возможность познакомиться с отпрысками приличных знатных семей. На эти мероприятия приглашали и офицеров некоторых воинских подразделений, размещенных в окрестностях Виндзорского замка. «Надутые, чопорные, нудные», — так отозвалась Елизавета об этих джентльменах со скошенными подбородками, а ее сестра вспомнила о таких пикантных деталях, как «гнилые зубы, толстые губы и дурной запах изо рта».

Достойная командос тактика отвлечения противника, предпринятая родителями, не укрылась от

глаз бабушки, королевы Марии, которая прозвала стайку молодых офицеров, неожиданно-негаданно объявившихся во дворце, «телохранителями». Ее фрейлина пришла к ошибочному заключению, что король — патологический собственник, что перспектива замужества дочери внушает ему ужас.

В 1946 году в Англию вернулся Филипп и получил от Елизаветы приглашение погостить у ее семьи в Балморале. Они не виделись уже три года, с Рождества сорок третьего, когда она с хохотом убегала по коридорам Виндзорского замка, а он догонял, завывая привидением и клацая огромными бутафорскими челюстями.

«Да, разок-другой я встречал в Виндзорском замке Рождество — надо же где-то его встречать, — скажет Филипп много лет спустя. — Будь это просто случайное знакомство, оно бы, конечно, имело огромное значение. А когда вы в родстве — я ведь знал там половину людей, и все они были моей родней, — ничего странного в том, что мы поддерживали добрые отношения. И вовсе не обязательно думать о матримониальных планах».

В то время Елизавета была в восторге от шуток и розыгрышей кузена*, особенно когда он протягивал ей банку орехов, а оттуда выскакивала игрушечная змея, или когда за обедом подавал ей булочки, сопровождая это, по ее выражению, «грубыми кишечными звуками». Подчас она так хохотала, что не могла есть. И в 1946 году, вспоминая своеобразный юмор и симпатичный облик Филиппа, Елизавета с нетерпением ждала новой встречи. Она даже расспрашивала гувернантку о любви и замужестве.

* Филипп и Елизавета состояли в родстве по линии датского короля Христиана IX, а также по линии королевы Виктории и короля Георга III. — *Примеч. авт.*

«Кроуфи, а как люди влюбляются?»

«Я говорила с ней о таких вещах, как сильное обоюдное влечение, которое не только сближает мужчину и женщину, но и удерживает их вместе на протяжении всей жизни, — вспоминала гувернантка. — И принцесса внимательно слушала».

«Думаю, это действительно всерьез началось в Балморале», — сказал Филипп, вспоминая милостивую двадцатилетнюю принцессу, которая и через три года смеялась его шуткам.

«Я до сих пор помню вечеринки после посещения театра, где почетным гостем принцессы Лилибет (так мы все ее звали) был принц Филипп, — говорил Рене Руссен, бывший придворный повар. — И специально для него принцесса заказывала мне пирожки с омарами — принц Филипп их особенно любил».

После того как Филипп провел несколько дней в шотландской резиденции королей, Его Величество почувствовал, что принц злоупотребляет гостеприимством.

«Мальчику пора на юг», — сказал Георг VI своему любимому конюшему, подполковнику ВВС Питеру Таунсенду. И Филипп был вынужден откланяться. Позднее он предлагал Елизавете навещать его в Кенсингтонском дворце, где имела покой его тетя, маркиза Милфорд-Хейвенская, и в доме Маунтбаттенов на Честер-стрит. Кроме того, он уговорил Елизавету вместе с ним нанести визит старшей дочери лорда Маунтбаттена, Патриции, и ее новому мужу лорду Брэбурну, которые жили в скромном коттедже в графстве Кент.

«Для нее это был совершенно непривычный образ жизни, — вспоминает Брэбурн. — Наш быт Елизавету в полном смысле этого слова очаровал,

хотя ее горничная оказалась не в силах поверить в это, когда увидела, где мы живем».

Филипп возил принцессу и в Коппинс, Букингемширское поместье герцогини Кентской, где он провел многие отпуска. Греческая герцогиня Марина, которую привезли в Англию, чтобы выдать замуж за гомосексуалиста герцога Кентского, была одной из любимых родственниц Филиппа. Побывав в Коппинсе несколько раз, Елизавета доверила Марине свою тайну: «Папа не хочет, чтобы я слишком часто виделась с Филиппом или еще с кем-нибудь, так что вы, пожалуйста, не говорите ему». Гречанка выполнила просьбу.

Александра, кузина Филиппа, знавшая о тайных наездах парочки в Коппинс, не забыла о бурном романе принца с Кобиной Райт-младшей и полагала, что с Елизаветой он просто дружит.

— Я лишь надеюсь, что Филипп не волочится за ней, — сказала она Марине. — Он такой легкомысленный — флиртует, даже не подозревая об этом.

— Боюсь, дни его флирта сочтены, — ответила герцогиня. — Флирт это или не флирт, на сей раз страдать придется Филиппу. В одном лишь я уверена: эти двое никогда не захотят причинить друг другу боль.

Через много лет, вспоминая о своих отношениях с Елизаветой, Филипп сказал: «Мне кажется, одно влекло за собой другое. Наверное, всерьез я об этом начал задумываться... дайте прикинуть... в сорок шестом, когда вернулся в Англию и приехал в Балморал. Наверное, именно тогда мы... как бы выразиться... стали подумывать об этом серьезно и даже поговаривать...»

Погостив в Балморале в августе 1946 года, Филипп тайно сделал Елизавете предложение и опять

же тайно получил согласие. Впервые в жизни она принимала решение сама, не посоветовавшись с родителями. А вскоре у них случился первый спор — она с пеной у рта требовала, чтобы ее выдали замуж за нищего греческого принца и ни за кого другого. Елизавета уже ознакомилась с «Законом о королевских бракосочетаниях» 1772 года, гласившим, что потомки Его Величества Георга II обязаны просить у монарха позволения вступить в брак, и это разрешение должно быть «оглашено на королевском совете» до свадьбы. Елизавета просила разрешения у отца, но не получила. Он поделился своей досадой с конюшим, который вполне разделял мнение короля относительно «настырного молодого человека» и считал, что в таких делах, как выдача наследницы престола замуж, спешить грешно.

В августейшем семействе Елизавету поддержала только ее бабушка королева Мария, чей брак по расчету с королем Георгом V с годами обернулся союзом двух любящих сердец и привел к появлению на свет пятерых детей. Она не улыбалась, когда в ее присутствии высмеивали принца Филиппа, а если речь заходила о «нелепых экспериментальных школах с идеями всеобщего равенства», где «мальчиков учат якшаться со всеми без разбора», королева-мать мрачнела и устремляла взор в пустоту. Когда ее спрашивали: «Разве это можно назвать полезным багажом для зятя короля?» — она коротко отвечала: «Можно».

Осторожный король обсудил возможность брака его дочери с приближенными, и те подкрепили свои рекомендации результатами социологического опроса, проведенного журналом «Санди пикториэл». Оказывается, сорок процентов английских читателей, «обладающих классовым само-

сознанием», против свадьбы Елизаветы с Филиппом, «потому что он иностранец».

Когда принц Альберт женился на королеве Виктории и переселился в Англию, в разговорах придворных он фигурировал как «этот немец», а его приближенные — как «немецкие шпионы». Теперь, более века спустя, окружение британских королей демонстрировало подобную же ксенофобию. Филиппа они прозвали «Греком Филом».

Филипп себя выдавал за скандинава. «Точнее, я датчанин, — сказал он репортеру. — Дома мы говорим по-английски... но иногда переходим на французский. Случается и немецкий вспомнить, у меня ведь кузины немки. Когда не найти подходящего слова в одном языке, ищешь в другом...»

Дочь герцогини Мальборо вспоминала, как ее братья насмеялись над Филиппом за глаза, потому что не считали его аристократом. «Он не знал, чем живет страна, — говорила герцогиня. — Он был пришельцем из другого мира — это и привлекало к нему Елизавету. Ну и, конечно, его убийственная красота. Боже, как он был красив! Ему не суждено было врать в британский истеблишмент, но он иногда честно пытался стать таким же претенциозным, скучным и чопорным, как мы все. Разумеется, из этого ничего не вышло — яркая индивидуальность всякий раз брала свое».

Елизавета билась за него героически. Снова и снова уговаривала она отца, снова и снова твердила, что не просилась в королевские наследники, и раз уж ей суждено до конца своих дней носить корону, то неужели она не может себе позволить такой жалкой побрякушки, как брак с любимым человеком? «Вы же все-таки женились на маме, хоть она была и не королевского рода. А Филипп — из королевской

семьи». Его Величество вздохнул и сказал, что Елизавета еще слишком молода, чтобы думать о замужестве. Принцесса не полезла в карман за контрадволом: «А королева Виктория? Ей было всего двадцать, когда она вышла за принца Альберта, и посмотрите, каким удачным оказался этот брак!»

Но короля она этим не убедила. Любящий отец весьма сомневался, что из Филиппа получится верный муж. Он кое-что знал о том, как молодой лейтенант проводит отпуска, в частности, знал о его привычке наведываться со своим другом и сослуживцем Майклом Паркером в александрийские бордели. Не нравились королю и слухи об отношениях Филиппа с его подругой детства Элен Корде, и уж совсем он не одобрял полуночные вылазки в Уэст-Энд с кузеном Дэвидом Милфорд-Хейвенем. Но больше всего огорчало Георга VI крепнущее желание дочери выйти замуж за Филиппа. Она отдавала себе отчет в том, что ей, как прямой наследнице престола, необходимо получить отцовское согласие на брак, а также согласие правительств страны и Содружества. И тогда Елизавета напугала родителя до полусмерти, выразив готовность пойти по стопам дяди, герцога Виндзорского, который отрекся от престола ради любимого человека.

О намерении принцессы принести долг в жертву любви узнал даже посол США в Великобритании Льюис Дуглас, близкий друг королевской семьи. В 1947 году он памятной запиской информировал Государственный департамент: «...Как нам стало известно, принцесса Елизавета хочет выйти замуж [за принца Филиппа] и готова последовать примеру своего дяди, короля Эдуарда VIII, то есть отказаться от престола. Она крепкий орешек».

Через сорок с лишним лет один из бывших приближенных короля вздрогнул при упоминании о том, как в 1936 году герцог Виндзорский отрекся от трона. В придворных кругах этот поступок все еще считался вопиющим кощунством. «Принцесса не угрожала сделать это... непременно, — пояснил экс-вельможа. — Она лишь сказала, что способна понять поступок влюбленного дяди. А это совсем не то же самое, что заявление о готовности отречься».

Елизавета уже ни от кого не скрывала свои чувства. Она так откровенно обожала Филиппа, что дала толчок слухам, и зарубежная печать затрубила о «неофициальной помолвке» высокородной парочки. Британская пресса не посмела муссировать эту тему, однако король, встревоженный мнением мировой общественности, велел своему секретариату дать официальное опровержение. Осенью 1945 года таких опровержений было опубликовано пять.

Сделав Елизавете предложение, Филипп принялся хлопотать о натурализации, желая впредь именоваться «лейтенантом военно-морского флота Его Величества Филиппом Маунтбаттенем». Впоследствии он будет отрицать, что делал это по настоянию дяди Дики. «Я не придавал этому [приобретению английского гражданства и аристократической фамилии] слишком большого значения, — скажет он биографу в 1971 году, — но в конце концов убедился, что лучшей альтернативы не существует... Общество заблуждается, считая, что дядя Дики всю жизнь руководил моими поступками».

Отказавшись от прав престолонаследия, Филипп затем отрекся от греческой православной церкви, чтобы принять англиканскую религию.

16 декабря 1946 года «Нью-Йорк таймс» заявила на первой полосе, что лишь политические соображения, погубившие так много королевских романов, задерживают оглашение помолвки принцессы Елизаветы, наследницы британского трона, и греческого принца Филиппа. И снова Букингемский дворец дал опровержение.

Король был вне себя. Последнее время он нервничал все чаще и по любому поводу и требовал, чтобы на обеденном столе рядом с его прибором обязательно присутствовал графин с виски. Пил он много. А между тем в его изнуренной войной стране еще не отменили нормированное распределение пищи и топлива. Была у Англии и другая проблема: миллионы демобилизованных военнослужащих существенно увеличили армию безработных. И уже не с мудрым, дальновидным и тактичным Уинстоном Черчиллем приходилось иметь дело королю, а с новым премьер-министром от партии лейбористов — Клементом Эттли, которого консервативный монарх считал «чересчур левым». Когда кто-то в присутствии Черчилля сказал, что Эттли — человек скромный, Черчилль согласился: «У него есть все основания для того, чтобы быть скромным».

В 1936 году Его Величество оставил в дневнике унылую фразу: «Лейтмотив всех наших разговоров — провиант, одежда и топливо». Он был раздражителен, особенно в присутствии кузена Дики Маунтбаттена, который распустил перья, как павлин, когда новое лейбористское правительство назначило его вице-королем Индии и поручило наблюдать за продвижением этой страны к независимости. Королева жаловалась,

что Дики «снова звенит медалями» и чаще появляется в «Мувитон-ньюс»*, чем король.

Спустя годы она высмеет статью о Маунтбаттене в «Кто есть кто» как чрезмерно раздутую и напыщенную. Особенно ее рассердило, когда он потребовал для себя права посвящать жителей Индии в рыцари, как это делает в Англии Его Величество. Королева высказала свои возражения премьер-министру Эттли, и тот согласился. «Таких полномочий ни у кого не было уже целый век, — сказал Эттли, — но он [Маунтбаттен] поставил это непременным условием своего вступления в должность». Как ни досадовал король, он чувствовал, что Маунтбаттен — не самая главная его проблема, куда опаснее креатура дяди Дики — Филипп, особенно если он станет консортом будущей английской королевы.

А тут, как назло, любимая дочь не пожелала расставаться со своим тайным женихом и сопро-

* Киножурнал, популярный до наступления телевизионной эры. Выпуски «Мувитон-ньюс» показывали в кинотеатрах до или после художественных фильмов. Киножурналы появились в 1909 году и особую славу приобрели в тридцатых и сороковых годах.

Английский писатель Найджел Николсон вспоминал, как в 1947 году с подружкой Сибиллой Колфакс видел в Лондоне один из выпусков журнала. Они специально пришли посмотреть отбытие Маунтбаттенов из Индии по истечении срока вице-королевских полномочий.

«Их снимали в аэропорту вместе с Джавахарлалом Неру, — рассказывал Николсон. — Когда взлетел самолет, Сибилла мне шепнула: «Почему-то не показали, как Эдвина в последний момент поцеловала Неру в губы, тем самым глубоко оскорбив чувства индийцев и сведя на нет все, чего добился в этой стране дядя Дики». И тут сидящая как раз перед нами женщина оборачивается и говорит: «Здравствуй, Сибилла». Это была Эдвина Маунтбаттен, а рядом с ней сидел ее муж — решили сходить инкогнито в кино, посмотреть на себя. Я почти не сомневался в том, что они услышали слова моей приятельницы. «Ну что, уходим?» — спросил я ее. «Пожалуй, так будет лучше», — ответила Сибилла. И мы ушли». — Примеч. авт.

вождать родителей в десятидневной поездке по Южной Африке и отмечать там двадцать первый день рождения. Но на этот раз король проявил характер. Поездка была запланирована четыре месяца назад как знак благодарности южноафриканцам за то, что они вышвырнули своего премьер-министра, и за оказанную британцам поддержку в годы Второй мировой войны. Его Величество надеялся, что раны, расколовшие эту страну, можно исцелить бальзамом английских королей. Прежде ни один монарх не посещал Южную Африку с семьей, и присутствие Елизаветы на открытии объединенного парламента в Кейптауне, где Георг VI собирался выступить с приветственной речью, должно было подчеркнуть его благородный почин. Ожидая пышного приема, он указом велел обеспечить себя и семью убийственным для бюджета гардеробом со всем, что полагается: жемчугом, алмазами, золотой парчой и неисчислимыми ярдами шелка и атласа. Обычному англичанину причиталось в год от сорока восьми до шестидесяти шести талонов на ткани и одежду; королевское же семейство получало сто шестьдесят талонов дополнительно. На южноафриканский гардероб оно потратило четыре тысячи триста двадцать девять талонов, и его приобретение удостоилось такой похвалы «Нью-Йорк таймс»: «Самая роскошная коллекция нарядов в истории британских королей».

В двадцать первый день рождения Елизавета произнесла торжественную речь: как-никак — совершеннолетие. Будущая королева клялась посвятить жизнь благу соотечественников. Речь транслировалась всеми радиостанциями западного мира. Перед этим прошло несколько репетиций, и каждый раз, по словам Елизаветы, у нее слезы навертывались на глаза, когда она с чувством произносила:

«Я заявляю, что вся моя жизнь, короткой она окажется или долгой, будет отдана служению вам, служению великому Содружеству, к которому все мы принадлежим*. Но у меня не хватит сил выполнить это обещание, если вы все не откликнетесь на мой призыв, не поддержите меня. Однако я верю: вы обязательно поможете мне. Благослови Господь всех тех, на кого я смогу опереться».

Наконец короля удалось уломать. Он позволил дочери выйти замуж за Филиппа, который сменил фамилию, национальность, религию и уже не вызывал у британского истеблишмента зубовного скрежета. Дядя Дики быстро познакомил племянника с воротилами прессы, и те признали, что родство с королевой Викторией (Филипп, как и Елизавета, приходился ей праправнуком) и служба на Его Величества военно-морском флоте делают его вполне подходящим кандидатом в консорты. И все же король еще долго не соглашался официально сообщить о помолвке. Георг VI распорядился хранить эти планы в строжайшей тайне до его возвращения из Южной Африки. В нем еще не умерла надежда, что Елизавета передумает. Придворные получили указания опровергать все слухи, касающиеся наследницы престола и ее избранника, а от Филиппа король потребовал крайней осмотри-

* В следующем, 1948 году лейбористское правительство приняло «Британский национальный закон», который приравнивал гражданство Содружества к британскому гражданству, что дало гражданам Содружества право жить в Соединенном Королевстве. Когда возникло Содружество, его члены согласились с тем, что «британский монарх должен быть символом свободного объединения народов [Содружества], а следовательно, главой Содружества», невзирая на то, что не все страны-участницы считают себя принадлежащими английской короне. К 1997 году Содружество включало в себя 53 государства с населением 1,4 миллиарда человек. — *Примеч. авт.*

тельности, запретил ему показываться на людях рядом с Елизаветой до возвращения августейшей семьи в 1947 году.

Филиппу не удалось попрощаться с невестой на вокзале Ватерлоо или у портсмутского причала, на борту корабля, увозящего королевскую семью. Будущему зятю короля не позволили даже прийти в Букингемский дворец на прощальный обед, и ему настоятельно не рекомендовали показываться через десять недель на пристани, чтобы встретить королевскую семью. Однако король разрешил Филиппу писать Елизавете письма. Правда, за два дня до ее отбытия жениху и невесте дали возможность отпраздновать помолвку в лондонском особняке Маунтбаттена на Честер-стрит. Кроме молодой пары, там присутствовали королевская семья и хозяйева дома — лорд и леди Маунтбаттен. Проходило торжество в атмосфере заговора — как ни крути, о помолвке никому постороннему не полагалось знать еще несколько месяцев. За столом король был мрачен и много пил.

На корабле королеву окружил заботой добрейший адмирал Генри Уайт по прозвищу «Чиппи». Плавание, в котором он сопровождал королевскую семью, оказалось для него последним — в следующем году Чиппи подал в отставку. «Чиппи Уайт, чей сын был моим дядей, стал рыцарем за службу королю, — сказал Хью Байгот-Уэбб. — Но я не думаю, что он стал кавалером ордена королевы Виктории II степени еще и за любовную связь с супругой короля. У меня нет надежных доказательств его романа с королевой, которая впоследствии стала королевой-матерью. Но мои родственники много лет верили, что эта связь имела место, и у них есть любовные письма королевы, которые никогда не будут преданы огласке».

На фотографиях, сделанных в южноафриканском турне, королева сияет, как новенький пенс, а ее дочь Елизавета кажется скучающей и рассеянной; оживлена она была лишь в свой день рождения, который отмечался в Кейптауне 21 апреля 1947 года. С утра ей рукоплескал праздничный город, вечером полыхали фейерверки и кружились танцующие пары на грандиозном балу, а утром Елизавета принимала весьма экстравагантные подарки: платиновую брошь в виде огненно-красной лилии с тремя сотнями бриллиантов (на нее отдали карманные деньги за неделю сорок две тысячи родезийских школьников), пару алмазных серег в форме цветочных лепестков от придворных (чье годовое жалованье не превышало тысячи фунтов стерлингов, или двух тысяч долларов), инкрустированную опять же алмазами кокарду ее любимых лейб-гренадер, у которых она числилась полковником, и от родителей — две одинаковые броши от Картье, выполненные в виде листа плюща, усыпанного двумя тысячами неограниченных алмазов с двумя пятикаратовыми бриллиантами в центре.

Официальные дары Южной Африки стоили более миллиона долларов и выглядели ничуть не бледнее: королю досталась золотая шкатулка, полная бриллиантов для украшения его звезды ордена Подвязки, а королеве — золотой чайный сервиз в двадцать два карата, украшенный резьбой. Принцесса Маргарет получила ожерелье из семнадцати алмазов чистейшей воды, а Елизавета — серебряный ларец, украшенный двадцатью одним превосходным бриллиантом (некоторые камни достигали десяти каратов) и алмазными багетками.

В мае 1947 года, нагруженное драгоценностями, королевское семейство возвратилось в Анг-

лию. Однако король не спешил известить подданных о матримониальных планах дочери. Он вычеркнул имя Филиппа из списка приглашенных на прием в Виндзорском замке по случаю скачек в Аскоте. Но восьмого июля Филипп (в то время преподаватель королевского военно-морского училища младших офицеров в Кингсмуре) позвонил Его Величеству. Он просил разрешения вечером приехать в Букингемский дворец и подарить Елизавете доставшееся ему от матери обручальное кольцо с алмазом в три карата*. Король дал согласие и любезно пригласил будущего зятя на ужин. Филипп бросился к своему спортивному автомобилю и промчался девяносто восемь миль от Уилтшира до Лондона.

И наконец через два дня представитель королевского двора, который два года опровергал слухи о помолвке Елизаветы и Филиппа, сообщил, что таковая состоялась.

«Мы обручились», — сказала камеристка Елизаветы Маргарет Макдональд, она же Бобо, в день оглашения помолвки. Она так привыкла быть рядом с наследницей английского престола, что нередко отождествляла себя с ней и ее суженым. Эта шотландка не разлучалась с Елизаветой от ее рождения до своего смертного одра, она сопровождала госпожу в свадебном путешествии и ежедневно подавала ей утренний кофе.

* Существует фотоснимок, запечатлевший официальную помолвку. На нем Филипп — писанный красавец во флотском мундире — стоит рядом с Елизаветой, а у нее на пальце блестит платиновое кольцо. Ее подруга вспоминает, как дорожила этим кольцом принцесса, ведь оно символизировало конец скучной девической жизни и вступление в счастливое будущее. «Как будто переворачиваешь книжную страницу», — сказала Елизавета. — *Примеч. авт.*

Свадьбу назначили на 20 ноября 1947 года, но вновь заартачился король. Ссылаясь на дефицит угля и разруху в экономике, он предложил взамен помпезным и расточительным торжествам скромную и недорогую церемонию в виндзорской часовне Святого Георгия. Елизавета и ее мать настаивали на пышной свадьбе. Прежде чем смириться с неизбежностью, король предложил перенести день бракосочетания на июнь будущего года, когда будет тепло. Елизавета воскликнула, что ее не остановит даже буран. Свадьба состоялась в ноябре.

Британские средства массовой информации преподнесли помолвку как роман века. «Это вовсе не брак по расчету», — утверждала «Дейли мейл». «Молодые давно и искренне влюблены друг в друга», — вторила ей «Дейли телеграф». Даже скептические американцы не подвергли их слова сомнению. «Видя эту симпатичную девушку и молодого морского офицера вместе, мир предпочитает думать о любви, а не о политическом союзе», — говорилось в редакционной статье «Нью-Йорк таймс».

Впрочем, Филипп в женитьбе по расчету не видел ничего предосудительного. До 1923 года такие браки для королевских семей считались в порядке вещей, и любовь редко играла мало-мальски значительную роль. Он имел возможность узнать об этом от своих родителей, от двух дядей Маунтбаттенов и от всех кузенов и кузин, включая Марину, нищую греческую принцессу, которую английская династия взяла к себе, чтобы остепенить гомосексуалиста герцога Кентского. Филипп всегда отличался прагматизмом; предлагая руку и сердце Елизавете, он прислушивался не только к голосу любви.

«Как ты думаешь, почему я женюсь? — спрашивал он Кобину Райт. — Скажу честно: потому

что у меня никогда не было своего угла. С восемью лет я кочую по школам и кораблям».

Почти четверть века спустя Филипп публично признает, что в брак с Елизаветой он вступил по расчету. «Они отправились в Южную Африку, все как-то само собой устроилось, — скажет он в 1971 году своему биографу Безилу Бутройду. — Да, вот так все было на самом деле». К тому времени он будет женат на Елизавете двадцать четыре года, обеспечит трон наследником мужского пола и смирится с ролью консорта. Кроме того, он научится скрывать свои связи с другими женщинами.

«Но из этого не следует, что он не любил Елизавету, когда женился на ней, — скажет его американский друг Ларри Адлер, аккордеонист, который на родине попадет в черный список за членство в коммунистической партии и будет вынужден переехать в Англию*. Адлер прибьется к компании друзей Филиппа, регулярно собиравшейся в резиденции герцога Эдинбургского на обед по четвергам и получившей известность как «Четверг-клуб». — Спросите, был ли он в нее влюблен? Нет, но питал к ней огромное уважение».

Действительно, на чье-то замечание, что Маргарет гораздо милевиднее своей сестры, этого гадкого утенка, Филипп вспыхнул: «Вы их не знаете. Елизавета мила и добра, как ее мать».

* «Филипп, записной юморист, частенько шутил над моим несчастьем, — вспоминал Ларри Адлер. — Однажды на обед нам подали белугу, и он сказал: «Надо бы в честь Ларри переименовать ее в красную». Еще Филипп советовал мне представляться «подрывным элементом из далекой страны». Позже он спрашивал, как меня угораздило попасть в черные списки и как я все это пережил. Похоже, он был ярым противник самого существования таких списков». — *Примеч. авт.*

Сразу после оглашения помолвки дядя Дики засыпал племянника письмами из Индии с нападками, как устроить свадьбу и управлять благоприобретенным хозяйством. Насладиться медовым месяцем он предложил в Бродландсе, своем Гэмпширском поместье, где к услугам Филиппа и Елизаветы будут комнаты Эдвины, где можно любоваться картинами Сальвадора Дали и нежиться на грандиозной кровати эпохи Тюдоров (с балдахинном, изголовьем, украшенным бархатом и слоновой костью, и «этим восхитительным бельем из розового атласа»).

Филипп попользовался дядиным гостеприимством, но лишь несколько дней, сославшись на то, что невеста желает провести большую часть медового месяца в Беркалле, маленьком королевском замке в Шотландии, окруженном двадцатью четырьмя тысячами акров Балморала. Тогда же он предостерег своего духовного отца: «Не хочу показаться невежливым, однако бросается в глаза ваше стремление быть главным распорядителем нашего маленького шоу, и, боюсь, моя жена не посмотрит на эти хлопоты столь же почтительно, как я. Понимаю, вы желаете мне только добра, но не следует забывать, что для нее [Елизаветы] вы никогда не были *loco parentis*^{*}, наставником и другом, как для меня».

Маунтбаттен и бровью не повел. Он написал Уинстону Черчиллю и попросил пригласить Филиппа на завтрак, чтобы внушить принцу, «насколько это серьезный шаг — женитьба на наследнице престола». Черчилль в то время был не у дел и согласился ради блага монархии просветить молодого человека.

* вместо отца (*лат.*).

А между тем Филиппа уже оттерли от подготовки свадебного торжества. Ему позволили включить в почетный список гостей кузена Дэвида Милфорда, но кроме него, Филипп пригласил всего лишь двух человек, хотя на церемонии присутствовало две с половиной тысячи гостей. Этими баловнями судьбы оказались сослуживец и закадычный друг жениха Майкл Паркер и мать Элен Корде. Мать же Кобины Райт-младшей, первой его любви, фигурировала в официальном списке приглашенных как светский обозреватель от Херста. Кроме того, Филиппа не желали видеть в Букингемском дворце до урочного дня. Как-никак, свадьба наследницы трона — не просто обряд бракосочетания, а дело государственного значения, которое привлечет внимание мира к британской монархии. А потому король с королевой открытым текстом довели до сведения жениха, что его сестры и их немецкие мужья, поддержавшие гитлеровский «Третий рейх», не будут гулять на празднике. Все они остались в Германии и слушали радиорепортаж из Букингемского дворца, сидя в замке Мариенбург южнее Ганновера. Принцесса Маргарита Гогенлоэ-Ланденбургская, маркграфиня Баденская и принцесса София Ганноверская поздравили брата по телефону. «В подарок от нас всех мы ему послали золотую авторучку с выгравированными нашими именами», — сказала принцесса София.

Герцог и герцогиня Виндзорские, имевшие неосторожность нанести визит Гитлеру, тоже не попали в список приглашенных! Любимый дядя Елизаветы решительно не умел ладить с августейшим семейством. Ранее в том же году он продал свои мемуары, и они были опубликованы под названием «История короля». Королева через Министерство иностранных дел подкинула герцогам Виндзорским идею

провести ноябрь в Америке, дабы проблема приглашения их на свадьбу отпала сама собой. Но опальный герцог ответил (опять же через министерство), что им с герцогиней не хотелось бы в такой великий день находиться слишком далеко от обожаемой племянницы. Букингемский дворец был вынужден настаивать. Позже герцог получил инструкцию отрицать тот факт, что его и супругу не позвали на королевскую свадьбу. В конце концов герцог и герцогиня Виндзорские уступили и отправились в Америку, где демонстративно не слушали радиорепортаж из праздничного Лондона.

Изучив список гостей, королева послала приглашение матери Филиппа, которую считала «милой, но странной... определенно странной». Пухлая, однако привлекательная хохотушка-королева в пышном боа казалась полной противоположностью тощей хмурой греческой принцессе в унылом монашеском наряде. Правда, каждая обладала волевым и решительным характером, но это не сблизило их. В войну обе проявили храбрость: королева — каждый день сопровождая мужа от Виндзорского замка до Букингемского дворца, наравне с подданными рискуя угодить под бомбы, а принцесса Эндрю — пряча еврейскую семью у себя дома в оккупированных немцами Афинах; через несколько лет после смерти она будет удостоена государственной награды Израиля. Но королева, не зная в 1947 году о героическом поступке принцессы Эндрю, видела в ней всего лишь эксцентричную и чрезмерно увлеченную религией даму.

Забываясь о соблюдении приличий на свадьбе дочери, она ласково поинтересовалась у Филиппа, не согласится ли его мать ненадолго расстаться с монашеским одеянием. Сама она решила наря-

даться в изящное ниспадающее складками платье из абрикосово-золотистой парчи с роскошным шлейфом. Филипп тотчас понял, что мрачную серую сутану с белым апостольником, подпоясанную веревкой, а также четки необходимо убрать в шкаф до лучших времен. Посему на свадебной церемонии в Вестминстерском аббатстве принцесса Эндрю сидела рядом с августейшей четой, облаченная в шляпку и простое шелковое платье, которое впоследствии Ее Величество назовет «очень милым и вполне подходящим к случаю».

Утром перед свадьбой Филипп выразил свою обеспокоенность предстоящей женитьбой на женщине, которой суждено стать королевой. «Мы вместе завтракали, и он сказал: «Никак не пойму, кто же я на самом деле — первый смельчак на свете или последний дурак», — вспоминал родственник принца.

Свою собственную свадьбу король Георг VI и его супруга превратили в спектакль — ведь они лучше всех понимали, как воздействуют на умы подданных грандиозные церемонии с серебряными трубами и золотыми каретами. Они давно узнали, что имперская пышность ритуалов — прекрасное средство, чтобы отвлечь народ от унылой и жалкой обыденности, что объединить Содружество проще всего под праздничными флагами. В дни королевских торжеств каждый простой англичанин чувствует свою причастность к жизни правящего семейства, что усиливает влияние монархии на души подданных.

Воздействие подобных зрелищ не было секретом и для Уинстона Черчилля, который в 1947 году так отозвался о надвигающейся женитьбе: «Самая красочная веха на всем нашем многотрудном пути». «Нью-Йорк таймс» высказывалась о «же-

ланной возможности повеселиться» для «хмурой Англии, в мирное время обремененной проблемами ничуть не менее тяжелыми, чем в годы войны». На другой день в Бруклине одна девчушка разбила хрюшку-копилку, чтобы послать индейку в подарок новобрачной, «потому что принцесса живет в Англии, а там нечего кушать».

За каких-то четыре месяца до феерической свадьбы король с королевой озаботились выбором костюмов, и в результате герольдов нарядили в средневековые алые с золотом ливреи, кавалеристов украсили блестящими касками с плюмажами, сверкающими саблями в темно-красных ножнах, сияющими медалями и горящими на солнце кирасами. Все это пылилось на складах с 1939 года. И снова пышность одежда послужила предметом семейных дискуссий. В результате все члены кабинета поделились своими талонами, чтобы принцесса Елизавета появилась на церемонии в сногшибательном свадебном платье. Ведь она сказала своему кутюрье Норману Хартнеллу, что хочет пройти к алтарю в чем-нибудь уникальном и великолепном, и даже взяла с него клятву хранить тайну, и угрожала нанять другого кутюрье, если описание ее свадебного наряда просочится в печать раньше срока.

Королевский модельер потребовал от своих помощников таких же клятв и распорядился побелить все окна в мастерской и для пущей надежности затянуть их плотным белым миткалем. Вдохновленный, по его словам, боттичеллиевской «Весной», Хартнелл представлял себе Елизавету в пышном облаке атласа и газа цвета слоновой кости, усеянном тысячами жемчужин и хрустальных бисерин. На воплощение его мечты потребовался двухмесячный труд десяти вышивальщиц и двад-

цати пяти швей. Во время свадебной церемонии в аббатстве должны были на всякий случай дежурить две швеи.

Газовый шлейф принцессы в длину достигал пятнадцати ярдов; на него ушла добрая сотня миль нити. Так что Елизавете пришлось заказать ткани еще на сто талонов плюс двадцать три талона понадобилось каждой из восьми подружек невесты. Кроме того, она получила от разных доброжелателей триста восемьдесят шесть пар нейлоновых чулок, а в те времена для молодых англичанок не было ничего драгоценнее, чем нейлоновые чулки.

Когда Елизавета готовила себе свадебный наряд, о расходах никто даже не заикался. Для первой брачной ночи она облюбовала пеньюар и ночную сорочку в каталоге универмага Джоске, расположенного в Сан-Антонио, штат Техас. Стоило это удовольствие триста долларов, то есть вдвое больше месячного заработка среднего американца. На шлейф свадебного платья пошло сорок ярдов креп-жоржета цвета слоновой кости; лиф был расшит атласными розами, а парчовая юбка — крошечными лордами и леди, склонившимися в менуэте, — разумеется, все это вышито вручную. Начальник упаковочного отдела в универмаге мыл руки, как хирург перед операцией, прежде чем коснуться драгоценных покупок.

Архиепископ Кентерберийский объявил, что «церемония венчания принцессы ничем не будет отличаться от свадьбы любой селянки, состоящейся в этот день в какой-нибудь безвестной английской церквушке: прозвучат те же самые молитвы, будут даны те же самые благословения». Отличия все же были: двенадцать свадебных тортов на королевском мероприятии (причем один из них де-

вятифутовой высоты; Филип его резал шпагой, и в каждом куске содержался недельный сахарный паек простой английской семьи), две тысячи шестьсот шестьдесят шесть подарков новобрачным, в том числе чистокровная верховая*, норковая шуба, кофейный золотой сервиз (двадцать два карата), телевизор, пятидесятичетырекаратовый розовый бриллиант (было сказано, что другого такого нет во всем мире), а также плантация и охотничий домик в Кении.

Процессию возглавляли восемнадцать карет с королевскими гостями, в числе коих было шесть королей, шесть королев, семь принцесс, принцесса-регент, принц-регент, индийский раджа, наследный принц, наследная принцесса, семь графов, шесть графинь, одиннадцать виконтов, четырнадцать герцогов и одиннадцать герцогинь. На их головах насчитали шестьдесят семь алмазных диадем.

«Обилие драгоценностей на той свадьбе поражало, — вспоминала дочь датского посла, приглашенная вместе с отцом. — Я смотрела во все глаза, затаив дыхание. Непередаваемое зрелище! Как будто я перенеслась в довоенное прошлое. Должно быть, каждый из них [гостей] сходил в банк, чтобы вынуть из своего сейфа фамильные драгоценности. Алмазные диадемы напоминали тибетейки, и казалось, у бывшей герцогини Ратлендской вся голова увита нитками камней. Она сказала, что это был пояс ее бабушки. За дамой в тюрбане из жемчужин величиной с вишню каждая следовала другая леди, сгибаясь под тяжестью гроздьев изумрудов: они висели на ней, как виноградные кисти на лозе. Одежда гос-

* Одна из самых резвых пород верховых лошадей. Выведена в Англии в XVIII веке.

тей из Индии была усыпана рубинами и алмазами, а руки от запястья до локтя унизаны сапфировыми браслетами».

Вечно нуждающийся жених, которому звание лейтенанта королевского флота давало восемь гиней в неделю, в одночасье стал особой с рангом, титулом и положением, а также с правом носить тяжелые, сверкающие золотом эполеты. Он получил камердинера, секретаря по протокольным вопросам, конюшего, королевские апартаменты в Кларенс-Хаусе и пятьдесят тысяч фунтов (примерно сто тысяч долларов) на обновление интерьера. А также замок Саннингхилл-парк для загородных уик-эндс. Прежде чем молодожены успели туда съездить, королевскую собственность на краю Большого Виндзорского парка объял огонь — то был первый из многих таинственных пожаров, которые с тех пор пережил дом Виндзоров.

«О Кроуфи, как такое могло случиться? — писала Елизавета своей бывшей гувернантке. — Вы действительно подозреваете чей-то злой умысел? Не могу поверить. Народ всегда был так добр к нам...»

Утром в день свадьбы Филипп опустился на колени перед королем, тот обнажил шпагу и, дотронувшись клинком до каждого плеча будущего зятя, сделал его кавалером ордена Подвязки. В британской иерархии это высшая награда, которой может удостоить король*. В письме матери Его

* В 1945 году от подобной чести отказался Уинстон Черчилль. «Я не могу принять от моего суверена Подвязку, потому что народ уже поддал мне ботинком», — брюзжал он. Позже эту тему вновь затронула принцесса Елизавета. «Если вы будете премьер-министром, когда я стану королевой, я бы хотела сделать вас своим первым кавалером ордена Подвязки», — сказала она и выполнила обещание в апреле 1953 года и ввела его в должность 14 июня 1954 года. — *Примеч. авт.*

Величество признался, что восемью днями ранее этому же ритуалу подверг Елизавету, чтобы дать ей преимущество перед мужем.

Филипп, вынужденный сменить гражданство, фамилию и религию, сам себя низвел до положения простолюдина. За все эти жертвы он был вознагражден тремя высочайшими титулами Великобритании: барон Гринвичский, граф Мерионетский и герцог Эдинбургский. Правда, ему не достался титул принца английского, и этот вопрос не обсуждался до 1957 года. Но уже накануне свадьбы Филипп имел возможность почувствовать, сколь упоительно звучат слова «Ваше Королевское Высочество». Это раздосадовало некоторых аристократов, которые даже сегодня подчеркивают, что британские герцоги, не связанные кровными узами с правящей династией, — это «светлости», а не «Королевские Высочества». Его Величество решил облагородить своего двадцатипятилетнего зятя, чтобы дочь получила статус супруги пэра. К тому же он заботился о благородном происхождении внуков. «Да, конечно, это более чем щедро, — сказал он, — но я надеюсь, Филипп понимает ответственность, которая легла на его плечи».

В день венчания мучающийся простудой жених по требованию невесты выбросил сигареты и обещал никогда больше не курить. В церкви он появился вместе со своим шафером, который вспоминал, что никогда еще они так не страдали от похмелья, как в тот день. Накануне вечером молодые люди гуляли на прощальном мальчишнике, а утром были вынуждены поправлять здоровье джином с тоником.

На той пирушке приятели жениха шутили плоско, а пили много, особенно после того, как пор-

третист Васко Лацоло, убежденный, что Филипп женится на принцессе Елизавете ради продвижения наверх, вдруг неуверенно поднялся со стула и предложил тост. Салютовав почетному гостю бокалом бренди, художник обжег его взглядом и заявил: «За то, что ты делаешь, я тебя считаю полным дерьмом». Бокал полетел в камин, а Васко, шатаясь, как мачта в бурю, покинул комнату.

«Это была та еще вечеринка, — вспоминал через много лет Ларри Адлер. — И конечно, Филиппу она доставила гораздо меньше удовольствия, чем всем нам. Он очень боялся. Помню, белый он был, как привидение, и весь вечер дрожал. Душа в пятках. Король ведь ему много чего запретил: от быстрых машин до девочек. Вскоре после того, как газеты сообщили о помолвке, Филипп угодил в небольшую дорожную аварию. Он превысил скорость, машину занесло, и она врезалась в брус ограждения. Филипп слегка ушибся. Понятное дело, пресса перемыла ему косточки. Он выглядел безрассудным плейбоем, любителем промочить горло. Естественно, королю это не понравилось. Потом был инцидент с Элен Корде, всплывший на поверхность akurat перед свадьбой, и французская печать сразу заговорила о «таинственной светловолосой разведенке», которую Филипп в прошлом году навещал в Париже. С тех пор имя Элен всегда звучало первым в списке подружек Филиппа и матерей его незаконнорожденных отпрысков. Разумеется, оба они твердили, что просто дружат с детства и вместе росли в Париже. Она в первый раз вышла замуж в 1938 году, и Филипп стал крестным отцом двух ее дочерей. Так что кто знает?»

Адлер улыбался и пожимал плечами, рассказывая об отношениях своего старого друга с Элен

Корде, продавщицей из парижского магазина готового платья, переехавшей затем в Лондон, чтобы открыть ночной клуб и стать певицей кабаре. Ее родители, верные греческие роялисты, во Франции помогали родителям Филиппа, пока он не вырос. «Он проявил благородство и избавил нас от подробностей своих отношений с Элен, — заметил Адлер в 1992 году. — Но мы все же имели возможность сделать кое-какие предположения и, кажется, поняли, почему король так обеспокоился, когда его дочь влюбилась в такого шалуна, как наш славный приятель. Я как-то раз сказал Филиппу: «Радуйся, что твоя ширинка не умеет разговаривать».

Филипп, несмотря на пророчества друзей, не развелся с Елизаветой, но осторожно приобрел связи на стороне, в основном с аристократками и актрисами. Одна из этих женщин прославилась тем, что оказалась исключением среди дам, которые обзавелись детьми от Филиппа: она упорно отказывалась назвать имя отца, что породило невероятное количество слухов. В 1989 году историй «побочных детей Филиппа» было опубликовано так много, что сыну Элен Корде Макссу пришлось сделать публичное заявление. «Всю жизнь слушаю эти смехотворные басни, — говорил он. — Мой отец — настоящий отец [француз Марсель Буасо] — живет в Париже, и отрицать это глупо. В детстве моя мать дружила с Филиппом, но разве это повод для сплетен?»

Его мать признала, что Филипп платил за обучение Макса в Гордонстоне, но вовсе не потому, сказала она, что Макс — его сын. Однако слухи носились уже так давно, что мало кто не принимал их за чистую монету.

«Мне все равно, что сейчас утверждает Макс Буасо, — говорил в 1994 году его бывший одно-

классник Джеймс Беллини. — Я вместе с ним поехал в Кембридж, и никто из нас тогда не сомневался, что он один из внебрачных детей Филиппа. Об этом все судачили. До Кембриджа Макс побывал в Гордонстоне, той же шотландской школе, где учился Филипп и куда отдал своих сыновей Чарльза, Эндрю и Эдуарда. Не забудьте, Филипп был Максу еще и крестным отцом, а это у королевской родни традиционный прием «легализации» побочных детей, введения их в высшее общество. Приглядитесь к крестным детям монархов, и вы увидите их незаконнорожденных сынков и дочек».

До женитьбы у Филиппа было много пассий, однако связь с Элен Корде не имела ничего общего с выдуманной журналистами пылкой любовью. Сама она все публично отрицала, хотя эти кокетливые опровержения имели целью только привлечь к себе внимание: в то время Элен начинала карьеру певицы лондонского кабаре и нуждалась в рекламе. Позже она неплохо зарабатывает на истории своей «детской дружбы» с Филиппом, написав книгу «Рожденная смущенной», где можно прочесть, почему Элен не пригласили на королевскую свадьбу (потому что она — та самая «таинственная блондинка»). Вдобавок она успела выйти замуж и развестись, а в то время в королевском окружении разведенных не жаловали.

Спустя годы внучка даст Элен ценный совет. «Больше не отрицай, что у тебя с Филиппом была не просто дружба, — скажет она. — Мне нравится, что меня считают родственницей королей, а Филиппа — моим дедушкой».

Елизавета замуж выходила девственницей, избалованной, выпестованной в оранжерейных условиях дочерью пуритан. А Филиппа воспитали род-

ственники, сами выросшие в атмосфере упадка и безнравственности. Елизавета с младенчества вдыхала успокоительные дворцовые запахи воска и свежих роз, а Филипп привык к нафталину, которым безнадежно пропахла одалживаемая ему одежда, и к жизни на обшарпанных чемоданах. Двадцатилетний бродяга, побывавший в Европе, Австралии и на Ближнем Востоке, взял в жены девушку двадцати одного года, всего лишь раз на своем веку покинувшую родные пенаты, чтобы погостить в Южной Африке. Образование Елизаветы оставляло желать лучшего — она никогда не ходила в школу, гувернеры учили ее по часу в день только британской истории и геральдике. Она штудировала статьи Уолтера Бейджета* о монархии и знала наперечет всех пэров с их сложными титулами и запутанными правами наследования. По-французски Елизавета говорила превосходно**, но в математике и естественных науках разбиралась слабо, а мир живой природы в ее представлении ограничивался собаками и лошадьми. К поэзии она относилась пренебрежительно, ей нравились только стихи Редьярда Киплинга и Альфреда Теннисона. За всю жизнь она выучила лишь одно стихотворение — «Смену караула в Букингемском дворце» А. А. Милна.

* Уолтер Бейджет (1826—1887) — английский публицист и политолог, исследовал различные аспекты жизни викторианской Англии.

** Отзывы о безупречном французском Елизаветы вызывали улыбку у бывшего ее повара Рене Руссена. «Мне дороги воспоминания о том, что я был одним из первых французов, говоривших с ней на моем родном языке, — написал он в «Правильном домоводстве» в сентябре 1955 года. — «Руссен, я это правильно сказала?» — бывало спрашивала она. И даже если произношение не казалось мне идеальным, я ей об этом не говорил. Как-то раз я покритиковал принцессу, и ее милое личико так омрачилось, что я больше никогда не осмеливался это повторить». — *Примеч. авт.*

«Мне так и не удалось приохотить ее к современной поэзии, — сказала гувернантка Елизаветы Мэрион Кроуфорд. — «Ой, довольно! — восклицала она всякий раз, когда я начинала читать вслух кого-нибудь из живых классиков. — Ни словечка понять невозможно. Что автор хочет этим сказать?»»

За стенами дворца Елизавета стыдилась пробелов в своем образовании. Однажды она спросила:

— Данте — это лошадь?

— Нет, — ответили ей, — не лошадь.

— Может быть, это жокей? — спросила она.

Елизавета покраснела, когда выяснилось, что Данте Алигьери — великий итальянский поэт, создавший «Божественную комедию» — шедевр мировой литературы. В лошадях она разбиралась куда лучше.

Будущий супруг Елизаветы не принадлежал к числу одаренных и всесторонне образованных людей, но по крайней мере двенадцать лет учился по общепринятым программам да еще несколько лет в военно-морском училище, и краснеть из-за плохо подвешенного языка ему не случалось никогда. Он мог с уверенностью, граничащей с наглостью, без стука войти в любой дом, небрежно представиться, приблизиться к самой красивой девушке и сказать: «Гм-м, а у вас тут гораздо приятнее, чем там, откуда я только что сбежал». Филипп умел болтать с кем угодно и о чем угодно, а Елизавета постоянно подыскивала слова. «Ах, если б только я умела говорить, как мама!» — посетовала она как-то раз.

Светские беседы были для нее сущей пыткой. Известен случай, когда она нарушила затянувшуюся паузу такими словами: «Что ж... не могу придумать, о чем бы еще нам поговорить».

Вот ее признание близкой подруге: «Хочешь верь, хочешь не верь, но перед обедом я лежу в ванне и думаю: «Господи, с кем мне сейчас придется сидеть и о чем беседовать? Как это ужасно — сидеть рядом с людьми и поддерживать разговор на темы, в которых ровным счетом ничего не понимаешь!»

Через несколько лет и Филипп будет вынужден признать свое невежество. «С прискорбием сознаю, что все мои ученые степени — дань титулу», — услышат от него студенты Делийского университета в Индии. «Мое поколение оканчивало лучшие школы и ухитрилось при этом остаться самым малограмотным за всю эпоху, — скажет он позднее в Уэльском университете. — Я — часть потерянного поколения и сейчас пытаюсь наверстать упущенное в период между тридцать девятым и сорок пятым годом».

Когда они с женой получали в Лондонском университете почетные звания докторов юриспруденции, Елизавета тоже проявила скромность. «Одним благом нас обделила судьба, — сказала она. — Мы не узнали университет изнутри...»

Король, человек простой и малообразованный, не считал бедой недостаток утонченности и написал в дневнике о том, как ему будет не доставать шарад, игр и салонных песенок, к которым его семья пристрастилась в Виндзорском замке. На свадебном пиру он встал и, демонстративно не глядя на жениха, поднял бокал в честь любимой дочери. «За невесту!» — молвил Его Величество со слезами на глазах. Через несколько дней Елизавета получит от отца трогательное письмо:

«...Я был очень горд и взволнован, сопровождая тебя на долгом пути к Вестминстерскому аббатству, но, передавая твою руку архиепископу, я ис-

пытывал чувство невосполнимой потери. А ты в течение всей службы была такой спокойной, такой собранной, и говорила надлежащие слова столь убежденно, что я поверил: все будет хорошо.

Я так рад, что ты написала мамочке, что считаешь, долгий срок между помолвкой и свадьбой был не прихотью, а необходимостью. Говоря откровенно, я боялся, что ты меня сочтешь жестоким. А ведь причину ты знаешь — я очень хотел, чтобы ты побывала с нами в Южной Африке.

Нашей семье, нам четверым, «королевской семье», надо держаться вместе — добавляя, конечно, и новых членов в благоприятные моменты! Все эти годы я с гордостью наблюдал, как ты растешь под умелым мамочкиным руководством, а она, как тебе известно, для меня самый изумительный человек на свете, и я знаю, что всегда могу рассчитывать на тебя, а теперь и на Филиппа, если нам понадобится поддержка в нашем труде...

С твоим уходом в нашей жизни возникла огромная брешь, но помни, что двери твоего старого дома всегда распахнуты для тебя, и приходи сюда как можно чаще! Вижу, ты чрезвычайно счастлива с Филиппом, и это хорошо, но не забывай нас, — вот чего желает твой всегда любящий и преданный папа».

ГЛАВА 6

Через несколько месяцев после свадьбы принц Филипп пожаловался, что его молодая жена постоянно хочет заниматься сексом. Он сказал, что удивлен ее ненасытностью. «Я не могу заставить ее покинуть мою постель. Она отказывается. Она сводит меня с ума».

Филипп говорил об этом во время визита на юг Франции в 1948 году, когда его жена осталась в Англии. Он путешествовал вместе со своим кузеном Дэвидом, маркизом Милфорд-Хейвенским, который был ближайшим другом принца и выступал в качестве шафера на свадьбе. Они остановились в Монако у своего приятеля англичанина, часто принимавшего принца и других представителей британского королевского дома. Брюзжание Филиппа шокировало всех, в том числе и кузена принца, который пожурил его в присутствии других гостей за нескромность.

«Истинный фехтовальщик не обсуждает своих партнеров», — сказал маркиз Милфорд-Хейвенский.

«Принц Филипп много раз повторял, что не может заставить принцессу Елизавету покинуть

свою постель, она постоянно добивается от него сексуальной близости», — вспоминала герцогиня Лидская, которая тоже отдыхала в Монако.

Герцог Лидский сообщил о вульгарном поведении Филиппа своему зятю, Оливеру Литтлтоуну, одному из лидеров партии тори в парламенте, и жестко потребовал официальных санкций.

«Мы все считаем, что Филипп поступил чрезвычайно некрасиво, когда так откровенно говорил о своей жене, — заявил герцог Лидский. — Он вел себя омерзительно».

«Моя родня со стороны жены возмущена полнейшим отсутствием такта у Филиппа, — заметил Найджел Демпстер, обозреватель светской хроники газеты «Дейли мейл», который был женат на дочери герцога Лидского. — И дело не в том, что Филипп лгал. Никому не следует так откровенно говорить правду. Мои аристократические родственники не могли смириться с образом похотливой маленькой принцессы, сходящей с ума от сексуальных желаний. Ведь эта принцесса станет их королевой».

Впрочем, летом Филиппа частично простили, когда было объявлено, что принцесса Елизавета отменяет все свои встречи на шесть месяцев. В официальном сообщении от 4 июня 1948 года говорилось: «Принцесса Елизавета, герцогиня Эдинбургская, начиная с конца июня не будет участвовать ни в каких церемониях». Из чего следовало, что принцесса беременна.

«Королевский этикет запрещает использовать это слово, — писал биограф Энтони Холден. — Приходилось читать между строк, чтобы понять, что принцесса беременна. В те дни врачи называли беременность «ограничением», а ожидаемую дату родов — ОСО, ожидаемый срок ограниче-

ния. После родов принцесса начала кормить младенца грудью, но эту новость также скрыли от общественности, поскольку слово «грудь» не следовало употреблять, когда речь шла об особах королевской крови. Подобная допотопная ментальность преобладала и через тридцать лет, когда я писал биографию принца Чарльза и упомянул о том, что мать кормила его грудью. Когда я отдал свою рукопись во дворец для прочтения, Джон Даут, пресс-секретарь принца, позвонил мне и истерично потребовал:

— Предложение относительно кормления грудью должно быть вычеркнуто. Немедленно. И никаких возражений.

— Но почему? — спросил я.

— Нельзя упоминать королевскую грудь.

— Может быть, мне следует перефразировать: «Принцесса сама кормила ребенка»?

— В такой фразе все равно присутствует намек на королевскую грудь, что абсолютно неприемлемо».

«В конце концов, — рассказывал Холден, посмеиваясь над пуританскими ограничениями королевского протокола, — мне пришлось вычеркнуть это предложение».

Когда наследник родился, принц Филипп выглядел как герой. Он не только сумел обеспечить продолжение королевского рода, но и стал отцом мальчика. Будущий король Чарльз Филипп Артур Джордж появился на свет в Букингемском дворце, в 21 час 14 минут 14 ноября 1948 года, в результате кесарева сечения, через шесть дней после первой годовщины свадьбы его родителей. Его вытащили акушерскими щипцами. Ребенок весил семь фунтов шесть унций.

Его мать настояла, чтобы роды проходили в покоях Букингемского дворца, а не в больнице. «Я хочу, чтобы младенец появился на свет в моей собственной комнате, среди знакомых вещей», — заявила она.

Еще будучи ребенком, Елизавета сказала своей гувернантке: «У меня будет много коров, лошадей и детей». Когда двадцатидвухлетняя принцесса забеременела, Кроуфи не могла поверить, что Елизавета вскоре станет матерью.

«Вы хоть немножечко боитесь, Лилибет? — спросила она. — Что вы чувствуете?»

Елизавета сказала, что с нетерпением ждет новых переживаний. «В конечном счете мы ведь существуем именно для этого».

Однажды утром гувернантка нашла ее расстроенной — принцесса узнала из газеты о разводе одной своей приятельницы, у которой были маленькие дети.

«Почему люди так поступают, Кроуфи? — спросила Елизавета гувернантку. — Почему разрушают дом, в котором живут их дети?»

Кроуфи попыталась объяснить, что иногда люди просто не могут жить вместе, что бывают очень несчастливы, но принцесса, которая выросла в окружении любящих родителей и слуг, казалось, ее не понимает.

«В таком случае, зачем же они поженились?» — спросила она.

Кроуфи решила перевести разговор на предстоящие роды.

«Принцесса утверждала, что ей все равно, будет ее первый ребенок мальчиком или девочкой, — рассказывал Джон Дин, слуга принца Филиппа, — но мне кажется, герцогу хотелось иметь сына».

Король не сомневался, что родится девочка, поскольку женские гены в обеих семьях преобладали: Филипп появился на свет после четырех девочек, а у самого короля были две дочери — Елизавета и Маргарет. Генетическая вероятность рождения наследницы тревожила короля, который хотел, чтобы к его внуку относились по-королевски, что включало в себя поклоны и реверансы, предписанные для титула ЕКВ. Со дня основания дома Виндзоров в 1917 году данное титулование — Его Королевское Высочество — предписывалось только по отношению королевских особ мужского пола. Не будучи по натуре игроком, осторожный король опасался рисковать. За неделю до родов он издал официальную декларацию* (ему совсем не хотелось, чтобы его внучка считалась ребенком незнатного происхождения), где говорилось, что всех детей, рожденных от брака Елизаветы и Филиппа, следует считать наследниками трона: со всеми следует обращаться в соответствии с титулом ЕКВ и называть принцем или принцессой. Так он гарантировал себе королевских внуков, даже если бы у Елизаветы родилась девочка. Когда на свет появился мальчик, король был в полном восторге, и его энтузиазм заразил всех обитателей дворца.

— Это мальчик! Это мальчик! — кричал полицейский у дворцовых ворот.

Собравшаяся толпа несколько часов приветствовала рождение сына Елизаветы пением, а страна праздновала появление на свет будущего короля.

* Британская информационная служба (агентство правительства Великобритании) выпустила шестистраничный документ, посвященный рождению ребенка принцессы Елизаветы, в котором разрешались спорные вопросы по поводу званий и титулов ребенка. — *Примеч. авт.*

В честь королевского наследника все военные корабли Его Величества произвели сорок один залп. Уинстон Черчилль заявил, что рождение принца Чарльза сделало британскую монархию «самой надежной в мире». Премьер-министр Клемент Эттли поздравил королевскую семью, которая своим «примером частной жизни и исполнением общественного долга дает силу и утешение в столь трудные времена стресса и неуверенности».

В Виндзорском замке в течение нескольких часов бил колокол, который звучит для королевской семьи только в четырех случаях — рождение, свадьба, коронация и смерть. Всю следующую неделю звонили колокола лондонских церквей, устраивались фейерверки, а в фонтанах искрилась голубая вода в честь рождения мальчика. В первую же ночь в Букингемский дворец пришло более четырех тысяч телеграмм, так что понадобились услуги дюжины дополнительных секретарей, чтобы разобраться с письмами и посылками, поступавшими со всех концов империи и из-за ее пределов.

На следующий день после рождения принца Чарльза король приказал рабочим в Кларенс-Хаусе «перестать делать столько чертовых перерывов на чай». Он настаивал на том, чтобы они работали сверхурочно и побыстрее привели в порядок резиденцию для его дочери, зятя и наследника. Ему не терпелось, чтобы они поскорее переехали из тесных покоев Букингемского дворца. Во время Второй мировой войны король одолжил Кларенс-Хаус британскому Красному Кресту. Когда он решил отдать разбомбленный особняк, в котором не было отопления, ванных комнат и электричества, своей дочери в качестве свадебного подарка, чтобы она могла жить рядом с ним, пар-

ламент выделил пятьдесят тысяч фунтов на реставрацию здания. Однако послевоенные трудности подорвали экономику и задержали восстановление дворца на восемнадцать месяцев; в результате расходы в пять раз превысили сумму, выделенную оскудевшей казной. Однако подданные короля не возражали. В послевоенные годы королевская семья пользовалась огромной любовью, и люди легко смирились с тратой миллиона долларов на перестройку королевской резиденции, закупку хрустальных люстр, шелковых занавесей и золотых кранов. Только коммунистическая лондонская газета ставила под вопрос колоссальные расходы на содержание королевской семьи, в то время как средняя заработная плата не составляла и двадцати пяти долларов в неделю, а десятки бездомных семей ютились в заброшенных военных казармах.

Королева обратилась «к тем, кто живет в тяжелых условиях и мечтает о том, что у них снова будет собственный дом». В своем радиообращении по поводу серебряного юбилея бракосочетания Их Королевских Величеств в 1948 году она сказала: «Я уверена, что терпение, упорство и любовь помогут вам сохранить веру и неизменное мужество во времена тяжелых испытаний».

Король продолжал торопить рабочих в Кларенс-Хаусе, становился все раздражительнее из-за ухудшающегося здоровья. Ему исполнилось пятьдесят три года, и привычка к непрерывному курению привела к раку легких, хотя эти слова никогда не произносились вслух в его присутствии. Смертельная болезнь блокировала бронхи, что приводило к постоянному кашлю и одышке. Он во всем полагался на своего врача сэра Джона Уэйра, веселого семидесятидвухлетнего гомеопата,

который куда больше шутил, чем выписывал лекарств, в то время как состояние Его Величества становилось все тяжелее. Наконец дружелюбный доктор призвал на помощь шестерых пожилых коллег, которые рекомендовали удалить левое легкое короля. Никто из врачей никогда не говорил королю о том, чем он болен, его только предупреждали, чтобы он меньше курил.

«Перед операцией необходимо меньше курить», — заявил Джеймс Лирмонт, крупнейший английский специалист по сосудистым заболеваниям. Однако он не нашел в себе мужества сказать своему суверену, что тот убивает себя сигаретами. К тому времени никотин стал настоящим проклятием Виндзоров: королева Мария, герцог Виндзорский и принцесса Маргарет пристрастились к курению, и даже королева выкуривала восемь сигарет в день, хотя никогда не делала этого на людях.

Вдобавок к раку легких король страдал от атеросклероза, который вызывал болезненные судороги ног. В 1949 году ему пришлось перенести операцию на поясничных позвонках, чтобы ослабить боль и предотвратить гангрену, которая могла бы привести к ампутации обеих ног. Сердечная недостаточность так ослабила короля, что ему пришлось отложить турне по Австралии и Новой Зеландии.

Королева хотела скрыть болезнь мужа и начала накладывать на его лицо грим, чтобы во время публичных выступлений не бросалась в глаза его неестественная бледность. Всякий раз, втирая румяна в запавшие щеки, королева проклинала герцога и герцогиню Виндзорских. «Ничего бы этого не произошло, — говорила она, — если бы внезапно из Балтимора не принесло ветром Уоллис!» По ее приказу во дворце отрицали, что король поль-

зуется косметикой, чтобы придать себе более здоровый вид.

Королева была самой незаурядной личностью во всей королевской семье. Она почти всегда демонстрировала недюжинный ум и способность прощать. Однако после отречения короля в 1936 году так и не смогла справиться с враждебностью к Виндзорам. Теперь, когда ее переполняла горечь, она винила их за то, что они лишают ее мужа жизненных сил.

«Если бы только Берт не пришлось так тревожиться во время войны, — писала она в письме, оплакивая отречение, которое возвело ее мужа на трон. — Если бы только ему не пришлось нести всю тяжесть мира на своих плечах». В ее сознании, как и в сознании королевы Марии, причина быстро ухудшающегося здоровья короля заключалась в этой «проклятой Симпсон».

Занятая болезнью мужа, королева не обратила особого внимания на письмо, которое получила из женского журнала, где ее просили прокомментировать и исправить выдержки из рукописи Мэрион Кроуфорд, озаглавленной «Маленькие принцессы». Она с изумлением узнала, что гувернантка ее дочерей собирается опубликовать воспоминания о своей семнадцатилетней службе в королевской семье. Шотландская учительница, которая ушла на покой в 1949 году, писала, что откладывала замужество до сорокалетнего возраста, чтобы заботиться о детях королевы. Гувернантка утверждала, что дожидалась, пока Лилибет, которой исполнилось двадцать три года, и Маргарет Роуз — ей было девятнадцать, перестанут нуждаться в ее неусыпном внимании. Только тогда она решила, что может со спокойным сердцем принять предложение майора Батли. Коро-

левская семья этому не обрадовалась. Более того, королева Мария пришла в ужас.

«Милое дитя, вы не можете их оставить, — заявила она Кроуфи. — Не можете, и все».

Королева тоже была страшно недовольна намерениями Кроуфи, в особенности когда та сказала, что собирается выйти замуж за три месяца до королевского бракосочетания. Королева, которую Кроуфи описала в своей книге как «всегда милую», «обычно очаровательную» и «неизменно приятную», сердито на нее посмотрела. После долгой, холодной паузы к ней вновь вернулось самообладание.

«Вы должны понимать, Кроуфи, — сказала она, — что сейчас совсем не подходящий момент». Ее сладкозвучный голос стал жестким, как у женщины, которая заметила, что собака испачкала пол в гостиной.

Король, обычно соглашавшийся с матерью и женой, впал в царственную ярость. Только после того, как Кроуфи обещала остаться до королевской свадьбы, он немного успокоился и дал свое согласие на награждение Кроуфи орденом королевы Виктории III степени. Королева Виктория учредила этот орден в 1896 году для членов королевского двора, оказавших особые услуги своему монарху. Однако Кроуфи не оценила оказанной ей чести — так по крайней мере утверждала королева, заявив, что гувернантка рассчитывала получить высшее отличие: кавалерственная дама ордена королевы Виктории II степени, которым награждаются наиболее достойные. Поскольку Кроуфи не получила желаемого, она взяла реванш, написав мемуары и еще две книги.

Королева назвала Кроуфи предательницей и больше никогда о ней не говорила. Когда Мэрион

Кроуфорд умерла в 1988 году в возрасте семидесяти восьми лет, ни один из членов королевской семьи не пришел на ее похороны, не прислал писем с соболезнованиями и даже цветов. Для королевы Кроуфи умерла* в тот день, когда ее воспоминания увидели свет.

Как никто другой в семье, королева осознавала важность мелких подробностей и порождаемых ими слухов и историй. Она понимала, какой резонанс могут вызвать мемуары Кроуфи. Несмотря на то что ее воспоминания были пронизаны любовью ко всей семье, королева так и не простила гувернантку. Ей не понравилось, что Кроуфи писала о ней как о равнодушной и пассивной матери, практически не обращавшей внимания на образование своих дочерей, если не считать музыки и танцев. Королева полагала, что ее предали: в мемуарах она прибегает к помощи гувернантки, когда возникает необходимость разрешить психологические проблемы Маргарет, которая была трудным ребенком. «Я знала, что моя работа во дворце в качестве гувернантки закончена, — писала Кроуфи, изучавшая детскую психиатрию до того, как поступила на королевскую службу. — Однако мать принцессы Маргарет считала, что в новой, занятой жизни, которую она теперь вела, один или два часа спокойных разговоров на общие

* Гувернантка до конца своих дней лелеяла надежду, что королевская семья ее простит. Она сохранила письма, написанные ей королевой во время путешествия по Канаде, фотографии Лилибет и Маргарет Роуз в детской, а также поздравления с днем рождения и Рождеством, которые маленькие девочки ей посылали. Она отказалась продать эти драгоценные памятные сувениры и завещала их Лилибет. Когда Кроуфи умерла, ее ларец исчез в сейфах Виндзорского замка, где хранится архив, находящийся в ведении королевы. — *Примеч. авт.*

темы ей бы не помешали... Я должна была ежедневно приходить во дворец и вести с Маргарет неторопливые беседы».

Хотя Кроуфи и говорила о королеве как об «одной из самых привлекательных женщин», которых ей приходилось встречать, она написала, что герцогиня Кентская была «исключительно красива» и в отличие от королевы вышла замуж за самого привлекательного из принцев».

Кроме того, королева возражала против огласки деталей королевского быта, вроде «сине-зеленого покрывала на кровати короля в его отдельной спальне». Ей не понравилось, что Кроуфи сообщила всему миру, будто Маргарет Роуз в купальном костюме напоминала «пухлую темно-синюю рыбку». А еще она страшно разозлилась, прочитав про то, что «дядя Дэвид» (герцог Виндзорский) был чрезвычайно «предан Лилибет». Королева негодовала, что благодаря Кроуфи мир узнал о телефонном звонке детям, который король и королева сделали через океан в 1939 году: «Мы закончили разговор, поднеся Дуки, корги королевы, к трубке и ущипнув собачку за бок, чтобы она залаяла».

Наконец, королева так и не простила Кроуфи за рассказанные ею истории о детстве Лилибет, где гувернантка описывала непреодолимое влечение будущей королевы к порядку.

«Она стала слишком методичной и аккуратной, — писала Кроуфи. — По нескольку раз за ночь слезала с кровати, чтобы проверить, как стоят домашние туфли, или поправить одежду». Образ такой девочки, «слишком правильной», производил неприятное впечатление.

Королева знала, что книга «Маленькие принцессы» сделает Мэрион Кроуфорд самым цитиру-

емым королевским биографом двадцатого столетия, потому что до сих пор никто не находился в такой непосредственной близости с королевской семьей. В дальнейшем всякое упоминание имени автора заставляло королеву с неудовольствием отворачиваться. У нее даже появилось выражение, которое, с ее точки зрения, являлось синонимом предательства: «сделать, как Кроуфи».

Король и королева приказали своим адвокатам составить клятву верности* для будущих слуг. Всякий, кто осмелится «сделать, как Кроуфи», будет привлечен к суду. Теперь из-за Кроуфи все воспоминания королевских слуг могли быть опубликованы только за пределами Соединенного Королевства. Ни один британский издатель не осмелится обесчестить монархию, выпустив в свет непроверенные мемуары. Подобный поступок будет вопиющим неуважением и почти наверняка лишит его шансов получить рыцарство.

Однако на протяжении многих лет королевские секреты просачивались из-за стен дома Виндзоров, лишая монархию ореола таинственности. К 1994 году с химеры пали последние покровы — и уважение к монархии улетучилось. Даже угроза судебного процесса не могла напугать королевских слуг. Волшебная сказка окончательно развеялась, когда принц Чарльз, будущий король Англии, по телевидению во всеуслышание признался в супружеской

* До сведения каждого служащего королевского двора доводилось следующее: «Вам не разрешается публиковать описания эпизодов или разговоров, о которых вы узнали во время королевской службы; вы не имеете права передавать третьим лицам устно или письменно какую-либо информацию, касающуюся Ее Величества или других членов королевской семьи, которая могла бы стать достоянием прессы». — *Примеч. авт.*

измене. Его слуга заявил, что будущий король охотно покидает супружескую постель.

«Он забрался со своей любовницей в кусты, перепачкался в глине и грязи! — возмущался раздосадованный слуга, которому пришлось стирать королевскую пижаму. — Они явно занимались этим под открытым небом». Слуге пришлось уйти в отставку, он лишился годового дохода в восемнадцать тысяч долларов, но заявил, что ему все равно. К тому моменту уже никто не считал за честь быть членом королевского двора. Королевская семья с таким грохотом рухнула с пьедестала, что даже слуги пришли в смятение. Ярость королевского гнева уже никого не пугала, 1949 год остался далеко позади.

А тем временем король Георг VI был очень занят. Ему приходилось разбираться с международной шумихой, поднявшейся вокруг книги Кроуфи, состояние его здоровья ухудшилось, а тут еще зять принялся докучать ему просьбами о разрешении вернуться на активную службу. Принц Филипп, вознамерившийся стать адмиралом, хотел оставить работу в Адмиралтействе, где, по его собственным словам, «целыми днями переставляли на карте корабли», и вернуться на флот. Король отчаянно сопротивлялся: он знал, что Елизавета пожелает его сопровождать и на два года покинет Лондон, а ему совсем не хотелось, чтобы дочь уезжала на такой срок. За долгие недели переговоров им удалось прийти к соглашению: Елизавета будет возвращаться в Лондон каждые несколько месяцев, а король разрешит Филиппу оставить скучную должность. В октябре 1949 года герцог Эдинбургский отправился на Мальту, где его дядя, Дики Маунтбаттен, заместитель главнокомандующего Средиземноморским флотом, через

некоторое время назначил его капитаном фрегата «Сорока». Команда уважала Филиппа, но не любила. Они называли его «Дьюки»*.

Елизавета, верная своему обещанию, осталась с ребенком в Англии на несколько недель. Однако довольно скоро она поручила одиннадцатимесячного малыша нянькам, бабушке и дедушке. Так она пропустила первый день рождения сына, чтобы отметить вторую годовщину своего брака с Филиппом.

«Принцесса не имела четкого представления о том, как люди живут за стенами королевского дворца, — говорила ее гувернантка Мэрион Кроуфорд. — Но... вылетев на Мальту, чтобы навестить принца Филиппа, она впервые столкнулась с проблемами, которые возникают у обычной женщины, живущей в реальном мире».

Леди Маунтбаттен с ней полностью согласилась. В письме к Джавахарлалу Неру она писала: «Я была так рада видеть ее веселой и цветущей — наконец-то, хотя бы ненадолго, ей удалось окунуться в обычную жизнь».

Маунтбаттены передавали свою резиденцию в Вилла-Гардаманья в распоряжение Елизаветы и Филиппа на время визитов принцессы. Елизавете так здесь понравилось, что она решила встретиться с мужем Рождество. В результате маленький принц Чарльз провел праздники с няней, бабушкой, дедушкой и прабабушкой, королевой Марией, которую называл «Гэн-гэн».

«Он такой милый и так смешно топчет по комнате, что мы с радостью примем его в Сандринхеме, — писал о своем двухлетнем внуке ко-

* Уменьшительное от слова «duke» (в переводе с английского — герцог).

роль. — Он будет представителем пятого поколения нашей семьи, живущей здесь, и, надеюсь, мальчик полюбит это место».

Елизавета вернулась домой только после того, как муж ушел в море. В аэропорт ее провожала леди Маунтбаттен.

«Лилибет улетала со слезами на глазах и комком, стоявшим в горле, — писала Эдвина Маунтбаттен подруге. — Когда я посадила ее в самолет, мне вдруг показалось, что бедняжка снова вернулась в тесную клетку, и я сама чуть не расплакалась».

Оказавшись дома, Елизавета обнаружила, что беременна. Поэтому в марте 1950 года она отправилась на Мальту, чтобы сообщить мужу новость и провести с ним еще один месяц. Она вернулась в Лондон в мае и не видела Филиппа до тех пор, пока он не прилетел с Мальты ближе к концу лета, а 15 августа Елизавета родила дочь. Принц Эдинбургский оставался дома четыре недели, а затем возвратился на службу.

Елизавета присоединилась к нему в ноябре. Они прожили вместе три месяца, а дети снова остались с нянями и старшим поколением. В сопровождении горничной, лакея и телохранителя Елизавета появилась на острове, не забыв прихватить с собой спортивную машину, сорок чемоданов с нарядами и нового пони для поло, который предназначался в подарок мужу. Она загорала, ходила по магазинам, ужинала с офицерскими женами и укладывала волосы в дамском салоне. Изредка Елизавета посещала гарнизоны, перерезала ленточки на открытиях выставок и инспектировала детские сады. Ее вечера заполняли званые обеды, танцы и просмотры фильмов. Позднее они вместе с Филиппом путешествовали по Италии и Греции.

Мальтийская пресса писала об этом круизе как о серьезном политическом событии: «Как жена всякого морского офицера, принцесса живет рядом с находящимся на службе мужем».

И хотя Елизавета говорила, что считает себя «обычной женой моряка», она никогда не возражала против поклонов, реверансов или официальной формулы представления: «Ее Королевское Высочество принцесса Елизавета, герцогиня Эдинбургская».

Жители Мальты были очарованы ею, а местная «Таймс» напечатала несколько репортажей о посещениях Елизаветой «Клуба для тех, кому еще нет пяти», где проводили время дети, чьи отцы служили на Мальте. Однако в газете не поднимался вопрос о том, почему она — в отличие от остальных офицерских жен — оставила своих маленьких детей, которым еще не исполнилось пяти лет, в Англии. В журналах и газетах нередко публиковались фотографии, на которых улыбающаяся Елизавета участвовала в вечеринках, посещала церкви, военные корабли и конюшни. Ее называли самой популярной и замечательной из всех жен морских офицеров, которые когда-либо появлялись на этих островах.

Когда принцесса вернулась домой, пресса стала уделять ей меньше внимания. В одной из газетных статей обозреватель пытался понять, как Елизавета могла покинуть детей на несколько недель, когда у сына была простуда. Другие газеты называли ее «водевильной королевой времен Эдуардов». Критика ее веса и гардероба беспокоила Елизавету больше, чем упреки в равнодушии к детям, в особенности если эта критика исходила от мужа.

«Тебе не следует надевать это, — заявил он, когда Елизавета вошла в его комнату, чтобы показать новое платье. — Немедленно сними его!»

«Ужасно грустно, — писал Джеффри Бокка в ранней биографии принцессы, — что у империи оказалась на руках принцесса, которую все обожали... однако принцесса эта страдала от лишнего веса и безвкусно одевалась... Как человеку, бросившему курить, ей не хватало никотина, чтобы сдерживать увеличение веса... В результате пришлось отказаться от мучного и принимать снижающие аппетит таблетки — голубую на завтрак, зеленую во время обеда и коричневую за ужином».

Амфетамины, как и другие лекарства для принцессы, покупал слуга, чтобы сохранить ее проблемы в тайне. «Когда ей прописывали снотворное, чтобы она лучше отдыхала по ночам, я покупал их на свое имя, — говорил Джон Дин. — Таким образом удавалось отвлечь внимание от самой принцессы Елизаветы».

Во время самого продолжительного пребывания Елизаветы на Мальте ее навестила сестра. Все холостяки на маленьком острове были взволнованы предстоящей встречей с очаровательной принцессой, славящейся обидчивостью, вычурными сигаретными мундштуками и открытыми вечерними платьями.

«Площадь Мальты составляет всего девяносто квадратных миль, и прибытие принцессы Маргарет явилось грандиозным событием для мужчин, которые все вдруг словно посходили с ума, — вспоминал Роланд Фламини, политический обозреватель журнала «Тайм». — Я был тогда подростком, но из-за того, что мой отец писал конституцию Мальты, мне посчастливилось встретиться

с принцессой Елизаветой, однако я совершенно не знал, что следует ей сказать, поэтому выпалил что-то о визите принцессы Маргарет и выразил надежду, что ей здесь понравилось».

«Понятия не имею, — ответила принцесса Елизавета своим пронзительным голосом. — Эта сучка ничего мне не написала и даже не поблагодарила».

«И тогда я понял, что строгая и чопорная на вид принцесса Елизавета в действительности совсем не такая, какой кажется».

Из-за ухудшения здоровья отца Елизавета вернулась в Лондон, а Филиппу пришлось последовать за ней через несколько месяцев, сразу же после того, как он покинул флот. 16 июля 1951 года он простился со своей командой. «Последние одиннадцать месяцев были самыми счастливыми в моей жизни моряка». Пять дней спустя он улетел в Англию, где его встречал маленький сын, принц Чарльз, вместе со своей няней. Однако Елизаветы в аэропорту не было. Она отправилась на скачки в Аскот.

Через три месяца, в октябре 1951 года, они с Филиппом предприняли официальное турне по Канаде, во время которого, после дипломатического демарша Британии по отношению к США, предполагалось нанести короткий визит в Соединенные Штаты*. И снова Елизавета и Филипп ос-

* В памятных записках американских дипломатов предлагалось прислать официальное приглашение принцессе Елизавете и герцогу Эдинбургскому из Государственного департамента. В телеграмме, направленной 5 июля 1951 года Государственному секретарю, говорилось: «Отсутствие официального приглашения в Англии могут неправильно истолковать. В прессе сообщается, что принцесса заявила, будто ее посещение США зависит от того, получит ли она приглашение и когда таковое придет. Рекомендуются направить официальное приглашение на осень...» — *Примеч. авт.*

тавили детей на попечение гувернанток и родителей. Они пропустили первые шаги принцессы Анны и третий день рождения принца Чарльза, однако перед тем как покинуть Англию, выбрали для сына подарки, которые должны были вручить король и королева. Елизавета и Филипп отправились в пятинедельное турне в сопровождении четырех слуг. Багаж состоял из 189 чемоданов с одеждой. В одном из саквояжей лежал запечатанный пакет с «Декларацией о вступлении на престол» — на случай, если король умрет во время их путешествия. Они почти месяц провели в доминионе, где в их задачу — как было предписано Министерством иностранных дел — входило «помелькать» перед четырнадцатью миллионами людей, которые продолжали оставаться подданными Его Величества. Король настоял на этом турне после того, как премьер-министр провинции Ньюфаундленд заявил: «Пуповина, связывающая нас с материнской страной, превратилась в шелковую сентиментальную ниточку». Королю хотелось укрепить эту нить, в результате Елизавете и Филиппу пришлось дважды пересечь Канаду, проехав более десяти тысяч километров по Северной Америке. Они посетили каждую провинцию, включая Ньюфаундленд. Елизавета постоянно звонила родителям.

— Ты достаточно улыбаешься? — спрашивала королева.

— О мама! — отвечала дочь. — Мне кажется, я улыбаюсь все время!

Позднее она сказала, что Канада «стала для нее вторым домом во всех смыслах». Филипп заявил, что эта страна «оказалась удачным вложением».

Когда королевская чета прибыла в Вашингтон для двухдневного визита, президент Гарри С. Тру-

мэн встретил их в аэропорту. Подобные жесты являлись редкостью для президента Соединенных Штатов, но Трумэн испытывал благодарность «волшебнице принцессе», как он называл Елизавету, за прием, оказанный его дочери Маргарет в Лондоне. Его единственного ребенка приняла в Букингемском дворце вся королевская семья, поэтому он и приветствовал Елизавету с расprostертыми объятиями. Он ждал ее у самого трапа самолета. Игнорируя официальный протокол, назвал принцессу «моя дорогая» и удерживал разговорами возле трапа в течение десяти минут, давая возможность журналистам сделать фотографии. Пока Елизавета и Филипп ждали, Трумэн шутил.

«Сотни полицейских толпились вокруг, — вспоминает Джон Дин. — Они рассказали мне, что поразились практически полному отсутствию охраны у принцессы и герцога. Я никогда не забуду, как мы ехали в Блейр-Хаус... Мы мчались по шоссе, нас окружали полицейские на мотоциклах с непрерывно воющей сиреной».

Полицейские в парадной форме охраняли бронированный лимузин президента. Указав большим пальцем в сторону сил безопасности, Трумэн сказал: «Полагаю, у вас нет такого количества безумцев, как у нас». Елизавета и Филипп знали о покушении пуэрто-риканских националистов на жизнь президента, поэтому сумели по достоинству оценить юмор Трумэна. Когда они стояли рядом в цепочке встречающих, президент объявил о готовности к церемонии, сказав своему помощнику: «Введите клиентов».

На следующий день улыбающиеся лица высоких гостей появились во всех газетах, а президент отослал фотографии королю. В сопровождающем письме Трумэн собственной рукой написал, что визит прошел просто великолепно: «Нас только

что посетили очень милая молодая леди и ее представительный муж — Их Королевские Высочества, принцесса Елизавета и герцог Эдинбургский. Они покорили сердца граждан Соединенных Штатов. Мы постарались сделать все, чтобы их визит прошел успешно. Как отец отцу могу сказать, что нам следует гордиться нашими дочерьми. Впрочем, вы меня обошли — потому что у вас их две!»

Король ответил на такую демонстрацию отцовской любви телеграммой из Букингемского дворца: «Королева и я хотим, чтобы вы знали: мы тронуты прекрасным приемом, оказанным нашей дочери и ее мужу в Вашингтоне. В мыслях мы обращаемся к собственному визиту в 1939 году, о котором сохранили самые теплые воспоминания. Мы благодарны вам, господин президент, за гостеприимство, оказанное нашим детям».

Поскольку Белый дом переживал период реконструкции, Бесс Трумэн решила принарядить Блейр-Хаус, находящийся на противоположной стороне улицы. По просьбе гостей она убрала все кондиционеры. И хотя ее несколько удивило требование отдельных комнат, принцесса Елизавета получила роскошную кровать с балдахином из голубой камчатной ткани, на которой спали сами Трумэны. Первая леди США повесила занавеси с цветами в гостиной принцессы, сняв их с окон в президентской спальне, а соседние зеленые апартаменты были предоставлены принцу Филиппу. «Мы принесли небольшой восточный ковер и столик с несколькими книгами, чтобы сделать их покои уютнее, — вспоминал дворецкий Белого дома Дж. Б. Уэст. — Однако принцессе пришлось пользоваться бетонной ванной».

Горничная и камеристка принцессы Бобо Макдональд все тщательно проверила, и только после

этого Ее Королевское Высочество вошла в свои покои и объявила их вполне удовлетворительными. «Ну совсем как в моей спальне в Виндзорском замке», — сказала она.

Елизавета никогда не жаловалась на условия, в которых ей приходилось жить за границей. Она предоставляла это мужу. Во время следующего посещения Вашингтона супруги вновь останавливались в Блейр-Хаусе. Ночью их разбудило хождение секретных агентов. На следующее утро Филипп обратился к начальнику протокольного отдела Генри Катто: «Вот что я хочу у вас спросить, Катто. Зачем вы набираете на работу профессиональных хлопальщиков дверьми?» Катто немедленно приказал обить все двери войлоком.

Пожилая мать президента, прикованная болезнью к постели, с нетерпением ждала встречи с Елизаветой и Филиппом. «Она меня убьет, если вы не навестите ее», — сказал Трумэн принцессе. Елизавета и Филипп поднялись вместе с президентом на шестой этаж резиденции. Немощной и почти оглохшей Марте Трумэн, которой исполнилось девяносто восемь лет, сообщили, что 25 октября 1951 года Уинстон Черчилль снова стал премьер-министром. Так что она подготовилась к встрече с гостями.

— Мама, — проревел Трумэн, — я привел принцессу Елизавету!

Маленькая старушка просияла.

— Я так рада, что вашего отца переизбрали, — сказала она.

Елизавета улыбнулась, Филипп усмехнулся, а Трумэн расхохотался.

Грубоватый президент заслужил любовь принцессы и герцога, и Елизавета написала ему благодарственное письмо на трех страницах: «Воспоми-

нения о визите в Вашингтон надолго останутся с нами, мы так благодарны вам за приглашение. Жаль лишь, что визит оказался таким коротким, но все увиденное нами заставляет надеяться, что когда-нибудь мы еще раз вас посетим...»

Английская студия «Парамаунт ньюз» сняла тысячу метров пленки о визите королевской четы в Вашингтон, поскольку после присутствия американских солдат в Англии во время войны англичане начали проявлять интерес к США. Кинотеатры были переполнены, все хотели посмотреть фильм. Министерство иностранных дел поздравило британского посла в Соединенных Штатах за отлично проделанную работу, а сам посол написал президенту: «Я так рад удачному визиту принцессы Елизаветы и герцога Эдинбургского, что чувствую себя обязанным выразить вам свою благодарность. Принцесса Елизавета и ее супруг не раз говорили нам, что получили колоссальное удовольствие от посещения Блейр-Хауса».

Настроение Елизаветы и Филиппа поднялось, когда они узнали, что все вокруг превозносят их за улучшение англо-американских отношений. Король и королева встретили их на вокзале Виктория вместе с принцем Чарльзом, который подошел к своим родителям так, словно был едва с ними знаком. Фотография принцессы Елизаветы, встречающей своего трехлетнего сына похлопыванием по спине, будет преследовать ее долгие годы, когда мальчик вырастет и, ссылаясь на снимок, станет упрекать ее в том, что она оказалась холодной и равнодушной матерью.

Король, перенесший три операции за три года, заявил, что чувствует себя гораздо лучше и готов отправиться в Австралию и Новую Зеландию.

«Операция — это не болезнь, — сказал он, — а морское путешествие может пойти мне на пользу».

Однако врачи решительно воспротивились его намерениям, и снова на помощь пришли Елизавета и Филипп. Король получил от докторов предварительное разрешение предпринять весной, в марте, оздоровительный круиз по Южной Африке. Страна радовалась улучшению состояния короля. «Все говорили о нем с нежностью», — вспоминала писательница Ребекка Уэст. 9 декабря 1951 года было объявлено национальным Днем благодарения. Били церковные колокола, Британское Содружество возносило радостные молитвы Богу, а король произвел своих врачей в рыцари. Через пять дней в Букингемском дворце он отпраздновал свой пятьдесят шестой день рождения.

Готовясь к предстоящему тяжелому пятимесячному путешествию, Елизавета попросила, чтобы в предполагаемый маршрут включили остановку в национальном парке, который тогда назывался «Кенийской колонией». Они с Филиппом хотели посетить королевский охотничий домик Сагана в Найири, который им подарил на свадьбу народ Восточной Африки.

Елизавета и Филипп вылетели из Лондона 31 января 1952 года в сопровождении нескольких близких людей. Король, королева и принцесса Маргарет провожали их в аэропорту. На борту серебристо-синего королевского самолета король обратился к Бобо Макдональд, камеристке дочери.

«Присматривайте за принцессой, Бобо, — сказал он. — Надеюсь, турне не окажется для вас слишком утомительным».

Он спустился с трапа и стоял внизу без шляпы с усталым лицом. Камеры репортеров запечатлели его в пальто на ледяном ветру. Он помахал доче-

ри, потом долго смотрел вслед улетающему самолету, пока тот не скрылся из виду. Он больше не увидел принцессу Елизавету.

Король скончался пять дней спустя в ночь на 6 февраля в Сандринхеме. Это случилось во сне от закупорки сосудов. Утром, когда королева пила чай, в ее комнату вошел сэр Гарольд Кемпбелл и сообщил, что король умер. Она устремилась в спальню мужа, подошла к его постели и в последний раз поцеловала в лоб. Потом приказала, чтобы у открытой двери спальни постоянно находилась стража. «Король не должен оставаться один, — сказала она. — И Лилибет необходимо немедленно поставить в известность. — И тут же поправились: — Королеву необходимо немедленно поставить в известность».

Придворный вышел из комнаты, чтобы сообщить новость молодой женщине, которая покинула Англию принцессой, а вернется королевой. Кемпбеллу не удалось связаться с Елизаветой, поскольку из-за тропической бури была нарушена телефонная связь с Кенией. Тогда он позвонил в Рейтер, самое надежное, по его мнению, агентство новостей, и попросил довести печальную весть до сведения королевской четы.

Елизавета и Филипп провели эту ночь в Тритопе, отдаленном форпосте в африканских джунглях, где наблюдали за тем, как животные лижут соль. На рассвете уставшие супруги вернулись в королевский охотничий домик Сагана, чтобы несколько часов поспать. Репортер Рейтер получил телеграмму из Лондона и встретился с личным секретарем королевы, Мартином Чартерисом.

«Я помню, как он дрожащими руками потянулся к сигарете, прежде чем сумел сообщить мне о том, что король умер», — сказал Чартерис, ко-

торый передал новость Майклу Паркеру, адъютанту принца Филиппа. «Майк, — сказал он, — отец нашего работодателя скончался. Мне кажется, не следует говорить об этом леди до тех пор, пока известие не подтвердится».

Би-би-си сделала официальное сообщение 6 февраля 1952 года в 10 часов 45 минут и в знак траура прекратила все передачи до конца дня. Ошеломленные толпы людей вышли на улицы Лондона, водители останавливали машины посреди дороги и плакали, не скрывая слез. Церковные колокола пробили пятьдесят шесть раз — в честь каждого года короткой жизни короля. Скорбь англичан прокатилась по всему миру. В Австралии один из членов парламента сказал: «Мы потеряли великую личность». В Америке палата представителей выразила свои соболезнования и отложила заседание. Президент Трумэн записал в дневнике: «Он был великим человеком. Он стоил двух таких своих братьев, как Эд».

Брат короля, герцог Виндзорский, получил трагическое известие в Нью-Йорке, где вместе с герцогиней остановился в «Уолдорф-Астории». Уинстон Черчилль рекомендовал ему немедленно возвратиться в Англию, но попросил не брать с собой герцогиню, которую вряд ли ждал теплый прием. Герцог отбыл в Англию один. Он был похож на потерянного человечка, фигурку, оторвавшуюся от браслета с брелоками. Он остановился у матери, в Мальборо-Хаусе, хотя и возмущался враждебностью королевы Марии к своей жене.

В Кении Майкл Паркер разбудил принца Филиппа. «На долю принца выпало рассказать королеве о кончине отца, — вспоминал Паркер. — Вероятно, это был самый тяжелый момент в его жизни.

Он только и смог проговорить: «Какой ужасный удар!» Филипп вывел Елизавету в сад, они прогуливались по дорожкам, а он все говорил, говорил и говорил... Никогда в жизни ни к кому я не испытывал такого сочувствия. Принц не из тех, кто демонстрирует свои эмоции, но, глядя на его лицо, я все понимал — так оно застыло. Я никогда не забуду тех мгновений. Казалось, я обрушил на него полмира... Все остальные сразу принялись за дело, и уже через час мы покинули охотничий домик».

Елизавета, не дрогнув, перенесла удар. Она медленно вернулась в дом, где Бобо чистила ее туфли. Горничная опустилась перед ней в глубоком реверансе. «О нет, Бобо, — сказала Елизавета. — Уж тебе-то не следует этого делать». Ее фрейлина, Памела Маунтбаттен, устремилась к ней, чтобы обнять.

«Благодарю вас, — сказала новая королева. — Мне так жаль, что нам придется вернуться в Англию, нарушив тем самым планы стольких людей».

Вошел Мартин Чартерис с конвертом, в котором находились документы о восшествии на престол. В них следовало занести имя нового монарха.

«Я сделал то, что должен был сделать, — вспоминал он. — Обратился к новой королеве:

— Мне необходимо задать один вопрос: как следует вас называть, когда вы взоидете на трон?

— Но у меня же есть имя. Елизавета. Как же еще?

— Хорошо. Елизавета. Елизавета Вторая».

Много лет спустя Чартерис так охарактеризовал реакцию Елизаветы на превращение в королеву: «Я видел ее через несколько мгновений после того, как она стала королевой, — мгновений, а не часов; казалось, она готова принять случившееся. Слез не было. Она просто стояла с прямой спиной

и слегка покрасневшимся лицом. И готовилась принять свою судьбу. С Филиппом все было иначе. Он сидел, опустив плечи, с номером «Таймс» в руках. И ничего не хотел. Теперь его жизнь решительным образом изменится: он потеряет с таким трудом обретенное спокойствие и стабильность».

Чартерис собрал пресс-конференцию, чтобы объявить о «леди, которую мы теперь обязаны называть королевой». Он попросил репортеров не фотографировать ее, когда Елизавета будет уезжать. Газетчики выполнили его просьбу и встали по обеим сторонам дороги, опустив фотоаппараты и прижимая правую руку к сердцу. Граждане Кении выстроились вдоль всех сорока миль грязного шоссе, ведущего в аэропорт. Черные африканцы, коричневые индийцы, белые европейцы — все молча склонили головы, разделяя скорбь королевы.

«Мы почти не разговаривали на обратном пути в Лондон, — вспоминает Джон Дин. — Бобо и я сидели рядом. А королевская чета сразу за нами... Королева один или два раза покидала свое место, а когда возвращалась... мне показалось, она плакала».

Елизавета по-прежнему оставалась в светлом летнем платье, в котором путешествовала по Кении, до самого последнего момента отказываясь переодеться в траурную одежду. Когда самолет приземлился, королева выглянула в окно и увидела премьер-министра Черчилля, который ждал ее в окружении пожилых людей в унылых черных костюмах с черными повязками на рукавах. Елизавета вскрикнула, заметив длинную вереницу черных автомобилей.

— О Господи, — прошептала она своей придворной даме, — они привезли катафалки!

Полная решимости, но не уверенная в том, что следует делать, королева повернулась к мужу:

— Я должна выйти одна?

— Да, — ответил он, показывая, что принимает ее новый титул.

Теперь, будучи подданным своей жены, Филипп должен был называть ее «мадам» на публике и идти в четырех шагах позади.

По щекам Черчилля текли слезы, и он с трудом взял себя в руки, чтобы выразить соболезнования.

— Трагическое возвращение, — сказала королева, — но полет прошел спокойно.

Пожав руки команде самолета и поблагодарив каждого, она села в семейный «даймлер». Они приехали в Кларенс-Хаус, где их встречала одетая в черное королева Мария, чтобы отдать дань уважения новой королеве.

«Старая бабушка и подданная будет первой, кто поцелует новой королеве руку», — сказала королева Мария.

Восьмидесятипятилетняя женщина, которая умрет тринадцать месяцев спустя, задала тон поведения королевской семьи в эти траурные дни. Похоронив своего мужа, короля Георга V, и двоих из пятерых сыновей, она заявила, что черное — это цвет смерти, который следует носить только во время траурных церемоний. Поэтому женщины дома Виндзоров надевали черное только во время траура. «В каждое путешествие мы всегда брали с собой что-нибудь черное, на случай если нас настигнет весть о чьей-нибудь смерти, — сказал Джон Дин. — Вот почему новая королева вернулась из Африки, одетая, как и положено, в простое черное платье, пальто и шляпу».

Королева приветствовала свою бабушку как обычно: поцеловала в обе щеки и сделала реверанс. Королева Мария нахмурилась и покачала головой, настаивая на том, что это она должна продемон-

стрировать уважение новой королеве. Несмотря на жестокий артрит, она присела в глубоком реверансе перед своей двадцатипятилетней внучкой, которая стала монархом. Потом, выпрямившись, старая королева принялась отчитывать новую.

«Лилибет, — сказала она, — у тебя слишком короткая юбка для траура!»

Повидав бабушку, королева направилась в Сент-Джеймский дворец, где сделала заявление о вступлении на престол. «Мое сердце слишком переполнено, чтобы сказать вам больше, но я всегда буду работать так, как мой отец», — проговорила она.

В Сандринхеме ее ждали скорбящие мать и сестра. Принцесса Маргарет заперлась у себя в комнате, она была безутешна. «Мне кажется, жизнь остановилась навсегда, — сказала она матери. — Не знаю, как она может продолжаться».

Старая королева, которой в то время исполнился пятьдесят один год, еще не облачилась в траур. Она вернулась в свои покои и занялась письмами. Теперь ей предстояло играть роль вдовствующей королевы, и она не могла сдерживать дрожь от одной только мысли об этом. Не обращая внимания на протокол, она настаивала на том, что ее должны называть «королева Елизавета, королева-мать». Ее биограф, Пенелопа Мортимер, предположила, что она сама избрала этот титул, потому что была не в силах смириться с неожиданной смертью мужа. «В таком варианте, — писала Мортимер, — ее называли королевой дважды»*.

* В отделе прессы Букингемского дворца автору дали иную интерпретацию титула «королева Елизавета, королева-мать»: «Ни одна вдовствующая королева-супруга в английской истории не носила подобного титула, поскольку никогда еще вдовствующая королева-супруга не имела дочери, сидящей на престоле, и не дожила до ее коронации». — *Примеч. авт.*

Почти забытым в огромном, затихшем доме в Сандринхеме оказался трехлетний внук короля — принц Чарльз, который в одиночестве возил по лестничным ступенькам зеленого игрушечного крокодила.

— Что случилось, нянюшка? Что случилось? — спросил он свою няню Элен Лайтбоди.

— Дедушка заснул навсегда, — ответила она, кланяясь смущенному маленькому мальчику, который теперь стал герцогом Корнуэльским, герцогом Ротсейским, графом Каррикским, бароном Ренфрусским, лордом Островов, председателем суда пэров Шотландии. Как наследный принц он имел более высокий титул, чем его отец. Няня взяла наследника за руку и отвела его в постель.

Тело короля перенесли из спальни в маленькую семейную церковь Святой Марии Магдалины, где круглосуточно несли караул слуги, одетые в зеленые бриджи, в которых они охотились вместе со своим монархом. Над гробом, сделанным из сандринхемского дуба, развернули пурпурный королевский штандарт. Рядом поставили белый венок, присланный Уинстоном Черчиллем. Собственной рукой премьер-министр начертал: «За доблесть». Вскоре появились и цветы от королевы. Их положили на гроб с ее карточкой, где было написано: «Милому папе от скорбящей Лилибет». На похоронах отца королева сделала последний реверанс в своей жизни.

Историки считали короля выдающимся лидером Британии во время Второй мировой войны, но называли его правление концом Британской империи. Перестав быть императором, Георг VI стал главой Содружества и печально наблюдал, как Великобритания превращается в «государство

всеобщего благосостояния». Однако посол Франции сказал, что король передал дочери «самый стабильный трон, какой Англия знала за всю свою историю». Для своих подданных король оставался героем и сувереном, достойным всяческого почитания. Солдаты еще некоторое время не снимали черных повязок в знак траура после его смерти, а народ собрал деньги для создания мемориального фонда. Парламент принял решение выделить сто шестьдесят восемь тысяч долларов на проведение государственных похорон 16 февраля 1952 года — сюда включалась стоимость пурпурной дорожки, расстеленной на мостовой, чтобы белые нейлоновые шнуры, которыми гроб с телом короля крепился к катафалку, не касались земли.

В тот день объявили две траурные минуты молчания в память об усопшем монархе. Человека, который нарочно громко топал ногами, арестовали за оскорбительное поведение. Толпа разгневанных британцев окружила его, когда полицейские вели наглеца в участок. В суде, состоявшемся в тот же день, его оштрафовали на 2,8 доллара за нарушение королевской тишины.

С того самого момента, как Елизавета покинула борт самолета в Лондоне, новую королеву постоянно окружали придворные и советники. Они давали ей множество указаний относительно времени доступа к телу покойного короля в Вестминстере, непосредственного захоронения в часовне Святого Георгия в Виндзорском замке и продолжительности национального траура. Ей рассказывали о правилах приема премьер-министров и высоких посланцев стран Содружества, прибывших на похороны, о том, как следует приветствовать семерых монархов из других стран, а также

ее дядю Дэвида, герцога Виндзорского, который поставил на обсуждение довольно щекотливую проблему. Он намеревался поднять вопрос о ежегодной выплате суммы в семьдесят тысяч долларов, которую получал от отца Елизаветы с 1936 года. Поскольку теперь все личные фонды перешли в ее собственность, королеве предстояло решить, стоит ли и дальше выплачивать эти деньги.

Адвокат герцога утверждал, что речь идет о пожизненной пенсии и компенсации за отказ от наследственного права в пользу брата. Герцог знал, что новая королева непременно будет обсуждать данный вопрос с матерью и королевой Марией. «Отвратительно зависеть хоть в чем-то от сук, в жилах которых течет ледяная кровь, — писал он герцогине из Лондона. — Боюсь, у них есть прекрасный предлог, связанный с состоянием национальной экономики, и они вполне могут им воспользоваться».

Однако никакого предложения не потребовалось. Королева-мать заявила, что у герцога имеются собственные миллионы и что герцогиня тратит их на всякую мишуру вроде атласных подушечек для своих собак и дорогих духов, коими поливает цветы, чтобы придать им дополнительный аромат. Королева Мария, собиравшая антиквариат, которая нередко после посещения домов своих друзей посылала слугу, чтобы «осведомиться» о понравившихся ей предметах старины (иными словами, забрать их), заявила, что расточительная герцогиня тратит все деньги на обувь и что однажды, зайдя в магазин, она приобрела пятьдесят шесть пар. Новая королева согласилась с матерью и бабушкой и решила ничего не платить герцогу.

После смерти короля все его владения переходили непосредственно к новому суверену, вклю-

чая дворцы, двадцать лошадей, придворных и личного секретаря, сэра Алана (Томми) Ласеля. Так что формально мать и сестра Елизаветы больше не имели дома, лошадей или придворных. Но что еще хуже, их расставание с Букингемским дворцом означало, что Елизавете и Филиппу придется покинуть Кларенс-Хаус — а они оба этого не хотели — и переехать в Бук-Хаус, как они называли Букингемский дворец.

— О Господи, теперь мы будем вынуждены жить за оградой, — сказала королева.

— Проклятие! — ответил ее муж.

Его совсем не привлекала перспектива поменять современный, удобный Кларенс-Хаус на холодные пещеры Букингемского дворца, где постоянно гуляли сквозняки. Десять тысяч окон, три мили коридоров, застеленных красными дорожками, тысяча часов, десять тысяч предметов мебели, шестьсот девяносто комнат, двести тридцать слуг и двор площадью в сорок пять акров. Король Эдуард VII пренебрежительно прозвал дворец «Склепом». Король Эдуард VIII, позднее герцог Виндзорский, жаловался на «сырой, затхлый воздух», отец королевы Елизаветы, Георг VI, называл его «холодильником». Поэтому принц Филипп, заявивший, что «чувствует себя, как квартирант», предложил использовать дворец в качестве рабочего помещения и места для официальных приемов, а им самим остаться в Кларенс-Хаусе. Королева поговорила с Уинстоном Черчиллем, но тот возмутился. Он настаивал на том, что Букингемский дворец должен быть домом суверена, а не только его рабочим местом — центральной точкой для всей нации, средоточием монархии.

Не желая спорить с уважаемым премьер-министром, королева отступила и сосредоточилась на

планах переезда. Ее муж так рассердился, что приказал снять отделанные белым кленом панели в своем кабинете в Кларенс-Хаусе и перенести их в Букингемский дворец.

Черчилль рекомендовал королеве обдумать возможность поменяться резиденциями с матерью и сестрой. Премьер-министр поделился с ней беспокойством о состоянии душевного здоровья королевы-матери. Он сказал, что, по слухам, скорбящая вдова обратилась к спиритизму и даже организовала сеанс общения с покойным мужем. Черчилля так взволновали намерения королевы-матери завести контакты с призраками, что он отправился в Сандринхем, чтобы уговорить ее вернуться к активной жизни. Он заявил, что теперь правительство нуждается в ней даже больше, чем когда ее супруг был жив, и предложил облегчить возвращение к общественной жизни, сделав Кларенс-Хаус ее лондонской резиденцией.

«Королева-мать всегда высоко отзывалась о том, каким удобным сделали ее дочь и зять Кларенс-Хаус, — сказал Джон Дин, — и даже завидовала этому. Но когда ей было предложено переехать туда, она не захотела покидать дворец. Ее совсем нетрудно понять — ведь обширные королевские покои напоминали королеве о ее усопшем супруге».

Королева-мать сказала Черчиллю, что ей не нравятся цвета отделки в Кларенс-Хаусе. Он предложил все изменить. Тогда она заявила, что не может покинуть свою спальню в Букингемском дворце, потому что мраморный камин, установленный там, является личным подарком короля. Черчилль предложил перенести камин в Кларенс-Хаус. Однако королева-мать продолжала возражать, утверждая, что теперь не имеет права жить в роскоши. Черчилль по-

вторял, что ее присутствие так жизненно важно для монархии, что правительство планирует выделить двести двадцать тысяч долларов на приведение в порядок особняка для нее и гарантирует выплату трехсот шестидесяти тысяч долларов ежегодно плюс содержание штата из пятнадцати слуг. Кроме того, в ее владение отошло еще два места: Королевский охотничий дом — элегантное готическое здание в Большом Виндзорском парке, рядом с Виндзорским замком, и Беркалл в Шотландии. Затем она купила шотландский замок Мей, окруженный двадцатью пятью тысячами акров вереска. Однако и после этого королева-мать не торопилась принимать предложение Черчилля. «Меня уже чуть не рвало на Биг-Бен, — признался потом он, — но тут она сдалась — как раз вовремя».

А новая королева соглашалась на все. Она сочувствовала матери, которая пятнадцать лет пользовалась королевскими правами, а теперь их лишилась — драгоценностей, дворцов, слуг, титула. Однако молодая королева не понимала, что больше всего ее матери не хватает власти, которую давал трон. Впрочем, многое стало ей ясно, когда она прочитала письмо, написанное королевой-матерью своей подруге, леди Эрли:

«О Мейбл, если бы ты только знала, как трудно мне было, как я боролась с собой. Ведь король первым делом все рассказывал мне. Как мне этого не хватает!»

Королева немедленно приказала сделать новый красный кожаный ящик с золотым тиснением: «Ее Величество королева Елизавета, королева-мать».

Однако она не распространила данную привилегию на своего мужа. Более того, она не оказала Филиппу чести и не позволила ему заглядывать в

красный ящик, содержащий секретные документы, которые присылало ей для одобрения правительство. Так она нарушила традицию: у королевы Виктории не было тайн от принца Альберта, а ее сын и наследник, король Эдуард VII, даже делился государственными проблемами с невесткой, поскольку она поразила его преданностью монархии, и ему хотелось приучить ее к роли помощницы, когда королем станет его сын. Когда на трон взошел Георг V, он продолжал обсуждать содержимое красного ящика со своей женой, королевой Марией. И его наследник, Георг VI, также ничего не скрывал от своей жены. Однако Елизавета II отказалась делить ответственность с супругом. Советников так поразило ее решение, что они вторично поставили перед ней вопрос о возможности позволить принцу Филиппу иметь доступ к государственным секретам. Она ответила: «Только не к красному ящику». А мужу пожаловалась, что во всем виноваты советники.

Через несколько недель ее друг лорд Кинросс, третий барон Гласклунский, написал статью о принце Филиппе в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», где процитировал королеву относительно того, как следует обращаться с мужьями:

«Что вы делаете, когда ваш муж очень хочет что-то получить, а вы — против?» — спросила она у своей подруги.

«Ну, мадам, — ответила подруга, — я пытаюсь убедить его, отговорить, и иногда нам удается добиться компромисса».

«Понимаю, — задумчиво проговорила Елизавета. — А у меня другие методы. Я говорю Филиппу, что он получит желаемое, а потом делаю так, чтобы этого не произошло».

Королева так крепко держала в руках свои привилегии, что даже не разрешала мужу входить в синюю, как веджвудский фарфор, комнату Букингемского дворца во время еженедельных аудиенций, даваемых премьер-министру.

«Раньше... мы все делали вместе, — сказал Филипп об их жизни перед восхождением Елизаветы на престол. — Я, естественно, играл ведущую роль».

Теперь это было позади. Сильный, доминирующий супруг неожиданно лишился своего положения. Он больше не был равен своей жене. В соответствии с конституцией его статус целиком и полностью определялся королевой.

«Я помню, как участвовала в обеде всего на десять персон, — говорила Ивлин Пребенсен, дочь старшины дипломатического корпуса. — И даже в такой ситуации бедный Филипп не мог сесть, пока стояла королева. В первые годы она настаивала на своих монарших прерогативах. Если Филипп входил в комнату после нее, ему приходилось кланяться и говорить: «Прошу прощения, Ваше Величество».

Его друзья беспомощно наблюдали за тем, как после восхождения Елизаветы на престол Филипп начал погружаться в депрессию.

«Это было видно невооруженным глазом, — сказала своей жене бывший король Югославии Петр после похорон короля. — Не знаю, сколько он продержится, оказавшись в таком положении».

«Он часто говорил: «Я ни то, ни другое. Я — ничто», — вспоминала Эйлин, жена Майкла Паркера.

Филипп, который стремился стать адмиралом, понял, что его военно-морская карьера закончена. Он запирался в своих покоях и долгие часы про-

водил в одиночестве, общаясь только со старшей сестрой Маргарет.

«Ты можешь представить, что теперь произойдет», — сказал он ей о своих предчувствиях.

На следующий день после похорон короля Маунтбаттены принимали своих немецких родственников в Бродландсе, где дядя Дики радовался тому, что дом Виндзоров больше не правит Англией. С бокалом шампанского в руке он предложил тост за новый дом Маунтбаттенов. Он хвастался, что кровь Баттенбергов с далеких берегов Рейна сумела подняться на самый высокий престол на земле. Его кузен — принц Эрнст Август Ганноверский повторил его слова королеве Марии, которая пришла в ярость. Для нее, изучавшей генеалогию так же упорно, как рудокоп ищет золото, не было секретом, что семья Филиппа произошла из дома Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург-Бек. Она могла единым духом назвать всех его королевских предков, как отличник, вызубривший алфавит.

«Филипп не носит фамилию Маунтбаттен, — заявила она. — Если у него вообще есть фамилия, то это Глюксбург!»*

Она призвала Черчилля и напомнила ему, что ее муж, король Георг V, в 1917 году издал указ, согласно которому дом Виндзоров навеки останется королевским домом, и никакие выступления «нахального выскочки» Дики Маунтбаттена не изменят королевского эдикта. Премьер-министр выслушал ее слова с почтением, восхищаясь тем, как

* Семья принца Филиппа (вследствие брака греческого короля Георгия I и великой княгини Ольги, внучки царя Николая I) включала шестнадцать королев из дома Ольденбургов, семь русских царей, шесть королев Швеции и трех королев из дома Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург-Бек. — *Примеч. авт.*

успешно старая королева сумела похоронить свои немецкие корни, чтобы стать образцовой англичанкой. Она сказала ему, что всегда презирала Гитлера, поскольку у него было ужасное немецкое произношение. «Он так и не научился как следует говорить по-немецки», — сказала она.

Черчилль созвал заседание кабинета министров, чтобы обсудить заявление Маунтбаттена. Кабинет, не забывший о двух войнах, которые Англия вела с ненавистными гансами, настоял на том, чтобы королева сделала публичное заявление: она должна утвердить себя как продолжение дома Виндзоров и обещать, что все ее потомки будут носить фамилию Виндзор. Черчилль и его министры чувствовали, что в противном случае возникнут серьезные политические осложнения — так сильно пугали их династические амбиции Маунтбаттенов и их либеральные взгляды*. Королеву поставили в известность. Черчилль сказал ей, что «правительство, опираясь на общественное мнение, считает, что Ее Величеству следует отказаться от фамилии Маунтбаттен и править под именем Виндзор, принадлежащим ее отцу». Филипп отчаянно защищал идею объединения в названии домов Маунтбаттенов и Виндзоров, а когда потерпел поражение, предложил новое имя — дом Виндзоров и Эдинбургов. Однако Елизавета решила принять во внимание мнение премьер-министра и его советников, что оскорбило ее супруга.

«Я жалкая амеба! — воскликнул Филипп. — И не более того».

* Либеральные взгляды Маунтбаттенов шокировали их консервативную прислугу. Когда в их дом зашел агитатор лейбористской партии, лорд Маунтбаттен сказал ему: «О нас не беспокойтесь, поработайте лучше со слугами». — *Примеч. авт.*

Много лет спустя Мартин Чартерис сделал вывод: «Насколько я понял, Филипп хотел сказать, что находится здесь лишь для того, чтобы дать свое семя».

Но королева лишила его и этой функции. Раньше она говорила ему, что хочет еще одного ребенка, однако теперь передумала. И приходила в гнев, когда в газетах появлялись намеки на то, что она беременна. Во время встречи с Черчиллем и его кабинетом, когда обсуждался вопрос о перемене фамилии, она довольно резко заявила: «Я полагаю, слухи необходимо немедленно пресечь!» Говорят, что на следующий день премьер-министр воскликнул: «Возможно, она и не беременна, но, несомненно, царственна»*.

После шумихи, поднятой вокруг дома Виндзоров, 9 апреля 1952 года королева Елизавета II, четвертый монарх династии, сделала официальное заявление. В нем говорилось, что в отличие от всех остальных жен королевства она не будет носить фамилию мужа.

«Принц Филипп ужасно расстроился, что его фамилия — его единственный вклад в брак — отвергнута, — отметила Патриция, графиня Маунтбаттен. — Но Черчилль — старый и очень хитрый политик, а Елизавета была совсем юной и неопытной королевой, так что вполне понятно... почему она не стала спорить с премьер-министром и не сказала: «Нет, я не стану так поступать...»

Филипп оказался в весьма неудобном положении. Когда на трон восходит мужчина, его жена автоматически становится королевой-супругой и

* Обыгрывается созвучие слов «pregnant» (беременный) и «regnent» (царственный).

коронуется вместе с ним. Иначе обстоит дело, если престол переходит к женщине. Она получает титул королевы, а ее муж остается принцем. Не существует правил, определяющих положение ее мужа. Муж Марии, королевы Шотландии, был королем-консортом, так же как муж Марии I. Королева Виктория почтила своего мужа титулом «принц-консорт». Елизавета II отказалась сделать то же самое для Филиппа.

Елизавета пыталась умиротворить мужа, повысив его положение в стране. Она выпустила эдикт, в котором говорилось: «Его Королевское Высочество, Филипп, герцог Эдинбургский, с этих пор и во всех случаях... будет обладать всеми первейшими привилегиями вслед за Ее Величеством». Эдикт поставил Филиппа выше всех остальных в королевстве, включая и того, кто когда-то был королем (герцога Виндзорского), и того, кто когда-нибудь станет королем, — принца Чарльза.

Кроме того, королева произвела мужа в адмиралы — из лейтенантов, — что позволяло ему носить форму и получать почести, полагающиеся адмиралу ВМС Великобритании*. Затем Елизавета присвоила Филиппу высшие звания всех других родов войск. Он стал фельдмаршалом сухопутных войск, маршалом ВВС Великобритании и генерал-капитаном морской пехоты. Если не считать этой чести — неожиданной и незаслуженной, — Филипп не имел никакой реальной власти; он оста-

* Когда Маунтбаттену было присвоено звание адмирала флота, он явился в Букингемский дворец, где его приветствовал принц Филипп точно в такой же форме. Кто-то спросил: «Кто должен салютовать, когда встречаются два адмирала флота?» Филипп ответил: «Мы салютуем друг другу, но только один из нас делает это искренне». — *Примеч. авт.*

вался лишь фоном для основной мелодии. Во время болезненного периода привыкания к новой действительности Филипп понял, что имел в виду его тесть, король Георг VI, когда сказал: «Быть супругом монарха гораздо труднее, чем королем. Возможно, это самая тяжелая работа на свете».

Через несколько дней после переезда из Кларенс-Хауса в Букингемский дворец у Филиппа началась желтуха, болезнь печени, которую его друзья объяснили депрессией. Болезнь приковала его к постели на три недели. Его камердинер, Джон Дин, приносил ему еду — «вареную и пресную», — а королева навещала три раза в день.

«Кожа герцога болезненно пожелтела, он был очень раздражен и расстроен, когда ему сообщили, чем он болен, — сказал его камердинер. — Я старался уделять ему как можно больше внимания, пока он болел, потому что ужасно его жалел: ведь он лежал без движения в своей мрачной комнате».

Постепенно принц Филипп выздоровел, но продолжал чувствовать себя униженным. Через несколько месяцев он пришел в себя — Елизавета назначила его ответственным за церемонию коронации, но унылая роль супруга царствующей королевы угнетала его.

«Люди забыли, как это было. Королеве исполнилось двадцать шесть, а мне — тридцать, когда она вступила на престол, — сказал он писательнице Фьямметте Рокко. — Тогда-то все и началось...»

ГЛАВА 7

Траурные повязки исчезли с рукавов через три месяца после смерти короля, и на весь следующий год предстоящая коронация королевы стала главной темой, которую обсуждали в отделах новостей газет, на радио и телевидении, в барах, на советах директоров фирм и в гостиных. Церемонию назначили на десять часов тридцать минут утра 2 июня 1953 года, и до того момента вся жизнь в стране сосредоточилась вокруг королевских прав и привилегий, праздничных нарядов и регалий.

Разговоры о коронации, которая должна была стать наградой Англии за победу в войне, перемежались воспоминаниями о жертвах и надеждами на возрождение. Британская пресса, склонная к гиперболизации, не жалела бумаги на рассуждения о наступлении «Нового Елизаветинского века», о том, какого величия страна достигла при Елизавете I и какие чудеса ее ждут при Елизавете II. А потом выступила будущая королева, и ее обращение к согражданам немного приглушило поток восторженных славословий.

«Честно говоря, — заявила она, — мне не хочется походить на свою предшественницу из рода

Тюдоров, которой Бог не дал ни мужа, ни детей и которая деспотично правила страной, так ни разу и не покинув берегов Англии».

Стараясь отгородиться от нее, Елизавета II надеялась построить свою жизнь таким образом, чтобы замужество и материнство играли в ней одну из главных ролей. Сорок пять лет спустя она будет пользоваться уважением, став хорошим и самым активно путешествующим в истории страны монархом. А вот в роли матери и жены добиться особенно выдающихся результатов ей не удалось. Зато Елизаветой I ее соотечественники продолжают восхищаться за мудрость, силу духа и мастерство в управлении государством.

Коронационная лихорадка началась в 1953 году, и праздничное настроение захватило и добралось до самых дальних уголков Британских островов и доминионов. Британские домохозяйки уже привыкли к коричневым книжкам с карточками на продовольствие, по которым они получали масло, сыр, маргарин, мясо и сахар. Однако теперь ограничения на сахар были сняты, и люди, на целые четырнадцать лет лишённые кексов, печенья и конфет, с головой окунулись в море сладостей. В свободной продаже появились чай и яйца. Совсем недавно все обсуждали винтовки, противогазы и каски, сейчас же главной темой стали украшенные драгоценностями шпаги и диадемы.

В честь события, провозглашавшего начало «Нового Елизаветинского века», Лондон превратился в громадную ярмарочную карусель с множеством триумфальных арок и разноцветных ярких огней. Пурпурные флаги и золотые вымпелы с искусно нарисованными коронами и скипетрами развевались на главных улицах. На фасадах

зданий красовались щиты и медальоны. Стоило посмотреть на фонарные столбы на главных магистралях, как у вас тут же начинало рябить в глазах от немыслимого сочетания желтого, лилового, черного, белого и красного цветов. Красочные ленты и транспаранты украшали все семь миль пути, по которому должна была проехать королева после церемонии коронации. Перед зданием парламента стояли огромные ящики с экзотическими цветами, доставленными из Австралии, а в Вестминстерском аббатстве постелили новые ковровые покрытия размером в две тысячи квадратных футов, чтобы на нем с удобством могли расположиться все семь тысяч семьсот гостей, приглашенных королевой стать свидетелями ее восшествия на престол.

Признавая всемирное значение предстоящего события, Би-би-си предложила показать церемонию коронации по телевидению, однако придворные королевы сказали «нет». Они заявили, что не хотят, чтобы телевизионные камеры записывали событие, свидетелем которого, по их мнению, имеет право стать лишь аристократия. Они утверждали, что это будет коммерческим вмешательством в священный ритуал.

— Не понимаю, почему Би-би-си должна получить возможность лучше меня видеть коронацию моего монарха, — сказал премьер-министр Черчилль.

— Вот именно, — согласился с ним личный секретарь королевы, сэр Алан Ласель.

Они обратились за поддержкой к королеве, не сомневаясь, что ее получат. Однако она принялась задавать технические вопросы о том, каким образом церемонию смогут увидеть в самых отдален-

ных уголках земли, сколько микрофонов понадобится, как будет работать звуковое оборудование и как следует разместить в аббатстве камеры.

— Но... но... сильный, слепящий свет, — запротестовал Ласель.

И тут вмешался архиепископ Кентерберийский:

— Я считаю, что нельзя допустить, чтобы вы в течение двух часов находились под пристальным вниманием камер, причем у вас не будет возможности исправить какой-нибудь просчет или недогляд.

Королева их выслушала, но доводов не приняла.

— Чтобы мне поверили мои подданные, они должны меня увидеть, — сказала она.

Несколько дней спустя она послала мужа к премьер-министру довести до его сведения ее решение: Би-би-си получит разрешение снимать церемонию, однако с одним ограничением — никаких крупных планов. Демократический жест королевы привел в изумление консервативного премьер-министра, но он довольно быстро пришел в себя и передал слова Елизаветы кабинету.

«Ее Величество считает, что все подданные должны получить возможность увидеть коронацию», — сказал он.

Министры принялись возражать и попытались придумать способ повлиять на королеву, чтобы она отказалась от своей затеи, но Черчилль заявил, что у них нет иного выбора, как согласиться.

«В конце концов, — сказал он чуть позже, — коронуется-то королева, а не кабинет министров».

Решение королевы дало возможность всему миру в течение семи часов наблюдать прямую трансляцию церемонии. Телевизионная аудитория была самой большой за все время существова-

ния телевидения — триста миллионов зрителей. Позже, когда Елизавета посетила Би-би-си, чтобы посмотреть запись церемонии коронации, она пришла в восторг от увиденного. «Королева была так довольна, — вспоминал продюсер Питер Димок, отвечавший за трансляцию торжественного события, — что возвела в рыцарское достоинство Джорджа Барнса, который тогда возглавлял телевизионную студию, причем сделала это прямо в Лаймгроуве, где смотрела запись».

«Решение допустить телевизионные камеры в святая святых Вестминстерского аббатства оказалось одним из самых важных, принятых королевой за все время ее правления, — сказал писатель Джон Пирсон. — Коронация королевы Елизаветы II... стала уникальной в истории монархии: впервые при столь необычном и знаменательном событии присутствовали миллионы восхищенных зрителей...»

Ни в одной стране коронация не окутана таким мистическим покровом, не наполнена уходящими в глубь веков величественными традициями и религиозными церемониалами. Восшествие монарха на престол всегда отмечается всенародным праздником с песнями, фейерверками и гуляньями. Уличные торговцы получают огромные прибыли, продавая украшенные королевской эмблемой безделушки вроде ситечек для чая, таймеров для варки яиц, расчесок и колец для салфеток. Вся эта суета предшествует торжественной церковной церемонии, которая представляет собой нечто среднее между официальным введением в должность папы римского и инаугурации президента. А в довершение ко всему — романтика таких символов, как корона, скипетр, держава и позолоченная карета.

В мире нет ничего более изысканного, чем великолепие и блеск, окружающие коронацию, и ничто другое не характеризует лучше английскую монархию. Итак, королева приняла твердое решение, что ее коронация станет самой пышной в истории Британии. Правительству пришлось выложить за нее шесть с половиной миллионов долларов — около пятидесяти миллионов долларов 1996 года. Елизавета считала, что обнищавшая страна должна потратить такую огромную сумму, так как монархия является самым ценным ее достоянием и символом исторической преемственности. Большинство остальных монархий пало, не сумев пережить две мировые войны, однако королевская семья Великобритании по-прежнему влияет на жизнь своих подданных. Став королевой, Елизавета II будет править сильно уменьшившимся королевством, известным теперь как Содружество, — иными словами, группой стран, в которую входят Австралия, Новая Зеландия, Канада, несколько портов в Карибском море и несколько регионов Африки. Однако даже без империи ее корона все еще объединяет историческими узами кули в Гонконге с австралийскими аборигенами, родезийских фермеров с уэльскими горняками. Уинстон Черчилль заявил однажды: «Корона непостижимым — я бы даже сказал, магическим — образом соединила не очень тесно связанные между собой внешне, но имеющие глубинные, сложные взаимосвязи нации, государства и расы Содружества». Ему не нужно было добавлять, что, кроме всего прочего, корона является солидной приманкой для туристов. Если посчитать, что Лондон в неделю посещает около двухсот тысяч гостей из других стран, которые в среднем тратят около

восьми долларов в день, общая сумма будет равняться 1,6 миллиона долларов каждые двадцать четыре часа.

«За неделю во время коронации перейдет из рук в руки больше денег, чем обычно банки видят за год», — предсказала «Таймс оф Лондон». Газета назвала предположительную сумму в триста миллионов долларов, включая двадцать восемь миллионов на украшения в честь коронации, двести семьдесят тысяч на фейерверки в ночь торжества, десять миллионов на парад*. «Британцы после четырнадцати лет войны, восстановления того, что было разрушено, и крайней экономии решили махнуть на все рукой».

Левая «Трибюн» заявила в критической статье: «Необходимо короновать конституционного монарха в демократической стране таким образом, чтобы не возникло ощущения, будто Британия превратилась в Руританию**». Передовая статья «Чикаго трибюн» кричала: «Проснись, волшебная страна!», а коммунистическая «Дейли уоркер» заявила (чего от нее вполне следовало ожидать), что коронация продемонстрировала самые худшие эксцессы — «низкопоклонство и роскошь».

* Коронация Елизаветы II стала самым дорогим праздником в истории Англии. Правительство Соединенного Королевства потратило в двадцать пять раз больше, чем Министерство финансов США выделило на инаугурацию президента Эйзенхауэра в январе 1953 года. Британские подданные сняли 25 миллионов долларов со своих личных счетов менее чем за две недели, чтобы спустить эти деньги во время праздника. Разгул расточительства вызвал появление в «Лондон таймс» серьезной статьи, в которой британцев упрекнули в том, что они решили «отдохнуть от реальности». — *Примеч. авт.*

** Вымышленная страна в романах английского писателя Энтони Хоупа (1863—1933), для которой характерен феодальный антураж.

Не обращая внимания на выпады, королева призвала к себе своего личного кутюрье Нормана Хартнелла и попросила представить на рассмотрение десять вариантов роскошного белого платья из шелка, которое намеревалась надеть на коронацию. Она хотела подчеркнуть свою тонкую талию, и поэтому Хартнелл придумал нижнюю юбку с девятью слоями жесткой сетки, чтобы возникло именно такое впечатление, которого хотела Елизавета. Затем она пожелала, чтобы на платье были вышиты и инкрустированы полудрагоценными камнями эмблемы одиннадцати стран Содружества. Поэтому Хартнеллу пришлось изменить первоначальную модель, чтобы включить розу Тюдоров, шотландский чертополох, ирландский клевер-трилистник, уэльский лук-порей, канадский кленовый лист, южноафриканскую протею, индийский и цейлонский лотос, пакистанскую пшеницу, австралийскую мимозу и новозеландский папоротник. Затем он нанял шестерых молодых женщин, у которых ушло целых два месяца на то, чтобы вышить платье. В роли монарха Елизавета не беспокоилась о деньгах, но в качестве хозяйки дома вела себя чрезвычайно экономно. Она могла до бесконечности обсуждать детали платья, которое стоило правительству миллион долларов, и одновременно жалела деньги на шторы.

«Я находился рядом с ней, когда она просматривала каталог образцов великолепных тканей «Бон Марше», выбирая материал для штор, — рассказывает Уильям Эллис, бывший управляющий Виндзорского замка. — Королева увидела цены, взглянула на меня, а потом опустила голову и с сожалением проговорила: «Они и в самом деле

очень хороши, мистер Эллис, но, боюсь, для меня слишком дороги. Нужно найти что-нибудь более подходящее по цене».

«То же самое происходило и с освещением, — вспоминает Эллис. — Королева отвергла огромное количество абажуров. Причина — чересчур дорого. Все абажуры, которые я в конце концов для нее купил, были местного производства и стоили несколько шиллингов. Королева была очень осторожна в тратах».

В своих загородных имениях Елизавета регулярно проводила опись имущества и продуктов.

«Я помню, как она проверяла уровень жидкости в бутылках с виски каждый раз, когда приезжала, — рассказывает Норман Барсон, ее бывший лакей. — И пересчитывала головки ветчины в кладовой. Все было самым тщательным образом подытожено и записано. Королева Елизавета вела себя очень по-деловому и всегда замечала, если чего-нибудь не доставало. Например, требовала объяснить, почему коробка с сигаретами, которая, как она помнила, оставалась полной, теперь оказалась наполовину пустой — и это несмотря на то, что сама она не курит. Или могла спросить, по какой причине опустела бутылка с джином и куда подевалась ангостура*».

Предстоящая коронация занимала все время и внимание королевы. Она расхаживала по залам Букингемского дворца, прикрепив к плечам простыни, чтобы научиться царственной походке с шестидесятифутовым шлейфом. Садилась за свой рабочий стол, чтобы заняться официальными бумагами, в короне Святого Эдуарда, стараясь при-

* Фирменное название горькой настойки.

выкнуть удерживать на голове вес в семь фунтов. Выбирая вариант марки, посвященной коронации, Елизавета просмотрела шестьдесят три рисунка. А прежде чем остановиться на самой лучшей своей фотографии для официального сувенира, она изучила 1500 снимков.

Дворец издал строжайший указ на предмет того, в чем должны быть одеты гости во время церемонии. От джентльменов требовались парадная форма одежды, все ордена, бриджи. Министерство иностранных дел передало соответствующие инструкции в посольства по всему свету: «Если вы выберете черные бриджи, они должны быть сшиты из того же материала, что и фрак, с черными пуговицами и черными пряжками у колена. Следует надеть черные шелковые чулки и простые черные туфли-лодочки с бантами. Пряжки на туфлях недопустимы». Женщины должны были обязательно надеть головные украшения — предпочтительно бриллиантовые диадемы — или вуали до плеч. Дипломатические послания подчеркивали: «Для головного убора позволительно использовать любой цвет, кроме черного, и любой легкий материал — например, тюль, шифон, органзу или кружева. Его можно закрепить гребнем, булавкой с драгоценным камнем, цветами или бантом из ленты. Перья не допускаются».

Все королевские слуги в Букингемском дворце были одеты в черные бархатные бриджи, белые шелковые чулки, черные жилеты, украшенные золотыми галунами фраки, кружевные гофрированные воротники и кожаные лакированные туфли с серебряными пряжками. Пятнадцать тысяч полицейских прибыли в Лондон, чтобы следить за порядком во время коронации, а вдоль всего пути следования королевы выстроились двадцать тысяч

солдат. В соответствии с древней традицией в течение сорока восьми часов до коронации военные должны были воздерживаться от сексуальных утех. Шесть юных девушек в белых шелковых платьях, дочери графов, которые понесут шлейф королевы, по традиции должны быть девственницами — «незамужними и чистыми». В «Лондон санди таймс» их называли почетными девами королевы — «девушками, которым завидует весь мир».

Ни одна кинозвезда не привлекала такого внимания своих обожателей, какое двадцатипятилетняя королева Англии получила от своих подданных. Британцы запомнили ее юной девушкой, «когда она вносила свой вклад в победу», работая во время войны на огороде в Виндзоре, а еще четырнадцатилетней девочкой, обратившейся к своим будущим подданным по радио и милым голосом заявившей, что «в конце концов все будет хорошо». Они поверили ей тогда, и теперь, когда она стала шестой законной королевой Англии* за четыре века, отдали ей свои сердца. Один очарованный ею подданный, простоявший всю ночь в очереди, чтобы получить возможность помахать ей рукой в день коронации, процитировал поэта XVII века:

Я королевы образ милый
Не позабуду до могилы.

Даже немолодой премьер-министр влюбился в юную королеву. «Грациозная» и «благородная» — эти слова мы нередко употребляем при дворе, —

* Общепринят термин «королева Англии». Однако правильный полный титул «королева Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также королева других владений и земель, глава Содружества наций, защитница веры».

сказал Черчилль накануне коронации, — но сегодня они звучат по-новому, ведь в них заключена чистейшая правда, они обращены к сияющему образу, который Провидение послало нам во времена, когда настоящее полно проблем и трудностей, а будущее неясно». Он пришел в такой восторг, когда увидел фотографию королевы, с улыбкой выглядывающей из окна своего экипажа и поднявшей в приветствии левую руку, что приказал ее увеличить, затем вставил в рамку и повесил у себя над кроватью в загородном поместье Чартуэлла.

Архиепископ Кентерберийский тоже пал жертвой монарших чар. «Можно сказать, что в день коронации, — вспоминал он, — наша страна и все Содружество находились на седьмом небе».

«Лондон таймс» написала: «Королева представляет собой жизнь народа просто как мужчин и женщин, а вовсе не как лордов, простолюдинов или избирателей».

Для своих подданных королева являлась образцом респектабельности и олицетворением незыблемых нравственных устоев. Она, ее красивый муж и двое детей воплощали идеал английской семьи с простой системой ценностей и самыми обычными добродетелями. В 1953 году британцы считали, что их королева послана им Богом. Что она имеет полное право на поклонение и привязанность. Преданность монархии выражала главное человеческое стремление верить в дело, не имеющее никакого отношения к личным интересам, — в нечто великое и исключительно важное, пробуждающее религиозный или патриотический пыл. В самые черные военные дни королевская семья помогала людям справиться с теми трудностями, жертвами и лишениями, что выпали на их долю. Когда король и королева

покидали Виндзорский замок и отправлялись в Лондон, чтобы вместе со своими подданными, рискуя собственной жизнью, пережить бомбежку, они пробуждали в душах стойкость и мужество. Они сохранили в сердцах своих подданных сказочный образ благородных королей, которые всегда ведут себя безупречно. Стоят выше обычных смертных. И они не менее благородны, чем легендарный король Артур и рыцари Круглого стола. Не обманув столь грандиозных ожиданий, король и королева вызвали у подданных уважение и любовь к дому Виндзоров и окружили монархию магическим ореолом, сделав ее непоколебимой.

Волшебство трона, усиленное великолепием дворцов и пышных зрелищ, от которых захватывало дух, оказалось таким сильным в 1953 году, что в Лондон на коронацию стали стекаться толпы туристов, надеявшихся хотя бы краем глаза увидеть столь выдающееся историческое событие. Американцев особенно привлекали сияющие доспехи, гарцующие всадники и позолоченные экипажи. Они стаями слетались в Лондон, приходя в восторг от перспективы принять участие в танцах в Хэмптон-Корте* или быть приглашенными на чай в Букингемский дворец. Молодую королеву очень любили в Америке. Опрос мнений показал, что она пользуется большей популярностью, чем президент Дуайт Эйзенхауэр, самый уважаемый человек Соединенных Штатов. В 1952 году журнал «Тайм» назвал ее «женщиной года», этой чести удостоилась еще только одна женщина — Уоллис Уорфилд Симпсон — в 1936 году.

* Грандиозный дворец с парком на берегу Темзы близ Лондона.

Основные американские газеты, службы новостей и радиостудии прислали корреспондентов для освещения коронации. «Вашингтон таймс геральд» откомандировала женщину по имени Жаклин Бувье, чья любовь к правящим семьям в конце концов изменила направление моды в Америке*. Она пересекла океан на лайнере «Соединенные Штаты» и сообщила в свою газету: «Список пассажиров корабля напоминает список пассажиров «Мейфлауэра»**, только плыли они в обратном направлении». Она упомянула такие фамилии, как Фрейлингусен, Маклин, Ревентлоу, Арпельс из «Ван Клиф и Арпельс», корреспондент Си-би-эс Уолтер Кронкайт, Уайтло Рейд (издатель «Нью-Йорк геральд трибюн») и герцог и герцогиня Виндзорские. Виндзоры путешествовали с пятью мопсами, двумя лакеями и компаньоном герцогини, гомосексуалистом Джимми Донахью, тридцатисемилетним наследником Вулворта. Его сопровождали горничная, лакей, шофер и мать.

«Пассажиры с интересом разглядывают герцога, — докладывала Жаклин Бувье, — прекрасно понимая, что, не отрекись он от престола, они не

* Вернувшись из Англии, Жаклин Бувье обручилась с Джоном Ф. Кеннеди. Они поженились 12 сентября 1953 года. Семь лет спустя его избрали президентом Соединенных Штатов. Первая леди решила, что будет носить шляпки «как королева Англии». Подобно королеве, она обзавелась личным кутюрье и распорядилась, чтобы ее платья, как и платья королевы, шились в единственном экземпляре. «Проследите, чтобы ни у кого не было точно такого платья, как у меня, — писала она модельеру, — ни по фасону, ни по цвету, ни по материалу». На церемонию инаугурации мужа она надела белое платье, очень напоминающее наряд королевы Елизаветы, с ниспадающей накидкой, похожей на накидку королевы во время коронации. — *Примеч. авт.*

** Название судна, на котором в 1620 году в Северную Америку прибыла одна из первых групп английских колонистов.

плыли бы на коронацию его племянницы. Иногда дети просят у него автографы, которые он с радостью раздает».

Герцог и герцогиня были среди немногих пассажиров корабля, направляющихся в Англию не на коронацию королевы.

«А зачем ему это? — вопрошала герцогиня. — Он и на своей-то не присутствовал».

Виндзоры сошли на берег в Гавре, во Франции, сели на поезд и отправились в Париж, где наблюдали за церемонией коронации по телевизору, в доме некой американки по имени Маргарет Томпсон Биддл. Герцог получил сто тысяч долларов за статью в десять тысяч слов, написанную для американского журнала*. Кроме того, он продал Юнайтед Пресс эксклюзивные права фотографировать себя в тот момент, когда он смотрел церемонию по телевизору. Во время вечеринки он разъяснял герцогине суть длинного, сложного ритуала, снабжая огромным количеством исторических деталей каждый из шести этапов церемонии — признание, клятву, миропомазание, инвеституру, возведение на престол и торжественное обязательство подданных. Он пропел все гимны и назвал имена представителей высшей знати, появившихся на экране, указывая на своих друзей и проклиная врагов. Увидев крупный план королевы, которую он с любовью называл Лилибет, герцог похвалил ее царственную манеру держаться и

* В то время как англичане стыдились отречения короля Эдуарда VIII, американцы были от него в восторге, а потому герцог и герцогиня Виндзорские проводили много времени в Соединенных Штатах, где стали завсегдатаями нью-йоркских кафе и вошли в тот круг людей, который считается высшим обществом в Палм-Бич. — *Примеч. авт.*

привлек всеобщее внимание к колье из бриллиантов размером с перепелиное яйцо.

«Во время подобных церемоний королева имеет заметное преимущество перед королем, — писал герцог, — когда сочетание скромности и великолепных драгоценностей играет такую важную роль. Женщина в состоянии пройти через этот обряд гораздо естественнее и элегантнее, чем любой мужчина».

Накануне коронации королева получила известие о том, что после нескольких попыток британцы покорили Эверест*. Позже она удостоила рыцарского звания новозеландца Эдмунда Хиллари за то, что он водрузил флаг Соединенного Королевства на самую высокую гору мира. В 1953 году эта вершина — 29 002 фута — оставалась последней, еще не покоренной человеком. Для королевства, из империи превратившегося в Содружество наций и в течение последних лет страдавшего от непомерных лишений, покорение Эвереста имело такое огромное значение, что вызвало всенародное ликование и стало настоящим праздником. За несколько месяцев до коронации в результате переписи населения выяснилось, что четыре с половиной миллионов англичан не имеют ванных комнат, а более девятист тысяч британцев живут в квартирах без водопровода. Очень небольшое количество семей могли купить машину, холодильник или телевизор.

Пэры королевства принимают участие в коронации в соответствии со своим традиционным пра-

* Покорение Эвереста так поразило воображение четырехлетнего принца Чарльза, что он постоянно взбирался на самые высокие предметы дворцовой мебели, объявляя, что «лазает по горам». Собрав полотенца почти из всех ванных комнат, он устроил «палаточный лагерь». — *Примеч. авт.*

вом признать, одобрить и принести клятву верности новому правителю. Это один из немногих случаев, когда пэры надевают короны и парадные одежды со всеми регалиями и на несколько часов возвращаются в то время, когда власть и привилегии высшей знати играли главенствующую роль. В 1953 году Великобритания настолько обнищала, что большинство из ее 860 пэров и их жен не могли позволить себе истратить 600 долларов на новый костюм из красного бархата, отделанный горностаем, в котором следовало присутствовать на коронации. Кое-кто поставил заплаты на старые — те, что они надевали в 1937 году на коронацию короля Георга VI, однако большинство вынуждены были взять напрокат плащи из хлопчатобумажного бархата, отделанные стриженным кроличьим мехом. Отделка из белого меха официально называлась *miniver**. Это звучало впечатляюще и богато. Чтобы принять участие в торжественном параде, кавалерия, которая во время войны по необходимости продала большую часть лошадей, временно позаимствовала триста пятьдесят ломовых лошадей на пивоваренных заводах и еще сто лошадей на киностудии Александра Корды.

Утро дня коронации было пасмурным, однако когда королева покинула Букингемский дворец и взошла в свой золотой парадный экипаж**, дождь

* Так в средние века называли простой белый мех, украшавший костюм феодала. — *Примеч. авт.*

** Золотой парадный экипаж был изготовлен в 1762 году для короля Георга III по проекту флорентийского художника Джованни Батисты Чиприани, жившего в Лондоне. Карета имела двенадцать футов в высоту, двадцать четыре фута в длину и восемь футов в ширину. Снаружи ее покрывала позолота, а внутри экипаж был обит алым атласом. Эта карета использовалась во время всех коронаций начиная с 1831 года. — *Примеч. авт.*

временно прекратился. Огромная карета, весившая четыре тонны, отчаянно раскачивалась, когда восьмерка серых лошадей, возглавляемая конем по кличке Эйзенхауэр*, легким галопом мчалась по Мэлли. Королева, репетировавшая каждую деталь предстоящей церемонии в течение целого года, сидела рядом с герцогом Эдинбургским. Когда она увидела толпы людей, выстроившихся вдоль улицы, чтобы приветствовать ее, она улыбнулась. Многие провели здесь всю ночь, не обращая внимания на бесконечный дождь и холодный ветер, лишь бы хоть краем глаза увидеть, как она направляется в Вестминстерское аббатство на коронацию. Елизавета поворачивала голову из стороны в сторону и повторяла одну и ту же фразу, придуманную для нее советниками и отрепетированную множество раз. В результате на протяжении всех двух часов пути до Вестминстерского аббатства и обратно создавалось впечатление, будто королева разговаривает со своими подданными.

Когда экипаж скользил мимо ликующих зрителей, Елизавета говорила: «Вы так добры, вы такие милые, такие верные» — и изящно махала рукой. «Вы такие милые, такие верные...»

Она повторяла эти слова снова и снова, а герцог Эдинбургский, сидевший рядом с ней, спокойно улыбался и отдавал честь солдатам, стоявшим по стойке «смирно» под аркой Адмиралтейства**.

Внутри Вестминстерского аббатства пэры королевства двинулись торжественной процессией

* Будучи главнокомандующим союзными войсками в Европе, Дуайт Д. Эйзенхауэр имел особенно близкие отношения с английской королевской семьей во время Второй мировой войны. — *Примеч. авт.*

** Триумфальная арка в центре Лондона в память о королеве Виктории. Построена в 1910 году.

вдоль прохода. Четкость строя была нарушена, когда премьер-министр, которому к тому моменту уже исполнилось семьдесят восемь лет, увидел своего старого друга Джорджа К. Маршалла, начальника штаба американских вооруженных сил во время Второй мировой войны, прибывшего в Лондон на коронацию во главе американской делегации. Маршаллу отвели самое престижное место в аббатстве, чтобы продемонстрировать особо уважительное отношение к плану восстановления Европы, который получил его имя, а несколько позже был отмечен Нобелевской премией. Черчилль так обрадовался, увидев семидесятидвухлетнего генерала, что выскочил из строя и бросился пожимать ему руку. Счастливым и покрасневшийся, премьер-министр напоминал большой красный помидор.

Лорды и знатные дамы заняли свои места на маленьких золотых стульчиках с мягкими, обитыми бархатом сиденьями. Снаружи народ устроился на обочине дороги и на специально построенных скамьях (каждое место стоило четырнадцать долларов), напоминающих трибуны стадиона. Отсюда можно было увидеть королеву, проезжающую в своем золоченом экипаже, с тяжелой короной на голове, державой (украшенным драгоценностями шаром) в одной руке и скипетром (также усыпанной сверкающими камнями палочкой) — в другой.

Заиграли трубы, и зазвенели голоса четырехсот мальчиков-хористов из Вестминстерского аббатства, возвестив появление королевы, которая шествовала по проходу, чтобы принять участие в древнем ритуале коронации. В течение всей церемонии герцог Эдинбургский, сидевший с принцами королевской крови герцогом Глостерским и юным

герцогом Кентским, ни на секунду не отрывал от нее глаз. Иногда, во время особенно сложных частей ритуала, он взволнованно наклонялся вперед.

Самое главное событие было назначено на 12 часов 30 минут, когда архиепископ Кентерберийский миропомазал Ее Величество и возложил ей на голову корону, провозгласив королевой Елизаветой II, «Божией милостью королевой Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и ее других владений и территорий, главой Содружества, защитницей веры, сувереном британских рыцарских орденов, генерал-капитаном Королевского полка артиллерии».

Эти слова возводили на престол монарха, в чьих жилах течет кровь королей, начиная с саксонского короля Эгберта и включая Генриха VIII* и Марию, королеву Шотландии, — кровь, соединяющая Елизавету II почти со всеми английскими суверенами со времен Вильгельма Завоевателя. Вступив на престол, Елизавета возглавила англиканскую церковь и стала защитницей веры. Она получила право: распускать правительство; объявлять войну; расформировывать армию; продавать корабли военного флота; увольнять с государственной службы; передавать территории другому государству; делать любого своего подданного пэром; объявлять чрезвычайное положение; принимать решение о помиловании любого преступника; учреждать университеты в любом районе страны — всего десять пунктов.

Будучи конституционным монархом, королева царствует, но не правит. Она имеет право лишь

* Все трое детей Генриха VIII стали монархами (король Эдуард VI, королева Мария I и королева Елизавета I), и все они умерли бездетными.

давать советы, получать информацию, поощрять и предупреждать, но даже и эти права сейчас весьма ограничены, в особенности по сравнению с временами ее предков. Королева играет церемониальную роль, а ее обязанности — открытие заседаний парламента, назначение на официальные должности, награждение орденами и титулами — скорее дань традиции. В действительности ее официальная деятельность сводится к обязательному одобрению желаний правительства. И тем не менее ее символическая власть достаточно сильна, поскольку королева олицетворяет собой Великобританию. Правительство называется «правительством Ее Величества», а не правительством Великобритании. Британские паспорта выдаются «от имени Ее Величества», а вовсе не государством. Ее лицо появляется на монетах и марках. Ее герб освящает правосудие. Ее королевские символы правят церковью. В кабинете министров заседают ее министры, различные государственные службы — это ее службы, и каждый, кто живет в королевстве, считается ее подданным. В Великобритании нет граждан, только подданные, а вооруженные силы и полиция страны служат «королеве», а не народу.

Главная сила королевы заключена в том эмоциональном влиянии, которое она оказывает на свой народ; на каждом официальном банкете и обеде объявляется тост за ее здоровье, а в национальном гимне содержится просьба, обращенная к Богу, — защитить королеву. Королева является священным символом, она выше критики. Находясь на недоступных простым смертным высотах, она требует полной преданности.

«Благодаря своему высокому положению, — писал герцог Виндзорский в посвященной корона-

ции статье для американского журнала, — личность монарха может повлиять на время, в которое он живет, придав ему особый колорит и характер. Правительство, выполняющее повседневную работу, на это неспособно».

После того как архиепископ возложил корону на голову Елизаветы, принц Филипп поднялся, чтобы первым присягнуть ей на верность. В полной парадной форме адмирала флота он подошел к подножию трона, снял корону пэра и поклонился. Затем поднялся на пять ступенек и преклонил перед своей женой колени. Она взяла его руки в свои, а он проговорил:

«Я, Филипп, герцог Эдинбургский, становлюсь вашим вассалом добровольно и с бесконечным уважением; я верой и правдой готов служить вам, жить и умереть, сражаясь с любыми вашими врагами. И да поможет мне Бог».

Он прикоснулся к ее короне, поцеловал в левую щеку, а затем вернулся на свое место.

«Это был жест, исполненный смирения подданного и нежности мужа, — написал один британский журналист, — и на одно короткое мгновение королева прижалась щекой к щеке мужа».

Тем же вечером молодая королева всенародно отдала дань уважения человеку, за которого вышла замуж. Выступая по радио с обращением к своим верным подданным, она поклялась «всем сердцем» посвятить жизнь служению народу Британии. «И я знаю, что в этом трудном деле я всегда могу рассчитывать на поддержку моего мужа», — сказала она.

Королева вошла в Вестминстерское аббатство под оглушительные крики «Да здравствует королева!» и покинула его под громкое пение труб и

перезвон церковных колоколов. Восторженные толпы радостно приветствовали экипажи семидесяти четырех иностранных государств, приславших своих представителей на коронацию, которые следовали за экипажем королевы. Несмотря на ливень, королева островов Тонга Салоте ехала в открытом экипаже — единственная глава государства, решившаяся на такое. Эта женщина необъятных размеров размахивала огромными мясистыми руками, приветствуя собравшихся, совершенно заслонив собой хрупкого, маленького мужчину, ехавшего вместе с ней.

— Что там такое напротив нее? — спросил кто-то.

— Ее завтрак, — ответил Ноэль Коуард.

Султаны Брунея, Джохора, Перака, Келантана, Селангора и Занзибара ехали в ярких тюрбанах, шелковых сари и экстравагантных украшениях из перьев. Национальные одежды зулусов, арабов, индийцев, китайцев и непальцев ослепили англичан. Стараясь создать особое настроение и сделать впечатление от парада еще более ярким, техники Би-би-си положили микрофоны на землю, чтобы усилить звук от ударов копыт по мостовой, и записали пение соловьев на пленку, которую и проигрывали непрерывно на Беркли-сквер.

Все происходящее будило такие сильные чувства, что иные плакали. «Когда экипаж королевы проехал мимо, я почувствовал, что мое сердце готово разорваться, — вспоминал Ричард Смит, солдат, несший караул в тот день. — Мы на самом деле плакали, когда салютовали королеве. Мы находились в каких-нибудь десяти ярдах от нее. За всю мою жизнь мне не приходилось видеть ничего прекраснее».

Похожие чувства захватили тех, кто присутствовал в соборе. «Мы с напряжением и волнением ожидали этого события, однако оказались совершенно не готовы к тем чувствам, которые охватили нас во время церемонии, особенно в тот момент, когда появилась процессия с королевой, — сказал диктор радио Джон Снэгг. — Я был потрясен: орган играет «Музыку для королевского фейерверка» Генделя, все стоят. Затем звучит гимн Парри*. Это был самый трогательный момент».

Инженер Би-би-си, в обязанности которого входило следить за тем, чтобы во время церемонии королева не появлялась на экране крупным планом, пришел в такой восторг от происходящего, что не справился со своими обязанностями: не смог убрать ее образ с экрана.

«Она была великолепна! — вспоминал инженер Бен Шоу. — Я подумал, что крупный план королевы будет прекрасен, и просто не смог нажать на кнопку».

Как королева, Елизавета возглавила две отдельные церкви: англиканскую, которая подчиняется епископальной системе управления, и пресвитерианскую церковь Шотландии. Поэтому Елизавета принимала участие в отпращивании церковных обрядов в обеих церквях. В Англии она молилась в англиканской церкви, а в Шотландии — в пресвитерианской. Дав клятву править всеми своими народами в соответствии с их законами и традициями, почти сразу после коронации в Лондоне Елизавета отправилась на север, чтобы принять уча-

* Чарльз Парри (1848—1918) — английский композитор и писатель, внесший большой вклад в возрождение национальной английской музыки в конце XIX века.

стие во второй церемонии коронации в Эдинбурге и получить там древнюю корону Шотландии.

«Это был ее первый визит в Шотландию после того, как она стала королевой, и, естественно, все ожидали, что она наденет тот наряд, в котором была на церемонии коронации в Вестминстерском аббатстве, — вспоминала Маргарет Маккормик, присутствовавшая на том торжественном событии. — Я надела свое самое лучшее платье и была потрясена, когда королева появилась в простом серо-голубом костюме, потому что она выглядела так... так... скромно. Ей следовало отнестись к этому событию с бóльшим уважением».

В соборе Святого Джайлза королева, окруженная шотландскими пэрами в бархатных накидках и коронах, выглядела неуместно в черных туфлях, серо-голубой фетровой шляпке и простом костюме, в особенности рядом с герцогом Эдинбургским, который был одет просто великолепно — в парадный мундир, украшенный золотой плетеной тесьмой, и шлем с перьями. Самое неприятное впечатление произвела черная сумка, которую королева повесила на руку. Она походила на домохозяйку, отправившуюся в бакалейную лавку за продуктами, — так решили шотландцы.

У алтаря Елизавета выступила вперед, в то время как герцог Гамильтонский и Брэндонский в роскошном церемониальном одеянии преклонил перед ней колени и протянул корону Шотландии, лежавшую на бархатной подушке с золотыми кистями. Когда Елизавета к ней потянулась, он едва успел отвернуть голову в сторону, чтобы спасти глаз от удара королевской кожаной сумкой, которая размерами напоминала внушительную хлебницу.

На официальном портрете, увековечившем церемонию, королева принимает древнюю корону Шотландии, и на руке у нее нет никакой сумочки. Художник совершенно намеренно ее не нарисовал, — мысль о том, что его королева будет похожа на самую обычную женщину, была для него невыносима.

Королеву окружало такое уважение и благоговение, что никто не осмелился произнести ни единого слова критики в адрес ее внешнего вида, который некоторые шотландцы считали оскорбительным. В своей новой роли она сделает еще несколько ошибок, однако каждое недоразумение будет старательно скрыто ее придворными, в обязанности которых входит поддерживать миф о безупречности монарха.

Эти придворные, чьи семьи находились на королевской службе в течение нескольких сотен лет, являлись либо военными, либо представителями мелкопоместного дворянства. «Трон окружает аристократия, — писала «Дейли миррор», — такая же ограниченная и заносчивая, как и в прежние времена». Придворные ощущали свое положение, как это описано в Книге Притчей Соломоновых: «...Видели ты человека, проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями». С чрезмерным чувством собственного превосходства они делали для королевы то, что всегда делали для ее отца: решали за нее, что она скажет в публичном выступлении и с кем встретится, начиная от дипломатов и кончая девушками, впервые выехавшими в свет. Они защищали корону от позора и грязи, контролируя поток информации, идущей в народ.

В самом начале правления Елизаветы ее советники ожидали, что репортеры будут вести себя по-

чтительно, и в большинстве своем пресса их ожиданий не обманула. Единодушные прессы и дворца позволяло фабриковать новости, сохранять в секрете информацию и навязывать ограничения, с которыми никто не смел спорить. Таким образом, придворные манипулировали прессой для формирования общественного мнения, и некоторые их усилия, направленные на то, чтобы монарх казался достойным уважения, сейчас, когда мы оглядываемся назад, кажутся смешными, однако их верность была неколебима, а преданность не подвергалась сомнению. В начале правления Елизаветы они пытались представить ее великой и одновременно благородной. Они отказывались говорить вслух о том, что она любит играть в канасту, и о том, что королева пришла позировать для первого официального портрета, держа свою корону в коробке для яиц. Они неохотно признавали, что Елизавета любит бега (отрицать этот факт было бы смешно, потому что ее постоянно видели на ипподроме), однако утверждали, что она никогда не играет.

«Ее Величество не делает ставок, но всегда страшно радуется, когда побеждает королевская лошадь», — сказал пресс-секретарь королевы.

На самом деле, королева всегда ставила на своих лошадей и дважды возглавляла список выигравших на британских ипподромах — в 1954 и 1957 годах. Она даже советовала своим дворецким, когда не следует ставить на ее лошадей. И тем не менее, поскольку азартные игры запрещал закон, а придворные считали, что уважаемый всеми монарх не должен заниматься подобными вещами, они распространяли сказку о том, что Елизавета никогда не делала ставок на скачках.

Через четыре года лорд Альтринхем объявил их закоснелыми и старомодными типами, «людьми второго сорта». Позднее он отказался от своего наследственного титула и взял себе имя Джон Григг. Будучи историком, он добился популярности благодаря тому, что постоянно критиковал королеву, называя ее «самодовольной» и «малообразованной», а всех ее придворных обвинял в зашоренности и неумелости.

В то время, когда проходила коронация, такие высказывания были настолько возмутительны, что граничили со святотатством. Монархия еще пользовалась достаточным уважением, и те, кто ей служил, считались неприкосновенными. Единственный голос, в котором звучала критика, доносился из-за стен самого дворца и принадлежал возмущенному мужу королевы, который приходил в ярость от неэффективности всего, что его окружало.

Объявив придворных своей жены «скрипучими», а их манеру управлять Букингемским дворцом «средневековой», принц Филипп язвительно заметил, что большинство из 230 слуг являются «проклятыми Богом идиотами, которые обслуживают друг друга, а вовсе не нас». Будучи военноморским офицером, он рассматривал дворец, состоящий из 690 комнат, как старое, дырявое, да к тому же еще и ржавое корыто, которое необходимо привести в порядок, чтобы оно могло выйти в море. Он начал с лакеев, заявив, что «пудрить» волосы отвратительной смесью мыла, воды, муки и крахмала — привычка «старомодная и совершенно не к лицу мужчине». Он положил ей конец. Далее Филипп объявил, что система коммуникаций дворца «безнадежно устарела», и настоял на

введении новой, которая позволила избавиться от «чертовых пажей, спящих по коридорам». Он приказал установить современный интерком, чтобы простым нажатием кнопки королева могла связаться с ним, своими секретарями, нянями детей, даже главным поваром. Затем герцог, обожавший всяческие технические новинки, велел поставить интеркомы во всех кабинетах, а королевские машины снабдить приемно-передающими радиоустановками. Он ввел диктофоны, магнитофоны и автоматизированные системы подшивки и хранения документов. Он потребовал, чтобы в подвале дворца были установлены стиральные машины, которые заменили полк прачек, целыми днями стиравших белье при помощи стиральных досок. Он приказал отменить правило, по которому несколько столовых во дворце функционировали целый день, чтобы слуги могли поесть. По его приказу в королевских апартаментах появились холодильники и небольшие буфетные с плитами, и слугам больше не приходилось каждое утро проходить около трех миль по коридорам дворца только затем, чтобы подать королеве кофе. Он покончил с весьма забавной традицией ставить у монаршей постели полную бутылку виски — когда Эдуард VII, простудившись, попросил подать его для согрева. С тех пор никому не приходило в голову его приказ отменить.

Однако Филипп позволил королеве сохранить волынщика. По традиции, рожденной во времена королевы Виктории, главный волынщик Аргайллшира и Сатерлендшира* каждое утро в

* Графства в Шотландии.

девять часов проходит по террасе дворца и играет на волынке.

Для узколобых придворных, предпочитавших, чтобы по поручениям бегали пажи в шелковых бриджах, как во времена королевы Виктории, Филипп явился нежелательным нарушителем спокойствия. Они противились хронометражу деятельности персонала и планам строительства площадки для вертолета, который сэкономил бы время, необходимое для передвижения с места на место. Они возражали против продажи излишков бобов с ферм Сандринхема и презрительно ухмылялись, когда по его требованию были установлены машины для резки хлеба и мытья моркови. Они возмущались, когда он превратил оранжерею королевы Виктории в Виндзорском замке в бассейн с подогретой водой. Но особенно они негодовали из-за того, что принц Эдинбургский много общался с народом, упрекая его в том, что он не делает различий между аристократией и простлюдинами. Они морщились от отвращения, когда он устраивал праздники для лидеров лейбористов и приглашал кинозвезд на завтрак с королевой. Допустить звезд кино в Букингемский дворец, по их мнению, было хуже, чем позволить неприкасаемому войти в храм.

«Уж этот немецкий князек!» — возмущался личный секретарь королевы Томми Ласель, который не только не мог оценить, но и не понимал значения усилий Филиппа, направленных на то, чтобы знакомить жену с жизнью окружающего ее мира.

«Он не джентльмен! — в ярости заявил сэр Ричард Колвилл, пресс-секретарь королевы. — И у него нет ни одного друга, который был бы джентльменом». Для придворного, полагавшего главным до-

стоинством считаться джентльменом*, такое заявление расценивалось как унижительное оскорбление, однако вслух Филиппу никто ничего не говорил. Будучи так называемыми джентльменами, придворные на людях держались с ним подчеркнуто корректно, потому что не могли позволить себе открытой враждебности по отношению к мужу королевы. Внешне они вели себя как воспитанные люди, демонстрирующие Филиппу уважение. А за спиной поносили. Филипп, которому было наплевать, сочтут ли его джентльменом, мчался вперед, внедряя свои нововведения.

«Мы должны сделать так, чтобы из монархии был прок», — сказал он. Филипп был для королевы тем же самым, что Элеонора Рузвельт для американского президента, которая играла роль его глаз и ушей, являлась связующим звеном с простым народом. Филипп твердо решил воскресить значение короны и сделать ее необходимой людям. Он согласился стать почетным членом ряда организаций, подобных «Национальной ассоциации содействия строительству спортивных площадок и сооружений», и приложил немало стараний, чтобы претворить в жизнь «Программу герцога Эдинбургского», целью которой является присуждение премий молодым людям за выдающиеся достижения в спорте, культурной жизни и благотворительной деятельности.

* В 1995 году антрополог Джеффри Горер написал книгу «Исследование английского характера», в которой разбирал верования, предрассудки и образ мысли большого числа англичан, принадлежащих к среднему классу. Он обнаружил, что англичане в целом придают огромное значение борьбе с насилием и очень высоко ценят доброту и кротость. Нетерпеливость и вспыльчивость они считают серьезными грехами. Самое главное для них — считаться джентльменами. — *Примеч. авт.*

Министерство образования отнеслось весьма подозрительно к этой программе, поскольку она явно была составлена под влиянием доктора Курта Гана, основателя Гордонстона, альма-матер Филиппа. Министр образования высказал очень серьезные сомнения по поводу идей герцога Эдинбургского. «Разговор получился очень непростым, — рассказал Филипп много лет спустя. — Как и во всем остальном, главная проблема заключалась в том, что «это было придумано не здесь». Любую мысль, пришедшую в голову не тебе, а кому-нибудь другому, обязательно нужно отвергнуть, потому что она просто не может быть правильной... Однако постепенно, когда они начали понимать суть моей программы и сообразили, что она не приведет к возникновению нового гитлерюгенда, они увидели в ней достоинства»*.

С лихорадочной энергией Филипп объезжал фабрики, заводы и школы, задавая самые разные вопросы. «Как вы делаете это? Вы можете найти способ, чтобы получать результат быстрее? Работать лучше? Более эффективно?» Он постоянно и неустанно сражался с придворными, не позволяя писать им свои речи и, что еще хуже, категорически отказываясь следовать их советам помалкивать. Он настаивал на том, что его должны слышать, и, к их возмущению, его слушали.

Будучи президентом Британской ассоциации по распространению научных знаний, Филипп негодовал по поводу ее самодовольных членов.

* Программа герцога Эдинбургского действует более чем в 55 странах под разными названиями: Премия Бенилюкс в Бельгии, Премия кронпринца в Иордании, Премия золотого щита в Южной Африке и т. д. «Мне совершенно безразлично, — сказал принц Филипп, — как называют премию. Лишь бы она преследовала те же цели, что наша премия в Англии». — *Примеч. авт.*

«Бесполезно закрывать глаза и повторять «Британия — самая лучшая страна» три раза в день после еды и рассчитывать, что так оно и будет, — говорил он. — Боюсь, наши несговорчивые граждане в тысячи раз вреднее американцев, согласных на все. Если мы хотим снова добиться процветания, нам необходимо найти способ освободить энергию и предпринимательство от обескураживающего контроля тех, кто страдает врожденной робостью».

Придворные боялись негативной реакции прессы на прямому Филиппа. Измученные, страдающие от переутомления, они в течение нескольких месяцев пытались предотвратить скандал, в котором были замешаны двадцатитрехлетняя сестра королевы принцесса Маргарет и полковник авиации Питер Таунсенд, тридцативосьмилетний конюший, служивший ее отцу с 1944 года, а в настоящий момент занимавший пост заместителя дворцового эконома. Придворные старательно опровергали все слухи о романе, однако на помещенной в газете фотографии, сделанной во время коронации, видно, как принцесса смахивает пылинку с плеча Таунсенда. Очевидная интимность мимолетного жеста раскрыла правду, и официальные власти были явно смущены.

Летчик-истребитель, принимавший во Второй мировой войне участие в «Битве за Англию»*, Питер Таунсенд получил крест «За боевые заслуги» и американский орден «За безупречную службу». После этого он стал любимым конюшим короля. Обладавший таким же мягким очарованием, что и Лесли Хоуард, сыгравший Эшли Уилкса в

* Воздушные бои над территорией Великобритании, особенно в районе Лондона и Южной Англии, в 1940—1941 годах.

«Унесенных ветром», Таунсенд был симпатичным молодым человеком с исключительным чувством юмора. Он не мог похвастаться крепким телосложением и уверенностью в себе принца Филиппа, скорее был хрупким и очень эмоциональным. Таунсенд заикался — одна из причин, по которой его любил король, тоже страдавший заиканием. В период службы в ВВС Великобритании у Таунсенда случился нервный срыв, и его время от времени отправляли в отпуск из-за неизлечимой экземы, обострявшейся на нервной почве. Всем, кто его встречал, он казался любезным и тактичным, образцом офицера и джентльмена. «Мы все его просто обожали», — сказала как-то раз английская писательница Анжела Ламберт. «Он был красив, отважен, романтичен и скромн, — писала Франсуаза Нурисье в «Ле Фигаро», когда Таунсенд умер в 1995 году. — Без героизма и самопожертвования таких людей, как он, наша жизнь стала бы менее свободной и достойной. Некая ипостась Англии, которая, я надеюсь, еще существует, создала определенный тип совершенного человека. Питер Таунсенд был одним из последних представителей этого типа, которому в данный момент грозит вымирание».

Таунсенд знал Маргарет с тех пор, как ей исполнилось четырнадцать, и, оказывая любезность ее родителям, сопровождал на танцы и выставки лошадей. Он играл роль ее спутника во время прогулок верхом и управлял ее самолетом во время «Королевского кубка»*. К тому моменту когда Маргарет исполнился двадцать один год, она в

* Ежегодные авиаспортивные соревнования.

него влюбилась. Принцесса преследовала его совершенно открыто, и всякий раз, если Питер пытался сопротивляться ее намерениям, прибегала к своей власти.

Однажды, когда они вернулись после танцев, Маргарет потребовала, чтобы он отнес ее на руках вверх по лестнице. Таунсенд отказывался. Маргарет настаивала. Он не сдавался.

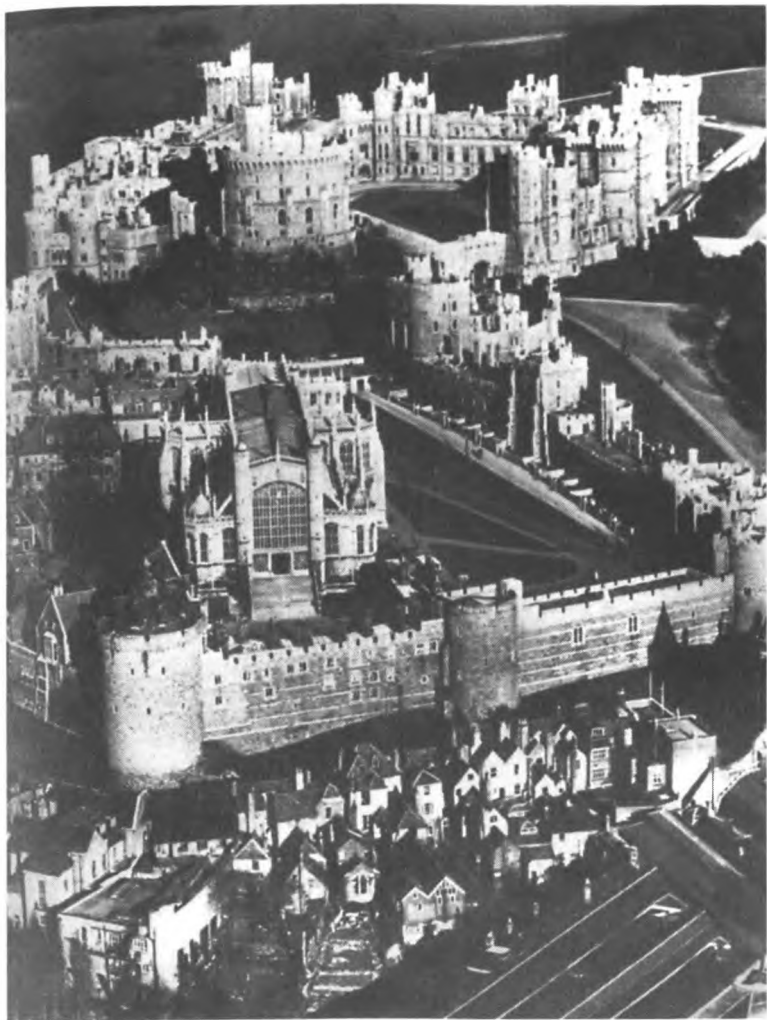
— Питер, это королевский приказ, — сказала она тогда и топнула ножкой.

Красавец конюший рассмеялся и поднял Маргарет на руки.

— Я ваш послушный слуга, мадам, — проговорил он и отнес принцессу наверх в ее комнату в Кларенс-Хаусе.

«Маргарет всегда вела себя довольно откровенно, — говорила ее подруга Ивлин Пребенсен, чей отец, норвежский посол, являлся старшиной дипломатического корпуса в Лондоне. — В те дни я много времени проводила вместе с ней и прекрасно помню одно Рождество, когда король пообещал отпустить Питера повидаться с семьей. Маргарет взяла себе в голову, что она обязательно должна поиграть в карты, и настояла на том, чтобы Питер составил ей компанию. Так что ему пришлось отказаться от возможности провести праздничные дни со своими родными и подчиниться капризу Маргарет. Неудивительно, что его жена нашла себе другого».

В 1952 году Питер получил развод на том основании, что жена ему изменила, и был назначен опекуном над своими двумя сыновьями. И хотя он являлся пострадавшей стороной, его развод произвел тяжелое впечатление на приближенных королевы, которые еще не оправились после развода 1936 года, приведшего к единственному в истории

Виндзорский замок, самый известный символ британской монархии. Вильгельм Завоеватель выбрал это место для крепости после покорения Англии в 1066 году. В 1917 году, когда королю Георгу V потребовалось замаскировать свои германские корни, он выбрал Виндзор в качестве королевского династического имени.

Королева Виктория
(справа) в 1893 году.

После смерти мужа,
принца Альберта, в 1861
году она носила траур
до самой смерти.

Здесь она запечатлена
вместе со своим сыном
герцогом Йоркским,
позднее ставшим королем
Георгом V, и его женой,
герцогиней Йоркской,
которая стала королевой
Марией.

Принц Эдуард, ставший
королем Эдуардом VIII,
а позднее герцогом
Виндзорским, в 1909 году
вместе с Николаем II,
последним русским
императором, его сыном
и принцем Георгом,
который позднее стал
королем Георгом V.
Уже будучи монархом,
Георг не отправил
британский флот, чтобы
спасти своего кузена во
время русской
революции.
Императорская семья
была казнена
большевиками в
Екатеринбурге в 1918 году.

Королева Мария с тремя из своих пяти сыновей: принцем Генри, позднее герцогом Глостерским, принцем Альбертом, который стал королем Георгом VI, принцем Георгом (герцогом Кентским), умершим во время Второй мировой войны. Отсутствуют принц Эдуард (герцог Виндзорский), ставший королем Эдуардом VIII, и принц Джон, который скончался в 1919 году в возрасте четырнадцати лет.

Британско-германская королевская семья, преобразованная в дом Виндзоров. Слева принцесса Мария, единственная дочь короля Георга V, и королева Мария, окруженная четырьмя из ее пяти братьев.

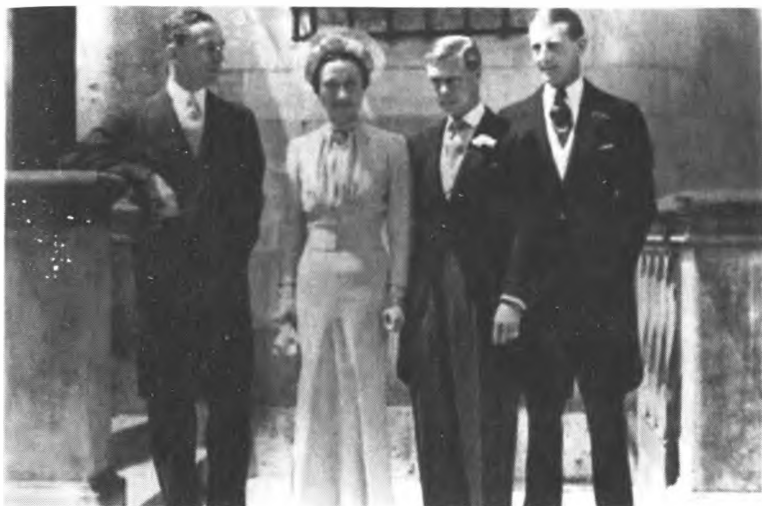

Одна из первых опубликованных фотографий (май 1928 года) Ее Королевского Высочества принцессы Елизаветы в возрасте двух лет с гувернанткой Нэнни Найт. Они стоят перед домом номер 145 на Пиккадилли, где в то время жили герцог и герцогиня Йоркские, ставшие впоследствии королем Георгом VI и королевой Елизаветой.

Надпись на плакате: «РУКИ ПРОЧЬ ОТ НАШЕГО КОРОЛЯ. ОТРЕЧЕНИЕ ОЗНАЧАЕТ РЕВОЛЮЦИЮ».

Британцы ненавидели эту американку», — заявил конюший короля Эдуарда Далли Меткалф, вспоминая плакаты времен отречения от престола.

«Я собираюсь жениться на миссис Симпсон, как только она будет свободна, чтобы выйти замуж, — объявил премьер-министру король Эдуард VIII. — Если я смогу это сделать, оставаясь королем, прекрасно... Если нет, тогда я готов уйти». Он отрекся от престола в 1936 году и после второго развода своей будущей жены сочетался браком с сорокалетней Уоллис Уорфилд Симпсон 3 июня 1937 года во Франции.

«Наша семья, наша четверка» — так король Георг VI описал себя, свою жену — королеву Елизавету и двух дочерей, принцесс Маргарет и Елизавету.

10

DUKE OF WINDSOR
 SALUTES, CRIES
 "HEIL, HITLER"

Надпись на фотографии:
 «ГЕРЦОГ
 ВИНДЗОРСКИЙ
 ПРИВЕТСТВУЕТ
 ГИТЛЕРА ВОЗГЛАСОМ
 «ХАЙЛЬ, ГИТЛЕР!».

11

Герцог и герцогиня Виндзорские выглядят
 весьма довольными во время встречи
 с Гитлером в 1937 году.

12

DUKE OF WINDSOR
 AND THE LETTER
 OF A NAZI ENVY

Надпись на фотографии:
 «ГЕРЦОГ
 ВИНДЗОРСКИЙ
 И ПИСЬМА
 НАЦИСТСКОГО
 ПОСЛАННИКА».

13

Король и королева в сопровождении премьер-министра Уинстона Черчилля осматривают повреждения Букингемского дворца после бомбардировки во время Второй мировой войны.

14

Королева Елизавета и миссис Франклин Д. Рузвельт в президентском лимузине во время приветственного парада в Вашингтоне. Король и королева посетили Белый дом, чтобы призвать президента США вступить во Вторую мировую войну.

Принцесса Елизавета обручилась с лейтенантом Филиппом Маунтбаттеном 9 июля 1947 года вопреки протестам своих родителей. Филипп отрекся от своего греческого титула принца и взял немецкую фамилию деда по материнской линии.

15

20 ноября 1947 года принцесса Елизавета сочеталась браком с принцем Филиппом в Вестминстерском аббатстве.

«Уж не знаю, это смелый поступок, — сказал жених одному из своих родственников, — или очень глупый».

«ЭТО МАЛЬЧИК» — такая надпись появилась на воротах Букингемского дворца 14 ноября 1948 года, сообщая о рождении принца Чарльза Филиппа Артура Георга. Король и королева, снятые вместе с принцессой Елизаветой и герцогом Эдинбургским после крещения их первенца.

После трехмесячного турне принцесса Елизавета возвращается в Лондон с мужем. Она приветствует своего маленького сына Чарльза, похлопывая его по плечу, в то время как Филипп обнимает ее мать.

Скорбящие женщины
дома Виндзоров на
похоронах короля
Георга VI 16 февраля
1952 года: дочь короля
Елизавета; его
восьмидесятипятилетняя
мать Мария, которая
умерла через тринадцать
месяцев; вдова короля
Елизавета, позднее
взявшая себе титул
«Ее Величество королева
Елизавета, королева-
мать».

19

20

Елизавета II в окружении семьи. Королева машет рукой своим подданным с балкона Букингемского дворца после коронации 2 июня 1953 года. После четырнадцати лет суровой экономики, вызванной войной и восстановлением разрушенного хозяйства, Британия за неделю церемоний, связанных с коронацией, потратила триста миллионов долларов. Платье королевы обошлось правительству в один миллион долларов.

Новая королева встречает своего любимого премьер-министра Уинстона Черчилля. «Он всегда был таким остроумным», — говорила она. Черчилль признавался, что «чуть-чуть влюбился» в своего монарха, чей портрет он повесил над постелью.

21

Принцесса Елизавета вместе со своим любимым американским президентом Гарри Трумэном во время первого визита в Вашингтон в 1951 году.

22

Газетные заголовки, сообщающие, что принцесса Маргарет не выйдет замуж за Питера Таунсенда.

23

Принцесса Маргарет излечилась от любви к Питеру Таунсенду с помощью Энтони Армстронг-Джонса, человека незнатного происхождения, получившего титул графа Сноудонского. Они поженились 6 мая 1960 года и произвели на свет двоих детей, Дэвида и Сару.

24

Родди Льюэллин встретил принцессу Маргарет в 1973 году, когда ей было сорок три, а ему двадцать три. Их роман, ставший достоянием публики, вынудил королеву осудить сестру за «неприличный образ жизни».

Ее Королевское Высочество принцесса Маргарет стала первым членом королевской семьи, решившимся на развод. Она не осталась равнодушной к скандалу, вызванному ее поведением. У принцессы произошел нервный срыв, и она была госпитализирована с гастроэнтеритом и алкогольным гепатитом. Кроме того, она грозилась покончить с собой.

Первые слухи о проблемах в семейной жизни королевы появились в феврале 1957 года в американских газетах. Пресс-секретарь королевы все отрицал: «Разговоры о том, что между королевой и герцогом Эдинбургским возник разлад, не соответствуют истине... Это ложь». Однако королева и герцог, жившие раздельно четыре месяца, продемонстрировали воссоединение семьи на глазах у множества репортеров.

Из личного альбома королевы: «Ее Величество в постели со своими детьми Анной (тринадцать лет), Чарльзом (пятнадцать лет) и Эндрю (четыре года) после рождения последнего сына Эдуарда в 1964 году. В Англии фотография была опубликована только один раз. После того как снимок появился в «Дейли экспресс», во дворце было сделано официальное заявление: «Поскольку подобные фотографии носят личный характер, королева предпочитает, чтобы они больше не печатались в газетах и других изданиях. По этой причине мы не можем одобрить их дальнейшую публикацию».

Несчастный тринадцатилетний принц Чарльз, застигнутый журналистами.
«Королевским детям не избежать одиночества, — сказал лорд Маунтбаттен. — Тут уж ничего не поделаешь».

Самая красивая фотография королевы Елизаветы II: ни собачек, ни сумочек, ни нахмуренного лба.

Ее Величество и герцог Эдинбургский принимают президента Джона Ф. Кеннеди и первую леди Соединенных Штатов Жаклин Кеннеди в Букингемском дворце (1961 год).

Британии отречению и изгнанию опозорившегося короля. Развод считался столь возмутительным событием, что лорд-гофмейстер* следил за тем, чтобы тех, кто подвергся этой процедуре, не допускали к королеве**. Он даже вычеркнул из списка гостей, которым позволялось входить в королевскую ложу в Аскоте, такого выдающегося человека, как Лоуренс Оливье, считавшегося самым великим актером Англии, из-за того, что тот развелся с женой. В Шотландии главным судьей по вопросам морали являлся герольдмейстер, который тоже обращал самое пристальное внимание на то, чтобы королеве не пришлось общаться с людьми, чей брак расторгнут. Один шотландский джентльмен протестовал против того, что ему не позволили предстать перед королевской особой во время ее визита в Эдинбург на том основании, что он расстался со своей супругой.

— Мой брак аннулирован, — сказал аристократ, — и я женился во второй раз, обвенчавшись в церкви.

— И вполне можете получить право войти в Царствие Небесное, — ответил герольдмейстер. —

* В последующие годы в перечень обязанностей лорда-гофмейстера были внесены поправки, чтобы позволить королеве встречаться со своими разведенными кузенами, сестрой, дочерью и двумя сыновьями, включая наследника престола. — *Примеч. авт.*

** Закон, по которому разведенным запрещалось дышать одним воздухом с королевской особой, стал несколько более либеральным после развода Питера Таунсенда. Теперь перед королевой мог предстать разведенный не по своей вине. Это нововведение позволило Таунсенду, которому изменила жена, продолжить службу у королевы. С 1950 до 1953 года он ведал делами при дворе королевы-матери. После этого до конца жизни, даже когда Таунсенд находился в изгнании, он значился в ежегодном справочнике общей информации «Альманах Уитакера» как конюший Ее Величества королевы. — *Примеч. авт.*

Но переступать порог дворца Холируд-Хаус* вам запрещено.

В 1953 году роман принцессы Маргарет с Таунсендом, разведенным с женой, потряс Британию. Правительство, церковь и королевская семья оказались вовлеченными в любовные перипетии. Будучи принцессой, Маргарет Роуз, которая являлась третьей в линии наследования трона, получила прощение за то, что влюбилась в Таунсенда, а вот его, человека неаристократического происхождения, порицали за нарушение классовых границ.

«Каков наглец! — возмутился герцог Эдинбургский. — Конюшие должны заниматься лошадьми!»

Придворные королевы негодовали не меньше. Они верили в исключительность системы классового разделения общества, внедренной им в сознание еще в раннем детстве:

Семейство сквайра сохрани,
о милостивый Боже,
И нам при нем позволь остаться тоже.

Когда Питер Таунсенд признался, что полюбил принцессу Маргарет, личный секретарь королевы Алан Ласель сердито ответил: «Вы потеряли либо рассудок, либо совесть». Ласель бросился советовать с премьер-министром.

«Таунсенд должен нас покинуть, — провозгласил Уинстон Черчилль. — Он просто обязан удалиться!»

Впавшие в отчаяние приближенные королевы решили последовать совету Черчилля и изгнать Таунсенда из Англии. Они наивно полагали, что

* Старинный дворец в Эдинбурге, официальная резиденция английских королей в Шотландии.

его отношения с принцессой не выдержат разлуки, не понимая, что расстояние может только усилить чувства. Их волновало лишь одно — необходимо дотянуть до того момента, когда принцессе исполнится двадцать пять лет, поскольку раньше она не могла выйти замуж без согласия королевы. А коль скоро Елизавета являлась главой церкви, она не имела права дать разрешение на брак Маргарет с человеком, который развелся со своей женой. Кроме того, разлучив влюбленных, они надеялись погасить неприятную шумиху, грозившую бросить тень на первый визит королевы в страны Содружества.

Таунсенд, который должен был в 1953 году сопровождать принцессу Маргарет и королеву-мать в их поездке в Родезию, неожиданно получил новое назначение — его отправили в Брюссель в качестве военно-воздушного атташе. «Я приехал сюда, потому что сложившаяся ситуация оказалась недопустимой для нас обоих, — сказал он одному репортеру. — Я не могу отвечать на ваши вопросы, потому что они касаются не только меня. Моя преданность принцессе Маргарет несомненна. И в силу этого я готов претерпеть любые трудности».

Таунсенда изгнали так стремительно, что он даже не успел подготовить сыновей, учившихся в закрытой школе в Кенте, к изменению в их жизни. Маргарет отчаянно умоляла Елизавету изменить решение, однако получила отказ. Сестры ужасно разругались*. Маргарет три дня не вставала с по-

* Много лет спустя принцесса Маргарет сказала: «Мы только дважды поссорились с королевой. И оба раза по поводу мужчин». Она объяснила историку Элизабет Лонгфорд: «В нашей семье не бывает скандалов, которые приводят к разрыву, — иногда мы ругаемся, но не более того». — *Примеч. авт.*

стели и начала принимать седативные препараты. В конце концов, покинув постель, она села за пианино и излила свою тоску в музыку. «Я сочинила похоронную песнь, слова и музыку, — сказала она биографу Кристоферу Уорвику. — Это произошло, когда мы с Питером Таунсендом поняли, что никогда не сможем пожениться».

Таунсенд покинул страну сразу после возвращения с королевской четой из Северной Ирландии. В последний раз его видели перед посадкой в самолет, когда он пожимал руки королеве и принцу Филиппу*. До того как принцессе исполнилось двадцать пять лет, он дважды приезжал в Англию, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, и встречался с ней тайно в домах своих друзей.

В октябре 1955 года через несколько недель после своего двадцатипятилетия Маргарет отправилась в Виндзорский замок, чтобы поговорить с королевой и Филиппом. Во время весьма эмоциональной беседы они сообщили ей, что правительство, возглавляемое сэром Энтони Иденом, и архиепископ Кентерберийский категорически возражают против ее брака с Таунсендом.

— Вы третья в линии наследования, — напомнил ей Филипп.

* В своей весьма осмотрительно написанной автобиографии Таунсенд заметил, что он был склонен испытывать теплые чувства к принцу Филиппу. «Но когда в 1953 году я отправлялся в ссылку, — пишет Таунсенд, — принц не проводил меня до двери, не пожелал удачи. Филипп — немец, но он не очень похож на немца. Он человек с ясными взглядами и четкой позицией. Я бы сказал, что он умен, не будучи интеллектуалом. Он может быть резким, а его манера говорить всегда напоминала мне стаккато, однако принц часто заканчивает беседу шуткой, игрой слов или афоризмом». — *Примеч. авт.*

— Я умею считать! — сердито ответила Маргарет.

— Ваше поведение привело к конституционному кризису, — продолжал Филипп, показывая на передовую статью в «Таймс», в которой утверждалось, что сестра королевы, возглавляющей англиканскую церковь и считающейся защитницей веры, должна быть «лишена права играть значительную роль в деятельности королевской семьи», если она выйдет замуж за человека, который развелся со своей женой.

— Если ты будешь настаивать на этом замужестве, — заявила королева, — ты не получишь церковного благословения.

И дальше предупредила сестру, что та не сможет заключить брак в Британии, что ей придется жить за границей, что Маргарет лишится своего титула и ежегодного содержания и перестанет быть членом королевской семьи. Принцесса ушла в слезах.

Чтобы не принимать участия в неприятной сцене, ее мать уехала в свой шотландский замок Мей. Несмотря на твердость характера, королева-мать ненавидела прямые столкновения. Она не переносила личных конфликтов и всегда избегала их, срочно заболевая бронхитом или ложась в постель с простудой или головной болью.

Лишенные защитников, влюбленные были обречены на поражение. Испытывая непереносимые страдания, они решили смириться с обстоятельствами и расстаться, зная, что больше никогда не увидят друг друга. Таунсенд написал черновик заявления, которое принцесса одобрила, и новость была объявлена неделю спустя, когда Би-би-си прервала свою программу, чтобы зачитать текст, подписанный просто «Маргарет»:

«Я хочу довести до всеобщего сведения, что не выйду замуж за Питера Таунсенда... Памятуя об учении церкви, полагающей христианский брак нерасторжимым, и сознавая свой долг перед Содружеством, я посчитала необходимым поставить данные соображения выше всех остальных. Я приняла это решение самостоятельно».

Герцог Виндзорский был в ярости из-за традиций, заставивших его племянницу сделать подобное заявление. «От лицемерно елейных комментариев, появившихся в «Таймс» и «Телеграф» после заявления Маргарет, что она отказывается от Таунсенда, меня просто тошнит, — писал герцог своей жене. — Церковь снова одержала победу, только на сей раз они поймали муху в свои сети, в то время как мне удалось спастись из паутины давно пережившего свое время учреждения, ставшего не более чем одним из придатков правительства...»

Многие испытывали к принцессе глубокое сочувствие, и в прессе даже появилось несколько писем протеста, однако большинство британцев соглашались с печальным фактом, что она поступила правильно, поставив на первое место долг. Церковь всесильна. «Кое-где создалось впечатление, что церковь начала обижать бедную, одинокую девушку и заставила ее сделать то, чего она делать не хотела, — сказал преподобный Питер Гиллинхем, один из капелланов королевы. — Ложь. Церковь сделала лишь одно: ясно показала, каковы ее законы».

Испытав горечь поражения, Питер Таунсенд вернулся в Брюссель, ушел в отставку из военно-воздушных сил и через несколько лет снова женился. Он поселился в добровольной ссылке в Рамбуйе, к югу от Парижа, и поклялся никогда не возвращаться в Англию. В своей автобиографии он

написал, что хотел бы, чтобы его прах был развеян во Франции. «А если, — заявил он в заключение, — ветер, южный ветер, который так любят ласточки, отнесет его к берегам Англии, что ж, я об этом не узнаю, и мне уже будет все равно». Тридцать семь лет спустя, умирая от рака, Питер Таунсенд тайно приехал в Лондон, чтобы встретиться с принцессой на обеде в Кенсингтонском дворце.

«Это было что-то вроде прощания», — сказал один из его друзей, присутствовавших при встрече. У Таунсенда, уже к тому моменту седовласого, но по-прежнему красивого в свои семьдесят семь лет, был рак желудка, который он изящно называл «небольшой гастрит». Он умер три года спустя, ни о чем не сожалея.

«Когда событие осталось позади, нет смысла оглядываться, — сказал он. — Жизнь могла сложиться иначе — но не сложилась».

К тому моменту жесткое отношение к разводам в королевских кругах несколько смягчилось, однако советники королевы Елизаветы так и не изменили своего мнения касательно романа принцессы Маргарет и Питера Таунсенда. «На самом деле все просто: сначала долг, а потом развлечения. Сначала интересы страны, а потом ухаживания, — заявил один бывший придворный. — Мы сделали все, что могли, чтобы защитить корону, а затем организовали первое турне королевы».

После коронации Елизавета согласилась провести шесть месяцев в пути, проехать сорок тысяч миль вокруг света, чтобы поприветствовать семьсот пятьдесят миллионов своих подданных, населявших четверть поверхности земного шара и обеспечивавших одну треть мировой торговли.

Она планировала посетить двенадцать стран, шесть колоний, четыре территории и два доминиона. Должна была выслушать 276 речей, принять участие в 6770 представлениях ко двору и пожать 13 213 рук.

В конце концов она станет самым путешествующим из всех британских монархов. Но в 1953 году ее первое королевское турне явилось колоссальным достижением и исключительным предприятием, на которое еще ни разу не решался глава государства. Королева хотела быть первой, поскольку намеревалась стать для своих подданных больше чем просто символом.

«Я хочу продемонстрировать, что корона является не только абстрактным символом нашего единения, — сказала она в своем рождественском обращении из Новой Зеландии, — но живой и надежной нитью, связывающей вас и меня».

«Это турне оказалось тяжелым, беспощадным испытанием для всех нас, — вспоминала журналистка Гвен Робинс, входившая в состав небольшой группы представителей прессы, сопровождавших королеву. — Я работала на «Ивнинг ньюс» — газету, у которой в то время был самый большой тираж в мире, — и видела королеву каждый день, каждый вечер, иногда на протяжении нескольких часов подряд. И могу определенно сказать, что она ни за что не справилась бы с трудностями турне, если бы не помощь герцога Эдинбургского».

Отличающаяся исключительной самодисциплиной, Елизавета могла часами стоять на солнце и проехать на лошади в дамском седле многие мили. Однако встречаться с людьми и вести светскую беседу с незнакомцами — пусть даже и короткое время — было для нее тяжелой обязанно-

стью. Она росла в Виндзорском замке, рядом с сестрой, окруженная только слугами и гувернантками. Не привыкла заботиться о других и не умела сознательно держаться таким образом, чтобы снискать расположение людей, с которыми встречается. А вот ее общительный муж просто обожал вести шутливые беседы, обмениваться колкостями и едкими высказываниями, флиртовать.

«Филипп подходил Елизавете идеально, и она просто обожала его, — говорила Гвен Робинс. — Она была так молода и чувствовала себя неуверенно, став королевой. Слишком часто смущалась — для монарха. Иногда бывала чрезмерно застенчивой. Она не знала, что делать и как следует себя вести в обществе такого большого количества людей. Он был гораздо опытнее ее, увереннее и спокойнее. Герцог Эдинбургский веселил ее и помогал настроиться на общение с толпой. Елизавета нередко хмурилась, потому что чувствовала себя подавленной, а ему удавалось заставить ее улыбаться. С прессой Филипп вел себя отвратительно. «Вот идут стервятники», — говорил он, завидев нас. На Мальте он швырял в нас орехами, и мы относились к нему неважно, но не могли не признавать, что для королевы он великолепно подходит. Рядом с ним она оживала, ему нужно было только что-нибудь прошептать ей на ухо, и ее лицо начинало сиять. Каждый раз, когда Елизавета злилась или мрачнела, он умудрялся рассмешить ее. Благодаря мужу королева выглядела превосходно. В этом турне он самым настоящим образом поддерживал ее.

Я помню, как в Австралии Елизавета умирала от скуки и жары, пожимая сотни потных рук, хмурилась и выглядела кошмарно — до того момента,

когда Филипп повернулся к ней и прошептал: «Не грусти, колбаска. Все не так плохо, как кажется».

В Новой Зеландии маленькие дети маори, которых переполнял восторг, решили внести свою лепту в торжественный прием королевы и попрыгали с берега реки в воду. Однако Елизавета, даже не взглянув в их сторону, пошла к своему автомобилю. Филипп увидел, что произошло, и сказал: «Смотри, Бет (уменьшительное от Лилибет), разве они не очаровательны?» Королева повернулась и отправилась посмотреть на детей.

«Филипп яростно оберегал Елизавету, когда силы начинали ее оставлять, — вспоминала Гвен Робинс. — Он мгновенно оказывался рядом и прогонял фотографов, если ему казалось, что они подошли слишком близко и могут причинить ей неудобства. «Не толкайте королеву», — говорил он. В то время как с ней Филипп вел себя просто безупречно, с остальными он нередко бывал груб. Я помню, как в Южной Австралии мэр какого-то маленького городка, чтобы поприветствовать королеву, нарядился в жуткий самодельный костюм зайца. Семидесятилетний старик выглядел невероятно жалким и одновременно милым. Он преподнес Елизавете огромную коробку и дрожащим голосом провозгласил: «Ваше Королевское Высочество... — Бедняжка, он собирался сказать: «Ваше Величество»... — в этот самый момент наш посол в Лондоне преподносит такую же коробку вашему представителю во дворце». — «О Господи, приятель, — прорычал Филипп. — Вы что, забыли о десятичасовой разнице между этим городком и Англией? Ваш посол скорее всего сейчас крепко спит».

Мэр как-то весь сник, у него сделался такой вид, будто к нему обратились с непристойным

предложением. Было так грустно видеть, как он стоит в своем жалком костюме, дрожит и бормочет извинения. «Мне следовало сообразить», — лепетал он, ругая самого себя. Визит королевы должен был стать самым знаменательным событием его жизни, а герцог Эдинбургский все испортил. Филипп вел себя отвратительно».

«Естественно, я не могла об этом написать, — продолжает Гвен Робинс, — как и о многих других вещах. Когда я заметила, что королева всегда снимает туфли, милый и очень человеческий жест, я сообщила в одном из своих отчетов: «Уставшая королева скинула туфли». И тут же получила возмущенное послание от своего издателя: «Оставьте в покое королеву. Букингемский дворец в ярости». В другой раз я отметила, что Елизавета выглядит измученной. Мы знали, что флаги и транспаранты, красная, белая и голубая мишура, которую она видит повсюду, наводят на нее тоску, вот я и написала, что она утомлена, как и все мы. И тут же получила новый нагоняй: оставь в покое королеву! Итак, мне пришлось отказаться от сообщений, показывающих, что она тоже человек...»

Недремлющий дворец пытался защитить королеву от самой себя. «Они хотели спрятать от всех тот факт, что она такая же, как и любой другой человек, — сказал корреспондент «Дейли телеграф» Морис Уивер. — Я помню визит в Папуа — Новая Гвинея, когда королеве показали танец местных жителей, одетых в юбочки из травы. На шеях у них висели ожерелья из костей, веточек и необычных монет. Она повернулась к своему конюшему и сказала: «Мне кажется, им нужны монеты с моим изображением». Конюший обошел британских журналистов и попросил у них по со-

верену. Я написал небольшую историю о том, как именем королевы у нас потребовали монеты, и нам пришлось шарить по карманам, чтобы их отыскать. Когда конюший узнал об этом, он явился ко мне посреди ночи и принялся колотить в дверь, требуя, чтобы я выбросил этот эпизод.

— В вашей истории королева выглядит нищей, — заявил он.

— Чепуха, — ответил я. — Симпатичный рассказик, а кроме того, никто и не предполагает, что королева носит с собой деньги».

Журналист сказал, что не написал, как все было на самом деле, как королева продемонстрировала менталитет человека, действующего по правилу «положение обязывает» в ситуации с несчастными, обласканными ею дикарями. Однако понял, насколько болезненно относится дворец к тому, что пишет пресса про королеву. «Нам не позволялось сообщать ничего, кроме того, что королева надела и как она выглядела, — вспоминал он. — Приходил пресс-секретарь и подробно объяснял, как прекрасна королева в зеленом платье, а мы послушно все записывали и передавали в наши газеты...»

Когда Елизавета начала привыкать к своей новой роли и чувствовать себя увереннее, дворцовая служба новостей немного расслабилась, впрочем, совсем чуть-чуть. «Существует устное соглашение, — вспоминает журналист Филипп Найтли, сопровождавший королеву во время ее первого турне, — словно дворец хочет сказать: «Мы вам нужны, чтобы заманивать читателей, большинство из которых просто обожают истории про королевскую семью. А нам вы нужны для того, чтобы знакомить подданных королевы с тем, что она наме-

рена сделать и какой она замечательный человек. Так что можете писать о членах королевской семьи все, что пожелаете, — до тех пор, пока не начнете ставить под вопрос существующий институт монархии».

Однако на самом деле требовалось неукоснительно демонстрировать почтительное отношение к королеве. В Новой Зеландии только американским журналистам удалось безнаказанно сообщить о грамматической ошибке, сделанной Елизаветой. Она случайно услышала разговор двух маленьких девочек, споривших, кто она такая — королева Елизавета или принцесса Маргарет. Одна сказала: «Говорю тебе, принцесса Маргарет». А другая принялась возражать: «Вот и нет! Вот и нет! Это королева». Дальше «Ньюсуик» писала, что, «нисколько не обращая внимания на правила изысканного английского языка», Елизавета наклонилась к девочкам и заявила: «Нет, я за нее».

После нескольких лет путешествий королева в конце концов научилась общаться с другими людьми, хотя и с большим трудом. «Она всегда вела себя правильно, но никогда не бывала сердечной или располагающей к себе, — написала Гвен Робинс. — Спокойная, чопорная и какая-то далекая, она старалась держаться от всех на расстоянии, чтобы не совершить ошибки, не сделать что-нибудь не так. Она чувствовала себя настолько неуверенно, что лишь таким образом могла исполнять свою роль. Елизавета совсем не похожа на свою мать, которая начинает светиться на людях и, кажется, состоит из шляпок, улыбок и перьев, но под всем этим многоцветьем прячется стальной характер, холодный и жесткий — в оболочке из пастилы».

Несмотря на то что молодая королева чувствовала себя неуютно в свете прожекторов, она снялась в трех фильмах, посвященных первому турне. Через шесть месяцев после того, как Елизавета покинула Лондон, она вернулась домой. Подданные устроили ей теплый прием, выстроившись вдоль берега Темзы, когда она проплывала мимо на королевской яхте «Британия». Они понимали, что Елизавета никогда не сможет, как королева-мать, открыто и радостно приветствовать толпу и расположить к себе каждого, кто на нее смотрит, однако ценили ее верность долгу. Все радостно вопили, яхта приближалась к берегу, а королева приветствовала британцев, скованно помахивая им рукой. Она тоже прекрасно знала, что ей далеко до матери, наделенной особым даром общения с другими людьми. Как и флегматичный отец, Елизавета рассчитывала в данном вопросе на супруга. Позже она даже сама сказала об этом своим друзьям: «Без Филиппа у меня бы ничего не получилось».

ГЛАВА 8

Монархия напоминала скорый поезд, который надвигался на Елизавету с тех пор, как ей исполнилось девять лет. Взрослея, она постоянно слышала его приближение. Она знала, что однажды ей придется на него сесть, однако Елизавета никогда не думала, что это произойдет так скоро — в возрасте двадцати пяти лет, когда ее брак еще только вступил в пору расцвета.

Перед тем как умер ее отец, она мечтала быть хорошей женой и матерью. После замужества говорила, что хочет иметь четверых детей и посвятить себя семье.

В первые годы семейной жизни, когда перед ней вставал выбор между ролью жены и матери, она выбирала первую. Муж был для Елизаветы важнее всего — тогда. Еще до рождения сына она сказала: «Я собираюсь сама быть матерью своему ребенку, а не передоверять его няням». Однако всякий раз, когда роль жены входила в конфликт с ролью матери, она отдавала ребенка слугам.

Елизавета не присутствовала на первом дне рождения сына, а вместо этого отправилась к

мужу, когда он служил на Мальте. Оставив маленького мальчика дома с бабушкой, дедушкой и нянями на несколько месяцев, она пропустила его первый шаг и первый зуб. Его первым словом было не «мама», а «нэнни» — та, что была ему ближе всех, его любимая няня. Елизавета обращалась со своими детьми точно так же, как с ней самой обращались ее родители. Она прожила с няней шесть месяцев, когда король с королевой путешествовали по Австралии и Новой Зеландии, поэтому без колебаний доверяла своих детей попечению других. Впрочем, изредка ее охватывало чувство вины.

«Я не хочу, чтобы моих детей растил кто-то другой», — заявила она перед рождением принцессы Анны в 1950 году. Тем не менее когда ее дочери исполнилось три месяца, Елизавета оставила ее во дворце, чтобы отправиться с мужем в путешествие. Когда малютке удаляли аденоиды, в детскую больницу с ней поехала няня и провела там с ребенком ночь. А мать, не слишком беспокоясь о девочке, осталась в Виндзорском замке.

«Королевские особы относятся к своим детям, как к скоту, — писал Джон Гордон в «Дейли экспресс», узнав, что королева спокойно проспала в собственной постели ту ночь, когда принца Чарльза срочно отвезли в больницу на Грейт-Ормонд-стрит, где ему сделали операцию по поводу аппендицита. — Публике не нравится, что королевы не оказались рядом со страдающим сыном».

В 1952 году, когда Елизавета стала королевой, она не оставляла попыток выделить время для своей семьи, но исполнять роль матери ей теперь было некогда. Она посвятила себя короне, отложив на будущее рождение еще других детей.

Как новый монарх, она понимала, что должна править — путешествовать по всему миру, встречать политических лидеров, проводить консультации с парламентом, принимать парады, перерезать ленточки, жаловать рыцарские звания — стараясь улыбаться.

Еще с детства страдающая навязчивыми неврозами, которые ее гувернантка описывала так: «слишком методичная и аккуратная... слишком исполненная сознания долга», Елизавета снова подпала под их влияние, погрузившись в исполнение монарших обязанностей. «У меня не было времени на ученичество, — скажет она позднее. — Мой отец умер слишком молодым. Огромная ответственность неожиданно свалилась на мои плечи, и я старалась сделать все, что в моих силах...» Она ревностно относилась к своей почте, составлению речей, работе с документами, которые ей каждый день присылало правительство.

«О, эти коробки с документами! — сказал один из придворных много лет спустя. — Ей было легко сказать: «Наверху меня ждут две красные коробки с документами, и лучше я займусь ими, как велит мне конституционный долг, чем ссориться с сыном, дочерью или мужем». Красные коробки — прекрасный способ сбежать от семейных проблем».

На публике Елизавета выглядела как идеальная мать. Фотографии, на которых она была изображена вместе с красавцем супругом и двумя маленькими детьми, регулярно появлялись в газетах и журналах. Она научилась этому у своей мудрой матери, которая, будучи королевой, санкционировала издание таких книг, как «Семейная жизнь королевы Елизаветы». Кроме того, она распространила по газетам серию снимков, названную «Наша

маленькая принцесса у себя дома» и «Время игр в королевском доме», чтобы способствовать созданию образа идиллической королевской семьи. Поэтому Елизавета выросла, считая, что подобные вещи жизненно важны для укрепления монархии. Она пришла к выводу, что позировать для фотографий является одной из ее королевских обязанностей; Филипп придерживался аналогичного мнения. «Если уж вы действительно хотите иметь монархию, — сказал он, — необходимо создать семью, а семья должна быть всегда на виду».

Пересмотрев свои приоритеты, королева на первое место поставила монархию, брак на второе, а детей на третье. «Мне кажется, идея создания нормальной семьи была обречена на провал после того, как королева так рано вступила на престол, — писал биограф Филипп Зиглер. — Не думаю, что по натуре она нежная мать, но в любом случае обычная семейная жизнь стала невозможной, когда ее закрутила бесконечная череда королевских обязанностей».

И все же Елизавета пыталась исполнять материнский долг. «Я должна каждый день выделять время на детей», — говорила она. Она изменила часы еженедельных визитов премьер-министра, чтобы каждый день встречаться с четырехлетним Чарльзом и двухлетней Анной перед тем, как они отправлялись спать. Кроме того, Елизавета проводила с ними и Филиппом по тридцать минут каждое утро. Их няни, Элен Лайтбоди и Мейбл Андерсон, приводили детей в гостиную королевы в 9.00, а ровно в 9.30 забирали, когда Елизавета садилась за письменный стол, чтобы заняться текущими делами. Обычно Анна не хотела уходить, но брат тянул девочку за собой и говорил: «Анна, ты

не должна беспокоить мамочку. Она занята. Она королевствует».

Оставшуюся часть дня дети проводили со своими нянями и горничными, крепкими шотландскими женщинами в удобных черных туфлях и с перманентом, которые одевали, кормили, купали детей и даже спали с ними в одной комнате. Ежедневно в 17.00* няни еще раз приводили детей на встречу с матерью и отцом перед тем, как отправить их в детскую для вечерней ванны и сна. Дети видели своих гувернанток гораздо чаще, чем родителей.

«Печальное детство», — сказал через много лет принц Чарльз, который винил своих родителей, а особенно отца. Он вырос в одиночестве — одно из самых грустных воспоминаний детства. Чарльз говорил, что отец редко присутствовал на его днях рождения и не был ни на одном из первых пяти. Филипп лишь присылал ему письма.

«Королевские дети всегда испытывали и будут испытывать одиночество, — сказал лорд Маунтбаттен, пытаясь оправдать родителей Чарльза. — И ничего тут не поделаешь».

Барбара Картленд, автор розовых любовных романов, не винила королеву за равнодушие. Однако порицала ее косвенно. «Чарльз родился, когда его мать была совсем молодой женщиной, поэтому она проводила с ним мало времени, — сказала она. — Принц был несчастливым маленьким мальчиком».

* «Это время в большей степени предназначалось корги, чем детям, — свидетельствует лакей королевы, рассказывая о ежедневном ритуале кормления собак в гостиной. — Один из нас приносил поднос, на котором стояли серебряные мисочки с едой, приготовленной по специальным рецептам для каждой из семи собак». Мисочки ставились на пол, покрытый клеенкой, и королева собственноручно перемешивала каждую порцию серебряными ножом и вилкой. — *Примеч. авт.*

Королева-мать знала, кто в этом виноват. «Газеты постоянно кричат о том, что Филипп — суровый отец, — призналась она однажды во время обеда. — Если бы они знали правду... Строгость всегда проявляет Лилибет, а Филипп пытается ее урезонить».

Всякий раз, когда королева возвращалась из долгих путешествий, она удивлялась тому, как вырос ее маленький сын и каким шумным стал. Его рвущаяся наружу энергия смущала Елизавету. «Он требует столько внимания», — со вздохом признавалась Елизавета.

С самого начала королева решила, что дома детей будут называть Чарльз и Анна, а не «сэр» и «мадам». Она объявила, что лакеям и гувернанткам не следует делать реверансы и кланяться детям суверена, отдавая эту честь лишь ей самой и королеве-матери. Однако Чарльз, как и все остальные, должен был кланяться матери и бабушке.

— Всегда приходится делать так, как велит бабушка, — сказал он однажды приятелю, — или у нее в сумочке не окажется конфет.

— А почему ты ей кланяешься? — спросил приятель.

— Потому что я должен.

— Но почему?

— Так велит папа.

Когда няня потребовала, чтобы он надел клетчатые трусы под килт в Балморале, он отказался. «Я не стану их надевать, — заявил мальчик. — Папа ведь таких не носит».

«Папа» был солнцем, которое сияло над детством Чарльза и согревало его дни, несмотря на наказания и нравоучения. «Думаю, он оказал на меня довольно сильное влияние, особенно когда я

был совсем маленьким, — позднее скажет Чарльз. — Я всегда верил его суждениям». Только после того, как стало ясно, что Чарльз не оправдал надежд отца, он начал поносить Филиппа, нередко повторяя, что отец травил его и вел себя как настоящий деспот. Чарльз язвительно говорил друзьям, что существует два типа отцов: первые стараются воспитать в детях уверенность в себе, рясочая похвалы, когда те того заслуживают, и по возможности удерживая неудовольствие при себе. «А вторые — как герцог Эдинбургский». К этому моменту Чарльз успел забыть, как он боготворил отца, мечтал во всем на него походить, в том числе копировал походку с опущенной вниз головой и руками, сплетенными за спиной.

«В детстве Чарльз стремился как можно больше находиться рядом с отцом, — вспоминал королевский лакей. — Когда мы приводили детей утром, он всегда предпочитал забраться на колени к Филиппу, а не к королеве... Принц Филипп из тех отцов, которых дети обожают... В отличие от королевы он обладал естественной способностью без излишней снисходительности опускаться до уровня ребенка».

Члены королевского двора вспоминают, как Филипп читал детям «Гайавату» и надевал индейский головной убор из перьев, который привез из Канады. С победными воплями, к восторгу маленького сына, исполнял в детской боевой танец. «Эта игра мне нравится больше всего», — говорил Чарльз, хлопая в ладоши.

Другие смотрели на Филиппа более предвзято. «Он терпел Чарльза, но мне не кажется, что Филиппа можно назвать любящим отцом, — сказала Эйлин Паркер, чей бывший муж, Майкл Паркер,

являлся его лучшим другом и конюшим. — Он брал Чарльза на руки, но вел себя несколько странно. С Анной он чувствовал себя лучше. Я думаю, Чарльз его побаивался».

Маленький мальчик, несомненно, боялся своей матери, отчужденной, строгой и всегда слишком занятой. Позже он скажет, что не может вспомнить ни одного проявления материнской любви, кроме единственного случая, когда королева заглянула в детскую перед вечерней ванной. Она уселась на позолоченное кресло, за ее спиной стоял лакей, а королева наблюдала за тем, как няня купает Чарльза. «Она даже не намочила руки, — вспоминал Чарльз, — но по крайней мере присутствовала».

Он рассказал одному из своих биографов, как мать приветствовала его после своего первого королевского турне. Мальчик не видел ее шесть месяцев, поэтому бросился на борт «Британии», чтобы поздравить с возвращением домой. Он присоединился к группе важных сановников, которые дожидались своей очереди, чтобы пожать королеве руку. Когда Елизавета увидела маленького сына, она сказала: «Неужели это ты, дорогой?!» Она не обняла и не поцеловала Чарльза, лишь потрепала по плечу и подошла к следующей важной персоне. Фотограф запечатлел неловкую встречу матери и сына. Потом королева пыталась объяснить свое поведение подруге: «Меня с детства учили не выказывать эмоций на публике».

«Ее неприязнь к физическим контактам походила на фобию, — писала английская обозревательница Линда Ли-Поттер. — Не умея продемонстрировать любовь к детям, королева не давала и им возможности выразить свои чувства к ней. Ко-

ролева — стойк; в ней, как и в ее матери, есть нечто безжалостное».

Королева казалась неспособной к выражению чувств, и ее муж внешне тоже выглядел отстраненным и сдержанным. «Он не из тех, кто открыто демонстрирует свои чувства, — сказал Майкл Паркер. — Мне всегда хотелось, чтобы он обнял королеву и показал, как ее любит. Повел бы себя как самый обычный муж с самой обычной женой. Но он всегда держался с ней так, словно стоял по стойке «смирно». Я несколько раз говорил ему об этом. Но он только сердито смотрел на меня».

Взрослея, Чарльз видел, что особого тепла в отношениях родителей нет; не помнил он и ни одного материнского поцелуя после того, как ему исполнилось восемь. Однажды он с грустью рассказал приятелю, что эмоционально няня значит для него гораздо больше, чем мать. Чарльз сослался на исследование, проведенное среди детенышей обезьян, лишенных после рождения материнской ласки. Он заявил, что малыши так никогда и не оправились после перенесенного потрясения. Они стали пассивными и погрузились в себя, чем не слишком отличались от перепуганного маленького мальчика, слонявшегося по коридорам Букингемского дворца. Когда Чарльз узнал о научных исследованиях, которые доказывали, что нежные отношения между матерью и ребенком улучшают восприимчивость к учению, он заявил, что теперь понял, почему его всегда называли «зубрилой».

Болезненный ребенок, Чарльз, как и его бабушка с прадедушкой, страдал от вывернутых внутрь коленей. Из-за сильного плоскостопия ему приходилось носить ортопедические туфли. Он часто

простужался, у него регулярно болело горло и случались приступы астмы.

«Его Королевское Высочество был серьезным маленьким мальчиком, — рассказывал бывший придворный. — Вежливый, с хорошими манерами, но застенчивый, как и его мать. На лошади он чувствовал себя неуверенно, а пребывание на воде вызывало у него тошноту. Его сестра Анна, которая была на двадцать один месяц моложе, отличалась смелостью и неугомонностью, чем походила на отца, — именно поэтому девочка и стала его любимым ребенком».

Филиппа беспокоила хрупкость сына, и он пытался его закалить. «Он должен стать настоящим мужчиной», — говорил принц. Сильный, красивый и подтянутый, Филипп играл в крикет и поло, участвовал в парусных соревнованиях, умел править лошадьми и пилотировать самолеты, с азартом охотился на куропаток и тетеревов. Он хотел, чтобы его сын не отставал от него. Филипп подарил Чарльзу битую ракетку для крикета на первый день рождения, а позднее научил его играть. Вручил Чарльзу первое ружье и научил стрелять, затем плавать, держаться на лошади, ходить под парусом и охотиться. Позднее познакомил с живописью и поло, а потом организовал уроки летного дела, чтобы Чарльз мог водить собственный самолет. Чарльз прошел даже трудное обучение на командира берегового минного тральщика, но так и не стал лихим молодцом.

Ребенок, боящийся темноты, грызущий ногти, Чарльз отчаянно нуждался в одобрении отца — в конце концов он сумел перебороть страх перед лошадьми и, преодолев морскую болезнь, научился ходить под парусом. И хотя он не был прирожден-

ным спортсменом, как его сестра, Чарльз заставлял себя идти до конца, иногда переходя грань допустимого риска.

Филипп не был снисходительным отцом и шлепал сына всякий раз, когда тот осмеливался ударить сестру или дернуть ее за волосы. А это случалось достаточно часто. «В детстве мы с Чарльзом дрались, как кошка с собакой», — вспоминала Анна. Филипп говорил Чарльзу, что он должен переносить порку «как мужчина».

«Веди себя, как мужчина, — постоянно повторял Филипп. — Будь мужчиной». Однажды, после того как его слегка отругала няня, Чарльз прибежал к отцу. «Мне так надоели девчонки, папа, — заявил он. — Давай уедем и будем мужчинами сами по себе».

Иногда стремление Филиппа к мужественности доходило до абсурда. «Вспоминаю, как королеве и принцу Филиппу показали заново отделанный дом в Порчестере, — рассказывает английский дизайнер Николас Хаслам. — Они привезли с собой принца Чарльза, но оставили его в машине, а сами направились в дом. Хозяйка дома спросила: «Может быть, возьмете с собой принца Чарльза?» — «Господи, нет, конечно, — ответил принц Филипп. — Мы не хотим, чтобы он стал похож на женщину и интересовался подобными вещами».

Однако лакей королевы заметил, что женское окружение все-таки сыграло в жизни мальчика немаловажную роль. «Когда пришло время отправляться в школу, Чарльз уже начал становиться жертвой удушающе замкнутой атмосферы, царившей во дворце, — сказал он. — Женщины оказывали на него немалое влияние».

Филиппа раздражало, что слишком большое количество женщин имеют власть над его сыном. «Сплошные нянечки, гувернантки и вздохи, — говорил он, имея в виду обитателей дворца, которые в основном принадлежали к одному полу*. Филипп настаивал на том, чтобы его сын получил образование вне стен дворца. Королева возражала, но Филипп указал на собственное детство королевы, когда все простые люди, с которыми ей приходилось сталкиваться, были слугами. «Чарльз должен научиться общаться с другими парнями», — сказал Филипп. Королева предпочитала, чтобы он продолжал учиться во дворце под руководством мисс Катерины Пиблс (Миспи), которая занималась обучением Чарльза с того момента, как ему исполнилось пять лет. Филипп утверждал, что хотя маленькая, бодрая шотландка чрезвычайно симпатичный человек, у нее нет необходимого образования и университетского диплома. Он считал, что подобная особа не может быть наставницей будущего короля. Она вполне успешно водила Чарльза и Анну в зоопарк, планетарий и музеи, но теперь, когда Чарльзу исполнилось восемь, он должен покинуть дворец и получить серьезное образование. «Речь идет о школе — настоящей школе», — сказал Филипп.

Как внутри дворца, так и за его пределами разгорелись горячие дебаты относительно дальнейшего образования Чарльза. Заголовки газет вопрошали: «Почему королевские дети не могут ходить

* Недовольный этим Филипп приветствовал историю с лакеем, которого застигли во время любовного акта со служанкой. «Они его уволили, — сказал герцог Эдинбургский. — А следовало бы дать ему медаль».

в школу — неужели школа обязательно должна явиться к ним на дом?» и «Имеем ли мы право лишать принца Чарльза обычных жизненных удовольствий с ранней юности?».

Королева с неохотой согласилась отослать сына в Хилл-Хаус — лондонскую школу без пансиона. Он явился на занятия в сером пиджаке с черным бархатным воротником, остальные дети были в школьной форме. На следующий год Филипп предложил перевести Чарльза в пригготовительную школу «Чим-скул», в которой учился сам. Там он смог бы питаться, ночевать в одной комнате с девятью другими мальчиками и спать на жесткой постели. И снова королева протестовала, но Филипп упорно добивался своего. Наконец она согласилась и разрешила своему сыну стать первым наследником британского престола, который отправился в школу как самый обычный ребенок.

«Мы хотим, чтобы он учился с другими мальчиками своего поколения, жил рядом с ними и проникся дисциплиной, которой требует образование от всех остальных детей», — заявил Филипп. Королева сказала директору «Чим-скул», чтобы он обращался с будущим монархом, как с остальными учениками, но называл его «принц Чарльз». Для других мальчишек он оставался просто Чарльзом, некоторые из них даже посмеивались над излишней полнотой будущего короля, наградив его прозвищем «Толстячок».

Маленький мальчик, которого одевали в шелковые платица и ленточки в течение первых двух лет жизни, познакомился с бамбуковыми розгами учителей. «Меня предупредили, — сказал Чарльз много лет спустя, — что нас будут сечь, и меня высекли [за возню в спальне]. Боль-

ше я этого не делал. Я из тех, на кого действуют телесные наказания».

В свой первый школьный день Чарльз прижимал к груди коробку с молочным шоколадом со своими инициалами — прощальный подарок матери. Он не знал, как разделить лакомство с другими мальчиками, и боялся попробовать. Расставание с любящими руками няни и гувернантки оказалось чрезвычайно болезненным для Чарльза, который был стеснительным мальчиком и не умел заводить друзей.

«Он тяжело переживал расставание с семьей», — сказала няня Мейбл Андерсон.

«Он каждый день писал Мисси, — говорила сестра Чарльза, Анна. — Его сердце было разбито. Он плакался в письмах и повторял: «Я так по тебе скучаю».

Чарльз с грустью писал отцу: «Дорогой папа, я с нетерпением жду встречи с тобой на корабле». Он изобразил яхту, похожую на ту, на которой принц Филипп участвовал в самой крупной мировой регате. Чарльз преуспел в изобразительном искусстве и с удовольствием рисовал портреты членов своей семьи. В шесть лет он сделал шуточную рождественскую открытку для отца, которого изобразил рядом с бочкой, на которой было написано: «Восстановитель волос». Филипп переживал из-за своих редющих волос и увеличивающейся лысины.

В самом начале учебного года Чарльза наказали за употребление неприличного слова. «Возможно, он подхватил его у одного из рабочих, — предположил Филипп, — но с тем же успехом мог слышать и от меня».

Через пять с половиной лет учебы в «Чим-скул», где Чарльз провалил математику и с трудом сдал

историю*, он заявил, что хочет ходить в «папину школу», имея в виду Гордонстон, шотландскую цитадель холодных душей и телесных наказаний.

«Я помню, как Филипп обсуждал частные школы на одном из наших обедов в «Четвергклубе», — на подобных встречах в помещении таверны Уилера в Сохо присутствовали только мужчины, — вспоминал аккордеонист Ларри Адлер. — Я сказал ему, что считаю такие частные школы фабриками, на которых штампуют гомосексуалистов. Тогда в разговор вступил Джеймс Робертсон Джастис, прекрасный актер и немного грубоватый шотландец. «О Господи, Адлер, ты опять уселся на свою любимую лошадку? — осведомился он. — Меня заставили заниматься содомией в первую же неделю в Итоне. Ничего страшного со мной не произошло». — «Ну, Джеймс, — ответил я, — с тобой все было иначе, поскольку остальные должны были смотреть, как тебя вводят в курс дела. Ведь девиз школы гласит: «Правосудие** не только должно свершиться, но все должны видеть, как его вершат». Филипп расхохотался».

Филипп считал, что, отправив сына в Гордонстон, он избавит его от изнеживающего влияния

* Когда Чарльзу исполнилось 11 лет, он поразил учителя истории в «Чим-скул» тем, что не знал о существовании принца Уэльского, который стал королем Эдуардом VIII, после чего отрекся от престола и принял титул герцога Виндзорского. Много лет спустя Чарльз поразил другого преподавателя истории, защищая короля Георга III, который страдал от приступов безумия, вызванных редкой и неизлечимой порфириновой болезнью. «Я восхищаюсь многими его делами, одобряю их и сочувствую тому, что он совершил, — сказал Чарльз о короле, который потерял американские колонии в 1783 году. — Он был потрясающий оригинал». — *Примеч. авт.*

** Намек на фамилию актера — Justice в переводе означает «правосудие».

системы английских частных школ. Кроме того, он сказал, что Морейшир находится достаточно далеко от Лондона, а это позволит Чарльзу избежать пристального внимания журналистов.

«Итон регулярно появляется в сводках новостей, а значит, обязательно станут говорить и про тебя, — напомнил он сыну. — Если ты отправишься на север Шотландии, то перестанешь находиться у всех на глазах, и репортерам придется хорошо подумать, прежде чем сесть в самолет и отправиться туда. Они объявятся в школе, только если произойдет нечто экстраординарное, так что сможешь спокойно учиться».

В конце концов Чарльз согласился посещать школу, где учился его отец, о чем впоследствии пожалел. «Это был настоящий ад, — говорил он. — Я трижды пересдавал экзамен по математике». Кроме того, он провалился на немецком и с трудом справлялся с естественными науками. Чарльз каждый вечер писал грустные письма, в которых жаловался на то, как с ним обращаются одноклассники: «Мне совсем не дают спать... швыряются тапочками и дерутся подушками или просто стараются ударить меня побольнее». Много лет спустя Чарльз обвинил отца за то, что он послал его в Гордонстон. Однако и сам Филипп чувствовал себя не лучшим образом из-за того, что отдал своего слишком мягкого сына в руки гордонстонских преподавателей. Доставив Чарльза в Гордонстон на первый семестр, Филипп и королева вернулись в Балморал, где провели выходные со своими друзьями Дэвидом и Майрой Баттер. Филипп в гораздо большей степени, чем королева, был потрясен тем, что ему пришлось оставить своего первенца в закрытом учебном заведении.

«Принц Филипп вошел в гостиную, — вспоминает Майра Баттер, которая знала Филиппа с самого детства. — Он был белым как полотно. Я спросила, что случилось, но он только прошел через комнату и налил себе выпить — очень нехарактерное для него поведение. Через много лет Чарльз рассказал мне, что он чувствовал, когда, в свою очередь, отослал сына в закрытое учебное заведение. Я ответила, что понимаю. Тогда он грустно проговорил: «Вы всегда обо всем тревожились. Могу спорить, что никто так не переживал из-за меня». Тогда я рассказала о его отце. Он был ошеломлен. И просто не мог мне поверить».

К 1956 году, когда Чарльз был готов приступить к занятиям в школе, его отец был сыт своей жизнью по горло. Он устал сражаться с дворцовой стражей, в особенности за время и внимание королевы. Филипп не любил придворных, называл их «старыми хрычами» и возмущался из-за того, что его жена зависела от них. Она больше не советовалась с ним по вопросам двора, а ее равнодушные в ответ на предложения Филиппа приводили его в ярость. «Ну давай, Лилибет. Давай! — нетерпеливо говорил он. — Сделай это. Сделай». В отчаянии от дворцовой бюрократии он начал проводить все больше и больше времени со своими друзьями из «Четверг-клуба». Что лишь укрепило мнение придворных о его затянувшемся взрослении и склонности к неприличному юмору.

«Герцог Эдинбургский ведет себя слишком непристойно, слишком по-немецки», — заявил один из секретарей королевы. Некий заносчивый придворный отнес «вульгарное немецкое увлечение Филиппа наготой» к его «происхождению от Маунтбаттенов». Он сослался на фотографии, на ко-

торых лорд Маунтбаттен позировал в Лас-Вегасе вместе с Кэри Грантом*. На первом снимке мужчины стоят лицом к камере в окружении роскошных хористок, одетых лишь в боа из перьев. На второй фотографии мужчины повернулись к камере спиной, как и хористки, так что стали видны искусственные бриллианты на ремешках красоток. Перьев сзади не было. Маунтбаттен нашел снимки с голозадыми девицами такими забавными, что увеличил их и повесил в коридоре королевской яхты. Филипп, который громко расхохотался, увидев фотографии, с удовольствием показывал их всем гостям и отказывался снять даже на время официальных визитов. «Так немцы представляют себе искусство и развлечения — обнаженные ягодицы», — заявил придворный.

Филипп с двумя женатыми приятелями снял в Лондоне квартиру актера Ричарда Тодда и начал принимать там днем молодых актрис. Они стали называть себя «Тремя членотерами».

«Нет, я не могу говорить о том, что происходило в той квартире, — сказал британский актер Джек Хэдли в 1993 году. — Слишком опасно вспоминать те дни — даже сорок лет спустя».

Кроме того, Филипп пользовался квартирой своего конюшего на Саут-стрит. «Майк, или Паркер-из-дворца, как мы его называли — именно таким образом он всегда представлялся, когда подходил к телефону, — вел совсем другую жизнь вдали от своей жены и семьи. Вечеринки на его квартире часто были бурными, — вспоминал один из тех, кто посещал эти вечеринки. — Да, Филипп

* Знаменитый американский актер.

всегда там присутствовал, и всегда с женщинами, но ничего серьезного не происходило. Как говорят французы, *les danseuses** — привилегия богатых людей. Филипп обычно приходил вместе с Паркером или Бэроном Нейхумом, дворцовым фотографом, которого все называли по имени. Однажды вечером Аристотель Онассис пригласил на обед Марию Каллас, в другой раз принц Бернгард, женатый на королеве Нидерландов Юлиане, провел с нами бурную ночь».

«Я помню обед с принцем Бернгардом, — рассказывал Ларри Адлер. — Именно тогда мы поняли, как сильно Филипп ненавидит свою роль принца-консорта. Филипп все время подкалывал Бернгарда. «Приятель, я тебе ужасно завидую, — повторял он. — Ты можешь отправиться куда угодно, и никто тебя не узнает. Можешь иметь любых подружек, каких только захочешь, и никто этого не обнаружит. Но стоит мне высунуть наружу нос, как за мной сразу же увязываются стервятники — репортеры и полицейские».

Бернгарду пришлось рано уйти тем вечером, чтобы успеть вернуться в Голландию до того, как закроется аэропорт и погасят осветительные огни. Когда он поднялся, Филипп поклонился ему на восточный манер преувеличенно низко. «Передай привет Ее Императорскому Величеству», — насмешливо проговорил он. А последние три слова буквально выплюнул с нескрываемым презрением. Не вызывало сомнений: он отождествлял себя с Бернгардом, который, как и Филипп, ходил на коротком королевском поводе».

* танцовщицы (фр.).

К 1956 году Филипп уже был сыт по горло бесконечной «помпой» — так он называл дворцовый протокол. Старший сын учился в частной школе, дочка была еще слишком маленькой, жена постоянно занята. Он чувствовал себя униженным и всеми забытым. Филипп решил куда-нибудь уехать в одиночестве. Его пригласили на открытие Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне. И он совершил путешествие в сорок тысяч миль. По дороге посетил Гамбию, Сейшельские острова, Малайю, Новую Гвинею, Новую Зеландию, Антарктику, Фолкленды, Галапагосские острова и западное побережье Соединенных Штатов. Филипп планировал, что турне с Майклом Паркером займет четыре месяца. Они дружили еще со времен службы на флоте, плавали на одной яхте и играли в крикет в одной команде. Паркер недавно разошелся с женой, а Филипп хотел оказаться подальше от своей — хотя бы географически, если не по закону. Так что двое повзрослевших юношей планировали путешествие по южной части Тихого океана с восторгом Гекльберри Финна и Джима, отправившихся в плавание на плоту по Миссисипи.

«Филипп всегда стремился к перемене мест, — говорила королева, которую внешне совершенно не беспокоили его планы. — Незачем терять время, пытаясь изменить характер мужчины, — добавила она, — нужно принимать мужа таким, каков он есть».

Ее муж представил свой круиз как «дипломатическую миссию». «Это мой личный вклад в развитие Содружества», — заявил Филипп. Он сообщил прессе, что 15 октября 1956 года покинет Англию на самолете и отправится в Момбасу — кенийский порт на восточном побережье Африки,

где взойдет на борт королевской яхты «Британия», команда которой насчитывала двести семьдесят пять человек. Принца будут сопровождать конюший Майкл Паркер и друг Бэрона, фотограф.

За несколько недель до их отъезда сорокадвухлетний придворный фотограф доставили в госпиталь. Ему предстояла операция на бедре из-за приступа артрита. Он хотел быть в хорошей форме во время турне, однако через несколько дней после операции умер от сердечного приступа. Его невеста, актриса Салли Энн Хоувс, которая просила его не ложиться на операцию, так никогда и не простила Филиппа.

«Бэрона был замечательным человеком — остроумным, галантным и очень храбрым, — говорил Ларри Адлер. — Он являлся членом «Четвергклуба» и устроил для Филиппа холостяцкую вечеринку. Бэрона работал официальным фотографом на королевском бракосочетании в 1947 году и на коронации в 1953 году. Ему думалось, что если бы он не был евреем, то смог бы жениться на принцессе Маргарет. Бэрона делал замечательные снимки королевской семьи и рассчитывал получить рыцарство. Однако Филипп и пальцем не пошевелил для этого — мне кажется, он мог бы, но почему-то не захотел — видимо, потому, что королева невзлюбила Бэрона. Она считала, будто фотограф знакомит Филиппа с разными девушками и из-за него ее муж попадает в неприятные ситуации».

Герцог Эдинбургский, невероятно привлекательный в свои тридцать пять лет, не нуждался в помощи, чтобы привлечь к себе внимание красивых женщин. Ему требовалось лишь уединение, которое круиз обеспечивал в полной мере. И естественно, сразу же возникло множество слухов. Путешествие

в Австралию заинтересовало биографов принца, которые пытались выяснить, что там происходило. Друзья Филиппа всячески старались его защищать от неприличных намеков. Даже такая монархистка, как Барбара Картленд, с высочайшим почтением относившаяся к королевской семье, говорила о тайном любовном приключении, о котором ей поведал дядя Филиппа лорд Маунтбаттен.

«Я все знаю о незаконнорожденной дочери Филиппа в Мельбурне, — заявила она репортеру, — но не стану об этом говорить».

«Загляните на эллинг в Сиднее, которым владеет леди Мэри Элен Бартон, — советовал австралийский адвокат. — Именно там Филипп и развлекался».

Истории о женщинах Филиппа и местах их свиданий так же многочисленны, как и порты, в которых он останавливался. «Парочка девушек-машинисток прилетела, чтобы присоединиться к компании на яхте в Сингапуре, — пишет королевский биограф Брайан Хоуи. — Говорят, они почти не печатали — на них и так негде было печать ставить».

Слухи следовали за Филиппом от Мельбурна до Сиднея, от Сиднея до Сингапура, однако муж королевы обладал определенным иммунитетом. Никто не мог коснуться Филиппа, не причинив вреда королеве, а никто в Великобритании — даже республиканцы — не хотел оскорбить королеву, которая в 1956 году все еще оставалась выше критики. Поэтому, несмотря на жалобы принцу Бернгарду, Филипп наслаждался свободной жизнью вдали от дворца.

Во время турне он настолько расслабился, что к нему вернулась способность шутить относительно своего второстепенного положения в браке. В

Австралии ему представили молодую пару, назвав их мистер и доктор Робинсон. Филипп удивился, и тогда мистер Робинсон объяснил ему, что его жена — доктор философии и занимает гораздо более важное положение, чем он. «О да, — заметил Филипп, — в нашей семье те же проблемы».

Во время круиза Филипп и его конюший устроили состязание — кто сумеет отрастить более длинную бороду. Они охотились на аллигаторов, а потом сфотографировались рядом с одним из своих трофеев в одинаковых костюмах для сафари; сидели на палубе «Британии», загорали, рисовали по утрам, пили джин с тоником по вечерам. Филипп чувствовал себя на яхте, где все отвечало его стремлению к точности и аккуратности, как дома. Стюарды так накрывали столы, что ножи, вилки и ложки располагались идеально ровно. Они носили специальные тапочки и перемещались бесшумно. В британской прессе круиз окрестили «капризом Филиппа», называли его бесполезным, ненужным и слишком роскошным. Репортеры писали, что это удовольствие обойдется стране «по меньшей мере, в два миллиона фунтов»*. Оценив стоимость турне примерно в одиннадцать тысяч долларов в неделю, они критиковали «десантный плот» Филиппа, предназначенный только для того, чтобы спускаться на берег «роллс-ройс» в тех портах, где не было возможности разгружать автомобили, и корили принца за то, что он возит за собой спортивную машину. «Кто за все платит?» — спрашивала одна из газет.

В то время как критика расходов принца велась весьма активно, никто не осмеливался писать о жен-

* Около 6 миллионов долларов.

щинах, которые появлялись на борту яхты. Муж королевы не афишировал свои связи, ему совсем не хотелось смущать жену. «В тот самый день, когда он предложил мне работу, Филипп сказал, — вспоминал Майкл Паркер, — что его работа всегда состоит в том, и только в том, чтобы никогда не подводить Ее Величество». И все же самые разные слухи о Филиппе множились, а принц Эдинбургский продолжал свое путешествие по Индийскому океану, пропустив такие семейные праздники, как восьмой день рождения сына, девятую годовщину собственной сгадьбы и десятое семейное Рождество.

«Круиз был блестящей идеей принца Филиппа и заслуживал куда большего признания, — скажет Паркер много лет спустя. — Смысл заключался в том, чтобы использовать «Британию» для посещения британских подданных, разбросанных по всем океанам, — острова Вознесения, Святой Елены, Гоф, Тристан-да-Кунья, Фолкленды, Южная Георгия, Чатем, Десепшен-Айленд, а также некоторые станции в Антарктике, открытые всего двадцать дней в году. Для нас это была большая жертва — впервые после войны нам пришлось встречать Рождество вдали от дома».

Рядом с Цейлоном (теперь Шри-Ланка) Филипп и его конюший наблюдали за тем, как чуть не разразилась катастрофа всемирного значения. Вскоре после того, как они покинули Англию, на «Британию» пришла срочная телеграмма, и им пришлось ждать девять дней, чтобы двинуться дальше, поскольку на Ближнем Востоке едва не началась война из-за Суэцкого канала. Египет захватил канал в июле 1956 года после того, как Соединенные Штаты отказались выполнить свои обязательства выделить пятьдесят шесть миллионов

долларов для строительства Асуанской плотины. Демарш Соединенных Штатов возмутил президента Египта Гамалея Абделя Насера, который после этого закрыл канал для всех иностранцев.

«Я смотрю на американцев и заявляю: «Пусть они подавятся своей злобой!» — взревел Насер. — Общий доход от Суэцкого канала составляет сто миллионов долларов. Почему бы не забрать их себе? Мы будем опираться на собственную силу, создадим свои собственные фонды. И каналом будут управлять египтяне! Египтяне! Египтяне!» Из 1,5 миллиона баррелей нефти, ежедневно перевозимой по каналу, 1,2 миллиона отправляются в Западную Европу. Поэтому, национализировав канал, Насер перерезал основной источник нефти для Англии и Франции. Опасаясь за свое будущее и мечтая о мести, обе страны, чтобы захватить канал, заключили тайный союз с Израилем, которому тоже угрожали арабы. 29 октября 1956 года израильские танки пересекли Синай и атаковали Египет, обеспечив Великобританию и Францию поводом, в котором они так нуждались. На следующий день они заявили, что война на Ближнем Востоке угрожает международной навигации, и потребовали, чтобы обе стороны в течение двадцати четырех часов отошли от Суэцкого канала. Египет отказался, и 31 октября 1956 года Великобритания и Франция начали бомбардировки египетской территории. Через пять дней они высадили пятидесятитысячный десант в устье канала в Порт-Саиде (Египет).

«Британия», официально считающаяся кораблем-госпиталем в период военных действий, приостановила круиз. Филипп поддерживал постоянную радиосвязь с Букингемским дворцом, который каждый час выпускал сводки новостей.

Принц узнал, что большая часть мирового сообщества не поддержала союз Англии и Франции с Израилем и использование ими военной силы. В Организации Объединенных Наций Америка, самый надежный союзник Англии, осудила вторжение, и британская национальная валюта начала стремительно падать. Однако Англия и Франция продолжали накладывать вето на резолюции ООН о прекращении огня. Наконец, Белый дом дал понять, что если они будут и дальше применять силу, Соединенные Штаты перестанут их поддерживать. Не менее страшной для Англии, Франции и Израиля была угроза России «раздавить агрессоров» и «восстановить мир... посредством применения силы». Лишившись поддержки США, понимая, что весь мир настроен против них, они решили отступить и объявили о прекращении огня.

Королева была еще слишком молодой и неопытной, чтобы воспользоваться своими королевскими прерогативами и дать разумный совет новому премьер-министру Энтони Идену. Вместо этого она молча его выслушала и согласилась с предложениями. Королева знала, что Иден проявил себя блестящим министром иностранных дел при Уинстоне Черчилле, но еще не успела осознать, что роль премьер-министра оказалась для него непосильной. Он спал по пять часов в сутки, привык к регулярному приему амфетаминов, которые отрицательно сказывались на его способности принимать решения. Королева находилась на ипподроме, когда ее нашел посланец премьер-министра. Ей предлагалось подписать декларацию о призыве резерва на военную службу. Королева поставила свою подпись между заездами. Британия готовилась начать войну.

«Через несколько недель, — предсказал лейборист Джон Стречи, — наша страна проснется и поймет, что мы вошли в Египет, а потом вышли из него. В результате канал заблокирован, поступление нефти прекратилось, а арабы всего мира стали нашими врагами. Ближний Восток открыт для проникновения русских. В Содружестве начался раздор, мы поссорились с Америкой и разорили собственную страну. И все зря».

У премьер-министра Идена случился нервный срыв, и он улетел на Ямайку приходить в себя. Рэндольф Черчилль сравнил руководство Идена с решением Гитлера выдвинуть войска под Сталинград, а потом оставить их там замерзать. «Вот только, — добавил сын Уинстона Черчилля, — Гитлер, несмотря на все свои недостатки, не проводил зиму на Ямайке». Сэр Энтони возвратился на родину через три недели и обнаружил, что очереди за бензином — результат начавшейся нехватки топлива — привели к блокировке дорог. Через месяц он ушел в отставку. Ему на смену королева выбрала министра финансов Гарольда Макмиллана.

Страна страдала от международного унижения. Британская пресса обрушилась на всех, кто имел хоть какое-то отношение к катастрофе. Даже Филиппа, оказавшегося в тысячах миль от Англии, обвинили в том, что он не находится рядом с женой в трудную минуту. Однако в частной беседе королева призналась, что ее совсем не огорчает отсутствие мужа. «Хорошо, что он далеко, — заявила она, — иначе он устроил бы тут настоящий скандал».

После четырех месяцев, проведенных на борту «Британии», Филипп направился в Лиссабон, чтобы встретиться с женой перед ее официальным визитом в Португалию. Но сначала он решил остановиться

в Гибралтаре, чтобы проститься со своим конюшим, которому больше не разрешалось появляться перед королевой. За несколько дней до этого в прессу просочились сведения о разводе Майкла Паркера и появилось множество историй о его жене Эйлин, которая подала на мужа в суд за нарушение супружеской верности и потребовала выплаты денежного содержания на основании доказанного адюльтера. Паркеру пришлось подать в отставку.

Филипп пришел в ярость: его возмущало ханжество, из-за которого развод являлся непреодолимым препятствием для продолжения королевской службы, в то время как бывший премьер-министр, сэр Энтони Иден, был дважды женат и дважды разведен. Филипп просил своего конюшего изменить решение, потому что не мог перенести расставание с единственным человеком, который был его настоящим другом во дворце, но они понимали — Филипп сам потом в этом признался, — что Паркер «должен уйти», в особенности после истории с Таунсендом. Придворные требовали, чтобы Паркер сошел на берег до встречи Филиппа с королевой. В бешенстве оттого, что он вынужден подчиниться, Филипп настоял на том, чтобы проводить своего друга до аэропорта в Гибралтаре. «Это самое меньшее, что я могу сделать», — сказал принц. Он выглядел несчастным, когда выходил из правительственного лимузина вместе с Паркером. Филипп проводил Паркера до самого трапа и на глазах у репортеров* молча

* Ярость Филиппа по поводу того, как пресса освещала его женитьбу и развод его конюшего, вышла на поверхность позже, во время приема. Когда некое официальное лицо показывало присутствующим знаменитых гибралтарских обезьян, обитающих в пещерах, Филипп громко спросил: «Где тут репортеры, а где обезьяны?» — *Примеч. авт.*

пожал ему руку. Паркер вымученно улыбнулся, не оборачиваясь, поднялся по ступенькам и улетел в Лондон, где вместе со своим адвокатом устроил пресс-конференцию.

В лондонском аэропорту его ждал пресс-секретарь королевы Ричард Колвилл. Конюший просветлел, когда увидел придворного, и направился к нему, намереваясь поблагодарить за то, что он собирается помочь ему справиться с репортерами. Однако пресс-секретарь не позволил Паркеру произнести ни слова и сразу дал понять, что пришел сюда вовсе не для того, чтобы оказать ему содействие.

«Привет, Паркер. Я здесь для того, чтобы сказать: с этого момента вы сами по себе», — заявил Колвилл, затем повернулся и зашагал прочь.

В Лиссабоне самолет королевы кружил над посадочным полем из-за того, что принц Филипп опаздывал. На борту самолета Ее Величество и двадцать пять пассажиров, включая министра иностранных дел Селвина Ллойда, весело хихикали, глядя на фрейлин, которые приклеивали фальшивые бороды, готовясь к появлению Филиппа. Он прислал королеве свою фотографию, где снялся с бородой. «Это была идея королевы, — вспоминала одна из фрейлин. — Она всегда отличалась превосходным чувством юмора».

В то время мало кто из людей, окружавших трон, мог позволить себе смеяться. В газетах Германии, Франции и Италии появилась новая серия статей о герцоге Эдинбургском и «его холостяцкой квартире неподалеку от знаменитой лондонской Беркли-сквер». Журналисты вопрошали: только ли мужчины присутствуют на еженедельных обедах в «Четверг-клубе», которые устраива-

лись в «пользующемся дурной славой районе Сохо»? 5 февраля 1957 года лондонская «Ивнинг стандарт» намекнула на проблемы в королевской семье, сообщив, что Филипп заказал новую кровать для своей комнаты в Виндзорском замке. Кровать сделана в соответствии с его личными указаниями. «Это односпальная кровать», — доложила газета. Вообще британская пресса позволила себе лишь упомянуть об «одиноких прогулках королевы» в Большом Виндзорском парке и об открытии парламента «без мужа», предоставив американским газетам распространять плохие новости.

8 февраля 1957 года «Балтимор сан» сделала свое черное дело. Передовица газеты вышла под заголовком: «СЛУХИ О ТРЕЩИНЕ В КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬЕ РАЗРАСТАЮТСЯ». Статью написала лондонская корреспондентка газеты Джоан Грэм. Она связала отставку Майкла Паркера с разговорами о том, что герцог Эдинбургский проявляет чрезмерный интерес к одной незамужней женщине и встречается с ней на квартире королевского фотографа, покойного друга герцога, Бэрона Нейхума. Утверждая, что предположения о проблемах между супругами «постепенно доходят до сведения простых англичан, которые узнают о королевской семье только из британских газет», статья заканчивалась выводом, что настоящая причина четырехмесячного круиза заключалась в том, что «Филиппу пришлось покинуть страну для того, чтобы немного охладить свой пыл».

Королеву, которую, по свидетельствам близких к ней людей, настолько беспокоил ее собственный брак, что за четыре месяца она трижды обращалась за консультацией к психиатру, инсинуации газет ошеломили. «Как они могут говорить о нас такие

ужасные вещи?» — спросила она свою камеристку Бобо Макдональд. Ее советники не на шутку встревожились, поскольку считали, что монархии нанесен удар. Ричард Колвилл, пресс-секретарь королевы, быстро выступил с опровержением. «Слухи о том, что между королевой и герцогом Эдинбургским намечается разрыв, не соответствуют действительности, — заявил он. — Это ложь». Его опровержение облетело весь мир с повторением компрометирующей герцога Эдинбургского информации — в результате проблемы королевского брака стали международной новостью.

Однако британская пресса выступила с возражениями. «Мы не смогли вытянуть из Букингемского дворца даже простого опровержения для британских читателей, — писала в редакционной статье «Лондон дейли геральд». — Для американцев — опровержение. Для англичан — никаких комментариев. Подданные королевы вроде бы ничего не знают». «Дейли миррор» обвинила придворных королевы: «Очевидно, им необходимо объяснить, как нужно обращаться с горячей картошкой».

На следующий день королева сделала официальное заявление. Из Лондона сообщили, что ее «позабавили» разговоры о размолвке между ней и ее супругом. «Королева попросту отмахнулась от всех слухов, — сообщило агентство Юнайтед Пресс, — и дала всем понять, что ее воссоединение с герцогом в Португалии после самой долгой разлуки за время их брака прекратит распространение сплетен... Всякий имеющий глаза поймет, что гнусные измышления бульварных газет не имеют никакого отношения к действительности».

Множество репортеров и фотографов устремились в Лиссабон, чтобы взглянуть на встречу в аэро-

порту. Филипп был уже раздражен тем, как встретила его пресса, которая успела сравнить его — выставив весьма в невыгодном свете — с мужем королевы Виктории. Виктория приглашала принца Альберта на совещания с министрами и знакомила с правительственными документами. Сначала Филипп шутил по поводу «отсутствия» своего официального статуса. «С точки зрения конституции я попросту не существую», — говорил он. Однако в Лиссабоне он больше не веселился. «Вы печатаете мерзкую ложь, чтобы заработать побольше денег! — резко заявил он. — Лжете о том, что я никогда не бываю рядом со своей женой».

Опоздав на пять минут, принц взбежал по трапу самолета, перескакивая через две ступеньки. Филипп был в костюме и белой рубашке, а бронзовый загар лишь подчеркивал светлое пятно на подбородке — он только что сбрил бороду.

Через час он вышел из самолета со слабыми следами помады на щеке и с улыбкой занял свое место в нескольких шагах за спиной королевы. Они провели выходные вместе на борту «Британии», вставшей на якорь в беспокойных водах реки Саду, — серьезная уступка со стороны королевы, которая всегда боялась воды. Обычно она избегала появляться на яхте, поскольку страдала от морской болезни, но на сей раз решила пойти навстречу своему любящему море супругу. Зная, что ее расписание определено на два года вперед, она решила, что после королевского турне в Канаду в 1959 году попытается родить еще двоих детей. Кроме того, она посчитала необходимым изменить закон относительно своей фамилии: теперь ее дети, которые не будут являться наследниками трона, станут носить фамилию Маунтбаттен-Виндзор.

После официального четырехдневного визита в Португалию королевская чета вернулась в Англию, где королева продемонстрировала публичную привязанность к мужу — что было весьма для нее нехарактерно. За услуги, оказанные Британскому Содружеству, Филиппу присвоили титул принца Соединенного Королевства и Северной Ирландии. Елизавета объявила, что с этих пор он будет именоваться принцем Филиппом* герцогом Эдинбургским. Елизавета больше не хотела, чтобы его считали приложением или придатком королевы.

Если не считать священного красного ящика и еженедельных встреч с премьер-министром, королева сделала мужа полноправным партнером в правлении страной. Елизавета даже настояла на том, чтобы в тех случаях, когда Филипп выполнял королевские функции без нее, исполнялась полная, а не сокращенная версия национального гимна.

После дарования ему титула Филипп через несколько дней выступил с речью, в которой посчитал необходимым объяснить свое четырехмесячное отсутствие. «Иногда человеку приходится забыть о собственных интересах и удобствах ради более важных вещей. Британское Содружество — одна из них. Я готов многое принести в жертву, чтобы хотя бы чуть-чуть улучшить тем самым нашу жизнь... Я мог вернуться в Англию на Рождество, но тогда почти 1400 гостей из Австралии и Новой Зеландии

* Хотя Филипп родился принцем Филиппом Греческим и Датским, от отказался от своих титулов, когда стал британским подданным и принял имя Филипп Маунтбаттен, чтобы жениться на Елизавете. После свадьбы он стал герцогом Эдинбургским. Однако многие продолжали называть его принцем Филиппом, что было неправильно. Формально он не являлся принцем до тех пор, пока жена не пожаловала ему этот титул. — *Примеч. авт.*

никогда не побывали бы на королевской яхте, где состоялось двадцать шесть обедов и приемов. В результате, я надеюсь, удалось укрепить узы дружбы между короной и народом Содружества».

Эти связи подверглись суровому испытанию во время вторжения в зону Суэцкого канала. Международная репутация Британии так сильно пострадала, что королеве пришлось спасать то, что еще можно было спасти. За 1957 год она совершила четыре официальных визита в Португалию, Францию, Данию и Канаду. В октябре новый премьер-министр, Гарольд Макмиллан, начал настаивать на необходимости официального визита в Соединенные Штаты в надежде попытаться наладить отношения со столь могущественным союзником. «Визит королевы стоит сотни дипломатов», — заявил премьер-министр, которому хотелось побыстрее восстановить дружбу между двумя странами. Кроме того, Макмиллан рассчитывал, что американцы поделятся с англичанами секретами технологии изготовления ядерного оружия.

Королева не горела желанием вносить в свое расписание еще один официальный визит, пока премьер-министр не показал ей карикатуру, появившуюся в Америке после того, как стало известно, что Англия одурачила Соединенные Штаты, заключив секретный договор с Францией и Израилем для вторжения на территорию Суэцкого канала. На рисунке президент Эйзенхауэр сидит за столом в Овальном кабинете. Бывший Верховный главнокомандующий союзных войск в Европе во время Второй мировой войны как-то сказал, что всегда считал Англию «старым и надежным другом». Теперь же, явно огорченный

последними событиями, он обхватил голову руками. Подпись под изображением гласила: «Великобритания больше не великая».

Королева отбросила все сомнения и согласилась совершить пятидневный визит в Америку с остановками в Джеймстауне (Виргиния), Вашингтоне и Нью-Йорке, где обещала выступить перед Генеральной Ассамблеей ООН. По словам историка Элизабет Лонгфорд, королева покинула берега Англии, «как голубь потрепанный бурями ковчег».

Королева Елизавета и Филипп прибыли в Соединенные Штаты в День Колумба*. За ними тянулся хвост в две тысячи журналистов и фотографов, которым не дали возможности взять у них интервью. Во Дворце «рекомендовали» определенный стиль одежды. Для женщин: никаких черных платьев, обязательно перчатки; кроме того, совсем не помешал бы реверанс. Для мужчин: рубашка, галстук и почтительный поклон. При каждой остановке пресс-секретарь распространял пресс-релизы, но личные интервью исключались.

— Сколько людей участвует в пресс-конференциях президента Эйзенхауэра? — спросил Филипп.

— До трехсот человек, — ответил корреспондент «Ньюсуик».

Герцог Эдинбургский покачал головой.

— Если бы мы поступали аналогичным образом, к нам пришли бы двое.

Британские репортеры с ним не согласились. «Ни один диктатор так не затыкал рот прессе, как королева Елизавета, когда речь заходит о любых

* Праздничный день, отмечаемый в ряде штатов США 12 октября — в ознаменование первой высадки Колумба на Багамских островах в 1492 году.

аспектах королевской деятельности», — написала Энн Эдвардс в «Дейли мейл».

«Мы получили указания от Чарли Кэмпбелла в британском посольстве, — заявил Уоррен Роджерс из Ассошиэйтед Пресс. — Никаких прямых обращений или вопросов к королеве, мы даже не должны были смотреть ей в глаза. Поэтому на приеме для прессы в посольстве я поговорил с Филиппом, который долго разглагольствовал о брифинге представителя Комиссии по атомной энергетике. Принц так собой любовался, казалось, он может сам запустить спутник I и спутник II, даже если ему обе руки завязать за спиной. США болезненно переносили поражение в космической гонке: русские на прошлой неделе запустили первый искусственный спутник Земли. Поэтому даже пустые слова Филиппа по этому поводу представляли определенный интерес, и я дословно его процитировал. В результате у нас обоих были неприятности: он выглядел как идиот, а я получил ужасный нагоняй от [британского] посольства за то, что допустил такое. «Вам следовало защитить принца от самого себя», — сказали мне.

Сначала, я сочувствовал Филиппу — все-таки жаль парня, который вынужден плестись в кильватерной струе своей жены. Не будучи роялистом, я не предполагал, что на меня произведет впечатление королева Англии, но после освещения тринадцатидневного королевского турне по Канаде и Америке я увидел, что ее муж — напыщенный осел, и влюбился в королеву. Она показалась мне такой хорошенькой и застенчивой, скромной и серьезной. Я помню, как она спускалась по гранитным белым ступеням Капитолия — их там не меньше тысячи, — и ни разу не опустила глаз. Представляете?

Я не сомневался, что королева обязательно упадет, но, вероятно, в школе королев ее учили спускаться по лестницам, не глядя себе под ноги. И еще — такому забавному помахиванию рукой».

Американцы были в восторге от ее визита. «Чикаго трибюн» объявила королеву «очаровательной маленькой леди», а «Луисвилл курьер джорнэл» назвал английской розой, «на лепестках которой еще блистает утренняя роса». Официанты и водители такси собирались на улицах, чтобы приветствовать проезжающий мимо лимузин, а комендант здания палаты представителей так разволновался, увидев королеву, что завопил: «Как вы по-о-о-живаετε, мадам?» Женщин королева пленила, когда во время посещения футбольного матча* выказала удивление по поводу страстного увлечения мужчин этим видом спорта. Она никак не могла понять, что значит «занести мяч» и зачем команды каждый раз со вещаются. «Почему они все время так встают? Почему такие странные ворота стоят за линией поля по обе его стороны? Почему сначала выскакивает один игрок?» Показывая на табло со счетом, она интересовалась, что значат цифры, а когда игра все не кончалась и не кончалась, она жалобно, но вежливо спросила: «А сколько продолжается матч?»

Уоррен Роджерс, который успевал писать по несколько статей в день во время официального визита королевы**, столкнулся с возмущением

* Имеется в виду американский футбол — игра, сходная с регби.

** Три крупнейших телеграфных агентства США — Ассошиэтед Пресс, Юнайтед Пресс и Интернэшнл ньюс сервис — передали четыреста тысяч слов о визите королевы. О спутнике, запущенном за неделю до этого, было передано триста тысяч слов. — *Примеч. авт.*

пресс-службы британского посольства, когда написал, что Ее Величество и Джина Лоллобриджида пользуются услугами одного и того же мастера по корсетам. «Бюстгальтеры Джинны конструировались так, чтобы увеличивать бюст, — вспоминал Роджерс, — но королева, у которой была высокая грудь, преследовала противоположную цель. И я написал, что в этом и заключается разница между кинозвездами и королевами. Однако британский пресс-атташе сделал мне выговор только за то, что я упомянул о груди королевы. Он заявил, что даже для дерзкого американца я перешел все границы. Я не выказал достаточного почтения. «Должен вам напомнить, — сказал он напоследок, — что корона никогда, никогда, никогда не демонстрирует глубокое декольте».

ГЛАВА 9

Королевские свадьбы оздоравливают монархию. Их пышность придает новую силу старым ритуалам, а ослепительный блеск пробуждает чувства. Рождающая романтические переживания волшебная сказка о том, как принцесса-невеста в хрустальной карете, запряженной резвыми конями, уносится к счастливой жизни, не имеет себе равных. Грохот барабанов, пение труб и радостные крики ликующей толпы завораживают страну, как колдовской звездный дождь.

Охваченные возбуждением люди объединяются, чтобы вместе отметить столь грандиозное событие. В это время особенно пышно расцветает бизнес, потому что придворные аристократы заказывают себе новые шляпы и туалеты, в отелях не найти свободного номера, в ресторанах устраиваются бесконечные застолья, лавочники продают тонны всяческих безделушек, а туристы тратят деньги, не задумываясь о завтрашнем дне. Если не считать коронации, ничто так не дурманит головы британцев, как королевское бракосочетание, и к 1960 году монархия отчаянно нуждалась в таком событии.

После коронации Елизаветы прошло достаточно времени, и благоговение перед короной стало не таким всеобъемлющим. Традиционное почтение прессы сменилось любопытством. И несмотря на то что средства массовой информации по-прежнему зависели от дворца, британские репортеры начали рассказывать налогоплательщикам, сколько им стоит королевская власть. В 1959 году счета за содержание королевской яхты «Британия», двух самолетов, принадлежащих королеве, двух вертолетов принца Филиппа, королевского поезда и четырех «роллс-ройсов» превысили один миллион долларов.

Высказывания репортеров ни в коем случае нельзя было назвать агрессивными, однако теперь пресса принялась более активно обсуждать дела королевской семьи. Журналисты продолжали считать шестидесятилетнюю королеву-мать безупречной, и потому редко писали о ней критические статьи, однако довольно активно и весьма резко высказывались против королевы, негодуя по поводу ее холодной манеры поведения, узколобых придворных, непрочного брака и отсутствующего (иными словами — любвеобильного) мужа*.

«Нашей семье просто необходимо в будущем году устроить бракосочетание», — сказала королева-мать своей старшей дочери во время рождественских праздников 1959 года. Она изучила

* В 1959 году принц Филипп отправился в длительное путешествие на Дальний Восток, которое продолжалось почти четыре месяца. «Дейли экспресс» написала серию статей, озаглавленную «Женщина мира в отсутствие мужа». Филипп так часто покидал Англию, что однажды, когда он вернулся домой, в какой-то газете появилась статья под заголовком «Визит герцога в Британию». — *Примеч. авт.*

дворцовый календарь, чтобы подобрать подходящее время для объявления о помолвке принцессы Маргарет, решив устроить для своей младшей дочери пышную свадьбу с роскошными королевскими почестями. Она понимала, что такое событие оживит жизнь монархии, однако королева была настроена против. Она опасалась, что экстравагантная свадьба вызовет новую волну критики по поводу разбазаривания денег налогоплательщиков. Впрочем, она никогда не пошла бы против матери — по крайней мере открыто*.

Королева-мать считала, что объявление о помолвке принцессы Маргарет не должно наложиться на торжества по поводу рождения третьего ребенка королевы, ожидаемого в феврале. Принцессе Анне уже исполнилось десять лет, и беременность королевы должна была подчеркнуть стабильность ее брака и продемонстрировать серьезное отношение к семейным обязанностям. Рождение ребенка совпадало с важными переменами — решением переименовать дом Виндзоров в дом Маунтбаттенов-Виндзоров. Королева предложила внести имя своего мужа в название королевского дома еще за год до этого, особо отметив, что будет разумно связать два столь значительных события.

Несмотря на сомнения, премьер-министр согласился обсудить ее намерение на заседании ка-

* Кавалер ордена Подвязки, ведающий геральдическими церемониями, написал королеве, спрашивая, следует ли всей геральдической палате присутствовать на бракосочетании принцессы Маргарет. Королева пришла в ужас. Отвечал кавалеру личный секретарь Елизаветы: «Ее Величество оценила благородные чувства представителей геральдической палаты, но, по вполне очевидным причинам, королева не хотела бы, чтобы бракосочетанию принцессы придавалось большее государственное значение, чем это абсолютно необходимо». — *Примеч. авт.*

бинета министров. Монархисты, считавшие, что необходимо строго придерживаться старых традиций, принялись активно возражать, когда он поднял этот вопрос, однако премьер-министр Гарольд Макмиллан поддержал королеву и привлек всеобщее внимание к тому факту, что для нее очень важно узаконить имя мужа. Епископ Карлайлский тоже высказался весьма категорично, заявив, что его совсем не радует мысль о том, что ребенок, рожденный в браке, лишен права носить фамилию своего отца. «Почему Ее Величество должна отличаться от любой замужней женщины нашего королевства?» — спросил премьер-министр у своего кабинета.

«Действительно, почему?» — возмутился министр-консерватор, подозревавший, что амбиции «баттенбергского мерзавца» (он имел в виду Льюиса Маунтбаттена) имеют гораздо больше отношения к смене имени, чем желания самой королевы.

Заместитель премьер-министра доложил королеве, что некоторые министры считают, будто к ее решению приложил руку весьма непопулярный принц Филипп. Затем он написал конфиденциальную записку премьер-министру, в которой доложил о своем разговоре с Елизаветой. «Королева подчеркнула, что принц Филипп ничего не знал о принятом ею решении и что она всем сердцем желает, чтобы оно было поддержано».

Тогда премьер-министр снова встретился с кабинетом, где вступил в отчаянное сражение за то, чтобы исполнить волю Елизаветы. Заседание проходило так бурно, что документы, имеющие к нему отношение, не увидели свет даже в 1990 году, как полагалось в соответствии с законом о тридцати годах. Обсуждавшийся вопрос, названный ка-

бинетом «Дело королевы», оказался таким щекотливым, что правительство издало приказ, в соответствии с которым все бумаги должны были оставаться закрытыми от общественности в течение дополнительных двадцати лет.

Через несколько месяцев кабинет Макмиллана* наконец согласился удовлетворить просьбу королевы, и адвокаты принялись работать над сложным новым именем, стараясь одновременно удовлетворить желание королевы и не погрешить против исторических традиций. Двойное имя, да еще с дефисом посередине, смущало многих, но по крайней мере доставило королеве и принцу Филиппу, не говоря уже о «дядюшке Дики», некоторую долю удовлетворения. 8 февраля 1960 года, за одиннадцать дней до рождения принца Эндрю**, Ее Величество объявила:

«В то время как я и мои дети будем продолжать носить имя и считать себя представителями дома и семьи Виндзоров, мои потомки, за исключением тех, кто имеет ранг Королевского Высочества и носит титул принца или принцессы, а также потомки женского пола, выходящие замуж, и их потомки будут носить имя Маунтбаттен-Виндзор».

* Три года спустя королева с сожалением приняла отставку Макмиллана с поста премьер-министра. В письме она благодарила его за то, что он «поддерживал и направлял» ее в международных вопросах. «Кроме того, боюсь, возникло несколько проблем, касающихся моей семьи... которые отняли у вас немало времени. Я хочу, чтобы вы знали, как я благодарна за вашу безграничную заботу, с которой вы давали мне советы и помогали найти правильное решение». — *Примеч. авт.*

** «Санди таймс», одна из трех газет Бивербрука, язвительно поздравила принца Филиппа накануне рождения сына: «Нас радует, что он наконец смог отвлечься от охоты на куропаток в Сандринхеме и приехать к жене в столь волнующий момент ее жизни». — *Примеч. авт.*

Заявление королевы вызвало немедленную и разгромную реакцию. «Прошло всего пятнадцать лет после войны с Германией, — писал обозреватель «Миррор», — и нам вдруг объявляют, что имя Маунтбаттен, прежде Баттенберг, будет, помимо нашей воли, присоединено к имени Виндзор!»

Лорд Бивербрук, владевший «Дейли экспресс», «Санди экспресс» и «Ивнинг стандарт», обвинил Маунтбаттена в том, что он заставил королеву узаконить новое имя с непривычным для британского слуха дефисом. «И неудивительно, ведь лорд Маунтбаттен, чью верность своей наследственности можно назвать фанатичной, в течение многих лет вынашивал тайное желание, что в один прекрасный день имя правящего дома Британии станет Маунтбаттен, — писал он. — Королева никогда не согласилась бы, чтобы имя Виндзор, выбранное ее отцом, покинуло королевский дом. С другой стороны, она симпатизирует чувствам мужа, точнее, желаниям его дядюшки».

Исполненный важности, Маунтбаттен на выпад не обращал ни малейшего внимания. Ему было некогда, он праздновал. «Больше всего меня радует, — писал он одному из своих друзей, — что будущие королевские дети будут носить имя Маунтбаттен-Виндзор».

В январе 1960 года лорд Маунтбаттен устроил великолепное бракосочетание своей младшей дочери, леди Памелы, и художника по интерьерам Дэвида Найтенгейла Хикса. Маунтбаттен пригласил всех коронованных особ Европы, стараясь сделать свадьбу своей дочери таким же ярким и роскошным событием, как и королевское бракосочетание, чем дал прессе повод назвать себя «почти королем». Будущий премьер-министр Гарольд

Уилсон назвал его «лавочником королевского двора», однако будущий зять заявил, что Маунтбаттен чувствует себя весьма неуверенно по поводу своего статуса.

«Проблема с Дики, — говорил Дэвид Хикс, — заключается в том, что, несмотря на свои блестящие достижения, он никогда на самом деле не знал, кто он такой. Он не принадлежит к аристократии; в его жилах течет королевская кровь, однако его по-настоящему не приняли в королевской семье, так что он занимает необычное положение, вызывающее у него самого определенные сомнения».

Сначала Маунтбаттен возмутился, узнав, что его дочь решила выйти замуж за человека, уступающего ей по происхождению. Гордость заставляла его желать для нее более выдающегося мужа, он надеялся, что она последует примеру своей сестры. В 1946 году Маунтбаттен уговорил старшую дочь, Патрицию, свою любимицу*, ради которой он сражался за свой титул**, выйти замуж за

* Маунтбаттен никогда не скрывал, что безумно любит свою дочь Патрицию. В 1953 году он написал ей письмо, в котором заявил: «Ты знаешь, как нежно я люблю и всегда любил твою маму, тебе известно про моих подружек, но никто из них не обладал и не обладает тем волшебным «нечто», которым природа наделила тебя». Он говорил, что хорошо относится к своей второй дочери, Памеле, «но причина, по которой я ее люблю, заключается в том, что она — твоя сестра и ты к ней привязана». — *Примеч. авт.*

** В 1946 году Льюис Маунтбаттен получил титул виконта Маунтбаттена Бирманского. На следующий год он был удостоен титулов барона Ромси и графа Маунтбаттена Бирманского со «специальной оговоркой», что титул переходит к его наследникам по мужской линии, а если таковых не окажется, то к старшей дочери и ее наследникам мужского пола. Такая оговорка была редкостью и делалась монархом только для ветеранов, отличившихся на военной службе. После смерти жены в 1960 году Маунтбаттен сказал своей любимой дочери Патриции, что не намерен вступать в брак вторично, ибо тогда у него может родиться сын, что расстроит его планы относительно наследования титула. — *Примеч. авт.*

Джона Нэтчбула, аристократа, барона Брэбурнского. Маунтбаттен страшно кичился тем, что может назвать этого человека своим зятем; и он вовсе не обрадовался тому, что в его семью войдет нищий художник по интерьерам.

«В некотором смысле женская профессия Дэвида и его сексуальные пристрастия беспокоили лорда Маунтбаттена, — говорил его бывший секретарь Джон Бэретт. — Но он понимал, что Пэмми уже исполнилось тридцать и она могла остаться старой девой. До сих пор ей никто не делал предложений, поэтому он постарался смириться с ситуацией и извлечь из нее максимальную пользу».

Биограф Маунтбаттена, Филипп Зиглер, тоже признавал, что Хикса*, с точки зрения Маунтбаттена, вряд ли можно было считать идеальным зятем. «Художник по интерьерам со специфическими сексуальными наклонностями, — писал Зиглер, — это не то, что он выбрал бы в качестве члена своей семьи».

«Английская аристократия отличается двуличием, когда речь идет о сексуальных пристрастиях, — сказала писательница Гвен Робинс. — Со стороны Маунтбаттена, который предположительно и сам принадлежит к компании голубых, или по крайней мере является бисексуалом, было настоящим лицемерием возражать против Дэвида Хикса. Дэвид никогда не лгал насчет себя или

* Маунтбаттен так и не полюбил Дэвида Хикса и не стал относиться к нему, как к сыну, в отличие от Джона Брэбурна и принца Филиппа. В 1972 году, через двадцать лет после женитьбы Хикса на его младшей дочери, Маунтбаттен писал Филиппу: «Патриция и Пэмми такие милые и любящие дочери, но мужчине просто необходимо иметь сыновей. Мне повезло, у меня есть ты и Джон, вы оба ко мне привязаны и очень внимательны». — *Примеч. авт.*

своих приятелей. Он всегда вел себя совершенно открыто, а Пэмми абсолютно спокойно относилась к мужчинам в его жизни.

Я узнала Пэмми и Дэвида достаточно хорошо, когда работала с ним над книгой, посвященной интерьерам, — говорит писательница. — Множество раз обедала с ними, и нам всегда прислуживал какой-нибудь красивый юноша. Я встречалась с несколькими друзьями Дэвида и даже брала у них интервью, когда писала его биографию*. Помню, как однажды спросила Пэмми, не раздражает ли ее такое количество мужчин в доме. А она ответила: «Гвен, имей ты таких родителей, как я, ты смогла бы смириться с чем угодно. Кроме того, Дэвид — отличный отец и прекрасно ко мне относится. Он следит за порядком в доме, заказывает продукты и выбирает для меня туалеты».

«Дэвид признался мне, что находился на грани банкротства в 1959 году, — продолжает писательница. — Один приятель сказал ему, что единственный выход — жениться на богатой наследнице, однако Дэвид не знал ни одной богатой наследницы, поэтому приятель пригласил его на вечеринку, чтобы познакомить с несколькими возможными

* Маунтбаттен не хотел, чтобы его зять работал над книгой вместе с биографом. Он позвонил писательнице и пригласил ее на обед. После коктейлей он сказал: «Ну, мисс Робинс, будьте умницей, дайте мне пленки». Она отказалась. «Я не могла, — сказала Робинс. — У меня там были записаны голоса всех старых голубых приятелей Дэвида, и они говорили о нем ужасные вещи! Я считала, что не имею права расставаться с пленками». Маунтбаттен пригрозил, что подаст в суд. И тогда Гвен Робинс сдалась. «Я не могла с ним сражаться, ведь у него столько денег. Мы пошли к его адвокату и сожгли пленки». Хикс дождался смерти лорда Маунтбаттена, а потом связался с другой писательницей, Джун Дьюкас, чтобы снова начать работу над своей биографией. «Джун может написать все, что пожелает, без всяких прикрас, — заявил он в 1995 году. — Мне наплевать». — *Примеч. авт.*

ми кандидатками. Тем вечером Дэвид должен был идти в кино с матерью — тогда он жил с ней вместе. Он оставил ее в машине на пару минут, чтобы забежать к приятелю и взглянуть на наследниц. И тут на сцене появилась леди Памела Маунтбаттен. Дэвид не стал терять времени попусту.

«Я увидел, как в комнату входит поместье в пять миллионов фунтов в белых туфлях с открытыми носами и самом уродливом белом платье, которое мне когда-либо доводилось встречать, — поведаль он мне. — Я немедленно пригласил ее на танец и прошептал на ухо: «Сколько детей вы хотели бы иметь?» Естественно, Пэмми, за которой никто до сих пор не ухаживал и которой грозила судьба старой девы, была очарована. Она рассказала мне потом, что, вернувшись домой, сообщила матери об этой встрече. Та обрадовалась, но одновременно и удивилась. «Это чудесно, милая, — заявила Эдвина. — А что такое художник по интерьерам?» Унаследовав огромное состояние, нажитое несколькими поколениями предков, она ни разу в жизни не покупала мебель».

Переговорив с придворными, приближенными к королеве, лорд Маунтбаттен назначил свадьбу дочери на 13 января 1960 года, поскольку это был единственный день, удобный для королевской семьи. «Несмотря на снег, слякоть и зимние метели, он настоял на январе, поскольку хотел, чтобы на церемонии присутствовала королевская семья, — вспоминал Бэретт, — и большинство ее членов почтили свадьбу Памелы Маунтбаттен своим присутствием. Однако королева в это время находилась в Сандринхеме, где ожидала рождения своего третьего ребенка.

Маунтбаттен взялся организовать свадьбу дочери, как импресарио, занимающийся театральной

постановкой. Он выбрал для нее подружек — естественно, королевской крови — принцессу Анну, десятилетнюю дочь королевы, принцессу Кларису Гессенскую и принцессу Фредерику Ганноверскую. Он пригласил Оуэна Гайд-Кларка из дома Уорта и заказал свадебное платье, затем немедленно посадил дочь на диету, чтобы она казалась стройной и как можно лучше выглядела в день своего бракосочетания. Маунтбаттен поделился некоторыми деталями предстоящего праздника со своим будущим зятем, художником по интерьерам, и тот с радостью согласился пойти навстречу желаниям тестя. Хикс заявил, что все должно быть выдержано в белых тонах — «все белое, все белое», — начиная от норковых манжет на платье невесты и кончая венками из белых гиацинтов, украшавших головки ее подружек.

«Как мать невесты, Эдвина была счастлива, что ее будущий зять взял на себя решение множества проблем, — сказал кто-то из ее друзей, — поскольку сама она потратила почти все силы, планируя свою благотворительную экскурсию на Дальний Восток. Она уехала через несколько дней после свадьбы дочери и умерла во сне, когда путешествовала по Борнео».

Пресса описывала свадьбу дочери Маунтбаттена таким образом, что складывалось впечатление, будто заключен великолепный союз между дочерью аристократа и простым, но достойным юношей из ее снов. Трубы, пропевшие «О безупречная любовь!», возвестили появление невесты в аббатстве Ромси. Позже, во время праздничного обеда, окруженный членами британской и немецкой королевских семей, герцог Эдинбургский провозгласил тост в честь невесты и жениха.

«До тех пор, пока они производят на свет потомство, а следовательно, обеспечивают дальнейшее существование рода, — писала Гвен Робинс, — больше ничего от них и не требуется. Является ли жених гомосексуалистом, бисексуалом или гетеросексуалом, не имеет никакого значения, пока брак хорошо выглядит со стороны и супруги пристойно ведут себя на людях. Совсем несладко приходится гомосексуалистам-аристократам, поскольку обязанностью старшего потомка по мужской линии является произвести на свет наследника, который впоследствии получит имя, собственность и титул. Поэтому они вынуждены жениться вне зависимости от того, каковы их сексуальные пристрастия на самом деле, что и объясняет многолетнюю британскую традицию, когда гомосексуалисты сочетаются браком только затем, чтобы не угас их род. И не важно, что они делают потом на стороне, если только соблюдают приличия и не ведут себя вызывающе. Какое лицемерие, не так ли?»

В своих мемуарах «Палимпсест» писатель Гор Видал рассуждает о гомоэротических предпочтениях, характерных для мужчин Британии. Это уже признанный факт жизни, в особенности в закрытых частных привилегированных учебных заведениях для мальчиков. «Большинство молодых людей, в особенности привлекательных, имеют сексуальные отношения с представителями своего пола, — пишет Видал. — Я полагаю, мои слова окажутся неожиданностью для тех, кто по-прежнему верит в существование двух типов мужчин: нормальных, а следовательно, хороших, которые не нуждаются в исправлении, и педерастов, плохих и неисправимых, если только не оказывается, что их поведение всего лишь каприз, — и тогда их

следует лечить, если нужно, то силой». Когда речь идет о британской аристократии, такой силой и является брак.

«Любовь, которая не осмеливается вслух произнести свое имя», — так в 1895 году описывал юный любовник Оскара Уайльда то, что мужчины предпочитают друг друга женщинам. В те времена люди вроде Оскара Уайльда, женившиеся на женщинах, но любившие мужчин, считались извращенцами, чье сексуальное поведение следовало наказывать тюрьмой. Шестьдесят пять лет спустя в Англии отношение к этому вопросу несколько не изменилось, и в 1960 году после сообщения о помолвке принцессы Маргарет об этом типе сексуальности снова заговорили вслух.

Сначала тихо, шепотом, вскоре после того, как королева-мать объявила о помолвке дочери и предстоящем в мае бракосочетании. Простые британцы радовались, что двадцатидевятилетняя принцесса, которая вела довольно рассеянную жизнь после отказа от брака с Питером Таунсендом, кажется, наконец, обрела счастье. С точки зрения общественного мнения, тот факт, что ее мужем должен стать самый обычный человек, означал: барьер между монархией и народом уже не столь высок, народ становится ближе к трону. Что же касается тех, кто принадлежал к дворцовым кругам, помолвка вызвала грандиозный гул в тектонических слоях, на которых держится британская монархия. Фотограф, представитель богемы, оказался не только простолюдином, чьи родители развелись, — его мать к тому же была еврейкой. Англосаксонская протестантская аристократия не рассматривала его в качестве достойного жениха для дочери короля и сестры королевы, принцессы

королевской крови, четвертой в линии наследования трона.

«Принцесса Маргарет сообщила о своей помолвке с Тони Армстронг-Джонсом, — записал Ноэль Коуард в своем дневнике 28 февраля 1960 года. — Тони производит приятное впечатление, однако насколько он подходящая партия, покажет будущее». Дальше Коуард сообщает о глубочайшем неодобрении жениха герцогиней Кентской и принцессой Александрой. «Они недовольны [этой] помолвкой, — вспоминал он. — Когда я о ней заговорил, они отнеслись к этому с явной холодностью».

Рональд Армстронг-Джонс был огорчен, узнав, что сын собирается жениться на принцессе Маргарет.

«Как бы я хотел, чтобы этого не произошло! — заявил он. — Ничего хорошего все равно не получится. У Тони слишком независимый нрав, ему незнакомо понятие дисциплины. И он не готов играть вторую скрипку для кого бы то ни было. Ему придется ходить на два шага позади жены, и я опасаюсь за его будущее».

С ним согласился ближайший друг Тони Джоселин Стивенс, в прошлом редактор журнала. «Я послал ему телеграмму, где написал, что это брак, обреченный на провал».

Этому мнению вторила редакционная статья в «Таймс»: «За последнее время никто из особ, настолько приближенных к трону, не женился на человеке, не имеющем никакого отношения к какой-нибудь королевской семье или британской аристократии».

Даже «Нью стейтсмен», либеральное издание, от которого все ждали ликования, не одобрил происходящего. В журнале говорилось, что судить об

уместности вхождения именно этого представителя простого народа в королевскую семью следует с осторожностью и терпимостью, которые несколько лет назад показались бы неслыханными.

Королева Елизавета явилась первым монархом за пятьсот лет, допустившим в свою семью человека, не являющегося отпрыском аристократического рода. Она попыталась исправить ситуацию, предложив мистеру Армстронг-Джонсу титул, однако он ответил отказом*. Год спустя, когда его жена забеременела, он решил, что его дети должны носить титул, и потому принял предложение королевы, став графом Сноудонским, виконтом Линли Ниманским. «Манчестер гардиан» выразила «разочарование тем фактом, что простой, честный мистер Армстронг-Джонс вынужден принять титул». В «Пипл» говорилось, что новоиспеченный пэр потерял свое очарование. «Как муж сестры королевы, Тони Армстронг-Джонс мог претендовать на симпатии британского народа. У него было самое обычное имя. По правде говоря, он оставался одним из нас... Теперь же он потерял самое драгоценное преимущество, которое получил при рождении».

Те, кто был близок к принцессе Маргарет, предполагали, что она решила выйти замуж в отместку. Они знали, что Питер Таунсенд написал ей 9 октября 1959 года письмо и сообщил, что женится на красивой бельгийке, наследнице табачно-

* Когда 24 апреля 1963 года Ангус Огилви, человек без титула, женился на кузине Маргарет принцессе Александре, дочери герцогини Кентской, он отказался от графского титула, предложенного ему королевой. «Вряд ли я должен получить титул пэра только на том основании, что женился на принцессе», — сказал Огилви. — *Примеч. авт.*

го миллионера, девушке двадцати лет, с которой он познакомился в Брюсселе вскоре после того, как его изгнали из Англии. «Возможно, она богата, — сказала принцесса, пытаясь сделать вид, что новость ее не тронула, — но в ее жилах течет не королевская кровь». Через несколько часов после того, как она получила письмо, Маргарет приняла предложение руки и сердца от Тони Армстронг-Джонса.

«Я действительно, — признавала Маргарет много лет спустя, — утром получила письмо от Питера, а вечером решила стать женой Тони. Тут нет никакого случайного совпадения. На самом деле я вовсе не хотела выходить замуж. Почему я приняла предложение? Потому что он его сделал! Правда, он был очень милым молодым человеком. Понимал, в чем заключаются мои обязанности, и заставлял меня их выполнять. В каком-то смысле он показал мне новый мир».

По словам Маргарет, ей удалось сохранять предложение Тони в секрете в течение нескольких месяцев, «потому что никто не думал, что его интересуют женщины».

Пресса называла Энтони Армстронг-Джонса «артистичной личностью», «манерным» и «театральным», ему исполнилось тридцать девять, он был единственным сыном адвоката. Отец Тони давно развелся с его матерью и женился на актрисе, с которой тоже развелся. Когда стало известно о помолвке его сына, Рональд Армстронг-Джонс жил со стюардессой, которая была моложе его на тридцать лет. Он быстренько на ней женился, чтобы не доставлять ненужных неприятностей сыну, бывшему всего на год младше своей новой мачехи. За много лет до этого мать Тони вышла

замуж за ирландского пэра и теперь носила титул и имя графини Росской, так что Тони оказался в родстве с аристократами. Он учился в Итоне, мечтая стать архитектором, и поступил в Кембридж, однако через год вылетел из университета.

Когда ему исполнилось шестнадцать, он заболел полиомиелитом. После госпитализации юноша несколько месяцев ходил на костылях, но потом изобрел особые лыжи, на которых катался, чтобы укрепить мышцы ног, и в конце концов поправился. Тони научился ходить, немного подпрыгивая, чтобы скрыть небольшую хромоту. Однако продолжал считать, что имеет самое непосредственное отношение к инвалидам, и демонстрировал к ним сострадание. Позже он принимал участие в работе разнообразных благотворительных комитетов, занимающихся сбором денег на медицинскую помощь инвалидам. Кроме того, Тони Армстронг-Джонс изобрел кресло-каталку на платформе с мотором, чтобы человек, лишенный возможности передвигаться самостоятельно, мог переезжать из комнаты в комнату.

Дядя Тони — Оливер Мессель был театральным художником и дружил с Сесилом Битоном и Ноэлем Коуардом. Они уговорили придворного фотографа Бэрона, снимавшего королевскую семью и представителей высшего общества, взять к себе Тони в качестве ученика. Проработав с Бэронам несколько месяцев, Тони открыл собственную фотостудию в Пимлико* и, пустив в ход все свое обаяние и честолюбие, принялся за работу. Он снимал юного герцога Кентского, а затем детей

* Район в центральной части Лондона.

королевского конюшего. После этого королева попросила его прибыть в Букингемский дворец и сделать фотографии принца Чарльза и принцессы Анны.

Несколько месяцев спустя в доме леди Элизабет Кавендиш фотограф встретился с принцессой Маргарет. Принцесса, которая обычно держалась со всеми высокомерно, позволила себе расслабиться в этот вечер и подпустила к себе молодого человека, хотя и объявила, что он должен обращаться к ней «мадам», — такое требование она предъявляла всем, считая, что имеет на это право как особа королевской крови. (Один из ее близких друзей на вопрос, что представляет собой принцесса, ответил: «Ей требуется, чтобы до завтрака перед ней по крайней мере трижды преклоняли колени».) Тони проявил сообразительность и польстил ее тщеславию, спросив совета о снимках моделей одежды, которые он делал для журнала «Вог». Позже пригласил ее к себе в гости — и она приняла его приглашение.

Несмотря на то что они происходили из абсолютно разных слоев общества, принцесса и фотограф обладали очень похожими характерами. Умные, острые на язык, язвительные, оба были мятежниками, оба курили сигареты одну за другой, оба обожали порнографические фильмы. Фотограф — в нем едва ли набралось бы пять футов семь дюймов роста — мечтал расстаться с положением, навязанным ему классом, к которому он принадлежал, а принцесса, становившаяся пяти футов ростом в своих туфлях на высокой платформе, получала колоссальное удовольствие, издеваясь над строжайшими установлениями общества. Под снисходительным надзором королевы-матери

у них начался весьма необычный любовный роман. Принцесса, закутавшись в шарф и надев темные очки, частенько незаметно покидала Кларенс-Хаус и отправлялась на квартиру фотографа в Пимлико, где он развлекал ее в своей спальне, выкрашенной в пурпурный цвет. Очарованные блеском шоу-бизнеса, они общались с популярными знаменитостями вроде Майка Джаггера, Дэвида Фроста, Питера Сэллера и участниками группы «Битлз».

«Тоун и Пет, так они называли друг друга, с удовольствием изучали табу, фетиши — все необычное, темное, причудливое», — рассказывал один из их друзей, который вспоминал, как влюбленная парочка менялась одеждой и позировала для фотографий.

Когда Тони был маленьким мальчиком, он иногда переодевался девочкой. А однажды вечером его мачеха, актриса, предложила ему выдать себя за горничную и прислуживать за обедом отцу и деду. Позже он частенько ходил на вечеринки в женских туалетах, а за два года до помолвки занялся моделированием одежды. Во время ухаживания за принцессой он изумлял до глубины души ее лакея тем, что пользовался косметикой и наряжался в самые изысканные вечерние платья и шляпки с вуалью, принадлежавшие Маргарет. «У меня рот открылся от удивления, — вспоминал лакей, — но Маргарет хохотала до слез, когда увидела его тощие икры, выглядывающие из-под темно-вишневой юбки в складку... А на ноги он надел изящные босоножки принцессы, только не стал их зашнуровывать».

Этот слуга, Дэвид Джон Пейн, рассказал о том, как принцесса и Тони менялись одеждой, в книге,

которая привела королеву-мать в такую ярость, что та потребовала судом запретить ее публикацию в Англии. Она не хотела, чтобы из-за воспоминаний слуги королевская семья попала в неприятное положение. Особенно ее возмутили намеки на то, что Пейн был объектом сексуальных домогательств Энтони Армстронг-Джонса. Британский суд объявил свое решение: книга не должна увидеть свет в Соединенном Королевстве, однако она вышла в Париже, где читатели «Франс диманш» узнали то, что называлось интимными подробностями ухаживания Тони Армстронг-Джонса за принцессой Маргарет.

Слуга, сменивший работу еще до бракосочетания принцессы Маргарет, описал один случай, который его потряс. Он уходил из апартаментов принцессы в Виндзорском замке, где помогал ей выбрать пластинки, которые она хотела забрать с собой в Лондон:

«Я встал и направился к выходу, в то время как она осталась сидеть на полу. Я уже стоял на пороге, когда дверь распахнулась и в комнату влетел Тони Армстронг-Джонс. Увидев меня, он воскликнул:

— Джон, я ищу тебя повсюду! Садись, милый.

Внутри у меня все похолодело. Вне всякого сомнения, Тони не заметил принцессу, сидевшую на полу за диваном, что и объясняет его игривый тон. Но тут раздалось шуршание ее юбок, поскольку она поспешила подняться на ноги.

Принцесса взглянула на него с гневом.

— «Джон, садись, милый»? Как это понимать? Ты к кому обращался?

Ее вопросы, произнесенные ледяным тоном, застали Тони врасплох. Он покраснел и начал раскачиваться, переступая с ноги на ногу.

— О мадам! — промямлил Тони. — Я не знал... Я вас не видел. Искал Джона.

— А что ты имел в виду, когда назвал его «милый»? — спросила Маргарет свирепым тоном.

— В театре такие выражения используются постоянно, мадам, — заикаясь, пробормотал он.

Маргарет ничего ему не ответила, повернулась ко мне и самым что ни на есть королевским тоном заявила:

— Вы можете идти.

Я ушел, не сводя глаз с Тони, который явно не знал, как выпутаться из чрезвычайно сложного положения, в которое угодил. Принцесса казалась мне потрясенной. Затем я закрыл дверь и только тогда понял, что весь взмок от напряжения».

Принцессе, вне всякого сомнения, не нравилось фамильярное поведение ее жениха с лакеем, однако она не имела ничего против развлечений с переодеванием, которые и Энтони Армстронг-Джонсу доставляли немалое удовольствие. Маргарет встречалась с ним и брала на себя роль мужчины, надевая мужские костюмы и галстуки. После этого они по очереди фотографировали друг друга. Маргарет сняла его в детской одежде, он ее — в смокинге с сигарой в руке. Они явились воплощением приближающегося нового десятилетия шестидесятых, когда границы половой принадлежности оказались в достаточной степени размытыми.

Поскольку мать Энтони Армстронг-Джонса была графиней, считалось, что он имеет определенные привилегии, но с точки зрения аристократов по-прежнему оставался простолюдином, который собрался взять в жены женщину, занимающую более высокое положение. Смелый взлет

вверх по социальной лестнице и артистические привязанности делали Энтони объектом газетных нападок. Незадолго до бракосочетания «Ньюсуик» нередко писал о нем, причем намеки звучали весьма прозрачно: «Непростой простолоудин, на которого однажды на вечеринке в загородном имении напали и заставили раздеться пьяные гости-мужчины, увидевшие, как он разгуливает среди них с фотоаппаратом на шее. Он пережил это оскорбление с высоко поднятой головой, и точно так же не желает ни перед кем отчитываться за своих приятелей из богемных кругов и абсолютно не смущается количеством распускаемых слухов, касающихся его личной жизни».

Сексуальные намеки раздражали кое-кого из друзей Тони, подчеркивавших, что мальчишники являются традицией в некоторых английских школах. «На иных вечеринках в Оксфорде мужчины регулярно одеваются в женские открытые платья и туфли на высоких каблуках, — объяснял один мужчина. — Самым известным мужским клубом является «Общество Пирса Гейвстона», названное так в честь мальчика, находившегося на содержании у короля Эдуарда II, отличавшегося гомосексуальными наклонностями. В соответствии с легендой дружка короля изнасиловали горячей кочергой, и он погиб. Так что в сравнении с этим маленькая неприятность, когда с Энтони Армстронг-Джонса сняли брюки, выглядит вполне невинно.

Не обсуждая напрямую проблемы сексуальных пристрастий, пресса язвительно писала о друзьях Тони, называя их «заядлыми холостяками» — журналистский эвфемизм, когда речь идет о гомосексуалистах.

«Тони не знал, кто он Марта или Мартин, — писала британская писательница Юна Мэри Паркер. — Мы не говорим про Адама и Еву, мы говорим про Адама и Гэва*».

«Вовсе нет, — возразил один из однокашников Тони по Кембриджу. — Я бы сказал, что он скорее бисексуал. Тони ни за что не станет себя ни в чем ограничивать».

«Давайте просто отнесем этот вопрос к разряду явлений, которые сэр Осберт Сигуэлл назвал крайней терпимостью по отношению к неуместному и эксцентричному», — заявил другой его приятель.

За несколько недель до свадьбы Тони объявил имя своего шафера, и пресса набросилась на новую наживку, как кошка на мышь. Газеты тут же сообщили, что шафера жениха, который состоял в браке, восемь лет назад суд признал виновным в преступлении на почве гомосексуализма.

«Принц Филипп впал в ярость. На его вкус Тони был слишком ярким, поскольку обожал алые бархатные шапочки и все такое прочее, а его длинноволосые друзья ходили босыми, считая, что борода заменяет обувь, — вспоминал один его приятель. — Но когда Тони объявил, что Джереми Фрай будет стоять рядом с ним во время церемонии бракосочетания, герцог Эдинбургский взорвался. Все знали, что Фрай педераст».

Итак, подчинившись давлению, Тони снял кандидатуру Фрая, а Букингемский дворец быстро сделал официальное заявление, сообщив общественности, что молодой человек неожиданно заболел желтухой и не сможет принять участия в бра-

* Уменьшительная форма имени Гэвин.

косочетании. Несколько дней спустя Тони выбрал в качестве шафера Джереми Торпа, однако Скотланд-Ярд провел расследование и сообщил во дворец, что Торп может стать объектом шантажа на почве гомосексуализма и, следовательно, неприемлем в роли шафера. Тони проинформировали, что его другу запрещено находиться рядом с ним в Вестминстерском аббатстве, да еще в присутствии королевской семьи. И снова Тони пришлось публично отступить.

Поскольку эта свадьба должна была стать первой церемонией бракосочетания члена королевской семьи, которую собирались транслировать по телевидению, Букингемский дворец настаивал на том, чтобы все прошло как положено. Придворные, в чьи обязанности входило защищать корону от всевозможных скандалов, боялись, что народ посчитает, будто королева потворствует «дегенеративному» поведению, если она позволит известному гомосексуалисту принять участие в церемонии бракосочетания ее сестры.

«Я знаю, это смешно, — сказал один друг Тони много лет спустя, — в особенности если вспомнить, что большая часть тех, кто служил во дворце, всегда были гомосексуалистами, я уже не говорю об аристократии и священниках, но в 1960 году Букингемский дворец относился к данному вопросу весьма болезненно».

Тони призвали во дворец на срочное совещание и через несколько часов объявили, что он, наконец, выбрал шафера — им должен стать доктор Роджер Гиллиат, сын гинеколога королевы. Он был женат на редакторе журнала Пенелопе Гиллиат, с которой Тони пару раз работал. Вряд ли он подходил под определение близкого

друга, что признавал и сам Гиллиат: «Армстронг-Джонс кажется славным парнем, но я знаю его не очень хорошо».

Приглашения на свадьбу с выгравированными словами: «Лорд-гофмейстер королевы Елизаветы, королевы-матери, получил приказ от Ее Величества пригласить...» были разосланы из Кларенс-Хауса двум тысячам человек. Дворец не назвал имен приглашенных из опасений, что пресса тут же займется расспросами на предмет семейного статуса некоторых гостей. Отец жениха и обе бывшие супруги отца со своими новыми мужьями были включены в список приглашенных. Однако впавшего в немилость дядюшку невесты — герцога Виндзорского и его дважды разведенную жену демонстративно на бракосочетание не позвали. «Ну, может быть, скоро будут какие-нибудь похороны, — заявила герцогиня Виндзорская, пытаясь не обращать внимания на остракизм, которому их подвергла королевская семья. Подшучивая над самой собой, она добавила: — По крайней мере они не смогут сказать, что я отстаю от Джонсов».

Будучи единственной королевской династией, основавшей свое право на трон на категорически отрицательном отношении к разводу, дом Виндзоров больше не мог делать вид, что развод не дает права участвовать в официальных королевских церемониях. В то время мало кто сумел оценить значение этого факта, но бракосочетание принцессы Маргарет и Тони Армстронг-Джонса навсегда разрушило данное препятствие.

«Вчера вечером у Букингемского дворца произошла смена караула», — сообщила «Дейли мейл», описывая представителей театральных кругов, присутствовавших на церемонии в Вестминстерском аб-

батстве и устроившихся в «Уголке поэтов»*. Среди них были драматург Ноэль Коуард, балерина Марго Фонтейн, кинозвезда Лесли Кэррон и актриса Маргарет Лейтон. Газета подробно перечислила имена актеров, актрис, модельеров, парикмахеров, художников по интерьеру, хореографов, танцовщиков, писателей, певцов и композиторов — друзей жениха. «Вот кто будет главенствовать в нашем обществе, — предсказывала газета, — а не старомодные аристократы».

«Это бракосочетание открыло новую страницу для королевской власти, — заявила «Дейли телеграф энд морнинг пост». — Как седьмой сын седьмого сына, который в конце концов женится на принцессе, жених стал новым волшебным связующим звеном между королевским двором и народом. С точки зрения простого обывателя, свадьба представителя одной королевской семьи с представителем другой королевской семьи — зрелище увлекательное; но когда принцесса выходит замуж за фотографа — это настоящий праздник».

Несколько шотландских аристократов, наблюдавших за церемонией по телевидению, высказались менее радостно. Они были страшно удивлены, когда появился юный принц Уэльский, одетый, как глава горского клана. Комментатор Би-би-си заявил, что, по его мнению, принц выглядит просто великолепно в зеленом камзоле, кружевном жабо и килте королевского дома Стюартов, но кто-то из шотландцев заметил, что одиннадцатилетний принц весьма некстати вырядился в вечерний костюм. Они испытали еще большее возмущение,

* Часть Вестминстерского аббатства, где похоронены выдающиеся поэты.

когда Энтони Армстронг-Джонс явился на Бреймарский слет* в брюках, а не в килте. Аристократия Шотландии смотрела свысока на представителей дома Виндзоров еще со времен коронации королевы, которая выбрала для торжественной церемонии деловой костюм, а не торжественный наряд, приличествующий случаю.

Для всех остальных свадьба представляла собой ослепительное зрелище, начиная от бриллиантовой диадемы невесты и кончая пятью золочеными экипажами для членов королевской семьи. Внутреннее убранство Вестминстерского аббатства блистало золотом и драгоценными камнями, совсем как шкатулка от Фаберже. Золотое кресло королевы, отполированная до блеска митра архиепископа, золотой алтарь — все сверкало, говорило о несметном богатстве. Около ста тысяч человек выстроились вдоль дороги, чтобы поприветствовать принцессу, чье бракосочетание стало самым веселым и грандиозным представлением, когда-либо устроенным королевской семьей. Три миллиона людей смотрели церемонию по телевидению, а в школах отменили занятия. В первый и единственный раз в жизни Маргарет ехала в роскошном экипаже, который сопровождала сотня всадников в парадной форме. Дожидаясь ее появления, толпа вопила: «Мы хотим Маргарет! Мы хотим Маргарет!»

Парламент принял решение повысить ее денежное содержание с восемнадцати тысяч долларов до сорока пяти тысяч долларов в год. После медового месяца, проведенного на борту «Брита-

* Ежегодные народные игры в шотландском городе Бреймаре, на которых присутствуют члены королевской семьи.

нии» в Карибском море и продолжавшегося сорок четыре дня, каждый из которых стоил тридцать тысяч долларов, Маргарет с мужем вернулись в Кенсингтонский дворец, в апартаменты из десяти комнат. Налогоплательщики выложили сто восемьдесят тысяч долларов за его ремонт. Британским военным служащим была выплачена неполная зарплата со словами, что сэкономленная часть будет считаться свадебным подарком принцессе. Сама свадьба стоила семьдесят восемь тысяч долларов. Когда королеве назвали эту сумму, ей стало нехорошо. Королева-мать пренебрегла ее озабоченностью, заявив, что дочь должна научиться жить в роскоши, — именно этого и ждет народ от членов королевской семьи.

«Ничего подобного мне раньше видеть не приходилось, — писала Ив Перрик в «Дейли мейл». — Мне доводилось бывать на модных и великолепных свадьбах. Когда королева выходила замуж за принца Филиппа, я стояла у аббатства. Я была свидетельницей бракосочетания принца Ренье и кинозвезды Грейс Келли. Уникальность вчерашнего полугосударственного события заключалась в том, что свадьба принцессы Маргарет и Тони Армстронг-Джонса соединила в себе лучшие элементы тех двух. Это и в самом деле был королевский праздник».

«Только королева казалась недовольной, — написал в своем дневнике Ноэль Коуард. — Принцесса Маргарет выглядела так, как должна выглядеть идеальная принцесса из волшебной сказки... Принц Филипп много шутил, держался очень мило и спокойно, когда вел невесту к алтарю. Звучала божественная музыка, а от фанфар замирало сердце. Нигде в мире, кроме Англии, помпезность

и пышность подобной церемонии не могут сочетаться с таким изысканным достоинством... Это было романтично, очаровательно, пленительно — все прошло без единой фальшивой ноты. Все-таки здорово быть англичанином!»

Ноэль Коуард не доживет до того момента, когда выяснится, что событие, свидетелем которого он стал, явилось началом конца. Через несколько лет эта свадебная церемония приведет дом Виндзоров к тому, чего они боялись больше всего на свете.

ГЛАВА 10

Первая леди сидела в своей спальне в Белом доме, когда вошел ее секретарь с новым сообщением из британского посольства. Уже несколько недель между Лондоном и Вашингтоном шел обмен дипломатическими телеграммами в связи с королевским обедом, назначенным на 5 июня 1961 года в честь президента и его супруги. Однако она уже начинала терять терпение.

«Абсурд какой-то, — сказала она секретарю. — Можно подумать, это я позвала герцога и герцогиню Виндзорских».

Первая леди хотела пригласить свою сестру Ли Радзивилл и ее мужа — польского принца Станисласа Радзивилла. Но после того как Белый дом отослал список предполагаемых гостей в Букингемский дворец, Радзивиллов вычеркнули. Сама королева.

Кеннеди планировали после официального визита в Париж заехать на несколько дней в Лондон, чтобы присутствовать на крестинах президентской крестницы — Кристины Радзивилл. Они собирались остановиться в доме Радзивиллов, который находился рядом с Букингемским дворцом. В Лондоне пре-

зидент Кеннеди намеревался провести неофициальную встречу с британским премьер-министром. Хотя визит Кеннеди был частным, британское правительство рекомендовало королеве принять президента и его жену. Королева согласилась. Это был первый званый обед в честь американского президента в Букингемском дворце после посещения Англии Вудро Вильсоном в 1918 году.

Званый обед на пятьдесят персон планировалось устроить в главной гостиной дворца. Организаторы обратились в Белый дом с просьбой предоставить список людей, которых хотели бы пригласить Кеннеди. Первая леди предложила Радзивиллов и принцессу Маргарет, с которой миссис Кеннеди хотелось познакомиться; президент назвал принцессу Марину Кентскую: он встречался с ней, когда год жил в Оксфорде. Королева не согласилась ни с одним из названных имен.

Раздраженная отказами королевы, первая леди позвонила в британское посольство в Вашингтоне, чтобы переговорить с послом Ее Величества Дэвидом Ормсби-Гором, близким другом семьи Кеннеди. Он мягко объяснил ей политику Букингемского дворца относительно разводов. Поскольку речь шла о неофициальном визите, Радзивиллы не могли войти в список гостей: она разводилась дважды, а он — один раз. Если бы визит был официальным и Радзивиллы были бы частью окружения президента, их бы пригласили.

«Но она моя сестра, — сказала миссис Кеннеди британскому послу, — и мы остановились у них в доме».

Посол выразил свое сочувствие и посоветовал связаться с шефом протокольного отдела США Энджи Биддлом Дьюком, чтобы тот обратился

через посла США, Дэвида Брюса, в Сент-Джеймский двор.

«О Энджи, — взмолилась Джеки, — вы должны мне помочь!»

Дипломат утешил первую леди и обещал связаться с Дэвидом Брюсом. Затем Джеки позвонила мужу в Овальный кабинет, чтобы рассказать ему о том, что она сделала. Президент выразил ей свое неудовольствие. Он сразу позвонил послу Брюсу в Лондон и сказал, что не хочет стать причиной международного скандала.

Посол записал содержание разговора с президентом в своем дневнике: «Он давал мне понять, что с его стороны нет никаких обид и что окончательное решение по поводу гостей принимает королева».

Однако Ее Величество смягчилась и включила в список приглашенных Радзивиллов; она даже разрешила внести их в «Придворный циркуляр»* с титулами «князь» и «княгиня». Это было большой любезностью, поскольку Елизавета не давала королевского разрешения на использование польского титула** в Великобритании.

«Она его не любила, — вспоминала Евангелина Брюс, жена посла. — И развод тут совершенно ни при чем. Мой муж тоже состоял во втором браке, но королева хорошо к нему относилась. Ей просто не нравился Стас Радзивилл... она его не одобряла

* Ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях.

** Когда нацисты захватили Польшу, Радзивилл бежал из Варшавы в Лондон, где стал британским подданным. По закону он потерял право на свой наследственный титул князя Священной Римской империи, пожалованный его роду в XVI веке. В Англии его стремление сохранить титул вызывало споры. — *Примсч. авт.*

и всегда называла Радзивиллов мистер и миссис, что их ужасно злило».

«В любом случае королева отомстила, — рассказывала позднее Джеки Гору Видалу, приходившемуся ей сводным братом. — На обеде не было ни Маргарет, ни Марины, никого, кроме министра сельского хозяйства Британского Содружества. Королева — тяжелый человек. Мне кажется, я ей не понравилась. Филипп держался очень мило, но явно нервничал. Создается впечатление, что их ничто не связывает».

Королева действительно недолюбливала Джеки. Она читала отчеты прессы о визите первой леди в Париж. Французские газеты называли ее «*ravis-sante*», «*charmante*» и «*belle*»*. Парижане вышли на улицы и, размахивая американскими флажками, скандировали: «Жаки! Жаки! Жаки!» Мэр Парижа преподнес ей часы стоимостью четыре тысячи долларов и назвал ее визит самым волнующим событием с тех пор, как четыре года назад королева Елизавета II посетила их город.

«Королева Елизавета, черт побери, — заявил прессе помощник президента Дейв Пауэрс. — Даже второе пришествие не вызвало бы такого интереса».

Сам президент был ошеломлен приемом, оказанным его жене. Французским репортерам на пресс-конференции он представился как «человек, сопровождающий Жаклин Кеннеди в Париж».

К тому моменту когда Кеннеди появились в Лондоне, увлечение Жаклин захватило Британию: англичане встречали жену американского президента так же восторженно, как и свою королеву.

* Восхитительная, очаровательная, красивая (фр.).

Одна из газет назвала первую леди «королевой Америки». Другая напечатала карикатуру, на которой у статуи Свободы оказалось лицо миссис Кеннеди; в одной руке она держала факел свободы, а в другой журнал «Вог». «Ивнинг стандард» восхищенно сообщила: «Жаклин Кеннеди дала американскому народу то, чего ему до сих пор не хватало, — величие».

«Вокруг молодого президента и его прелестной жены возник романтический ореол, который вызвал настоящую сенсацию, — писал в своих мемуарах премьер-министр Макмиллан. — Обычно визиты иностранных государственных деятелей не вызывали у британцев особого энтузиазма... но Кеннеди произвели сенсацию на всех уровнях, политическом и личном».

Премьер-министр не упоминает о неудовольствии Ее Величества, вынужденной их принимать. Королева, провозгласившая о своем презрении к мишурному блеску, насмехалась над Голливудом и всем, что он собой представляет. В отличие от матери, сестры, мужа и дяди Дики, которые считали кино высшей формой искусства, королева оставалась совершенно равнодушной к Голливуду и его знаменитостям. Более того: она так презрительно относилась к кинозвездам, что отказалась присутствовать на свадьбе Грейс Келли с Ренье, принцем Монако, в 1956 году. «Там будет слишком много кинозвезд», — заявила она.

Как королева, она противостояла всем попыткам «оживить» имидж британского монарха. Когда продюсер Би-би-си скромно предложил ей, чтобы она постаралась держаться более оживленно во время своего первого телевизионного выступления на Рождество, королева резко ответила: «Я не актриса!»

По той же самой причине она отказывалась носить меховую шубу. «Об этом не может быть и речи, — заявила она своему лакею Ральфу Уайту. — В норке я становлюсь похожей на кинозвезду».

Елизавета культивировала свой суровый облик, утверждая, что в отличие от матери не желает играть на публику. На одном из митингов, где ее почти не приветствовали, она заметила: «Если бы на моем месте была мама, все бы хлопали».

Ее муж тоже считал, что особы королевской крови не должны опускаться до уровня кинозвезд. Как и королева, он не желал раздавать автографы и с презрением отклонял все попытки заставить его изображать что бы то ни было. Когда Филипп выступал с речью в Британской академии киноискусства, его осыпали критическими замечаниями.

— Больше жизни! — выкрикнул актер Том Белл. — Расскажите нам какой-нибудь анекдот.

Герцог Эдинбургский ощетинился.

— Если вас интересуют анекдоты, — заявил он, — вам следовало пригласить комика.

Ни он, ни королева не понимали, что англичане хотели видеть живых и непосредственных монархов, а не довольствоваться высокомерным взмахом руки из пронсящегося мимо экипажа с королевскими особами.

«Королева очень серьезно относится к Содружеству, — объяснял премьер-министр Макмиллан. — И правильно делает, поскольку круг обязательств монархии Соединенного Королевства настолько сузился, что если их оставить неизменными, то с ними без труда могла бы справиться и кинозвезда. Наша королева недовольна тем, что к ней пытаются относиться как к женщине, кинозвезде или талисману».

Во время визита Кеннеди Елизавете пришлось столкнуться с необходимостью принимать у себя олицетворение яркого романтического идеала. Королева призналась своей сестре, что чувствовала себя гораздо увереннее с Мейми, почтенной женой президента Эйзенхауэра, чем с завораживающей Джеки, которая умудрилась заставить обычно серьезных подданных королевы вести себя подобно обезумевшим от азарта болельщикам. Они простаивали на улицах Лондона долгие часы только затем, чтобы бросить один взгляд на президента и его первую леди.

В процессе подготовки к визиту Кеннеди лорд-гофмейстер, который обычно распространял свою власть цензора только на отдельные предосудительные слова или предложения, появляющиеся в печати, наложил запрет на театральное ревю, зло высмеивающее жену президента. В шоу, которое должно было проходить в одном из театров Ньюкасла, мужской хор пел такие строки:

Вот выходит она и поет до-ре-ми,
Куда до нее старушке Мейми.

Потом появлялась актриса в черном парике и в сатирическом свете представляла миссис Кеннеди. Ее выступление состояло из серии остроумных шуточек, а припев звучал так:

Пока Джон возится с Россией,
Я в ход пускаю все уловки,
Мне надо скрыть от прессы и народа,
Что он — как Айк, только одет по моде.
Из кожи лезу вон, чтоб всем
втереться в душу,
И голоском Монро пою, а ну, послушай!

При упоминании имени Мэрилин Монро цензор тут же схватил ножницы. «Автор вмешивается в частную жизнь руководителя государства» — таким было официальное объяснение лорда-гофмейстера, которое лишь добавило убедительности слухам об интимных отношениях между президентом и голливудской звездой.

Несмотря на многочисленные различия, королева и первая леди получили похожих мужей — оба являлись харизматическими личностями, были необычайно красивыми и остроумными. Обоих тянуло к хорошеньким актрисам, как рыб к блестящим предметам. Оба не были склонны к романтизму, понимая важность удачного брака.

На королеву не произвел впечатления путь, который проделало семейство Кеннеди, шагнув из ирландских болот в Белый дом. Она помнила антипатию, которую питали ее родители к отцу президента Джозефу П. Кеннеди. Будучи послом в Сент-Джеймском дворце, он выступал против участия США во Второй мировой войне на стороне Британии, и потому президент Франклин Рузвельт отозвал его. Так что неприязнь королевы к Кеннеди имела под собой почву.

Постепенно ее отношение изменилось, но это произошло далеко не сразу. Во время предвыборной кампании 1960 года Елизавета тайно поддерживала соперника Кеннеди — вице-президента Ричарда М. Никсона. Королева не делала официальных выступлений, но ее муж, который не давал обязательств сохранять молчание, достаточно четко сформулировал отношение королевского дома к выборам. Прибыв в Нью-Йорк на открытие британской выставки, принц Филипп продемонстрировал тонкое понима-

ние президентской политики. Он не стал открыто поддерживать Никсона, но напомнил об «особых отношениях» между Америкой и Англией, заявив: «Королева была особенно рада, что наш добрый друг президент Эйзенхауэр согласился выступить в качестве патрона нашей выставки». Потом Филипп обошел выставку и снялся вместе с вице-президентом и губернатором Нью-Йорка Нельсоном Рокфеллером. Когда фоторепортеры попросили принца разрешения сделать дополнительные снимки, он пригласил вице-президента. «Мы не можем фотографироваться без мистера Никсона», — заявил Филипп.

Когда Кеннеди победил на выборах, королева, прекрасно понимавшая важность хороших отношений с Соединенными Штатами, была готова последовать рекомендациям премьер-министра и принять президента и его жену в Букингемском дворце.

Позднее Жаклин Кеннеди рассказывала Гору Видалу о королевском обеде, где она сидела между принцем Филиппом и лордом Маунтбаттенем. Во время приема перед обедом она немного поговорила с королевой и нашла ее холодной и высокомерной.

«Королева только один раз проявила человеческие чувства, — вспоминала Жаклин. — Я рассказывала ей об официальном визите в Канаду и о том, как трудно выдерживать официальные приемы, постоянно оставаясь у всех на виду. Я призналась, что плакала каждый день и встречала Джона с опухшими от слез глазами. Лицо королевы приняло заговорщическое выражение, и она сказала: «Приходит опыт, и ты постигаешь, как следует беречь силы. — Потом она добавила: — Вы любите картины? — Королева провела меня по

длинной галерее и, остановившись у полотна Ван Дейка, заявила: — Вот отличная лошадь».

Королева и первая леди разделяли не только любовь к лошадям. Обе стали легендарными фигурами и едва ли не самыми знаменитыми женщинами своего времени. Обе были монархами: Елизавета — в реальности, а Жаклин — в фантазиях. Существенная разница между ними заключалась в отношении к политике. Первая леди не любила ее и была абсолютно аполитична — в отличие от королевы.

«Видит Бог, предполагалось, что она выше политики, — писал ее биограф Роланд Фламини, — но все знают, что королева оказывается вовлеченной в политическую жизнь, когда дело доходит до интересов Содружества. О ее политическом влиянии не принято говорить, но все о нем знают».

К марту 1962 года королева решила тайно оказать влияние на выборы в Аргентине. Она не понимала, что ее долг состоит в том, чтобы выполнять указания премьер-министра и архиепископа. Елизавета хотела влиять на политику. Поэтому она послала мужа навестить британские общины на территории одиннадцати южноамериканских стран, якобы для продвижения британской промышленности. В Аргентине в его задачу входило упрочить положение друга королевы президента Артуро Фрондизи, которому грозила опасность со стороны части населения, поддерживающей свергнутого диктатора Хуана Перона.

Ранее в том же году королева и Филипп принимали Фрондизи в Букингемском дворце. Тогда-то Фрондизи и признался, что боится допустить сторонников Перона на мартовские выборы. «Лишь я стою между порядком и хаосом», — заявил Фрондизи.

Королева согласилась с ним и решила сделать все, чтобы воспрепятствовать военному перевороту, который приведет к новой диктатуре. Хотя Аргентина и не входила в Содружество, на ее территории проживало множество бывших британцев — больше чем где бы то ни было, за исключением США. Кроме того, Аргентина активно торговала с Британией. Во всяком случае, королева именно так оправдывала свое вмешательство. Ее муж считал, что речь тут идет о строительстве империи, а это, по его мнению, всегда имело для англичан огромное значение: «Они всегда вмешиваются в дела других народов... Вот причина успеха благотворительной деятельности Британии за морями. Мне кажется, это результат похмелья после долгих лет ответственности за прямое вмешательство в управление другими странами».

Впервые за последние тридцать лет член королевской семьи посетил Аргентину. Королева рассчитывала, что отблеск ее величия упадет на Фрондизи.

В Буэнос-Айресе президент Аргентины устроил официальный обед в честь Филиппа, который воспользовался представившейся возможностью, чтобы прочитать лекцию генералу Росендо Фрага, министру обороны Аргентины.

— Вы давно занимаете должность министра? — спросил Филипп.

— Почти год.

— Я хочу задать вам один вопрос, — продолжал Филипп. — Вам нравится ваша работа?

— Да, Ваше Высочество.

— И еще одно. Вы когда-нибудь воевали?

— Нет, в Аргентине уже давно не было войн.

— Ну, — заявил Филипп и погрозил пальцем генералу, — не вздумайте устроить войну сейчас.

В своей речи Филипп упомянул о хороших отношениях между Аргентиной и Великобританией: «Прекрасно, что мы до сих пор остаемся друзьями после стольких лет близкого знакомства. Может быть, пришло время забыть о семилетней чесотке и продолжать дружить и дальше». (Он дипломатично не стал упоминать об эпидемии ящура, который был завезен в Англию из Аргентины в консервных банках с мясом.)

На следующий день молодые коммунисты забросали герцога Эдинбургского яйцами и помидорами. Полиция арестовала несколько человек, но тут вмешался сам Филипп. Он приехал в Аргентину, чтобы ослабить политическое напряжение, а не вызвать конфронтацию. «Отпустите их, — сказал он, — но передайте, чтобы они больше так не делали, поскольку я взял с собой не так много костюмов».

Таким образом впервые (но далеко не в последний раз) королева нарушила свой конституционный долг, который требовал от нее оставаться выше политики. Как монарху, ей запрещалось вмешиваться во внутренние дела чужого государства. Однако в Аргентине при помощи своего мужа Елизавета попыталась оказать влияние на исход выборов. К несчастью, она просчиталась: противники Фрондизи победили, вооруженные войска вошли в Буэнос-Айрес и установили контроль над страной.

Принца Филиппа немедленно эвакуировали из Буэнос-Айреса, а правительство Макмиллана защитило королеву от критики, скрыв все следы ее участия и засекретив документы, связанные с поездкой Филиппа. Кабинет министров отказался сделать документы 1962 года достоянием общности даже через тридцать лет (в соответствии с законом о тридцати годах) и ввел особое условие,

по которому документы могут быть обнародованы только в 2057 году. Многие решили, что правительство хочет скрыть скандал, связанный с именем Филиппа — ему тогда уже исполнилось сорок, — и сеньоры Магдалены Нельсон де Блакье, красивой пятидесятилетней вдовы, у которой он жил после того, как военные пришли к власти.

«Взгляните внимательно на эту историю, — советовал Питер Эванс, известный британский журналист, — меня не удивит, если через девять месяцев после отъезда герцога окажется, что в доме неожиданно появился ребенок».

«Поговаривают, что одним из трех незаконных детей Филиппа является дочь аргентинки, великолепно играющей в поло, — писал его биограф Тим Хилл, — но подробности мне неизвестны».

Так уж случилось, что герцога Эдинбургского обвинили в любовном приключении, в котором он не принимал никакого участия, и рождении ребенка, к которому он не имел ни малейшего отношения.

«Мы с Филиппом даже не были знакомы до тех пор, пока посол не позвонил и не попросил меня принять принца в своем доме, — заявила миссис де Блакье, чье поместье Ла-Консепсьон находилось в девяноста милях от Буэнос-Айреса. — Ко мне обратились из-за того, что мое estancia* расположено довольно далеко от города и оставалось вполне безопасным. Кроме того, у меня имелось три поля для игры в поло. Правительство хотело, чтобы Филипп быстро покинул Буэнос-Айрес. Они не могли поселить его в городе во время кризиса, поэтому он и приехал в мое загородное поместье.

* поместье (исп.).

Он не говорил по-испански, а я плохо знала английский, и мы разговаривали на французском. Филипп владел им как настоящий француз. Мой брак продолжался тридцать лет, пока муж не погиб в авиакатастрофе в 1960 году. У нас девять детей. Филипп приехал к нам на ферму, где я жила со своими детьми и супружеской парой, которая у нас работает. Он был очень simpático — остроумный, забавный, легкий в общении. По вечерам играл с детьми в карты, а я организовала для него четыре игры в поло на доступном ему уровне. Филипп не такой уж хороший игрок, но страстно любит поло. Ему пришлось бы играть с форой десять, что по аргентинским стандартам считается не слишком хорошим уровнем. Я не хотела, чтобы он чувствовал пренебрежительное к себе отношение, и мне удалось найти для него таких партнеров, которые вполне соответствовали его умению. Филипп остался очень доволен.

За этот период принц трижды встречался с Фрондизи. Филипп провел у нас шесть дней, потом его отвезли в аэропорт, и он улетел обратно в Англию. Он не разрешал себя фотографировать, так что у меня не осталось ни одного снимка, однако Филипп прислал мне очень милое письмо с благодарностью за гостеприимство. Мы не виделись с ним тридцать два года, пока я не собралась в Париж на игру в поло. Я написала ему, что буду там вместе с детьми и внуками. Он приехал.

«Так вы та самая особа, которая так замечательно принимала меня?» — спросил он. Я сказала «да», и он представил меня королеве. И познакомил с принцем Чарльзом, который спросил: «Что вы сделали с моим отцом? Всякий раз, когда разговор заходит о Южной Америке, он повторя-

ет, что любит только Аргентину, — такой замечательный прием вы оказали ему в Ла-Консепсьон».

Все дело в моих полях для поло. Филипп говорил, что в Европе можно посещать замки, но нельзя играть в поло. Для поло — настоящего поло — необходимо приехать в Аргентину. Вот почему он так любит нашу страну. И Мексику тоже».

В роли посла доброй воли Филипп пользовался любой возможностью побывать в Аргентине и поиграть там в поло. Кроме того, он несколько раз посещал Мексику, и снова многие решили, что его притягивает туда женщина — красавица Мерль Оберон, владелица роскошной виллы в Акапулько, дворца в Куэрनावаке и огромного поместья в Мехико. Вышедшая замуж за мультимиллионера-промышленника Бруно Пагальяи, бывшая кинозвезда прославилась тем, что регулярно принимала экс-короля Италии, греческих судовладельцев и принцев из Саудовской Аравии. Одним из ее любимых гостей королевской крови был герцог Эдинбургский.

«Муж королевы был любимцем Мерль, — заявил обозреватель светской хроники из Нью-Йорка Дэвид Патрик Коламбия. — Он стал для нее пропуском в высшее общество. Однажды я обедал с ней в ее доме на Малибу-Бич в Калифорнии вместе с Луисом Эстевесом, ее любимым кутюрье, и она показала фотографии множества знаменитых людей, которые гостили у нее. Гордостью ее коллекции был большой портрет принца Филиппа в серебряной рамке с его личной подписью. Мерль часто повторяла: «когда Филипп навещал меня в Мехико», «когда Филипп познакомил меня с королевой», «Филипп то», «Филипп это». Не знаю, состояли они в любовной связи или нет: у меня есть большие сомнения, поскольку Луис так

не считал — а он должен бы знать. На самом деле Луис, который был гомосексуалистом, сомневался, не скрывается ли за мужественным фасадом принца другая сексуальная ориентация. Луис несколько раз присутствовал при визитах Филиппа в Мехико, но вопреки всем слухам никогда не замечал, чтобы между Мерль и герцогом существовала романтическая привязанность».

Несмотря на то что Филипп всегда привлекал к себе женщин, мужчинам он тоже нравился, особенно в молодости. «Мне кажется, он предпочитает мужскую компанию, — сказал человек, который знал Филиппа, когда тот служил на флоте. — Он посещал мужской «Четверг-клуб» как до, так и после свадьбы. И не следует забывать о четырехмесячном путешествии на яхте с конюшим...» Знаменитый писатель, который сам называл себя гомосексуалистом, всегда таинственно улыбался, когда в его присутствии упоминалось имя Филиппа. Он сказал другому известному писателю в 1994 году, когда они выпивали в «Дубовом баре» отеля «Глаза» в Нью-Йорке, что хорошо помнит принца Филиппа. «О да, — добавил он с хитрой усмешкой, — я знал его, когда он был девочкой».

Казалось, Филиппа больше занимает богатство Мерль Оберон, чем красота. Ее экстравагантность восхищала его: ему нравилось наслаждаться роскошью. В доме Мерль спали на шелковых простынях под кашемировыми одеялами; французский повар готовил поразительно вкусные блюда, а винный погреб отличался восхитительной изысканностью. Хотя Филипп был женат на самой богатой женщине мира и привык к высочайшему уровню обслуживания, они никогда не жили роскошно. Его жена отличалась бережливостью и привыкла

носить скромные твидовые костюмы и удобные туфли. Во дворцах всегда гуляли сквозняки и было холодно. В каждом углу приходилось ставить электрические обогреватели. В особняках Мерль Оберон — мраморные полы с подогревом, подогреваемые вешалки для полотенец, украшенные золотым орнаментом кровати с множеством шелковых кисточек. Вечеринки, которые она устраивала, отличались богатством и непринужденностью; по наполненным светом комнатам гулял нежный, ароматный ветерок.

Лорд Маунтбаттен, который обожал великолепных кинозвезд вроде Мерль Оберон, познакомил своего племянника с легендарной красавицей, когда они посетили Мексику пятнадцать лет назад. «Я участвовал в той поездке, — вспоминал Джон Бэретт, личный секретарь лорда Маунтбаттена, — и ни разу не заметил ничего, что могло бы навести на мысли о романе между герцогом Эдинбургским и Мерль Оберон. Там присутствовал и ее муж, он сам нас принимал».

Издатель и писатель Майкл Корда не соглашается с ним. «Да бросьте вы! — говорит он. — Все знают, что Филипп и Мерль состояли в любовной связи. Мой дядя [кинорежиссер Александр Корда] являлся ее мужем с 1939 по 1945 год... Нет, я там не присутствовал и я никогда не видел их вместе, но так мне всегда рассказывали. Впрочем, если они и не были любовниками, им следовало ими стать!»

Джоди Джейкобс, в прошлом репортер модного женского журнала и редактор «Лос-Анджелес таймс», присутствовал на одном из обедов Мерль Оберон, который она давала в честь принца Филиппа. «Это происходило во время летних Олимпийских игр в Мехико [1968 год], и Мерль, которая

всегда старалась соблюдать королевский протокол, настояла на том, чтобы все пришли раньше герцога Эдинбургского, а женщины были одеты в длинные платья. Она пригласила принцессу Марокко Лаллу Нежу и других состоятельных людей вроде Кристины Форд, которая вышла замуж за Генри Форда, — впрочем, в тот вечер он за столом не присутствовал, — парочки голливудских звезд, а также нескольких мексиканцев, которых Мерль считала достаточно богатыми или аристократичными. После обеда, когда большинство гостей разъехались, я оказался в небольшой группе, собравшейся вокруг Филиппа возле двустворчатых дверей, ведущих на террасу и к бассейну. Я заметил смуглую Кристину Форд, которая так безумно вела себя на обеде в Белом доме в честь принцессы Маргарет, что попала в международные новости: она с таким энтузиазмом отплясывала твист, что буквально выскользнула из своего белого платья без бретелек. Теперь она отчаянно флиртовала с принцем Филиппом. Они несколько раз танцевали вместе. Неожиданно она взглянула на него и сказала: «Почему бы нам не поплавать в бассейне? Мы (она имела в виду женщин) можем остаться в бюстгальтерах и трусиках».

Принц Филипп побледнел. «Я думаю, мне пора уходить», — пробормотал он. Затем улыбнулся Кристине и всем остальным. Принца быстро окружили его люди, которые неожиданно возникли рядом, он попрощался с Мерль и ушел. Мне кажется, что в присутствии репортеров он старался соблюдать приличия. Или его не слишком привлекала Кристина».

Герцог Эдинбургский был слишком осмотрительным, чтобы заходить дальше невинного флир-

та на публике. «Он устраивал свои делишки тайно, — рассказывала Реджина Траулсен, марокканка, которая теперь замужем и живет в Нью-Йорке. — В конце шестидесятых годов я жила в Лондоне и ходила на вечеринки с художником Феликсом Топольски, который написал портрет принца Филиппа, после чего подружился с ним. Я сказала Феликсу, что нахожу Филиппа красивым и хотела бы с ним познакомиться.

Через несколько недель Феликс сообщил:

— Я устроил тебе свидание с Филиппом. Королева будет занята на регате. У него есть квартира на холме, ты встретишься там с ним в 10.30 вечера.

— Я не из тех, кого интересуется одна ночь, Феликс, — сказала я.

— Но ты же сказала, что он тебе нравится!

— Да, но я не собиралась с ним спать...

Феликс рассердился, и свидание не состоялось. Я уверена, что не единственная получила аналогичное предложение».

Филипп, несомненно, не собирался ставить корону в неудобное положение и подвергаться критике двора. История с Профьюмо принесла стране достаточно неприятностей. В разгар «холодной войны» оказалось, что министр обороны Великобритании Джон Профьюмо встречался с проституткой Кристиной Келлер, которая также имела связь с советским военным атташе Евгением Ивановым... Скандал чуть не вынудил все правительство уйти в отставку. Министру обороны пришлось подать в отставку после того, как он солгал, отвечая на запрос об этом в палате общин. Через несколько лет королева пожаловала ему орден Британской империи. Однако в то время скандал на сексуальной почве сделал Британию объектом международных шуток.

Этот позор продолжался несколько лет, бросая тень на национальный престиж.

Еще и до скандала страна с трудом переносила последствия двух мировых войн. «В Британии еще остались ужасные трущобы, старые дома, доисторические верфи, — писал Джон Гюнтер в журнале «Лук». — Многие наши граждане без особой радости смотрят в будущее, растерянные и подавленные».

Некоторые англичане были разгневаны. «Будь ты проклята, Англия! — написал Джон Осборн, молодой драматург, который реформировал британский театр своей яростной социальной драмой. — Я искренне ненавижу тебя... Ты гниешь и очень скоро исчезнешь... неприкасаемая, неспособная к обучению и неуязвимая».

Бывший государственный секретарь США Дин Ачесон видел страну, лишившуюся славы, не имеющую цели. «Великобритания потеряла империю, — заявил он, — но пока не сумела найти себе новую роль».

Казалось, даже природа ополчилась против Британии. В начале шестидесятых годов зимы выдавались суровые, часто отключалось электричество, люди мерзли в своих домах. Наконец, случилось доселе невозможное: британцы публично выразили свое неодобрение действиями королевы. Елизавета и Филипп присутствовали вместе с греческим королем Павлом и королевой Фредерикой на спектакле, когда группа греков, находившихся в театре, устроила им обструкцию за общение с фашистами.

Королева Елизавета сделала вид, что ничего не заметила. Никогда прежде она не сталкивалась с подобными проявлениями протеста и даже не поняла, что возмущение направлено против нее. Так

же равнодушно она отреагировала на угрозы расправы, когда были обнародованы ее планы визита в Канаду в 1964 году.

«Королева не должна ехать», — предупреждала «Торонто телеграм».

«Невинная жизнь поставлена на карту», — заявила лондонская «Таймс».

«Дейли мейл» заговорила о возможности «второго Далласа», если королева отважится на поездку в Канаду, где французское меньшинство в Квебеке выступало против английского большинства в Оттаве.

Однако королева отказалась отменить визит. Канада была частью ее владений и самым солидным членом Британского Содружества. «Я не тревожусь из-за визита, — заявила королева, — мы совершенно спокойны».

Она тщательно готовилась к поездке, проводя целые дни со своей любимой портнихой Харди Эмис. Для визита в Канаду королева разрешила своему шляпному мастеру Фредерику Фоксу сделать платье. «Фредди был взволнован, — вспоминает один из его друзей. — В течение нескольких месяцев он придумывал вечерний туалет, закончил работу и отправился во дворец на примерку. Голубое облегающее платье с серебристым бирюзовым орнаментом на длинных рукавах. Королеве оно понравилось. Елизавета примерила платье — она выглядела в нем великолепно, — потом нажала на кнопку, и в комнату вошла старая карга, которая тащила шкатулку чуть меньше Мадагаскара. Королева открыла коробку, вынула оттуда аметистовую брошь, похожую на тарелку, а потом бриллианты размером с супницу и прилепила все это на грудь. Платье было по-

гублено огромными королевскими драгоценностями. Фредди снял банты и бисерный орнамент. Королева почувствовала его неудовольствие. «Но они ведь именно это хотят увидеть», — пояснила она. Позднее Елизавете задали вопрос: «Что вы думаете о вкусе?» — «Не думаю, что он поможет», — ответила королева».

Во время визита в Канаду Ее Величество отправилась в Квебек вместе с мужем, неохотно согласившись на пуленепробиваемый лимузин и полицейский эскорт. Филиппа раздражали такие предосторожности, и он, как всегда, не стал скрывать своего недовольства. Представитель Министерства иностранных дел терпеливо принялся объяснять ему про осложнения во французской части Канады и отметил, что после убийства Кеннеди, происшедшего несколькими месяцами ранее, насилие стало ужасной реальностью.

«Кеннеди не застрелили бы, — резко ответил Филипп, — если бы его не окружали эти проклятые агенты службы безопасности!»

В Канаде королеву постоянно сопровождал вооруженный отряд полиции. Елизавета сделала несколько официальных визитов и дважды выступила с речами из телевизионных студий, где были приняты все меры безопасности. На каждой стоянке аквалангисты проверяли дно королевской яхты, на которой Елизавета и Филипп поднялись вверх по реке Святого Лаврентия.

— Подумать только, как они беспокоятся! — сказала камеристка королевы Бобо Макдональд.

— Не тревожься, — ответила королева. — Никто не станет на меня нападать. Мы здесь в полной безопасности.

Она говорила по-английски в Оттаве и по-французски в Квебеке, стараясь примирить враждующие стороны. Она превозносила Канаду, как «одну из самых старых и стабильных стран в мире». Ее освистывали, но, несмотря на крики и оскорбления, Елизавета ни разу не дрогнула.

После отъезда королевы канадское телевидение показало часовой фильм о ее визите. «Вопрос остается открытым, — заявил в заключение комментатор, — стоило ли затевать этот визит? Все, чего удалось достигнуть, — открыть здание здесь и выступить с речью там, — а сколько потрачено усилий, выслушано жестоких слов, не говоря уже о беспрецедентных мерах безопасности! Мы считаем, что не стоило. Спокойной ночи!»

В прошлом великолепный голос Уинстона Черчилля громко восхвалял достоинства британской монархии, заглушая любую критику. Но его голос перестал звучать. Первый и любимый* премьер-министр королевы впал в кому в январе 1965 года и умер девять дней спустя. Его смерть знаменовала конец целой эпохи, а монархия лишилась своего самого стойкого защитника.

«Сегодня ночью умерло величие Великобритании, — сообщила Би-би-си 24 января 1965 года. — Нас покинули могущество и слава».

Королева плакала. Однако потом она собрала с силами и устроила своему почитаемому учителю первые королевские похороны, которых удостоился человек обычного происхождения.

* Королева призналась, что предпочитает Черчилля всем остальным, когда ее спросили: «Мадам, аудиенции каким премьер-министрам доставляли вам наибольшее удовольствие?» Она ответила: «Конечно же, Уинстону, ведь он неизменно был паразитально остроумен». — *Примеч. авт.*

Много лет назад Черчилль оставил инструкции по собственным похоронам: «Я хочу, чтобы было множество солдат и оркестров». Елизавета выполнила желание премьер-министра и сделала много больше.

Памятью о тонком понимании Черчиллем истории и его любви к театру, она повелела граф-маршалу*, герцогу Норфолкскому, отвечающему за организацию процессов, не жалеть средств. Англия прощалась со своим спасителем, и королева знала, что весь мир будет наблюдать по телевидению за этим историческим событием. Елизавета хотела, чтобы великолепие спектакля вполне соответствовало личности Уинстона Черчилля.

По приказу королевы тело покойного три дня лежало в Вестминстер-Холле**, чтобы миллионы мужчин, женщин и детей, которые вышли на улицы и стояли в ожидании новостей, когда Черчилль лежал в коме, смогли попрощаться с ним. Пол огромного зала застелили коврами, дабы приглушить звук шагов. Четыре стражника стояли возле гроба с четырьмя свечами, которые и служили единственным источником света. Королева с мужем присоединились к длинной цепочке людей, проходивших мимо катафалка. Впервые за все время своего правления Ее Величество не находилась в центре внимания. Она стала частью огромного людского потока. «Возле гроба Уинстона Черчилля все люди оказались равными», — заметил журнал «Тайм».

* Главный церемониймейстер, председатель геральдической палаты.

** Дворцовый холл — огромный зал, единственная сохранившаяся часть старого Вестминстерского дворца.

В холодный, серый день похорон королева одолжила свою карету с одеялами и бутылками с горячей водой леди Черчилль и двум ее дочерям. Ее Величество оказала особую честь своему первому кавалеру ордена Подвязки, прибыв в собор Святого Павла до гроба и остальных скорбящих, а не после них, как положено королеве.

После величественных похорон королевская семья присоединилась к сановникам из ста десяти стран*, собравшимся у ступеней собора, когда гроб с телом сэра Уинстона вернулся на оружейный лафет для последнего путешествия к месту захоронения на маленьком кладбище Блейдона в Оксфордшире. На королевском венке было начертано: «От нации и Содружества с благодарной памятью — Елизавета». Зазвонили могучие колокола, и было произведено девяносто оружейных залпов — по одному за каждый год замечательной жизни Черчилля. Одетый в военно-морской мундир, герцог Эдинбургский, который был молодым

* Президента США не было среди пяти премьер-министров, четырех королей, четырех президентов, трех глав правительств, двух канцлеров, одной королевы и одного великого герцога, представлявших свои страны на похоронах Уинстона Черчилля. Линдон Бейнс Джонсон оставался в постели в Белом доме и наблюдал за церемонией по телевизору. «Президент простужен», — заявил его пресс-секретарь и добавил, что он еще не до конца оправился от сердечного приступа и врачи рекомендовали ему соблюдать крайнюю осторожность. Черчилль по матери был наполовину американец, что являлось дополнительным источником гордости для Америки. Многие американцы выразили недоумение по поводу отсутствия президента на похоронах самого знаменитого почетного гражданина своей страны. Джонсон даже не послал вместо себя вице-президента. В Лондон отправился государственный секретарь Дин Раск, который подхватил простуду и тоже не смог присутствовать на церемонии. В результате Америку представлял председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. Бывший президент Эйзенхауэр прибыл на похороны потому, что командовал армией союзников во время Второй мировой войны. — *Примеч. авт.*

лейтенантом во время Второй мировой войны, выступил вперед, чтобы отдать старому воину последний салют*.

«Не может быть прощания между Черчиллем и народом, которому он служил и который спасал, — сказала леди Асквит в палате лордов. — Наверное, сегодня многие из нас чувствуют, что после его ухода наша жизнь покатится под уклон, все придет в упадок, наш статус изменится, а слава покинет Великобританию... И тогда я вспоминаю слова его победной речи, когда он предупреждал нас, чтобы мы не останавливались на месте, надеясь на инерцию, и «не испытывали робости перед собственным величием». И я уверена, что решимость продолжать путь к величию, которую он превратил в дух нации, наверняка была бы лучшим знаком уважения, лучшей данью, которую он хотел бы от нас получить в эти дни».

Несмотря на эти прекрасные слова, Британия лишилась своего величия. Страна пыталась сохранить достоинство в «холодной войне», которую вела с недавним союзником — Москвой. Великобритании пришлось заключить союз со своим врагом, Бонном. Через четыре месяца после похорон Уинстона Черчилля, который предупреждал о «чудовищном натиске нацистской военной машины с ее клацающими каблуками прусскими офицерами», Елизавета посетила Западную Германию. Это был первый визит королевы в страну, которая воевала с

* Этот жест находится в противоречии с поведением Филиппа на следующий день после смерти Черчилля, когда он захотел поохотиться. Маунтбаттен заметил, что это неуместно в дни национального траура, но Филиппа его слова не убедили. «Я все же не поеду», — сказал Маунтбаттен и отказался сопровождать принца. Филипп отменил охоту. — *Примеч. авт.*

Великобританией в двух мировых войнах. Филипп неоднократно бывал в Германии, когда навещал своих сестер и их мужей, но из-за сильных антигерманских настроений его поездки не предавались огласке. Несколько раз королева намеревалась сопровождать мужа, но получала отказ от правительства, прекрасно понимавшего, что общественность не одобрит ее визит в Германию, учитывая, как мало времени прошло после войны. Теперь, когда премьер-министром стал лейборист, стремившийся покончить со старой враждой, королеве предложили посетить Германию в мае 1965 года — впервые после 1913 года, когда ее дедушка, король Георг V, отправился проведать своих родственников.

Когда умер Черчилль, немецкая газета «Франкфуртер рундшау» припомнила выпады нацистов против британского премьер-министра. «Ничего не осталось от нацистских тирад, — писала газета. — Их авторы исчезли, а сами измышления оказались ложными».

Газета неоднократно предупреждала немцев, чтобы они не кричали «Sieg heil!»*, когда королева будет инспектировать солдат бундесвера и пилотов люфтваффе. Они должны были размахивать бумажными британскими флажками, которые им специально раздадут ради такого случая, и выкрикивать имя королевы.

Газеты и журналы особо подчеркивали идею примирения и даже опубликовали генеалогическое древо Виндзоров, на котором не преминули указать немецкие корни, в том числе имена четырех сотен родственников Елизаветы и Филиппа,

* Приветствие, принятое в фашистской Германии.

все еще живущих в Германии. Ганноверы, Гогенцоллерны, Брунsvики и Глюксбургги приводили в порядок свои старые гербы, готовясь к визиту королевы Елизаветы.

«Если мы не в состоянии вернуть нашего старого баварского монарха, — сказал представитель городского магистрата в Мюнхене, — мы можем одолжить на время чужого».

«В конечном счете, — заметил один из его помощников, — они почти немцы, не так ли?»

Для немцев приезд королевы означал, что Англия наконец их простила. Слова королевы подчеркнули ее примиряющую миссию, несмотря на гримасу, которую она сделала, когда впервые увидела уродливую колючую проволоку на Берлинской стене. «Трагический период истории закончен, — сказала она, ее слова сразу переводились на немецкий. — Если мы хотим сохранить лучшее в нашем великом наследии, необходимо иметь общую цель... В последние двадцать лет проблемы, с которыми столкнулись наши народы, вновь сблизили нас. Теперь мы должны вместе защищать цивилизацию, цenia свободу и мир».

Толпа начала скандировать: «Е-ли-за-ве-та, Е-ли-за-ве-та!» Но королева не улыбнулась и даже не помахала рукой. Она вздрогнула, глядя на энтузиазм толпы. «Мне кажется, она подумала, — заметил позже министр иностранных дел Великобритании Майкл Стюарт, — что все это слишком напоминает ритуальные вопли нацистов. Пожалуй, я больше никогда не видел, чтобы она была так обескуражена».

Сохраняя достоинство, но без особой теплоты королева посетила десять городов за одиннадцать

дней, и всюду ее прекрасно принимали. «Для тридцатидевятилетнего британского монарха, теоретически находящегося вне политики, — говорилось в «Ньюс энд уорлд рипорт», — это было в высшей степени политическим актом».

Критика короны становилась все более резкой. В 1957 году, после того как лорд Альтринкем выступил с критикой в адрес королевы, заявив, что она держится чересчур «самодовольно» и «вызывает всеобщее раздражение», его избил прямо на улице человек, посчитавший такие слова святотатством. Через год, когда Малькольм Маггеридж, ведущий британский журналист, написал весьма жесткую статью, где назвал королеву «симпатичной маленькой женщиной», чье правление явилось «очевидной мистификацией», его отлучили от Би-би-си — корпорации, находящейся под контролем правительства. Однако не прошло и десяти лет, как критика короны стала самым обычным делом. В шестидесятых годах студенты относились к монархии равнодушно. Для них королевская семья не представляла никакого интереса, являясь чуть ли не предметом насмешек. В кинотеатрах перестали исполнять национальный гимн, потому что частенько молодежь начинала презрительно шикать и свистеть. Дискуссионное общество Оксфордского университета на одном из своих заседаний обсуждало следующую резолюцию: «Монархию следует упразднить, Букингемский дворец отдать бездомным, а корги заставить заниматься полезной работой».

Впрочем, монархия могла по-прежнему рассчитывать на официальную прессу — «Таймс» и «Дейли телеграф». Обе газеты печатали «При-

дворный циркуляр»*, где описывались все события в королевской семье. Однажды в 1966 году, рассказывал редактор «Дейли телеграф», доставка циркуляра была поставлена под сомнение из-за отсутствия необходимого уважения к монархии.

— Мы перестанем доставлять вам «Придворный циркуляр», — заявил представитель Букингемского дворца, — если вы не прекратите своих несправедливых нападок на принцессу Маргарет.

— О каких напаках идет речь? — спросил редактор, которого несколько смущало раболепие его газеты по отношению к королевской семье.

— О каких напаках, вы хотите знать? — спросил представитель дворца. — Вам должно быть известно, что, будучи принцессой королевской крови, она заслуживает определённого артикля перед своим именем.

Ошибку немедленно исправили.

Примерно тогда же «Санди таймс» заказала преподавателю из Кембриджа небольшую биографию королевы для очерка под заглавием: «Тысяча мужчин и женщин столетия». В биографии говорилось, что королева относится к «regnum** массового потребления... Как и большинство тщательно сконструированных изделий, королева получилась лишенной аромата, безобидной, помещенной в красивую упаковку, но немного дороговатой... Полная милых феодальных причуд, монархия сохранилась, чтобы восстановить свою исходную функцию — быть фантастическим ритуалом».

* Первый «Придворный циркуляр» был выпущен в XVIII веке королем Георгом III, которого раздражали неточности, допускаемые в газетных публикациях, о жизни королевской семьи. Король распорядился готовить ежедневный бюллетень для прессы.

** Здесь: сфера, область (лат.).

Творение автора было немедленно отвергнуто. Более почтительный редактор переделал статью и написал, что Ее Величество «очаровательная, остроумная и мудрая, с красивыми глазами и персиковой кожей».

Даже ограниченные придворные заметили, что молодежь не испытывает никакого уважения к монархии, и попытались сделать так, чтобы королева выглядела более современно. Они объявили, что королева пожалует группе «Битлз» орден Британской империи*.

«Вот это да! — воскликнул Джон Леннон. — А я думал, что нужно водить танки и выигрывать войны, чтобы получить орден».

Среди британцев нашлись люди, кто в качестве протеста против награждения квартета «Битлз» возвратили свои ордена Британской империи в Букингемский дворец, — такое случилось впервые в истории страны. Леннон пришел в ярость. «Армейские офицеры получили ордена за то, что убивали людей, — заявил он. — А мы — за то, что развлекаем публику. В целом я считаю, что мы заслужили свою награду гораздо больше, чем они».

Четыре года спустя Леннон вернул свой орден королеве, чтобы продемонстрировать, как он относится к участию Великобритании в гражданской

* «Это самая скромная награда в Великобритании», — заявил Пол Маккартни корреспонденту журнала «Ньюсуик» через тридцать лет, объяснив, что они не получили права на титул (даже права называться «сэрами») и что особого престижа в этой награде не было. Молочник, поставлявший продукты в официальную резиденцию премьер-министра, получил тот же орден. Естественно, Маккартни не обошел это вниманием. «Самая незначительная из британских наград, — сказал он. — Но не станете же вы сидеть и повторять: «Господи, сделай так, чтобы меня называли сэром». Королева пожаловала Полу Маккартни рыцарское звание в 1997 году, отметив его «вклад в музыку». — *Примеч. авт.*

войне в Нигерии и к поддержке вторжения США во Вьетнам. «На самом деле мне не следовало принимать орден, — заявил он. — У меня возникло ощущение, словно я продался...» А один из тех людей, кто отсылал свои ордена в знак протеста, когда была награждена четверка «Битлз», после этого жеста Леннона потребовал вернуть ему награду.

Когда парни из Ливерпуля вошли в Букингемский дворец в 1965 году, чтобы получить свои награды, полиции пришлось защищать их от толп вопящих поклонников. В газетах писали, что перед награждением знаменитая четверка отправилась в дворцовый туалет, чтобы выкурить по сигарете с марихуаной.

— Мы играли в Сан-Франциско в Кау-Палас*, но в таком дворце нам никогда бывать не доводилось, — заметил Пол Маккартни после визита. — Классная лачуга!

— А Ее Величество? — спросил репортер.

— Она вела себя, как наша родная мать.

Он воздал должное королеве, написав в ее честь песню «Ее Величество милая, симпатичная девушка, но ей нечего сказать».

В следующем году королева нарушила все обычаи, даровав рыцарство католику, черному и раввину. Она даже разрешила своему разведенному кузену графу Харвудскому жениться** во второй

* Коровий дворец.

** Королевский эдикт о браке 1772 года гласит, что все родственники суверена, которые могли унаследовать трон — граф был семнадцатым, — обязаны просить разрешения на брак. Королева с неохотой пошла навстречу своему кузену, но ему пришлось долгие годы расплачиваться за эту милость. Графа отлучили от двора, не пригласили на похороны его дяди герцога Виндзорского и на бракосочетание дочери королевы, принцессы Анны. Его вынудили рано оставить должность ректора Йоркского университета и директора Эдинбургского фестиваля. — *Примеч. авт.*

раз, когда выяснилось, что его любовница забеременела. Однако королеву продолжали критиковать за то, что она отстает от времени. Филипп считал, что все дело в ее чрезмерной привязанности к домашнему очагу, которая, по его словам, проявилась в рождении еще одного ребенка в 1964 году. «Нет ничего более обыденного, чем королева средних лет с мужем средних лет и четырьмя подрастающими детьми, — заявил Филипп группе журналистов. — Мне кажется, мы подходим к самому скучному периоду нашего существования. Раньше нами больше интересовались. Теперь люди воспринимают нас как нечто обыденное. Одним мы неприятны, другим нравимся, не более того».

Продвигая «Фирму», как Филипп называл королевскую семью, он постоянно ездил на открытие британских выставок, рекламировал британские товары, поддерживал торговлю. И всегда мистический характер королевской власти собирал полные энтузиазма толпы, особенно в Америке. Однако к 1966 году, казалось, интерес к этому пропал. Поэтому, когда Филипп согласился на турне по Соединенным Штатам, чтобы собрать средства для международного клуба «Варайети»*, он призвал на помощь пресс-агента из Голливуда.

«Я оказался этим счастливым, — заявил Генри Роджерс из «Роджерс энд Кауэн», рекламной фирмы в Лос-Анджелесе. — Хотя мне приходилось представлять крупнейшие имена Голливуда, такие как Фрэнк Синатра и Рита Хэйуорт, я был взволнован, когда получил в качестве клиента

* Благотворительная организация артистов театра и эстрады.

члена королевской семьи... Мне пришлось поехать в Англию и посетить Букингемский дворец, где я встретился с принцем Филиппом. Он вел себя сдержанно, но изысканно вежливо. И что самое главное, сразу воспринял мои идеи».

Первым делом Роджерс предложил устраивать пресс-конференции в каждом городе. Филипп рассмехался.

«О Господи, Генри, — заявил он. — Я никогда раньше не устраивал пресс-конференции*. Особы королевской крови не участвуют в подобных мероприятиях. Это противоречит нашей политике. Но если вы считаете, что мне следует пойти против правил, значит, так тому и быть... Однако мы должны ввести некоторые ограничения, и я буду чрезвычайно вам признателен, если вы заранее сообщите о них прессе».

Затем герцог Эдинбургский объяснил своему пресс-агенту, что является принцем-консортом и играет при дворе скромную роль. «Во-первых, дайте всем понять, что я не состою в британском правительстве. Пресса вне Великобритании часто неправильно понимает роль, которую королева и я играем в нашей стране. Не будучи частью правительства, я не могу отвечать на вопросы о британской экономике, борьбе тори с лейбористами, премьер-министре, профсоюзах и инфляции. Во-вторых, я не стану отвечать на вопросы о королеве, имеющие личный характер. В остальном — можете объявить об открытии сезона охоты, пусть стреляют».

* Пресс-секретарь Букингемского дворца был шокирован, когда репортеры высказали пожелание, чтобы Ее Величество устраивала регулярные пресс-конференции. «Это уместно для кинозвезды, — заметил он, — а не для королевы. Монархия не нуждается в подобной рекламе». — *Примеч. авт.*

Пресс-агент сказал принцу, что ему не следует тревожиться. «Все вопросы будут пустыми», — заверил он Филиппа. В большинстве случаев так оно и оказалось. Однако принц отвечал на них с живым юмором.

— Расскажите нам о Лондонском симфоническом оркестре, — попросил его репортер из Майами.

— Они хорошо играют, — ответил Филипп.

— Вы не собираетесь послать своих детей в американскую школу?

— Если быть абсолютно честным, то нет, но вы повергли меня в сомнения. Гм-м... Пожалуй, все-таки нет.

— Что вы думаете об успехе «Битлз»?* Разве они не приносят деньги Англии, выступая за границей?

— Весьма скромная компенсация за некоторые вещи, которые навязываются Британии.

— Это ваш первый визит в Америку?

— Нет, — ответил Филипп. — Мой первый визит состоялся во время правления президента Гарри Трумэна.

— Почему день рождения королевы...

— Только не просите меня объяснить, почему официально она празднует его в июне, в то время как родилась в апреле. Вам нужно просто принять это как данность — вроде крикета, фунтов, шил-

* Герцог Эдинбургский не был любителем рок-музыки. Во время «Королевского эстрадного концерта» (ежегодное благотворительное представление «по королевскому приказу») он мрачно прослушал выступление Тома Джонса, а затем спросил певца: «Чем вы там булькаете? У вас что, камни во рту?»

На следующий день в выступлении перед деловыми людьми принц упомянул о Томе Джонсе. «Это молодой человек лет двадцати пяти, и стоит он, как видно, около трех миллионов фунтов, — сказал Филипп. — Трудно понять, как можно заработать такие деньги, исполняя, на мой взгляд, совершенно чудовищные песни». — *Примеч. авт.*

лингв, пенсов и других странных британских обычаев.

Принц приятно удивлял репортеров и в каждом городе получал хвалебные отзывы прессы. Он собрал для благотворительных целей миллион долларов и вернулся домой, убежденный, что Букингемский дворец нуждается в британской версии голливудского пресс-агента. Королева отвергла его идею как абсурдную и заявила, что не собирается продавать себя или британскую монархию.

— Мой отец никогда так не поступал, — сказала она.

— Он в этом не нуждался, — возразил ее муж. — В его распоряжении был Уинстон Черчилль, и тогда шла Вторая мировая война.

В результате они поссорились в присутствии лакея.

Филипп снова упомянул о «Фирме», когда разговаривал с журналистами. «Монархии необходимо измениться, чтобы выжить, — заявил он. — Никто не хочет закончить свои дни подобно бронтозаврам, которые не сумели приспособиться к новым условиям. Теперь они стоят в музеях. Меня туда совсем не тянет».

Он не оставлял попыток убедить жену в собственной правоте, но она не обращала на его доводы особого внимания — до того дня, когда он утром ворвался в ее спальню, размахивая выпуском «Санди телеграф», консервативной правой газеты роялистского толка, которую он когда-то шуточно назвал «семейным горном».

— Тебе это, пожалуй, будет интересно, — воскликнул он, показывая королеве первую страницу.

Королева надела очки и прочитала статью об «изменении общественного мнения относительно монархии».

Филипп нетерпеливо расхаживал по спальне, будто не замечая лакея королевы.

Без комментариев Елизавета читала:

«Британцы все меньше интересуются делами короны — в особенности молодежь, большая часть которой считает королеву сверхдобропорядочным обывателем. Они вовсе не против — в том смысле, что они не призывают к установлению республиканского правления. Им просто безразлично... Британской монархии не грозит уничтожение взрывом народного негодования, — ее могут проглотить в грандиозном приступе зевоты».

Несколько недель спустя, когда пресс-секретарь королевы Ричард Колвилл ушел на покой, его сменил энергичный австралиец Уильям Хезелтайн. «Когда я приступил к исполнению своих обязанностей, начались большие перемены, — сказал он. — Главное в роли королевы — общение, этим вопросом следовало заняться как можно быстрее... В шестидесятые годы информация о королевской семье перешла из раздела новостей в колонку сплетен. Я хочу вернуть королеву на первые страницы газет, где ей самое место, и в гораздо большей степени использовать телевидение».

Первым делом Хезелтайн должен был подготовить церемонию получения Чарльзом титула принца Уэльского*. Много лет назад Елизавета обещала, что представит народу Уэльса своего старшего сына в замке Карнарвон. Она решила, что за несколько месяцев до своего двадцать первого дня рождения Чарльз готов к принятию титула. Елизавета согла-

* Титул принца Уэльского получает старший сын правящего монарха, но он не передается по наследству. Титул даруется личным эдиктом суверена. — *Примеч. авт.*

силась на телевизионные съемки, поскольку считала, что церемония «малой» коронации является вкладом в преемственность монархии.

Продюсер Би-би-си предложил снять биографический фильм о принце Чарльзе, но королева и принц Филипп ответили отказом: они считали, что их сын еще не в состоянии свободно отвечать на вопросы журналистов. Тогда на их рассмотрение представили идею телевизионного очерка о жизни принца Чарльза как наследника престола. И снова королева и принц Филипп сказали «нет», но, видя, с каким энтузиазмом Хезелтайн относится к телевидению, согласились обсудить вопрос о документальном фильме, посвященном королевской семье и обязанностям ее членов. Новый пресс-секретарь дворца намеревался показать королеву, герцога Эдинбургского и их четверых детей не просто застывшими фигурами на фотографиях. «Никто не знает их как людей, — заметил Хезелтайн. — Нам необходимо приблизить королевскую семью к каждому британцу». В этом его поддержал лорд Маунтбаттен, который недавно участвовал в съемках для Би-би-си восьмисерийного фильма о его жизни.

Однако королева продолжала возражать. Она не хотела, чтобы монархия имела что-то общее с шоу-бизнесом, и ей совсем не нравилась перспектива увидеть на экране членов королевской семьи, которым, пусть и на время, придется превратиться в звезд телевидения. «Я не Джеки Кеннеди, и у нас тут не Белый дом», — сказала она, имея в виду телевизионную экскурсию по Белому дому, которую устроила первая леди. Королева не любила выступать по телевидению и так и не научилась вести себя раскованно перед телекамерой. Ей ужасно не

хотелось записывать свое традиционное рождественское обращение, самым тщательным образом подготовленное техниками, гримерами и продюсерами. Она и представить себе не могла, что оператор с камерой будет следовать за ней по дворцу, в течение нескольких дней записывая на пленку все слова и действия.

«Королева также усомнилась в разумности позволить телевидению вторгнуться в их семейную жизнь, — вспоминал Хезелтайн. — Однако в конце концов она согласилась».

Только через три месяца переговоров удалось получить окончательное одобрение королевы. «Вы знаете пословицу «Когда дерутся слоны, страдает трава»? — спросил один человек, вовлеченный в дискуссию. — Следовало еще договориться с принцем Филиппом, который постоянно повторял: «Большинство журналистов просто мечтают сфотографировать вас в тот момент, когда вы ковыряете у себя в носу». А Костон отвечал: «Я не журналист». Кроме того, там еще был Маунтбаттен, который, конечно, все знал о телевидении, и зять Маунтбаттена, лорд Брэбурн, кинопродюсер, — он действительно кое-что понимал. Именно он привлек к работе Ричарда Костона, главу отдела документальных фильмов Би-би-си».

Наконец, когда Елизавете обещали полный редакторский контроль и копирайт*, а также поло-

* Через несколько лет королева поняла, что совершила ошибку, заключив договор с Би-би-си на съемку «Королевской семьи». Посмотреть фильм в Соединенном Королевстве оказалось практически невозможно. Оставив за собой копирайт, королева требует за просмотр около 70 долларов и запрещает показывать фильм без письменного разрешения Букингемского дворца, которое дается чрезвычайно редко. — *Примеч. авт.*

вину доходов от мировых продаж*, она разрешила съемку. Королева позволила съемочной группе находиться в ее кабинете в Букингемском дворце во время еженедельной встречи с премьер-министром, на которую она раньше не допускала даже своего мужа. Елизавета пригласила всю группу телевизионщиков в свой дом в Балморале на семейный пикник. Чтобы совершить удачную продажу на прибыльный американский рынок, она предложила включить в фильм встречу с президентом Никсоном во время его визита в Лондон, а также вручение послом Уолтером Анненбергом его верительных грамот. «Нам нужно нечто особенное», — сказала королева.

Но не настолько особенное, чтобы вызвать полемику. Ее Величество не дала разрешения на съемки ее посещения часовни Святого Георгия в Виндзоре утром 31 марта 1969 года для тайного перезахоронения праха ее отца. Она понимала, что общественность может быть возмущена, если ей станет известно, что тело короля пролежало семнадцать лет в дубовом гробу, спрятанном в узком туннеле под замком. Поэтому она приказала закрыть Виндзор для посещений и собрала всю семью** в часовне, где декан Виндзора, его преосвященство Робин Вудс совершил церемонию похорон без посторонних свидетелей.

Во время съемки фильма телевизионная группа выполняла все указания королевы. Однажды

* Фильм трижды показывали в Великобритании, дважды в США и по одному разу еще в 124 странах. Дворец отказался сообщить общую сумму дохода, но по оценкам экспертов она составила около 2,5 миллиона долларов. — *Примеч. авт.*

** Из почтения к матери королева не стала приглашать герцога Виндзорского на похороны его брата. — *Примеч. авт.*

продюсер предложил снять, как королева гуляет с одной из своих собачек. Ее Величество настояла на том, чтобы в кадр попали сразу все. Ее муж, который терпеть не мог корги — те постоянно норовили кого-нибудь укусить, — взорвался.

«Они хотели показать только одну из твоих проклятых тварей, неужели ты не поняла? — воскликнул герцог Эдинбургский. — Одну, а не четырнадцать мерзких собачонок».

В этой сцене королева снималась без мужа, но со всеми своими собаками.

Продюсер Би-би-си называл фильм историческим. «Я уверен, что зрители найдут его завораживающим, потому что он раскроет им, в чем состоит роль монархии, приподнимет завесу с повседневной жизни королевской семьи и поведаст, как она вписывается в наш век. Чрезвычайно важно, чтобы британцы поняли: мы не собирались снимать разные церемонии. Всем хочется знать, чем занимается королева, что происходит внутри дворца, в чем состоит ее работа... Наш рассказ не будет формальным: он посвящен людям, а не зданиям и торжественным ритуалам. Главная задача документальных съемок состоит в том, чтобы показать людей такими, какие они есть».

Узнав о реакции зрителей на фильм, продюсер пересмотрел свою точку зрения: «Монархия есть, по сути, связь с общественностью, фокус общественного интереса — вот в чем тут дело».

Антрополог Дэвид Этгенборо заявил продюсеру, что документальный фильм убьет монархию. «Весь ее институт основан на мистике и племенном вожде, сидящем в своей хижине, — сказал он. — Если каждый член племени когда-нибудь взглянет в хижину, то вся система подчинения ломается, а племя распадется».

Телевизионные камеры оставались в «хижине» королевы в течение семидесяти пяти дней и даже сопровождали ее во время официального визита в Чили. Было отснято пленки более чем на сорок часов просмотра. Общая стоимость фильма составила триста пятьдесят тысяч долларов. 105-минутный* документальный фильм, озаглавленный «Королевская семья» (сразу получивший прозвище «Корги и Бесс»), в июне 1969 года посмотрели сорок миллионов британцев. Второй раз фильм показали в декабре, из-за чего королева не стала выступать с ежегодным рождественским обращением. «Хорошенького понемножку», — заявил дворец, но двадцать тысяч британцев не согласились с его решением и написали письма, недовольные отменой рождественского обращения.

«Самый волнующий фильм, когда-либо показанный по телевидению» — так представил комментатор Би-би-си «Королевскую семью».

А потом вся страна смотрела, как королева и принц Чарльз готовят салат для семейного пикника, в то время как принц Филипп и принцесса Анна поджаривают сосиски и бифштексы.

Королева попробовала салат, засунув в него мизинец, а потом его облизала. Поморщилась.

— Слишком много масла, — недовольно проворчала она. Потом добавила немного уксуса, осталась всем довольна и подошла к мужу. — Ну, салат готов, — заявила Елизавета.

— Отлично, — ответил принц Филипп. — А вот мы еще не закончили.

В другой сцене королева — самая богатая женщина в мире, о чем прекрасно знали все ее под-

* Купюры (более 38 часов просмотра) были отправлены в королевский архив в Виндзорский замок. — *Примеч. авт.*

данные, — держит в руках великолепное рубиновое ожерелье. Она говорит о том, как сильно оно ей нравится и что оно подарено королеве Виктории правителем Персии. Потом, повернувшись к придворной даме, Елизавета недоуменно спрашивает: «Неужели я действительно его надевала?»

Через несколько минут монарх, который, как все считают, никогда не держит в руках денег, заходит в магазин вместе со своим четырехлетним сыном, принцем Эдуардом, чтобы купить ему конфет. Она забирает пакетик и говорит, что у нее как раз хватит наличных денег, чтобы заплатить.

В другой сцене королева смеется, спрашивая у своей семьи: «Как сохранить королевское выражение лица, когда лакей говорит вам: «Ваше Величество, следующую аудиенцию вы даете горилле?» Представляете, официальный визит, а посетитель и в самом деле ужасно похож на гориллу». Королева призналась, что не смогла сдержать смех.

«Следовало сделать вид, что тебе срочно нужно высморкаться, — посоветовал принц Чарльз, — и держать носовой платок у лица».

Королеве не пришлось заранее подвергать цензуре фильм, хотя ее муж беспокоился о сцене, в которой принц Чарльз показывает младшему брату, как настроить виолончель. Когда Чарльз натягивал одну из струн, она лопнула и задела щеку Эдуарда. Мальчик расплакался. Посмотрев фильм, королева сказала: «Подобное может случиться с каждым». Елизавета решила, что в фильме ничего не следует менять и что он достаточно хорош.

Большинство критиков согласились с ней, в том числе и «Таймс», в редакционной статье которой говорилось о важности документальной демонстрации преимуществ британской монархии, в

особенности когда будущий суверен растет в окружении королевских особ с соблюдением всех традиций.

«Посиделки с монархией! — восхищался один из критиков. — Все участники заслуживают похвалы».

«Обновление королевского имиджа, которое началось уже довольно давно, завершилось удачно, — написал Уильям Хардкастл, бывший редактор. — Для этого потребовалось немалое умение, и главным образом — умение вовремя остановиться. Мне кажется, что «Королевская семья» есть скорее завершение процесса, чем шаг к новым открытиям».

Как мало он знал! Монархия использовала телевидение для того, чтобы украсить свой имидж, потому что тогда это казалось удачной идеей. Только годы спустя станет ясно, что это было грубой ошибкой.

ГЛАВА 11

Принц Чарльз разглядывал плакат на стене спальни, на котором три молодые женщины сидели на софе эдвардианского стиля. Они маняще улыбались из-под опущенных полей своих шляпок. Одна красотка с длинными волосами была в босоножках; две другие босиком. Подпись внизу гласила: «Девочки говорят «да» мальчикам, которые говорят «нет». Доход от продажи плакатов шел в поддержку кампании против призыва в армию.

«Ужасно! — заявил принц, покачав головой. — Эксцентрично и отвратительно».

Принц Уэльский был человеком из другого времени. Когда студенты Кембриджа протестовали против войны во Вьетнаме, он играл в поло. Он избегал активистов политической жизни, которых называл «безумцами». И не любил хиппи. Для «детей-цветов» у него имелось свое имя — «уроды». А феминисток он считал «идиотками-мужененавистницами». Ему нравились «Гуны», группа британских комедиантов, славящихся свободным юмором и дерзким фиглярством. (Немцы называли их «Die Doofen» — «Дуралеи».)

Чарльз считал себя старомодным. «Я горжусь тем, что являюсь добропорядочным буржуа», — сказал он однажды. В то время как другие молодые люди заполняли бары, где знакомились одинокие мужчины и женщины, и принимали участие в сексуальной революции, принц Уэльский потягивал черри-бренди и берег свою девственность. Он прошел сквозь разболтанные шестидесятые, гордо выпрямившись и рассуждая о святости уз брака. И заявил, что не женится до тридцати лет.

К тому моменту когда ему исполнилось восемнадцать, самый богатый* юноша мира еще никому не назначил ни одного свидания. Однако три года спустя, в последний год учебы в Кембридже, его соблазнила девушка из Южной Америки, которая работала лаборанткой у мастера** колледжа. Пройдя сексуальное посвящение, Чарльз начал менять любовниц одну за другой и всем велел называть себя «сэр» — даже в постели.

«Я обожаю принца Чарльза, — сказала писательница Барбара Картленд, — и лорд Маунтбаттен, к которому я всегда прекрасно относилась, часто повторял, что из Чарльза получится прекрасный король. Дики помогал ему стать мужчиной, позволяя уединяться в Бродландсе [поместье Маунтбаттена], чтобы он мог, не привлекая к себе ненужного внимания, встречаться с молодыми дамами. Подальше от любопытных глаз прессы».

* Чарльз получал пятьсот тысяч долларов в год от своих владений в герцогстве Корнуолл и сто двадцать пять тысяч долларов как носитель титула принца Уэльского. К 1995 году он получал от герцогства четыре миллиона долларов в год и платил 40 процентов налога. — *Примеч. авт.*

** Титул главы некоторых колледжей в Оксфордском и Кембриджском университетах.

Чарльз восхищался Маунтбаттенем как «самым блестящим и добрейшим двоюродным дедушкой», а Маунтбаттена эта роль приводила в восторг. «Больше всего ему нравилось исполнять роль королевского сводника, — такое предположение высказал Джон Бэретт, личный секретарь Маунтбаттена. — Мы организовали для Чарльза несколько уик-эндов, на которые он приглашал молодых дам — леди Джейн Уэлсли, прямого потомка герцога Веллингтона; Люсию Санта Крус, дочь чилийского посла; Камиллу Шенд, прабабушка которой, Элис Кеппел, была любовницей короля Эдуарда VII, прапрадедушки Чарльза. Позже Камилла вышла замуж за майора Эндрю Паркера Боулза. Она была симпатичной резвой особой, однако Чарльз поздно созрел*. К сожалению, тогда он был еще недостаточно опытен, чтобы понять, что она станет единственной любовью его жизни».

Одной из женщин, предназначенных Маунтбаттенем для развлечения принца Чарльза, явилась его собственная пятнадцатилетняя внучка Аманда Нэтчбул, вторая дочь лорда и леди Брэбурн**. Аманда была на девять лет моложе Чарль-

* Камилла хвасталась своему деверю, что была первой женщиной, соблаздившей принца Чарльза. По словам Ричарда Паркера Боулза, она сказала, что приблизилась к принцу (это было в 1971 году), но он не знал, как нужно заниматься сексом. Тогда Камилла рассмеялась и посоветовала: «Представьте, что я — лошадь-качалка». — *Примеч. авт.*

** Вот иллюстрация путаницы в британских титулах. Патриция Маунтбаттен, дочь лорда Маунтбаттена, точнее графа Маунтбаттена Бирманского, вышла замуж за Джона Нэтчула, который унаследовал титул своего отца и стал лордом Брэбурном. Патриция Маунтбаттен Нэтчбул стала леди Брэбурн. Ее отец, не имеющий наследников по мужской линии, попросил королеву позволить ему передать свой титул старшей дочери. После смерти Маунтбаттена леди Брэбурн стала графиней Бирманской. После ее смерти ее сын Нортон Нэтчбул унаследовал этот титул. Пока она была жива, он носил титул лорда Ромси. — *Примеч. авт.*

за, и у Маунтбаттена на ее счет возникли грандиозные династические фантазии. Маунтбаттен увидел ее в роли следующей королевы Англии и, будучи хитрым и опытным сватом, изо всех сил принялся способствовать развитию ее отношений с Чарльзом, который приходился ей троюродным братом. Маунтбаттен нередко приглашал их на выходные к себе в Бродландс и отправлял вместе на семейные каникулы. После одного такого путешествия на Багамы Чарльз заставил Маунтбаттена действовать еще упорнее, написав: «Должен сказать, что Аманда превратилась в весьма привлекательную девушку, — и это очень волнует».

Когда принц Филипп узнал о кознях Маунтбаттена, он его поддержал. «Хорошо, — сказал он. — Нам не нужны в семье чужаки». До тех пор, пока Аманда не повзрослеет, чтобы можно было рассматривать ее серьезно, Маунтбаттен посоветовал Чарльзу стать для женщин «движущейся мишенью». И в одном из своих писем рекомендовал иметь как можно больше любовниц:

«Я полагаю, в вашем положении мужчина должен перебеситься и завести столько интрижек, сколько ему вздумается, и лишь потом остепениться и выбрать себе подходящую, привлекательную жену с мягким характером, прежде чем она успеет влюбиться в кого-то еще. В конце концов [твоя] матушка никогда всерьез не рассматривала ни одной кандидатуры после встречи в Дартмуте, а ведь ей тогда только что исполнилось тринадцать! Мне кажется, женщинам не следует иметь опыт в определенной сфере жизни, если после свадьбы им придется взойти на пьедестал».

Маунтбаттен советовал Чарльзу отнестись серьезно к выбору жены. «У покупателя должно быть

сто глаз», — говорил Дики, повторяя арабскую поговорку. «Маунтбаттен инструктировал Чарльза, что тот должен выбирать любовниц только среди состоятельных женщин из аристократических семей, — вспоминал Бэретт, — потому что их деньги и социальное положение являются залогом осмотрительности». Когда Бэретта спросили, правда ли, что Маунтбаттен организовал частный фонд, возглавляемый одним британским адвокатом, который якобы действовал через банк на Багамах и откупался от «назойливых любовниц» и «подружек на одну ночь», которые могли бы своими откровениями доставить принцу Уэльскому неприятности, Бэретт только улыбнулся: «Звучит абсурдно, однако Льюис Маунтбаттен мог пойти на что угодно, чтобы защитить принца Чарльза и монархию».

Маунтбаттен изображал своего протеже как самого желанного холостяка в мире, против сексуальной привлекательности которого ни одна женщина устоять не в силах. Он сравнивал его с кинозвездами вроде Уоррена Битти и хвалился корреспонденту «Тайм», что Чарльз просто обожает «повалиться в постельке с какой-нибудь девушкой». Впрочем, Маунтбаттен ужасно волновался по поводу эмоциональной незрелости принца. «Принц Чарльз так легко влюбляется, — сказал он однажды Барбаре Картленд. — И вообще он такой привязчивый».

Журналисты следовали за Чарльзом повсюду, где бы он ни появлялся с какой-нибудь подружкой, выслеживали его на альпийских склонах и карибских пляжах. Иногда даже в такие моменты, когда он совсем этого не ожидал. «Помню, я сидел в кустах и наблюдал за тем, как Чарльз попытался заняться любовью с Анной Уоллес на берегу реки

Ди в Балморале, — вспоминал журналист Джеймс Уитакер. — Через несколько мгновений после того, как королевский фитилек запылал ярким пламенем, Чарльз заметил, что мы потихоньку подползаем к нему на животах и стараемся разглядеть его в бинокль. Он вскочил и спрятался в кустах, оставив бедняжку Анну в одиночестве натягивать штанишки. В тот день он повел себя, как тряпка. Испугался и спрятался, оставив беззащитную девушку самостоятельно разбираться с тем, что произошло. Ему не следовало так поступать, мне стало за него стыдно. Но, естественно, я не рассказал в газете о случившемся. В конце концов он мой будущий король».

На бумаге Его Королевское Высочество принц Чарльз Филипп Артур Джордж, принц Уэльский, граф Честерский, герцог Корнуэльский, герцог Ротсейский, граф Каррикский, барон Ренфруский, лорд Островов, принц и председатель суда пэров Шотландии выглядел впечатляюще.

Однако он походил на героя из книги Джейн Остин «Разум и чувствительность»: «Человек, о котором все прекрасно отзываюся, но с которым никто не хочет разговаривать». Со своими старомодными манерами и вечно насуспенными бровями он напоминал озабоченного клерка. Неуверенный в себе и нерешительный, Чарльз, казалось, сгибается под тяжестью своих титулов и возлагаемых на него надежд. И несмотря на то что судьба уготовила ему стать Карлом III, сорок первым сувереном Англии с 1066 года, он знал, что отличается от остальных.

«Я не нормальный человек в нормальном смысле этого слова, — сказал он как-то журналистам. — Я не могу позволить себе быть таковым. Меня воспитали определенным образом, если хо-

тите, запрограммировали. Мои родители, вне всякого сомнения, думали о благе английского престола. Однако благодаря этому я оказался изолированным от реальной жизни».

Всегда серьезный и мрачноватый, принц производил впечатление человека утомленного настолько, что его сокурсники в Кембридже считали его скучным и немного туповатым*. «Он входит в комнату в своем строгом двубортном костюме, точно черная туча», — сказал один из них. Даже близкие друзья называли Чарльза стариком.

«Чарльз не из тех, кто быстро все делает, — сказал про него сокурсник из Кембриджа. — Посмотреть на него — только и увидишь оттопыренные уши и выступающий кадык. Таких мальчиков просто обожают бабушки».

Внимательный слушатель, исключительно вежливый молодой человек, Чарльз в отличие от своей прямолинейной сестры всегда старался всем угодить. Однако если бы он не был принцем Уэльским, на него вообще никто бы не обращал внимания. То, что он вырос в окружении людей, постоянно кланяющихся и приседающих перед ним в реверансах и ни в коем случае не поворачивающихся к нему спиной, сделало Чарльза высокомерным и заносчивым. Впрочем, каким-то образом ему удавалось держаться невероятно серьезно, и окружающие к нему неплохо относились. Он одевался в сшитые на заказ костюмы, крахмальные рубашки, носил золотые запонки и шелковые галстуки; его ботинки всегда

* Английские студенты, желающие поступить в университет, сдают экзамены с повышенным уровнем требований по выбранным самими студентами предметам. Лучшие студенты сдают четыре экзамена, средние — три экзамена, слабые — два. Чарльз сдавал два. — *Примеч. авт.*

сверкали так, что могли легко сойти за два маленьких зеркала. Как и его двоюродный дедушка, герцог Виндзор, он славился изысканным вкусом в одежде. Чрезвычайно привередливый в вопросах внешнего вида, Чарльз всегда оглаживал себя, перед тем как появиться на публике, и проговаривал свою любимую присказку: «Очечки, яички, бумажник, часы». Британский посол Николас Хендерсон пришел в восторг от ритуала и сказал: «Насколько я понимаю, так полагается себя вести королевским особам — по крайней мере особам мужского пола».

И хотя Чарльз выглядел чрезвычайно элегантно и вел себя безупречно, он постоянно смущался. Все время вертел золотое кольцо с печаткой, эмблемой принца Уэльского, которое носил на мизинце левой руки.

«Я думаю, дело в его ушах, — предположил один из бывших придворных королевы. — Он так и не сумел справиться с проблемой своих несчастных ушей. Стыдно, конечно...» Он сказал, что оттопыренные уши принца были любимым предметом шуток в королевской семье. Чарльза постоянно дразнили, а ему становилось не по себе. Принцесса Маргарет уговаривала сестру, чтобы та согласилась сделать Чарльзу пластическую операцию, но королева отказалась. Когда сыну Маргарет исполнилось три года, она заметила, что природа и его наделила «виндзорскими махалками». Маргарет немедленно отправила его в детскую больницу на Грейт-Ормонд-стрит, где ему сделали пластическую операцию.

Маунтбаттен постоянно препирался с королевой и принцем Филиппом, требуя, чтобы они привели в порядок уши своего сына, однако родители бездействовали, и потому Маунтбаттен заставил

Чарльза попросить родителей согласиться на пластическую операцию. «У королей не бывает таких ушей», — заявил Маунтбаттен. У покойного фотографа Нормана Паркинсона уши принца вызвали такое неприятие, что, снимая Чарльза для официального портрета, он прикрепил их к голове двусторонней клейкой лентой.

«Чарльз совсем не похож на своего лихого отца, — продолжал вспоминать придворный. — Он очень добрый, мягкий и чрезвычайно не уверенный в себе человек. Да, я нисколько не сомневаюсь, что во всем виноваты его уродливые уши. Дело вовсе не в равнодушном отношении к нему родителей... по крайней мере королеву упрекнуть в этом нельзя».

Бывший придворный рьяно защищает своего монарха, заявляя, что она была отличной матерью, и одновременно пытается ответить на вопросы, касающиеся детства Чарльза.

«Его Королевское Высочество был робким мальчиком. Чрезвычайно дисциплинированным, с великолепными манерами, но довольно застенчивым, совсем как Ее Величество, — вспоминает он. — Он чувствовал себя неуверенно на лошади. Его сестра, которую растили точно так же, была смелой и шумной, похожей на отца... Ей следовало родиться мальчиком, а Чарльзу девочкой».

«В Австралии меня спросили, работаю ли я над совершенствованием своего имиджа — точно я являюсь чем-то вроде стирального порошка со специальным отбеливателем, — сказал Чарльз репортерам. Он пытался быть остроумным, импровизировать на ходу, но частенько у него ничего не получалось. — Думаю, я мог бы изменить свой внешний вид и отношение к себе в определенных кругах, отрастив волосы до более модной длины, пе-

риодически появляясь в клубе «Плейбой» или натягивая на себя невероятно узкие костюмы... Я не имею ни малейшего представления о том, каков мой имидж, и потому постараюсь по возможности и дальше оставаться самим собой».

Репортеры забрасывали принца вопросами о том, как должна выглядеть женщина, которую он сделает королевой. Они много говорили о его разнообразных подружках — стройных, длинноногих, как правило, блондинках, — называя их «ангелами Чарльза», сообщая всему свету, что самый желанный холостяк мира коллекционирует победы на любовном фронте. Чарльз признавал, что боится жениться, потому что не имеет права на ошибку. «Развод для человека, занимающего мое положение, не обсуждается, — заявил он как-то. — Для таких, как я, это самое последнее дело. И потому я должен как следует все взвесить, прежде чем начать действовать».

Маунтбаттен предложил ему прагматический подход, о котором Чарльз с удовольствием сообщил любопытным журналистам. «Если я должен принять решение, с кем хочу прожить пятьдесят лет... ну, тут сердцу делать нечего, нужно слушаться доводов разума, — поделился он с ними своими размышлениями. — Мне кажется, многие неправильно понимают суть брака. Речь не идет о том, чтобы безумно в кого-нибудь влюбиться и рассчитывать, что твой роман будет продолжаться всю супружескую жизнь».

По правде говоря, Маунтбаттен строго-настро-го предупредил Чарльза, что тот ни в коем случае не должен позволить себе влюбиться. «Никогда не забуду, как он сказал, что человек, который станет королем, не имеет права на любовь, — вспоминал

Джон Бэретт. — «Оставь эти радости своему кузину», — советовал Маунтбаттен».

Он имел в виду принца Майкла Кентского, который занимал шестнадцатое место в линии наследования трона, когда влюбился в баронессу Мари-Кристин фон Рейбнитц. Ее вряд ли можно было рассматривать в качестве подходящей супруги для принца. Католичка, что еще хуже — немка, чей отец был нацистом, она уже успела побывать замужем и развестись. В королевской семье имелись и другие нацисты — герцог Кобургский, брат принцессы Элис, графини Атлонской.

«По мнению лорда Маунтбаттена, высокая светловолосая красавица Мари-Кристин, — продолжал Джон Бэретт, — могла придать дому Виндзоров дополнительный блеск. И потому он помог принцу Майклу добиться разрешения королевы на брак. Королева дала свое согласие, но заявила, что на церемонии присутствовать не намерена, несмотря на то что она состоится не в католической церкви, поскольку папа римский наложил на брак свой запрет. Так что они сочетались гражданским браком, а принцу Майклу* пришлось отречься от своего права на трон». Чарльз не нуждался в более ярких примерах разваливающегося прямо на глазах брака, когда смотрел на свою тетю, принцессу Маргарет, вокруг имени которой начал развиваться международный скандал.

Итальянский журнал «Мен» описывал «дикие интимные вечеринки» Сноудонов, не уставая на-

* Отказавшись от права на наследование трона, принц Майкл сохранил это право за своими детьми. Он сказал, что дети, рожденные в браке, будут воспитаны в традиции англиканской церкви. Поэтому его сын лорд Фредерик Виндзор и дочь леди Габриэлла Виндзор остались в линии наследования. — *Примеч. авт.*

поминать читателям об их страсти к порнографии. В статье сообщалось, что герцог Эдинбургский возмущен позорным поведением Сноудона, который «попал в общество через черный ход».

Сатирическое телевизионное шоу «Спиттинг имэдж» выставило Сноудонов в скетче, озаглавленном «Кошмарные пары». «Мы объединили в пары самых не подходящих друг для друга людей, чьи имена нам удавалось вспомнить, — сказал Роджер Лоу, талантливый постановщик шоу. — Маргарет Тэтчер и Джонни Роттен; Роман Поланский и Мей Уэст; Дайана Росс и Ян Смит и, конечно же, принцесса Маргарет и Энтони Армстронг-Джонс».

Журнал «Эсквайр» сообщил, что Сноудоны постоянно ссорятся, потому что Маргарет настаивает на том, чтобы даже самые близкие друзья следовали протоколу и вели себя с ней, демонстрируя уважение, которое следует оказывать особе, в чьих жилах течет королевская кровь.

— Вы обращаетесь ко мне по имени, — принялся возражать издатель одного журнала, который знал Маргарет всю жизнь, — почему же я не могу так же называть вас?

— Не можете, и все тут! — с высокомерным видом заявила принцесса.

Она требовала, чтобы все обращались к ней «мадам» или «дорогая мадам», и «Ваше Королевское Высочество». Женщины должны были делать реверансы, а мужчины приветствовать ее наклоном головы. Если она входила в комнату, никто не имел права ее покинуть. А если Маргарет желала, чтобы вечеринка продолжалась до четырех часов утра, уставшие гости, у которых слипались глаза, ей подчинялись. Никто не садился в ее присутствии без специального разрешения, а если ей вдруг

взбрело в голову попеть, никто не осмеливался разговаривать.

Сноудоны очень скоро стали жить каждый в соответствии со своими собственными представлениями и вкусами. Маргарет построила дом на острове Мюстик в Карибском море, в котором ее муж ни разу не был. А он устраивал вечеринки в своем имении в Суссексе, куда никогда не приезжала она. У обоих имелись любовники. Принцесса, которая имела репутацию особы не слишком разборчивой в своих связях, развлекалась с некоторыми друзьями мужа, включая рок-звезду Майка Джаггера, писателя Робина Дуглас-Хьюма, актера Питера Селлерса и фотографа Патрика Личфилда, который к тому же приходился ей двоюродным племянником*. «Мы целуемся по-родственному, — говорила Маргарет. — Так что все в порядке».

Сноудон тоже не стеснялся заводить самые разнообразные связи вне брака, включая роман с леди Жаклин Руфус-Айзекс, двадцатидвухлетней дочерью маркиза Редингского, который длился целый год. Однако он протестовал против связи своей жены с племянником премьер-министра в отставке сэра Алека Дуглас-Хьюма. Их роман начался в декабре 1966 года, когда Сноудон отправился в турне по заданию «Санди таймс», в котором должен был сделать ряд снимков. По возвращении он узнал, что его жена провела выходные с Дуглас-Хьюмом в его загородном имении. Сноудон впал в ярость, и Маргарет быстро прекратила роман. А аристократ еще глубже погрузился в пьянство и наркотики. Год спустя он совершил самоубийство.

* Мать Личфилда, Анна, была дочерью Джона Боуэс-Лайона, брата королевы-матери. — *Примеч. авт.*

Он умолял принцессу положить конец своему неудачному браку, однако она отказалась. В завязавшейся между ними переписке Маргарет призналась, что слишком боится мужа:

«Милый, я не могу... Он такой ревнивый, что способен на многое, чтобы выяснить, что у меня на уме, и проследить за тобой. Могу ли я сделать тебя счастливым на расстоянии? Мне кажется, мы должны радоваться уже одному тому, что существуем друг для друга. Обещай, что ты никогда не сдашься, что будешь продолжать помогать мне сделать мой брак удачным, и тогда со временем у меня появится возможность вернуться к тебе. Сейчас я не смею».

Брак Сноудонов напоминал сражение двух собак за кость. Они пытались ее ухватить, грызли и рвали зубами. Поначалу только тихонько покусывали друг друга, как два резвых щенка; сейчас же рычали, словно обезумевшие от ярости бультерьеры.

Оба непрерывно курили и пили слишком много. Маргарет, страдавшая мигренями, начала употреблять джин с тоником за завтраком. Она принимала снотворное и погрузилась в такую депрессию, что вскоре обратилась к психиатру. Сноудон, проводивший целые недели вдали от нее, хотел получить развод, но Маргарет ему отказала. Она не видела никакой необходимости что-либо менять в их жизни. Маргарет признавалась друзьям, что вражда, как ни странно, заставляет их заниматься сексом так, точно они обезумели. Принцессе это нравилось. Она хранила коллаж в рамке, который Тони сделал для нее, когда они только стали любовниками. Он взял кусочки листьев, павлинье перо, монету, слова, вырезанные из журнала, и маленькую корону, парящую над розовой шелковой постелью. Под головоломкой, в

которой, очевидно, содержалось интимное послание, стояла подпись — нарисованный пони. Вычеркнув букву «п», он вставил «т», что означало Тони. Маргарет повесила коллаж у себя в ванной.

Будучи глубоко религиозной, она верила, что ужасный, несчастливый брак лучше, чем развод, в особенности для их сына и дочери. Сначала они с мужем не хотели детей. «После того как мы поженились, Тони передумал, — вспоминает Маргарет. — И я родила ему двоих детей». Теперь же она хотела сохранить свою семью ради шестилетнего Дэвида и трехлетней Сары. Кроме того, Маргарет знала, что представитель дома Виндзоров не имеет права на развод. Так что для нее расторжение брака считалось вещью невысказанной. «Я не говорю, что не хочу развестись, — сказала она подруге. — Однако считаю, что должна сдержать свои торжественные клятвы, — это мой долг перед семьей, перед собой и страной». Сноудон обратился к королеве, заявив, что его жизнь с ее сестрой стала невыносимой.

Королева, которая шарахалась от любых семейных конфликтов, не желала рассматривать вопрос о семейной жизни своей сестры до тех пор, пока «Дейли экспресс» не сообщила о том, что у Сноудонов возникли внутренние разногласия. Елизавета неохотно пригласила их обоих в Букингемский дворец вечером в понедельник 18 декабря 1967 года. Маргарет рассказала одной из своих подруг, что это был семейный разговор, в котором принимали участие принц Филипп и королева-мать.

Филипп напрямую заявил, что поддерживает неофициальный разъезд. Он сравнил брак Сноудонов с ракушками, приставшими ко дну британской монархии. Моряк заявил, что единственно возможное решение заключается в том, чтобы вос-

пользоваться жесткой щеткой. Маргарет шумно вздохнула, а королева-мать, старавшаяся избегать любых неприятностей, молча вытирала слезы. Ее безмолвное присутствие помогало королеве, которая заявила, что ей нужна поддержка всей семьи для принятия столь сложного решения. Сноудон, желавший только одного — расстаться с Маргарет, и по возможности без шума, сидел и ничего не говорил. В кармане его пиджака лежало три любовных письма, полученных Маргарет от Робина Дуглас-Хьюма. Совершенно спокойно выслушав всех, королева объявила, что ей необходимо переговорить со своими советниками. Решение не было принято, и Сноудон ушел. Маргарет осталась, а позднее рассказала своей подруге Шерман Дуглас, что, уходя, королева дала им совет: «Почему бы каждому из вас не идти дальше своим путем — только не поднимая ненужного шума».

Сноудон чувствовал, что попал в капкан, и вел себя как зверь, которого заперли в клетке. Не видя никакого выхода из создавшегося положения, он с безжалостной жестокостью наносил ответные удары. Унижал жену, как только представлялась возможность, часто в присутствии посторонних.

По дороге на греческий остров Корфу после долгого обеда, во время которого было выпито много спиртного, он предложил Маргарет отдохнуть несколько часов, перед тем как отправиться на ужин. Они разошлись по своим спальням и прилегли. Через час зазвонил звонок у входной двери в их апартаменты.

«Маргарет рассказывала мне, что крикнула Тони, чтобы он открыл дверь, но он притворился, будто спит, — вспоминала ее подруга. — Звонок не умолкал, и ей пришлось встать и подойти к

двери. Маргарет была в ночной рубашке, в волосах — бигуди. На пороге стояли шестеро мужчин, утверждавших, что Тони пригласил их на чай. Тони специально все подстроил, чтобы Маргарет выглядела и чувствовала себя полной идиоткой».

Принцесса отомстила ему в Лондоне, перевернув кофейник на его негативы. «Ах, извини, пожалуйста», — ехидно пропела она. На вечеринке в Нью-Йорке, которую устраивала Шерман Дуглас, Маргарет царствовала в компании в одном конце комнаты, Сноудон общался с друзьями в другом. Хозяйка, чей отец был американским послом в Великобритании в 1947 году, курсировала между ними. Поприветствовав Маргарет, она спросила, как поживает королева.

— Вы какую королеву имеете в виду? — спросила принцесса, помахав в воздухе мундштуком. — Мою сестру, мать или мужа*?

В конце вечера принцесса решила поблагодарить поваров. Она предполагала, что муж будет ее сопровождать, и потому попросила слугу его найти.

— Сэр, Ее Королевское Высочество готова отправиться на кухню.

Сноудон проигнорировал посыльного и продолжал разговаривать.

Тот подождал немного, затем откашлялся и предпринял новую попытку. Однако Сноудон болтал не умолкая. Наконец посыльный осмелился его перебить:

— Сэр, прошу меня простить, но Ее Королевское Высочество готова отправиться на кухню.

— Правда? — фыркнул Сноудон. — И что она собирается там делать? Бить яйца?

* Queen — королева; педераст (англ.).

Неделю спустя Сноудон присутствовал на званом обеде в Лондоне. «Это было отвратительно, — вспоминала потом хозяйка. — Когда мы расселись за столом, Тони надел на голову мешок. Принесли первое блюдо. Он просто сидел и не шевелился. Никто к нему не обращался, все делали вид, что его нет. Наконец принцесса Маргарет не выдержала:

— Зачем ты надел на голову мешок?

— Потому что меня тошнит от одного твоего вида, — ответил он.

На туалетном столике Маргарет Тони оставил записку, озаглавленную так: «Двадцать причин, по которым я тебя ненавижу».

Сноудон не жалел никого. В присутствии друзей он критиковал внешность жены и ее манеру одеваться, в особенности туфли, сделанные по специальному заказу, чтобы она казалась выше.

«О мадам, какой симпатичный парашютный шелк! — заявил он, когда Маргарет вошла в гостиную, где собрались гости. На ней было надето нарядное платье из шифона, сшитое в восточном стиле, чтобы скрыть тот факт, что она заметно прибавила в весе за последнее время. Тони взглянул на ее туфли на платформе с высоким каблучком. — Я вижу, вы надели ваши маленькие довоенные туфельки. — А чуть позже проговорил: — Ты похожа на маникюршу-еврейку».

В самом начале их семейной жизни Сноудон помогал жене выполнять ее обязанности члена королевской семьи, за которые она получала ежегодное содержание в размере 45 000 долларов. «Он мне отлично подходил — тогда», — вспоминала принцесса и откровенно признавала, что ему удалось очаровать тех, кого она обижала. Однажды

она шокировала главу какой-то детской организации, объявив: «Я не желаю встречаться с полоумными детьми». Позже Тони начал сердиться, когда ему приходилось сопровождать ее на открытие больниц, спуск кораблей на воду и посадку деревьев. Особенно его возмущали намеки на то, что он находится у принцессы на содержании. «Я сам зарабатываю себе на жизнь, — заявил он репортерам. — И плачу 2 500 долларов налогов в год».

К тому времени он вернулся к своему занятию фотографией, работая на «Санди таймс». Если в газете появлялась надпись «Фотографии Сноудона», это означало, что она будет хорошо продаваться. Ему нравилось, что он имеет доступ к людям, которые не желают встречаться с его коллегами. Впрочем, актриса Вивьен Маршан говорила, что дело в его жене, а вовсе не в его таланте. «Естественно, мы, актеры, позволяем тебе нас снимать, — сказала она во время одного обеда, — только потому, что ты женат на ней». — И махнула рукой в сторону принцессы Маргарет. Сноудон пришел в ярость.

Журналисты отлично знали, что в семейной жизни у него не все в порядке, и много сплетничали на этот счет, но в прессу ничего не просачивалось.

«Я помню, как однажды присутствовал в Кенсингтонском дворце на одной из съемок, — вспоминает журналист из «Таймс». — Мы со Сноудоном сидели и рассматривали пробные отпечатки. Я не знал, что в комнату вошла принцесса, пока не услышал у себя за спиной ее пронзительный голос.

— Какие милые снимки! — воскликнула она.

— О Господи! — раздраженно прошипел Сноудон. Он не посчитал нужным встать, чтобы приветствовать жену, только кивнул в сторону Ее

Королевского Высочества и заявил: — Познакомься с главным морским скаутом*.

Замечание прозвучало весьма язвительно и грубо и было направлено на то, чтобы ее унижить, — продолжает репортер, который, естественно, чувствовал себя неловко. — В течение следующих пятнадцати минут Сноудон игнорировал принцессу, и в конце концов она вышла из комнаты. Сноудон вздохнул с облегчением».

Злобная ругань Маргарет и Тони постоянно ставила их друзей в неловкое положение. «Из их брака ничего хорошего и не должно было получиться, — сказала одна их знакомая. — На крестинах Маргарет явно присутствовала злая фея, а Тони, интересный и восхитительный человек, отличается чрезмерной требовательностью. Оба хотели быть звездами, что и привело к бесконечным столкновениям. Он более талантлив, однако Маргарет требовала постоянного внимания, которого он не мог и не желал ей уделять. У нее ненасытное мужское эго. И у него тоже, но он заслуживает признания и аплодисментов. И требует, чтобы она его оценила по достоинству». Британская пресса придерживалась политики официального молчания касательно супружеской жизни Маргарет и Тони, потому что принцесса, ставшая пятой в линии наследования трона, являлась сестрой королевы. «Склонность британцев к язвительным сплетням не может распространяться на монарха — безупречного, скучного и весьма достойного, — сказал писатель Эндрю Дункан. — Младшая сестра, таким образом, становится жертвой лицемерия».

* Морской вариант бойскаутов. Они вяжут морские узлы, варят сосиски в консервных банках. Маргарет была их почетным покровителем. — *Примеч. авт.*

Сначала истории, просочившиеся в прессу, защищали скорее принцессу, чем простолюдина, за которого она вышла замуж. Журнал «Макколл» сообщил, что граф Сноудонский принял участие в вечеринке, где появился, «наложив на лицо чрезмерное количество косметики». В другой компании, по словам «Прайвит ай», он «промчался через всю комнату, чтобы наградить смачным поцелуем в губы Рудольфа Нуриева». Один сатирический журнал назвал Сноудона собачкой на поводке: «Принцесса постоянно теряет своего мужа. Он выскальзывает из ошейника и исчезает, иногда на целые недели». В журнале говорилось, что королева так сердита на своего зятя, что не разговаривала с ним в течение восемнадцати месяцев после его возмутительного выступления во время рождественского обеда 1969 года в Сандринхеме: «Именно тогда крошечный гений устроил настоящий переполох, вскочив на обеденный стол и завопив: «А теперь... Тони ла Рю», — и начал раздеваться, изображая стриптиз». На следующий год принцесса Маргарет отправилась в Сандринхем одна, взяв с собой лишь детей, в то время как ее супруг провел праздники в одной из лондонских больниц, где ему удалили геморрой.

«Королева всегда прекрасно относилась к Сноудону», — вспоминал один из ее приближенных, возражая газетным статьям. Много лет спустя, когда Ее Величество встречалась с одним из кинематографистов, получившим премию «Оскар», она спросила его, чем он занимается в кино. Он сказал, что является главным оператором.

— О, как интересно! — говорят, так ответила королева. — По правде говоря, у меня зять фотограф.

— Какое изумительное совпадение! — ответил кинематографист. — А у меня есть родственник — королева, то есть гомик*.

Королева, не говоря ни слова, отошла в сторону.

В связи с Маргарет и ее мужем ходили слухи о пьянстве, наркотиках и диких ночах. «Но хуже всего были безобразные скандалы, — вспоминала бывшая фрейлина принцессы. — Эти склоки унижали их самих и всех окружающих. Тони отправлялся выполнять задания газеты в качестве фотографа — в Токио, Мельбурн, Нью-Йорк — всякий раз, как только возникала возможность, а Маргарет отчаянно радовалась, когда он уезжал. Но проходила неделя без него, и ей становилось скучно».

В течение трех недель, которые Сноудон провел в Индии, он ни разу не связался с женой. После первой недели принцесса начала ежедневно звонить в «Таймс». Она интересовалась, есть ли какие-нибудь известия от ее мужа, который телеграфировал в газету три раза в день, но ни слова не сообщил о себе Маргарет. Когда редактора отдела фотографий не было на месте, к телефону подходил заместитель и оставлял на его столе записки: «Звонила ЕКВ» или «Снова — мадам». К концу третьей недели накопилось такое количество записок, что можно было судить о безумной частоте звонков из Кенсингтонского дворца: «Умоляю, позвоните королевскому карлику».

Тот факт, что брак принцессы Маргарет распался, оказывал опосредованное влияние на принца Чарльза, одной из главных обязанностей

* Диалог построен на разных значениях слова photographer — оператор и фотограф и слова queen — королева и педераст.

которого было правильно выбрать жену и завести хороших детей. Его ограничивали два закона: «Акт о престолонаследии», принятый в 1701 году и запрещающий наследнику жениться на католичках, и «Акт о королевских бракосочетаниях», принятый в 1772 году и требующий согласия монарха на брак наследника, если таковому еще не исполнилось двадцати пяти лет. Далее, он должен объявить о своем намерении жениться и имеет право заключить брак только через двенадцать месяцев, если обе палаты парламента не возражают. Рожденный, чтобы стать королем, Чарльз знал, что должен дать своей стране королеву и обеспечить продолжение королевского рода дома Виндзоров. С тех пор как ему исполнилось три года, его предстоящая женитьба постоянно обсуждалась в прессе, которая без колебаний предлагала подходящие кандидатуры. В семидесятых необходимость найти идеальную супругу подчеркивалась во время каждого важного события в королевской семье.

Смерть герцога Виндзорского в мае 1972 года снова напомнила британцам об отречении бывшего короля и о ссылке, в которую он был вынужден отправиться, — и все из-за того, что неправильно выбрал себе супругу. Несмотря на враждебное отношение семьи к Виндзорам, Чарльз симпатизировал герцогу и герцогине. Он сопровождал своих родителей во время их официального визита в Париж и имел короткую встречу со своим дядей за десять дней до его смерти.

Зная, что семидесятисемилетний герцог неизлечимо болен, королева согласилась повидаться с ним во время пятидневного официального визита во Францию. Несмотря на настойчивые просьбы врача герцога, королева отказалась изменить рас-

порядок своего дня. Врач умолял секретаря передать королеве, что герцог очень серьезно болен. «Он находится на пороге смерти», — сказал врач. На следующий день он получил известие от британского посла Кристофера Сомса, который волновался, что кончина герцога может сказаться на официальном визите королевы во Францию.

«Послушайте, доктор, — вспоминает Джин Тин слова посла. — Герцог должен умереть до или после, но ни в коем случае не во время визита королевы. Вы поняли?»

Один журналист спросил секретаря королевы, почему Ее Величество ведет себя так бессердечно по отношению к герцогу Виндзору. А тот ответил: «Вы знаете, что он умирает. Я знаю, что он умирает. Но Мы не знаем, что он умирает».

Чарльз, сопровождавший родителей в дом Виндзоров в Булонском лесу под Парижем, был потрясен, когда увидел измученного старика, умирающего от рака гортани. Несмотря на то что он едва держался на ногах, бывший король покинул постель, чтобы приветствовать королеву как полагается. Чарльз был тронут этим жестом.

Герцогине Виндзорской, которую королевская семья всячески поносила при каждом удобном случае, показалось, что королева держалась холодно и сдержанно. «Всеим своим видом она показывала, что не собиралась наносить ему визит, — рассказала герцогиня графине Романонес. — Просто она не хотела нежелательных разговоров, поскольку все знали, что герцог умирает, а она прибыла в Париж».

Когда герцог умер, Чарльз решил, что нужно помочь герцогине, которой королевская семья причинила столько страданий. Он благородно предложил встретить ее самолет в Лондоне и сопровождать ее

на похороны мужа, однако Букингемский дворец сказал «нет». Приближенные королевы объяснили, что, как будущий наследник престола, он поставит в неловкое положение всю королевскую семью и саму монархию, сделав такой королевский жест в адрес дважды разведенной женщины незнатного происхождения. «Вас могут неправильно понять», — заявил секретарь королевы. Чарльз догадался, что главное препятствие заключено, естественно, в отношении королевы-матери, а он не мог обидеть свою любимую бабушку. Так что встретить герцогиню послали графа Маунтбаттена. Ее пригласили остановиться в Букингемском дворце, но только на период похорон.

«Сразу же после похорон все члены королевской семьи перебрались в Виндзор, оставив герцогиню в одиночестве, — вспоминал один из служителей дворца. — Тогда я работал в серебряно-золотой кладовке и прекрасно помню, как все они — королева-мать, сама королева и принцесса Маргарет — планировали уехать из города без герцогини Виндзорской. Обращаться с ней таким образом после стольких лет — просто возмутительно! Я никогда не забуду ее худое, измученное лицо, выглядывающее в окно Букингемского дворца, когда все разъехались. Она казалась такой одинокой и потерянной».

В жизни принца Чарльза необходимость правильно выбрать жену снова заняла главенствующее место в ноябре 1972 года, когда они с сестрой участвовали в праздничном обеде, посвященном серебряной годовщине свадьбы их родителей. День объявили праздничным, вся страна отмечала столь радостное событие, школьники получили выходной, а королева пригласила сто семейных пар на торжественную службу в Вестминстерском

аббатстве. Совершенно незнакомые друг с другом, приглашенные пары поженились тогда же, когда и королева. И потому она пригласила их помолиться Богу вместе. В конце службы герцог Эдинбургский вышел в центральный проход и подал руку жене, чтобы сопроводить ее к выходу из аббатства, — совсем как в день бракосочетания. Однако Ее Королевское Величество не смотрела в его сторону и не заметила руки. Они покинули аббатство, шагая бок о бок, улыбаясь, но не касаясь друг друга — как бы показывая всем, что их брак стал эффективным партнерством, но не более того.

Тысячи людей собрались в Сити, чтобы послушать, как лорд-мэр превозносит королеву, назвав ее безупречным примером общественной и личной жизни. «Благодаря телевидению вы позволяли нам заглядывать в ваши открытые окна гораздо чаще, чем это делали прежние монархи, — сказал он. — Среди всего, что вы сделали для своих подданных за двадцать пять лет, есть и этот пример счастливой семейной жизни, которую ведете вы, ваш супруг и ваши дети, пример, который укрепил узы, связывающие все семьи нашей страны».

Даже Уилли Гамильтон прислал поздравление. Самый ярый критик монархии в парламенте удивил всех тем, что тоже посчитал необходимым отдать должное юбилею. Впрочем, несколько минут спустя он принялся возмущаться, что на улицах торгуют ложками и вилками, выпущенными специально в честь данного события, и грозно заклеил «отвратительную жадность, которая стремится извлечь прибыль из такого благородного события, и роялистов, старающихся заграбастать как можно больше денег, используя к собственной выгоде иррациональные чувства, рожденные столь

необычным праздником». Он предложил дворцу передать все вырученные средства на благотворительные цели — например, детям, родившимся инвалидами из-за того, что их матери принимали наркотик талидомид. Дворец не обратил внимания на это предложение.

«Тогда я был похож на сумасшедшего, — вспоминает он. — Двадцать лет спустя — на пророка».

Королева так радовалась возможности разделить свой праздник с другими, что решила покинуть привычную раковину сдержанности и прохаживалась среди своих подданных, пытаясь с ними разговаривать. Чем вызвала у окружающих изумление — все знали, что королева никогда не замечает простых людей. Лондон впервые увидел монарха на своих улицах, и размахивающие флажками британцы приветствовали королеву, герцога Эдинбургского, принца Чарльза и принцессу Анну, которые, смешавшись с толпой, демонстрировали своим подданным, что королевская семья не так от них далека, как им представлялось раньше.

Стараясь подчеркнуть, сколь серьезное значение она придает своей семейной жизни, Елизавета произносила сентенции, от которых так и несло невинностью в кружевных оборочках. «Брак начинается тогда, когда соединяются муж и жена, но отношения между двумя людьми, какими бы глубокими они ни были вначале, должны развиваться и становиться более зрелыми с проходящими годами. И потому связи между детьми и родителями, пожилым поколением и внуками, между кузенами, тетями и дядями должны быть очень тесными».

Когда она произносила эти слова, большинство британцев, в соответствии с опросом мнений, проведенным в 1972 году, считали, что королевская

семья показывает стране пример морального поведения, устанавливает законы, играет более значительную роль, чем церковь. Такая вера в монархию подсказала Елизавете мысль послать «вежливый запрос» в парламент с просьбой увеличить денежную дотацию на нужды королевской семьи. Несмотря на то что в тот момент количество безработных равнялось миллиону человек, только один член парламента* захотел лишить королеву не облагающихся налогом ассигнований из гражданского листа**!

«Почему она должна получать миллионы, когда пенсионерам грозит смерть от голода и холода зимой? — спрашивал Гамильтон в палате общин. Разъяренные тори повскакивали на ноги и начали возмущенно вопить. Однако член парламента, лейборист, не обратил на них никакого внимания. — Посмотрите вот на это! — громко возвестил он, размахивая в воздухе списком штата королевы-матери, состоящего из тридцати трех человек, включая пять камер-фрау и одиннадцать фрейлин опочивальни***. — Что, черт по-

* Бывший член парламента Уилли Гамильтон рассказал автору этой книги в 1993 году: «Мне угрожали смертью, когда я предложил изучить расходы королевского двора... Советники королевы высокомерно заявили, что мы должны дать деньги, которые она просит. «Не важно, сколько денег у королевы, — сказали они. — Не имеет значения, как она богата. Нам нужно больше денег, и вы должны их дать». И мы покорно дали деньги. Они знали, что у нас послушное правительство и что мы боялись обидеть монархию — в то время». — *Примеч. авт.*

** Сумма, выделяемая парламентом на содержание королевского двора и членов королевской семьи.

*** Камер-фрау занимают более высокое положение в обществе, — это супруги пэров. Их выбирают исключительно в соответствии с личными качествами, и они прислуживают королеве-матери во время особых публичных церемоний. Фрейлины же работают сменами, по две недели, и выполняют самые разные поручения, например, отвечают на письма, ходят за покупками и так далее. — *Примеч. авт.*

дери, они делают? Какого же размера должна быть опочивальня, чтобы они все там поместились? Хорошо, допустим, королева — пожилой человек и пенсионерка. И еще мы говорим: «У нее на лице всегда приятная улыбка». Но клянусь всеми святыми, если бы моя жена получала такие деньги, она не только улыбалась бы, она смеялась бы не переставая».

Тори в знак протеста принялись топтать ногами. Критиковать расходы королевы-матери — богохульство! «Какая непристойность!» — вопил член парламента, консерватор. Однако Гамильтон не отступал, протестуя против увеличения выплат принцессе Маргарет. «Этой дорогой содержанке? — рычал он. — Да ее следует уволить!»

Досталось даже Ее Величеству. Гамильтон ворчал: «В моем округе проживает около тысячи женщин, способных справиться с работой, которую делает королева».

Сначала дворец пытался не обращать на Гамильтона внимания, рассматривая его как досадную мелкую неприятность.

«Он чертов коммунист», — сказал принц Филипп, которого критиковали в парламенте за то, что он заявил, будто Англии следует больше беспокоиться о достойных богатых представителях общества, чем о тех, кто безнадежно беден. Его слова вызвали в палате общин* такой взрыв возмущения, что премьер-министр Джеймс Каллагэн

* «Герцог Эдинбургский — бесполезный, реакционный, несокомерный паразит, — сказал Артур Латем, лейборист, член парламента. — Он самый высокооплачиваемый в Англии претендент на государственные средства социального обеспечения, причем просто потому, что является мужем своей жены». — *Примеч. авт.*

был вынужден напомнить особенно непримиримым критикам о древней традиции «хорошо отзываться о членах королевской семьи». После атаки Уилли Гамильтона премьер-министр от подобных замечаний воздержался.

«Он не более чем простой* шотландец», — сказала принцесса Маргарет, выплюнув слово «простой» так, словно ей в рот попало что-то мерзкое. Для нее законы классовой системы имели принципиальное значение. Люди характеризуются исключительно своим происхождением — не личностными качествами, образованием, состоянием или достижениями. Рождение определяет ценность человека. По ее мнению, королевские особы занимают самую верхнюю ступень социальной лестницы. А все остальные ползают где-то внизу, не имея ни малейшего шанса попасть на более высокий уровень. Принцесса не жалела никого, даже свою бабушку, мать отца. «Я презирала королеву Марию, — сказала она Гору Видалу. — Она вела себя с нами грубо, за исключением Лилибет, которая должна была стать королевой. Конечно же, она [королева Мария] страдала от комплекса неполноценности. Мы ведь все были королевской крови, а она — нет».

Будучи королевской особой, Маргарет никогда не носила с собой мелких денег. И не платила по своим счетам. У нее даже не было собственной кредитной карточки. Все финансовые вопросы за нее решал ее эконо́м, который управлял деньгами, поступавшими с гражданского листа. Она постоянно

* Королева тоже употребляла слово «простой» в уничижительном смысле. Она с пренебрежением произнесла его в адрес актера, игравшего роль короля Георга VI в сериале «Эдуард VIII и миссис Симпсон». «Эндрю Рей, — сказала Ее Величество, — слышком простой, чтобы играть роль моего отца». — *Примеч. авт.*

жаловалась, что получает мало денег, и не гнушалась поторговаться по этому поводу.

«Однажды на Рождество кто-то прислал ей подарочную корзину с самыми разными шампунями для ванны, духами, маслами и лосьонами — такую огромную, что ее несли двое, — рассказывает Уильям Брюер, бывший компаньон косметической фирмы «Крабтри и Ивлин». — Принцесса и ее придворная дама явились в наш магазин в Кенсингтоне на следующий день после Рождества и принесли с собой этот грандиозный подарок. Я сразу узнал принцессу по туфлям на платформе. Она вернула корзину с косметикой и отказалась от чека. «Мне нужны наличные», — заявила она. Что нам оставалось делать? И в нарушение правил, принятых в нашем магазине, мы заплатили ей наличными только потому, что она принцесса Маргарет. Сопровождавшая ее дама взяла деньги, и они отправились восвояси».

Маргарет считает, что все должны заботиться о ее удобствах, потому что она член королевской семьи. Ее мать и сестра ведут себя точно так же. Когда их приглашают в гости (точнее, когда их придворные дамы звонят своим друзьям, владельцам больших загородных имений, и спрашивают их, смогут ли они принять королевскую семью), сначала в имение прибывают специальные люди, в обязанности которых входит убедиться в том, что королевские особы проведут уик-энд как полагается, причем не только с точки зрения безопасности, но и удобств.

Когда королева-мать посетила британского барристера Майкла Прэтта, он рассказывал потом своим друзьям, что ее придворные дамы приехали заранее с целым списком инструкций и указаний:

джин с тоником в спальне, никаких шумных детей, бумага «бронко» в туалете. «Бумага «бронко» — это толстая, грубая бумага, достаточно жесткая и отлично подходящая для того, чтобы стирать с линолеума моторное масло, — вспоминал один из друзей Прэтта. — Многие люди стремятся пользоваться по возможности самой мягкой туалетной бумагой, а старая кобыла потребовала подтирку из наждачной бумаги, какую выпускали во времена Второй мировой войны, когда вся страна жила по карточкам. Теперь никто не продает бумагу «бронко». Ее нужно специально заказывать на Уолтон-стрит или можно подделывать, пролив чай на белую бумагу для факса».

Друзья принцессы Маргарет, которые вспоминают ее визит как самое страшное переживание своей жизни, тоже получали подробные указания: настроить пианино, иметь много пластинок Эллы Фицджеральд, пригласить молодых людей, которые любят петь и танцевать, и непременно иметь запись «Храбрая Шотландия» в исполнении королевских шотландских стрелков. Но что еще важнее — обеспечить напитками: восьмидесятипроцентного джина «Гордонс» с тоником должно хватить при употреблении с утра до середины дня, а виски «Феймос граус»* — с середины дня до поздней ночи. «Вы должны позаботиться о том, чтобы она получила к чаю хлебцы с вареньем, — рассказывала хозяйка одного дома, в котором гостила Маргарет. — Хлебцы с вареньем — это маленькие круглые бутербродики из белого хлеба с малиновым вареньем в серединке. Малиновое варенье должно быть без зернышек, поскольку Ее Королев-

* Дорогой сорт шотландского виски.

ское Высочество терпеть не может, когда зернышки застревают в зубах, и потому приходится покупать импортный конфитюр.

Если кто-нибудь из членов королевской семьи решает провести у вас уик-энд, вас ждет настоящий кошмар. Самое худшее, когда у вас останавливается королева. В этом случае вам приходится запира́ть кошек в конюшне, ведь всем известно, что Ее Величество их ненавидит. Вы должны запастись ячменным отваром, поскольку именно его она использует для умывания. Вы вынуждены отсылать куда-нибудь своих детей, поскольку королевские особы не выносят детей. Мой сын терпеть не может, когда на голову сваливается кто-нибудь из членов королевской семьи, в особенности Маргарет. Он говорит, что она похожа на фасад собора Парижской Богоматери — сплошные горгульи*, — удивительно, что у нее изо рта не вырывается струя воды.

Все члены королевской семьи считают, что неудобства, которые они доставляют хозяевам, и вынужденные траты окупаются оказываемой дому, где они гостят, честью. Весьма высокомерное предположение, впрочем, совершенно верное, поскольку я не знаю ни одной аристократической семьи, включая и мою собственную, которая отказалась бы их принять. Лорд Дуглас Нейдпат грозился больше не пускать Маргарет в свой дом, но, насколько мне известно, до сих пор угроз не выполнил».

В ожидании королевского визита все в доме переворачивается вверх дном. «Каждый раз, когда с нами связывался конюший короля [Георга VI] или какая-нибудь придворная дама королевы

* Водосточные трубы в виде фантастических фигур (в готической архитектуре).

[Елизаветы], моя мать падала в обморок, — вспоминает дочь одной маркизы. — «О Господи! О Господи! Они хотят прийти на чай». Сказать «нет» было нельзя. Не полагалось, и все тут. И тогда мы бросались покупать бисквиты, доставать чай «Эрл Грей» и топленые сливки. А потом драили все вокруг и счищали конский навоз с ботинок. Мы с ужасом ждали появления королевской особы, но всегда были готовы вовремя.

И тут появляются они. Я помню один визит — нас посетили король Георг VI, королева Мария, графиня Атлонская [невестка королевы Марии], принцесса Елизавета, принц Филипп и принцесса Маргарет. Мне только исполнилось восемь, моему брату — три. Мы стояли по стойке «смирно», когда они появились. Мне пришлось присесть в низком реверансе, а брату наклонить голову, чтобы подбородок коснулся груди...»

На протяжении многих лет принцесса Маргарет постоянно пользовалась щедростью своих богатых друзей вроде Ага Хана и Имельды Маркос, которые предоставляли ей свои яхты и виллы. Особенно она любила наведываться в Италию и регулярно приглашала себя остановиться у Гарольда Эктона во Флоренции и у Гора Видала в Равелло. Кроме того, она ожидала, что ей будут платить за посещение некоторых благотворительных мероприятий, проводимых за границей, и требовала первоклассных удобств — самолеты, отели, лимузины, парикмахеры — в дополнение к вознаграждению за то, что она туда приехала. Она вела себя так, будто иначе и быть не могло, будто имеет на это право. Королевское присутствие требовало королевской компенсации, в особенности когда речь шла о богатых американцах.

«Я помню, когда один из лучших друзей принцессы Маргарет пригласил ее и лорда Сноудона присутствовать в качестве почетных гостей на благотворительном балу в Нью-Йорке, — вспоминает писатель Стивен Бирмингем. — Сноудоны потребовали 30 000 долларов за свое согласие, однако мы не смогли им заплатить, потому что не получили достаточно денег от продажи билетов. Они покинули Нью-Йорк с ощущением, что стали жертвами безжалостной эксплуатации, а у нас осталось чувство, будто нас ограбили. И что еще хуже: принцесса больше никогда не разговаривала с этим своим другом — и все из-за чертовых 30 000 долларов».

Даже друзья Маргарет характеризовали ее как человека весьма неуравновешенного. «Маргарет похожа на оперную примадонну, — сказал про нее один ее знакомый. — Я знаю ее всю жизнь. Сопровождал в самых разных поездках, гостил в Кенсингтонском дворце, даже жил некоторое время на острове Мюстик. Однако при этом я не имею для нее никакого значения. Я существую исключительно для ее развлечения и увеселения, когда она нуждается в развлечении и увеселении. И ни в каком другом смысле меня не признают... Однажды я просидел с ней вместе всю ночь: мы долго не уходили спать, пели песни — Господи, как она любит петь, считает себя лучше Барбры Стрейзанд!.. А два дня спустя я встретился с ней во дворце во время очередной грандиозной вечеринки. Она прошла мимо меня так, будто я был мраморной колонной. Вот что такое королевская кровь. Она выше высокомерия. Это — полнейшее равнодушие к другому человеческому существу».

Принцесса Кентская* получила прозвище «Бесцеремонная принцесса» после того, как потребовала от компании звукозаписи «Торн ЭМИ» прислать ей десять цветных телевизоров для комнат ее слуг — и лишь в этом случае соглашалась присутствовать на коктейле. Телевизоры прибыли — «принцесса по найму» тоже.

Она отлично понимала, как нужно торговать королевским покровительством. Проходя мимо ювелирного магазина на Бошан в Лондоне, она увидела в витрине декоративного медведя из слоновой кости. «Он стоил 1000 долларов, — рассказывала дочь владельца, — и она захотела его получить. «Заверни!» — велел мне отец». Принцесса вышла из магазина с прекрасной вещью в руках, а ее личный секретарь прислал владельцу магазина письмо с благодарностью, которое тот вставил в позолоченную рамку и повесил на стену.

Члены британской королевской семьи кажутся тем, кто им служит, людьми чрезвычайно жадными. «Принц Чарльз терпеть не может тратить деньги, — сказал его бывший камердинер Стивен Бэрри, — и возмущается ценами на все».

Как и мать, Чарльз считает цыплят в холодильниках своих дворцов и настаивает, чтобы остатки от обеда разогревались и снова подавались на стол «день за днем, — вспоминает один из его секретарей, — до тех пор, пока ничего не останется. Он

* Королева и принц Филипп называют белокурую принцессу, рост которой достигает шести футов, «наша Вал», поскольку она как две капли воды похожа на валькирию, воительницу из германских мифов. Когда виконта Линли (сына лорда Сноудона и принцессы Маргарет) спросили, что бы он подарил своему кровному врагу на Рождество, он ответил: «Ужин с принцессой Кентской». — *Примеч. авт.*

не переносит, когда что-нибудь пропадает зря». Принц также выдавливал зубную пасту из тюбика до самой последней капли при помощи специального устройства из чистого серебра. А затем требует, чтобы тюбик отправили на переработку.

«Все Виндзоры отличаются болезненной жадностью, — сказал Джон Бэретт. — Все: от королевы и дальше вниз, а она является главой скряг. Они платят чрезвычайно мало своим слугам*, потому что считают, будто для нас честь прислуживать им. Дарят жалкие подарки — и только на Рождество. Однажды королева преподнесла своей прачке мешок прищепок для белья — с ее точки зрения, так должен выглядеть полезный подарок. Портнихе она подарила тяжелый магнит в форме подковы, чтобы подбирать с пола булавки, которые упали во время примерки. Естественно, со своими друзьями, в особенности если они знамениты, Ее Величество ведет себя несколько лучше. Когда Ноэлю Коуарду исполнилось семьдесят лет, она одарила его массивным золотым портсигаром, инкрустированным коронами, — странный, но роскошный подарок от особы, заявляющей, что она ненавидит курение. Традиционный презент королевы — ее собственная фотография или снимок, на котором они изображены вместе с герцогом Эдинбургским, в серебряной рамке с королевской короной.

Когда дело доходит до тех, кто им прислуживает, принцесса Маргарет преподносит им такие же жуткие подарки, что и королева. Принцесса подарила одной из своих пожилых фрейлин щетку для мытья туалета, потому что у несчастной

* В 1994 году лакей королевы получал 12 000 долларов в год и пользовался двумя комнатами во дворце.

не было такой щетки, когда принцесса гостила у нее в доме».

В течение нескольких недель перед Рождеством принцесса выбирает достойные дары для своей семьи, друзей и слуг и сама их заворачивает в бумагу. Она ведет себя достаточно разумно, но известны случаи, когда она тратила большие деньги, чтобы порадовать какого-нибудь служащего. Однажды она преподнесла своему телохранителю видеомэгнитофон, а шоферу — две рубашки от «Тернбулла и Ассера». В тот же год ее дворецкий, который приступил к своим обязанностям всего за несколько месяцев до Рождества, получил менее экстравагантный подарок. «Очень красивый шелковый галстук от «Симпсона», — вспоминает он. — Принцесса объяснила мне, что я слишком мало на нее работаю, иначе я получил бы что-нибудь более дорогое».

«Королева дарит самый минимум, — рассказывает Бэретт, — коврик для ванной, лопату, вентилятор. Она звонит и спрашивает, что хотел бы получить лорд Маунтбаттен. Я отвечаю, что ему нужны новые шпоры. Она дарит ему шпоры. Очень удобный способ дарить подарки, хотя в нем и отсутствует элемент неожиданности. Впрочем, неожиданность не в характере королевской семьи, где все заранее запрограммировано».

Подданные королевы считали, что она много и напряженно трудится, и ценили ее бережливость. Их радовала ее добросовестность, когда они узнавали, что королева перешивает некоторые свои платья, а другие отдает сестре и дочери. Они одобрительно кивали, когда одна из ее собачонок загрызла кролика в Балморале, и королева отнесла его своему повару со словами: «Мы вполне можем

его съестъ». Они отдавали дань ее практичности, когда она преподносила каждому, кто входил в ее штат, горшок с хризантемой на Рождество и говорила: «Отдайте горшок садовнику, когда цветок завянет». Они восхищались запиской, которую королева послала главному управляющему, попросив его заменить лампочку в сорок ватт в настольной лампе у своей кровати на лампочку в шестьдесят, «но только когда старая перегорит». Им нравилось, что она занималась консервированием, в особенности во время засухи семидесятых годов. Когда королева призвала своих домочадцев и слуг экономить воду, в туалетах Букингемского дворца тут же появились надписи: «Мочу не смывать»*.

Ее подданные принимали некоторую экстравагантность в поведении королевы как нечто необходимое — например, сто семьдесят два сделанных по специальному заказу чемодана из выделанной вручную кожи, в которых она перевозила свои перьевые подушки, грелки, любимый фарфоровый чайный сервиз и сиденье для унитаза из белой кожи.

Ее чопорные манеры считались демонстрацией достоинства, даже когда она оказывалась абсолютно отчужденной от людей. Во время визита в Будапешт королева посетила приют для бездомных и увидела группу небритых мужчин, сидящих на скамейке снаружи. Ее Величество сказала: «Наверное, зимой здесь так хорошо». А домашним хозяевам в Шеффилде заявила: «Мне тоже ужасно трудно содержать полы в порядке».

* Историки восхваляли королеву за эти прогрессивные туалетные плакаты, отметив, что ее предшественница, королева Елизавета I, была такой отсталой, что отказалась выдать патент на устройство туалета из опасения, что это явилось бы поощрением неприличия. — *Примеч. авт.*

Считая, что мир Ее Величества далек от реальности и поднят на головокружительные высоты, придворные устраивали королеве встречи с интересными людьми, которые регулярно проходили во время обеда в Букингемском дворце. «Предполагается, что ее манера держаться является защитной реакцией, — сказал актер, которого нередко звали во дворец, — однако за десять лет ничего не изменилось... Она по-прежнему остается королевой, которая послала шесть бутылок посредственного шампанского Уинстону Черчиллю, когда тот был при смерти... Она самая богатая женщина в мире, и одно только это делает человека сдержанным и недоступным. Бедняжка не может общаться с другими людьми на человеческом уровне... просто не умеет... Обычная беседа доставляет ей невыносимые страдания».

Первые слова, сказанные королевой одному из гостей, приглашенных на обед, показывают огромную дистанцию, разделяющую монарха и подданного. «Вы и представить себе не можете, — проговорила она, — сколько сил нужно потратить на то, чтобы содержать в порядке собственное поле для гольфа».

На бумаге королева выглядела лучше, чем в жизни, в особенности когда речь шла о вопросах вкуса. Когда Елизавета получила письма протеста, в которых британцы возмущались тем, что в Англию прибыл датский режиссер для съемок фильма «Любовная жизнь Иисуса Христа», она тоже выступила против этого проекта. Пресс-секретарь королевы заявил: «Ее Величество, так же как и ее подданные, находит данное предложение возмутительным». Режиссеру запретили снимать фильм в Соединенном Королевстве. Когда британские газе-

ты предложили огромные суммы денег за историю жизни йоркширского Потрошителя, убивавшего женщин и терроризировавшего Северную Англию в течение пяти лет, королева объявила, что испытывает «отвращение». Она написала матери одной из жертв, которая пожаловалась на то, что убийца в конце концов еще и получит прибыль от своих преступлений. Королева с ней согласилась, и газеты сняли свое предложение.

Подданные Елизаветы считали, что она является лучшим представителем самой престижной из сохранившихся в мире монархий, и, будучи таковой, имеет право на несметные богатства. Если не считать яростного Уилли Гамильтона, почти никто не возмущался тем, что она обладает состоянием в 400 миллионов долларов*. В 1972 году парламент почти единодушно проголосовал за просимое королевой увеличение ее освобожденного от обложения налогами содержания до трех миллионов долларов в год, а также освобожденного от налогов содержания членов королевской семьи. В результате королева-мать стала получать 237 500 долларов, принц Филипп — 162 000 долларов, принцесса Маргарет — 87 000 долларов и принцесса Анна — 37 000 долларов. Принц Чарльз, по-

* Маунтбаттен страшно возмущался тем, что об огромном состоянии королевы складывается самое неблагоприятное мнение. В 1972 году он написал принцу Филиппу: «Если ты не опубликуешь серьезный ответ, где приведешь всего лишь один аргумент, монархия серьезно пострадает. Истинная правда, что королева обладает очень крупным состоянием, однако большая его часть — 85 процентов — состоит из картин, произведений искусства, мебели и тому подобного, находящихся в трех дворцах, принадлежащих государству. Королева не может ничего продать, и они не приносят дохода. Поэтому я прошу вас обоих поверить любящему старому дядюшке, а не вашим советникам, и сделать то, о чем я говорю». Принц Филипп его не послушал. — *Примеч. авт.*

лучающий ежегодный доход от герцогства Корнуолл, не был включен в гражданский лист.

В 1973 году состоялась помолвка принцессы Анны и капитана Марка Филлипса и усилилось давление на Чарльза по поводу его брака. Репортеры заявили, что сестра обошла брата, поскольку выходит замуж раньше, чем он выбрал себе подходящую невесту. Анна решила, что бракосочетание должно состояться в день рождения ее брата, 14 ноября 1973 года, когда ему должно исполниться двадцать пять лет. Однако Чарльз не чувствовал себя польщенным. Он находился на борту фрегата «Минерва», когда узнал о помолвке из письма отца. «Я ужасно расстроился, — признался Чарльз. — Моей первой реакцией было потрясение».

Анна и Чарльз росли вместе и очень сблизились, особенно после турне в Австралию и Соединенные Штаты, в котором они представляли королеву. Во время этих турне на фоне Анны, казавшейся эгоистичной и высокомерной, Чарльз выглядел просто великолепно. Он был обаятельным, она равнодушной. Он терпеливо сносил скучные вопросы репортеров, она отказывалась давать интервью. Он улыбался фотографам, она отмахивалась от них, как от назойливых мух. «Отвалите», — приказывала она, прикрывая лицо рукой, когда камера оказывалась слишком близко. В Вашингтоне Чарльз спросил у спикера палаты представителей, почему лысого орла выбрали в качестве национального символа. Анна с отвращением наморщила нос. «Ужасно неудачное решение, правда?» — заявила она.

«Анна вела себя ужасно, — вспоминала жена заместителя главы протокольного отдела в администрации Никсона. — Она ни с кем не разговаривала. Чарльз казался глупым, но довольно

милым. Во время их визита в Соединенные Штаты в 1970 году Чарльз спросил британского посла: «А здесь католики и протестанты сражаются так же яростно, как и в Британии?» Послу было ужасно не по себе».

Когда принцессе Анне задали вопрос, что она чувствует, имея Букингемский дворец в качестве частной собственности, она пожала плечами. «Понятия не имею, — раздраженно ответила она. — Это не частная собственность. Дворец принадлежит короне».

Природа не наделила Анну обаянием, она, не смущаясь, зевала, если ей становилось скучно, и никогда не делала вид, что ей весело, когда ей весело не было. Она обладала взрывным, горячим характером отца и относилась к прессе совсем как он: «хороший репортер — это мертвый репортер». Она была немногословной, жесткой и абсолютно неэмоциональной — ничего общего с бабушкой. Королева-мать больше любила мягкого, уступчивого Чарльза, чем его резкую сестру, однако Анне удалось завоевать любовь своей тети Маргарет, которая завидовала ее независимому нраву.

«Анна намного решительнее меня, — сказала принцесса Маргарет, понимавшая, как трудно быть вторым ребенком в королевской семье. — Кроме того, она жестче, да и выросла в другой обстановке и к тому же ходила в школу».

Чарльз, ценивший силу характера сестры, страдал оттого, что ему придется ее потерять, когда она выйдет замуж. «Теперь мне придется как можно быстрее найти себе жену, — написал он одному из своих друзей, — иначе я останусь позади и буду чувствовать себя ужасно несчастным!» Другому он сказал: «Все вокруг меня объявляют о помолвках, куда

ни брось взгляд — направо, налево, прямо... Я убежден, что в скором времени меня задвинут куда-нибудь подальше, на пыльную полку, поскольку я упустил все возможные кандидатуры!»

Склонный к меланхолии, принц Уэльский впал в глубокую депрессию, о чем признавался друзьям в длинных посланиях, пронизанных жалостью к самому себе. «Полагаю, ощущение пустоты в конце концов пройдет», — писал он. Находясь на борту корабля, он держал свои печали при себе, изливая их в дневнике.

Он старался казаться веселым и радостным по поводу помолвки сестры, но был не в силах скрыть презрения. «Анна не могла выйти замуж за своего коня и потому выбрала Марка», — сказал он о своем будущем зяте, опытном всаднике из Королевского драгунского гвардейского полка. Много лет спустя писатель Оберон Во описывал Филиппа как «бессловесного улыбающегося мужа принцессы Анны, который готов обмочиться, если к нему кто-нибудь обращается». Чарльз был совершенно с ним согласен и называл зятя «Туман», потому что он такой «непроходимый».

В письме Чарльзу герцог Эдинбургский намекнул, что Анна помолвлена с человеком, стоящим намного ниже ее на социальной лестнице. Герцог допросил капитана, после того как парочку сфотографировали во время поцелуя на публике. Молодой офицер заявил, что у него самые честные намерения в отношении принцессы, однако Филипп резко его оборвал.

«Чушь! — фыркнул Филипп. — Надеюсь, это не предсвадебная дурацкая трепотня».

Дворец попытался заявить, что фотография — самая настоящая фальшивка. Представители коро-

левы официально отрицали, что принцессу Анну и Марка Филлипса связывают какие-либо отношения. Они даже утверждали, что молодые люди вообще незнакомы. «Они никогда не встречались», — сказал пресс-секретарь королевы. Затем попросил Роберта Эдвардса, редактора «Санди миррор», напечатать статью, в которой был бы положен конец глупым измышлениям. А несколько недель спустя королева объявила о помолвке дочери.

Тот, кто входил в королевскую семью в то время, брал на себя обязательство по продолжению королевского рода. Принц Уэльский еще не женился и, следовательно, не обеспечил трон наследником, а его братья принц Эндрю (тринадцати лет) и принц Эдуард (девяти) еще не достигли брачного возраста, поэтому перспектива появления на свет детей Анны, четвертой в линии наследования, становилась чрезвычайно важной. Марка Филлипса призвали во дворец и приказали сдать сперму на анализ. Когда было получено подтверждение его потенции, королева предложила ему титул, который он почтительно отклонил. Королева не понимала, как кто-нибудь может желать оставаться нетитулованным, и потому предприняла новую попытку. Однако молодой капитан снова сказал «нет», и его поддержала принцесса Анна. Позже он отказался от работы в Министерстве обороны, выбрав жизнь помещика. Тогда королева предложила купить Анне и Марку Гэтком-Парк, поместье площадью 500 акров в Глостершире, которое стоило почти два миллиона долларов. Филлипс согласился. «Право, очень мило с ее стороны», — заявил он.

«Они самые настоящие паразиты, которые едят на золотой посуде! — возмущался Уилли Гамильтон в парламенте. — Все они. Все паразиты».

Четыре месяца спустя суровая принцесса завоевала уважение народа, когда не испугалась вооруженного бандита, пытавшегося взять ее в заложницы. Однажды вечером Анна вместе с мужем ехала в королевском лимузине по аллее парка Сент-Джеймс в сторону Букингемского дворца. Голубая лампочка над ветровым стеклом показывала, что внутри машины находится член королевской семьи, и потому пешеходы и автомобилисты были удивлены, когда в лимузин врезался маленький белый «форд-эскорт». Из него тут же выскочил какой-то человек с пистолетом в каждой руке и принялся стрелять. Затем нападавший бросился к лимузину, выстрелил в шофера, охранника и одного пешехода. А потом подскочил к задней дверце, чтобы схватить принцессу. Перепуганные Анна и Марк вцепились в дверцу изнутри и держали ее до тех пор, пока безумца не схватили.

В Англии редко случались акты терроризма, и в 1974 году полицейские не носили оружия*, а британцы не боялись, что их могут застрелить прямо на улице. Один человек поспешил на выручку Анне, однако его больше волновали манеры, чем побоище, творившееся вокруг.

«Сначала я подумал, что две машины просто столкнулись, а водитель «форда» разозлился и потерял голову, — вспоминает Рон Рассел, управляющий лондонской фирмы, занимающейся очисткой города. — Он явно не понял, что доставляет неудобства королевской особе. Кто-то должен

* Страх публичного возмущения актом отречения короля Эдуарда VIII был так велик, что вечером, когда король обратился к народу с прощальной речью, охране Букингемского дворца впервые в истории выдали боевые патроны. — *Примеч. авт.*

был ему сказать. С этими мыслями я остановил свою машину».

Британцев нападение на члена королевской семьи потрясло необыкновенно, однако они высоко оценили спокойствие принцессы, которая, казалось, отметала в сторону разговоры о террористе с хладнокровием Мэри Поппинс.

«У девушки железный характер», — сказал лондонский таксист корреспонденту «Дейли мейл».

Ее отец был с ним полностью согласен. Анна позвонила ему в Индонезию, куда они с королевой отправлялись в официальное турне. Принцесса не захотела разговаривать с матерью о нападении и попросила позвать отца. «Господи, помоги этому кретину», — прокомментировал ее сообщение принц Филипп. — Если бы ему удалось захватить Анну, она вытряхнула бы из него всю душу». Вернувшись в Лондон, Елизавета по-королевски наградила четверых людей, пострадавших при попытке защитить ее дочь. Герцог Эдинбургский поздравил свое любимое дитя с тем, что ей удалось добиться восхищения публики. «Отлично сработано! — сказал он. — Ты помогла нам сохранить цивилизный лист».

Суммы, получаемые королевской семьей на собственные нужды, оставались неизменными до тех пор, пока принцесса Маргарет не впустила льва в курятник. Она в очередной раз стала жертвой чар слабого мужчины, влюбившись в изнеженного молодого человека, который жил с известным всему свету гомосексуалистом. Маргарет исполнилось сорок три года, когда она познакомилась с Родериком («Родди») Льюэллином на какой-то вечеринке. Он был моложе ее на семнадцать лет. Будучи вторым сыном сэра Генри Льюэллина, он принадлежал к аристократии, что имело для

принцессы существенное значение. Его отца, казалось, веселили их отношения. «Вы имеете в виду новую подружку Родди? — спрашивал он. — Ну, хоть какое-то разнообразие, а то мне уже надоели его итальянцы-официанты». Маргарет говорила, что длинноволосый юноша, живший в общине хиппи в Уэльсе, напоминает ее молодого мужа «в те времена, когда Тони был таким милым». У принцессы и хиппи начался роман, о котором знали только их друзья. Из уважения к королеве парочка не появлялась вместе на людях.

Сноудон, у которого как раз начался свой собственный роман, отчаянно мечтал о разводе. Принцесса легкомысленно дала ему для этого все основания, когда в 1976 году, как следует не подумав, привезла своего юного любовника на остров Мюстик. Их сфотографировали вместе с другой парочкой в уютном баре. Снимок, на котором Маргарет и Родди в купальных костюмах сидят на деревянной скамейке, появился на первой странице «Ньюс оф уорлд». Другую пару со снимка убрали, чтобы складывалось впечатление, будто принцесса обедает в интимной обстановке с человеком, не являющимся ее мужем. Под заголовком «Маргарет и красавчик придворный» статья рассказывала о том, как двое влюбленных, держась за руки, прогуливаются по пляжу, а «Родди втирает масло для загара в ее бронзовые плечи. Она неожиданно стала выглядеть такой счастливой, какой мы не видели ее уже давно». В более позднем издании заголовки изменили: «Картина, которую не в силах перенести ни один муж».

Даже те, кто подозревал, что брак Маргарет не удался, испытывали благодарность за то, что они с Тони делают вид, будто у них все в порядке. В

течение многих лет британцы терпели мелкие выходы Маргарет вроде курения на людях и бесконечные опоздания на официальные церемонии. Многие говорили, что она испытала невыносимые страдания, когда ее заставили расстаться с Питером Таунсендом, и потому делали для нее некоторые скидки. Они не обращали внимания на ее деспотичность и ласково называли принцессу «бедняжка Маргарет», тем самым позволяя ей и дальше вести себя отвратительно. Однако сейчас на острове Мюстик она зашла слишком далеко.

Британцы больше не чувствовали симпатии к замужней принцессе, которая, получая 70 000 долларов в год из общественного кошелька, оставила своих детей в Англии, а сама болталась по Карибскому морю в компании беспутного молодого человека с весьма своеобразными сексуальными наклонностями, которого она подобрала в общине хиппи в Уэльсе.

«Если она демонстрирует налогоплательщикам свое неуважение, улетая на Мюстик, — сказал Уилли Гамильтон, — ей не следует ожидать, что трудящиеся нашей страны согласятся оплачивать ее развлечения».

На этот раз с Гамильтоном согласился другой член парламента, лейборист Деннис Канаван. Он сказал: «Принцесса — паразит, она ничего не должна от нас получать».

Видя общественное возмущение, Сноудон пришел в восторг. Он заявил, что его унижает беспутное поведение жены и что сохранять их брак в данных обстоятельствах невыносимо. Встревоженная всеобщим возмущением, королева призвала Маргарет в Лондон, и та покинула Мюстик — без своего любовника. Дворец приказал Сноудону ради соблюдения

приличий встретить ее в аэропорту. Тони прибыл в лимузине в сопровождении своего маленького сына, заботливо прихватив с собой шубу Маргарет, чтобы она не замерзла в своем летнем платье. На глазах фотографов он поцеловал ее в щеку и накинул шубу на плечи. Позже она сказала: «Лорд Сноудон всегда отличался дьявольским коварством».

Два месяца спустя Кенсингтонский дворец сделал сообщение*:

«Ее Королевское Высочество принцесса Маргарет, графиня Сноудонская, и граф Сноудонский по обоюдному согласию приняли решение жить отдельно. Принцесса будет продолжать исполнять свои общественные обязанности без участия лорда Сноудона. Они не планируют процедуры развода».

«Я помню тот вечер, когда это сообщение появилось в печати, — вспоминает одна из подруг Маргарет. — Принцесса была страшно расстроена. Она постоянно уходила в туалет поплакать, но мы постарались отвлечь ее, повели на премьеру, а затем в «Пузырики» [ночной клуб], где пили шампанское. Мы оставались с ней до половины пятого утра. Она нуждалась в нашей поддержке».

Британский закон требует, чтобы муж с женой прожили врозь два года, прежде чем они получают право на официальный развод. Если одна сторона возражает, период ожидания растягивается до пяти лет. Маргарет никогда не верила, что в конце концов они с Тони разведутся, однако Сноудон был настроен весьма решительно. Он говорил,

* Заявление о раздельном проживании поступило из Кенсингтонского дворца, поскольку он является домом принцессы Маргарет, и в соответствии с протоколом она считается главой своей семьи. — *Примеч. авт.*

что чувствует себя узником, отбывающим наказание, и мечтает о свободе.

Королева была обеспокоена тем, что назвала саморазрушением Маргарет, и не разговаривала с сестрой несколько недель. Она заявила, что ее сестра ведет жизнь беспризорника, и в конце концов отвращение королевы привело к возникновению самых разных насмешливых комментариев по поводу распущенности Маргарет. Имел широкое хождение следующий анекдот: Елизавета и ее фрейлина направлялись за город, когда на «роллс-ройс» королевы напали бандиты. Один из них, не узнав пассажирок, потребовал, чтобы они отдали им деньги и драгоценности, однако не получил ничего, кроме пустой белой сумочки. Тогда они вышвырнули женщин из машины и уехали.

Королева стряхнула с платья пыль.

— Где ваше великолепное кольцо? — спросила фрейлина.

— Я его спрятала, — ответила Елизавета.

— Куда?

— В одно очень укромное местечко.

Королева взглянула на фрейлину и спросила про ее диадему.

— Я ее спрятала, — ответила та.

Королева удивленно приподняла брови.

— Туда же, — сказала дама.

Королева посмотрела на нее и улыбнулась.

— Жаль, что с нами не было Маргарет, — заявила она. — Мы могли бы сохранить «роллс-ройс».

Несмотря на публичное порицание, принцесса не прекратила своих отношений с Родди Льюэллином и говорила, будто он единственный прояв-

ляет к ней доброту. «Мне он нужен, — всхлипывала Маргарет. — Он хорошо со мной обращается». Королева, которая прекрасно знала, как относится общественность к роману Маргарет, умоляла сестру прекратить отношения с Льюэллином. Та отказалась.

«Эта дружба, возможно, прекрасно отвечает нашему времени, — сказал Уилли Гамильтон, выступая в палате общин, — но она превратила принцессу в панка королевской крови». На сей раз почти никто из тори не поднялся со своего места, чтобы ему возразить. По правде говоря, единственным человеком, выступившим в защиту принцессы, оказался ее юный любовник.

«Я бы хотел посмотреть, как Уилли Гамильтон или еще кто-нибудь станет так же великолепно справляться со своими обязанностями, как она, — сказал Родди Льюэллин. — Люди любят монархию и всем сердцем ценят работу принцессы Маргарет».

К этому моменту британцы были настроены резко против принцессы. В результате опроса мнений выяснилось, что 73 процента жителей страны считают, будто образ жизни Маргарет заметно подорвал доброе отношение британцев к ней самой и к монархии в целом. И потому королева заявила сестре, что та должна сделать выбор: либо отказаться от своего любовника, либо от общественной жизни.

Маргарет проклинала «святош» в церкви и издевалась над государственными газетами за набожные статьи, посвященные ее персоне. Она называла их «помойные ведра ханжества». Но в конце концов сдалась под напором общественного мнения и согласилась выполнить свой долг.

Она выглядела измученной и уставшей, продолжала выполнять свои официальные обязанно-

сти, однако часто опаздывала или, наоборот, уходила рано, ссылаясь на усталость. Доктора предупредили ее, что она должна бросить пить и курить, однако Маргарет их не слушалась и в результате попала в больницу с гастроэнтеритом и гепатитом на почве алкоголизма. Даже когда ей грозила операция на легких, она продолжала ежедневно выкуривать шестьдесят сигарет без фильтра, которые вставляла в черепаховый мундштук. У нее случился нервный срыв, и незадолго до объявления о расторжении ее брака со Сноудоном она пригрозила самоубийством.

Маргарет не учла, что муж твердо решил от нее избавиться. Хотя они расстались, она никогда не верила, что дело дойдет до развода, и потому страшно удивилась, когда Сноудон попросил расторгнуть брак. Она заявила, что не будет стоять у него на пути, в особенности если он собирается снова жениться, но он ответил, что у него нет такого намерения. Он просто хотел получить развод. Официальное сообщение было сделано 10 мая 1978 года. Однако семь месяцев спустя Сноудон заключил новый брак. Его любовница, Люси Линдсей-Хогг, ждала ребенка. Маргарет узнала об их свадьбе из газет. «Он даже не посчитал нужным позвонить мне, — рассказала принцесса своему биографу, — и ничего не сообщил детям».

Первый развод в королевской семье с тех пор, как король Генрих VIII расстался с Анной Клевской в 1533 году, произвел на принца Уэльского, которому в скором времени должно было исполниться тридцать лет, сильное впечатление. «Самый подходящий год» — кричали заголовки в одной газете, где был помещен фотомонтаж снимков всех «стоящих» молодых женщин, с которыми Чарльз встре-

чался, но потом расстался. Другая газета объявила: «Принц застрял между алтарем и пропастью».

Принц Филипп дразнил сына по поводу газетных воплей. «Лучше не тяни, Чарльз. А то никого не останется».

Чарльз отпраздновал свое тридцатилетие 15 ноября 1978 года, устроив великолепный бал в Букингемском дворце, на котором присутствовало около четырехсот человек. В приглашениях от королевы и герцога Эдинбургского особо указывалось, что не требуется никаких «диадем», — так иные богатые родители написали бы «никаких подарков». Принц выбрал своей подружкой высокую светловолосую актрису Сьюзан Джордж, но танцевал в основном с женами своих друзей Дейл «Канга» Трион и Камиллой Паркер Боулз. Будучи крестным отцом их старших детей, Чарльз признавался, что чувствует себя с ними гораздо спокойнее, чем с красотками, стремящимися заполучить его в свои сети. «Замужние женщины безопасны, — объяснил он позже своей невесте. — У них есть мужья, и поэтому они прекрасно знают, что такое осторожность».

Поскольку Чарльз являлся принцем Уэльским, он привык к лести. Он ожидал ее и получал полной мерой, в особенности от жен своих двоих друзей. Эти замужние женщины дарили ему свое внимание легко и спокойно и не ждали ничего взамен в отличие от одиноких женщин, требовавших ухаживания, а на это нужно было время. Замужние любовницы Чарльза относились к тому, что он пускает их в свою постель, как к владению погребом с редкими винами или реактивным самолетом — престижно. Им нравилось, что у них за спинами перешептываются, называют его «наперсни-

цами», а мужа чувствовали, что им оказана честь, — они обладают одной и той же женщиной с будущим королем. Данная ситуация укрепляла их положение в аристократических кругах.

«Бедняга Чарльз чувствует себя гораздо спокойнее с поучающими всех пожилыми женщинами вроде меня, чем с девушками своего возраста, — сказала как-то шестидесятипятилетняя виконтесса, которую он через несколько дней после своего дня рождения пригласил в Виндзорский замок на завтрак. — Я одна из старых аристократок и росла вместе с Ее Величеством и принцессой Маргарет в те времена, когда мы все были знакомы друг с другом и знали свое место. Я — часть мира, коего теперь уже не увидишь: высший класс раздулся, и в нем звучит лишь эхо уважения и искренних дружеских чувств по отношению к нашей королевской семье, которая, к сожалению, имеет немецкие корни, а средний класс страдает чрезмерным высокомерием. Мы принимаем их [королевскую семью] такими, какие они есть, — малообразованными и плохо знающими жизнь немцами, нуждающимися в нашей помощи. Мы понимаем, что должны их защищать, в особенности наследника. Именно по этой причине Чарльз ищет моего общества.

Он был просто очарователен в тот день, после празднования своего тридцатилетия, — продолжала она. — Я пришла на завтрак, а принц сказал: «Ах, Боже мой, надеюсь, вы не очень голодны? Когда мамы нет, здесь вообще ничего не происходит. Мой камердинер сделает нам омлет». Он взглянул на мою собачку. «Благодарение Богу, что нет мамы. Ее собаки сделали бы из вашего лабрадора сэндвич. Они ужасны».

Чарльз чрезвычайно мил, но не очень умен. Он почти не понимает окружающего мира. Очень приятный, немного заискивающий, с прекрасными манерами, но в нем не хватает какого-то одного измерения. Он сказал, что привык к своей холостяцкой жизни и сомневается, удастся ли ему когда-нибудь найти подходящую жену, которая захочет разделить с ним жизнь. «Грустно, не правда ли? — сказал он. — Какая женщина согласится все это терпеть? Согласится терпеть меня?»

После завтрака он показал мне свою лошадь по кличке Мантилья, а потом я ушла, проникнувшись еще более сильным чувством, что должна защищать будущего короля Англии, который обладает всем — такое складывается впечатление, — но у которого на самом деле ничего нет. По крайней мере ничего, что имеет значение».

ГЛАВА 12

Чарльз находился в Исландии, куда отправился порыбачить, когда 27 августа 1979 года ему позвонил британский посол. «Ваше Королевское Высочество, — сказал посол, — боюсь, я должен сообщить вам трагическое известие... Лорд Льюис... сэръ, мне очень жаль... граф Маунтбаттен Бирманский умер».

Чарльз был слишком ошеломлен, чтобы заплакать. Он никак не мог поверить и, заикаясь, спрашивал о подробностях, однако посол ответил, что узнал о смерти графа Маунтбаттена из сводки новостей Би-би-си. Тогда Чарльз позвонил матери в Виндзорский замок. Она ответила ему, что «дядя Дики» отдыхал в Ирландии, где и подорвался на бомбе, подложенной Ирландской республиканской армией.

Семидесятидевятилетний Маунтбаттен находился на борту своей яхты вместе с дочерью Патрицией, ее мужем Джоном Брэбурном, их четырнадцатилетними сыновьями-близнецами Николасом и Тимоти и матерью Джона Брэбурна. Они собирались ловить омаров в гавани Маллагмор, когда взорвалась бомба. Взрыв мгновенно убил

Маунтбаттена, его внука Николаса и ирландского юнгу, одного из членов команды. Лорд Брэбурн получил тяжелые ранения, а его жена чуть не умерла. Она долго находилась в реанимации; чтобы спасти зрение, ей пришлось перенести несколько операций, затем Патриция не одну неделю пролежала в палате интенсивной терапии. Их сын Тимоти потерял сознание, но потом пришел в себя. Восемидесятитрехлетняя мать лорда Брэбурна умерла на следующий день.

Принц Чарльз был безутешен. Он послал телеграмму секретарю Маунтбаттена: «Это худший день моей жизни. Я не могу представить, как буду продолжать жить без него». Вечером он вылил свою скорбь на страницы дневника: «Я потерял человека, занимавшего в моей жизни особое место. Теперь, когда его больше нет, жизнь никогда не будет прежней...»

Через несколько дней Чарльз встретился с матерью и отцом за завтраком в Бродландсе, чтобы обсудить предстоящие похороны дяди Дики. Чарльз все еще не пришел в себя, он боялся, что не сможет выдержать до конца церемонию похорон.

«Его больше нет, Чарльз, — сказал отец. — Ты должен с этим смириться».

Принц Уэльский заплакал и вышел из комнаты. Королева, которая не произнесла ни слова, продолжала есть. Она бросала кусочки цыпленка на пол, где собрались ее корги. Принц Филипп швырнул на стол свою салфетку.

«Надеюсь, Чарльз не станет проливать слезы на людях», — сказал он. Королева лишь потягивала воду и молчала.

«Звучит жестоко, — вспоминал Джон Бэретт, — но герцог Эдинбургский намеревался сделать харак-

тер Чарльза более жестким. А Ее Величеству было совершенно наплевать. Бедный Чарльз оказался в исключительно тяжелом положении. Он во многом полагался на лорда Маунтбаттена — они разговаривали каждый день и еженедельно обменивались письмами. Дядя Дики являлся для Чарльза всем — дедушкой, отцом, наставником и лучшим другом».

Хотя Филиппа иногда раздражала их близость, он скорбел о смерти своего дяди и никогда не простил его гибель Ирландской республиканской армии. Два года спустя, во время турне по Австралии, совершаемого им вместе с королевой, они столкнулись с небольшой демонстрацией ИРА. Королева игнорировала их, она смотрела прямо вперед; Филипп поднял руку и погрозил им пальцем.

В день похорон Маунтбаттена Чарльз печально вступил на подиум Вестминстерского аббатства, чтобы прочитать молитву, которую его двоюродный дед выбрал несколько лет назад, когда планировал церемонию своих похорон. Принц Уэльский прикрепил к своей военно-морской форме все орденские ленточки и медали. Как он объяснил своему лакею, Маунтбаттену это понравилось бы. Ударив себя в грудь, он сказал: «Если ИРА хотела поразить меня в самое сердце, она своего добилась».

Срывающимся голосом Чарльз прочитал по памяти 106-й псалом в честь адмирала флота: «Отправляющиеся на кораблях в море... Видят дела Господа и чудеса Его в пучине...» Он старался сохранить самообладание, но когда трубы пропели вечернюю поверку, Чарльз не выдержал и смахнул слезу.

Его эмоции контрастировали с поведением матери, которая сидела в нескольких футах от него, неподвижная, как камень. За десять суток до похорон, в день покушения, Букингемский дворец

сделал официальное заявление, что «Ее Величество глубоко потрясена и опечалена», однако королева не послала письма с соболезнованиями детям Маунтбаттена — своим кузенам и самым близким друзьям детства. Не стала Елизавета прерывать и свой отдых в Балморале, где на следующий день к ней присоединилась ее дочь Анна, и они отправились на пикник. Многие видели, как королева гуляла по саду со своими корги и играла с двухлетним внуком Питером.

Подобное поведение перед лицом трагедии поразило одного журналиста, который наблюдал за Елизаветой в мощный бинокль. Он заявил, что был потрясен, когда увидел, как королева резвится и смеется, словно ничего особенного не произошло. «И это на следующий день после того, как взрыв бомбы разорвал Маунтбаттена на куски, — вспоминал он. — Я никогда не видел Ее Величество такой спокойной и счастливой»*.

Сохраняя верность короне, репортер отослал в газету заметку, в которой говорилось, что охвачен-

* Хотя отношения между королевой и Маунтбаттеном всегда отличались теплотой, у них имелся повод для серьезного расхождения — Япония. В 1971 году Ее Величество пригласила императора Хирохито посетить Великобританию с официальным визитом. В Лондоне она снова сделала семидесятичетырехлетнего микадо кавалером ордена Подвязки (ранее его лишили этого ордена после нападения Японии на союзников в 1941 году). Визит Хирохито возмутил Маунтбаттена. Еще сильнее он негодовал в 1975 году, когда королева отправилась с официальным визитом в Японию. «Вам бы следовало подождать, пока я умру», — сказал он Елизавете.

Маунтбаттен, который воевал с японцами более трех лет и являлся командующим союзных сил в Юго-Восточной Азии, так и не простил Японии жестокостей военного времени. Однако королева обратила его внимание на то, что с тех пор прошло много лет и, по ее мнению, наступил момент для примирения. «Император — старый человек, Дики», — сказала Елизавета. Маунтбаттен фыркнул: «Трясущийся, бездарный старый фашист». — *Примеч. авт.*

ная горем королева в одиночестве прогуливается по саду.

Чарльз скорбел о смерти герцога несколько месяцев, а потом обратился за помощью к Лоуренсу ван дер Посту, писателю, который служил адъютантом Маунтбаттена в Индии. Чарльз испытывал благоговение перед старым человеком, который заменил для него Маунтбаттена в роли гуру — духовного наставника и политического советника. Ван дер Пост, друг и биограф швейцарского психоаналитика Карла Юнга, говорил с Чарльзом о концепции коллективного подсознания, которое выражается в мифах и снах. Он поддерживал в Чарльзе интерес к сверхъестественному, предлагал открыться миру призраков. Он сопровождал принца в пустыню Калахари в Юго-Западной Африке, чтобы войти в контакт с духами бушменов. Чарльз был заморожен престарелым мистиком и вскоре начал искать утешения у оракулов, медиумов и экстрасенсов. Он стал интересоваться паранормальными явлениями, участвовал в спиритических сеансах и консультировался с ясновидцами, надеясь войти в контакт с Маунтбаттеном.

«Чарльз пытался вызвать тень лорда Льюиса на планшете для спиритических сеансов, — свидетельствует Джон Бэретт, — но когда слухи просочились в прессу, дворец заставил его все отрицать, чтобы принц не выглядел свихнувшимся».

Тогда же Чарльз увлекся актрисой индийского происхождения, бывшей любовницей голливудского режиссера Джона Хьюстона. Зои Саллис, родившая сына от Хьюстона в 1962 году, была буддисткой и имела контакты с брахманами. Ее влияние на принца Чарльза беспокоило дворец. Она исповедовала трансцендентализм и верила в множествен-

ность богов, что приходило в противоречие с англиканской верой в одного всемогущего Бога.

Новая любовница Чарльза была старше его на десять лет, но он совершенно потерял голову и начал следовать ее религиозным убеждениям. Она дала ему книгу под названием «Путь учителей» и сказала, что ее миссия состоит в том, чтобы убедить принца верить в перевоплощение. К ужасу людей, близких к Чарльзу, она добилась успеха. Принц Уэльский начал говорить о переселении душ и размышлять о том, какую форму примет лорд Маунтбаттен, когда вернется на Землю.

Личный секретарь принца Эдвард Эйдин был обеспокоен этими, по его словам, бессвязными бреднями. Трезвый и практичный барристер, чей отец, сэр Майкл Эйдин, занимал должность личного секретаря королевы, ожидал большего от будущего короля Англии. Эйдин тревожился из-за монашеской ментальности принца, разговоров о добрых делах и неудачных попыток заняться альтернативной медициной. Больше всего его волновало отношение Чарльза к религии. Эйдин пытался вернуть принца в лоно привычной англиканской церкви. Он подчеркивал ответственность наследника перед своими будущими подданными, но Чарльз не обращал на его слова внимания. Его поглотили проблемы погружения в нирвану. Под влиянием новой любовницы он стал вегетарианцем и решил (временно) прекратить убивать животных. «Я хочу очистить себя, — заявил Чарльз, — и достичь слияния со всеми верованиями».

«Это необходимо прекратить», — заявил Эйдин людям, близким принцу. Желая настоять на своем, личный секретарь сказал Чарльзу, что его отношения с красивой поборницей буддизма потенциально

вредны монархии. Чарльз должен стать защитником веры, а не пропагандистом всех верований сразу. Он рекомендовал Чарльзу прекратить отношения с Саллис, но Чарльз отказался. Тогда Эйдин пригрозил, что обратится за поддержкой к королеве. После этого Чарльз отступил. Даже в возрасте тридцати одного года он все еще боялся матери.

Чарльз переходил от случайных связей к встречам на одну ночь, кроме того, заводил короткие романы с высокими красивыми блондинками, дочерьми богатых землевладельцев. «Я так легко влюбляюсь», — говорил он репортерам, пытаясь объяснить бесконечное количество женщин, которые появлялись и исчезали из его жизни. Он дважды предлагал свою руку — один раз Дейвине Шеффилд, а второй раз Анне Уоллес, — но ни одна из блондинок не приняла его предложения, и обе потеряли благосклонность принца после того, как пресса обнародовала их прошлое.

«О Господи, — жаловался Чарльз своему лакею, — неужели мне никогда не найти достойной женщины?»

Летом 1980 года он нашел ее сидящей на стог сена. Прелестная и юная девятнадцатилетняя леди Диана Спенсер казалась слишком молодой и невинной, чтобы иметь прошлое. Чарльз, который был на тринадцать лет старше, заметил ее во время вечеринки в загородном доме у своих друзей Филиппы и Роберта де Пасс. Принц познакомился с Дианой в 1977 году, когда недолго ухаживал за ее старшей сестрой, Сарой, и провел несколько дней вместе со Спенсерами, охотясь в Олторпе, их семейном поместье в Нортгемптоншире, примерно в семидесяти пяти милях к северо-востоку от Лондона. Так что в каком-то смысле они уже были знакомы, когда

Чарльз увидел Диану три года спустя. Он заметил, как она повзрослела и изменилась с тех пор, ведь тогда ей едва исполнилось шестнадцать.

— Вы теперь совсем не такая толстушка, какой были три года назад, — сказал он.

Диана покраснела, опустила глаза и посмотрела на свои длинные ноги.

— Просто я стала немного выше, — пошутила она. — И все распределилось по большей длине.

Чарльза подкупила ее способность посмеяться над собой, и он присел, чтобы поговорить. Они болтали о сестре Дианы, Саре, которая недавно вышла замуж за Нейла Маккоркводейла, бывшего офицера дворцовой стражи. Чарльз заявил, что ему ужасно приятно находиться среди друзей и на время забыть о королевских обязанностях. («Никогда не кончающиеся, проклятые» обязанности принца Уэльского станут постоянным рефреном в следующие несколько месяцев, когда Чарльз жаловался на свою чрезмерную нагрузку.) Диана слушала его с сочувствием и сказала, что, по ее мнению, он прекрасно справляется. Она упомянула о том, как была тронута, когда смотрела на Чарльза во время телевизионной трансляции похорон Маунтбаттена.

«Вы выглядели таким печальным, когда шли по проходу в соборе. Ничего более трагического мне видеть не доводилось. И я тогда подумала: как неправильно устроен наш мир. Принц так одинок! Кто-то должен быть рядом с ним».

Позднее она рассказала о встрече с Чарльзом своим соседкам по квартире и добавила, что говорила с принцем так, словно он вдруг стал одним из ее маленьких воспитанников. Он старался сесть к ней поближе, как и детишки из детского сада, за которыми она ухаживала. Чарльзу пришлось

рано уйти, и он предложил отвезти Диану в Лондон, но она отказалась, заметив, что это было бы невежливо с ее стороны по отношению к хозяевам.

«Она сделала правильный ход, — заметила одна из ее подружек. — Она не хотела выглядеть плохо воспитанной или проявить слишком большую заинтересованность».

Так для Дианы началось время ухаживания. Ей льстило, когда ее видели рядом с принцем Уэльским, и она говорила подругам, что не станет обращаться с ним так же равнодушно, как ее сестра Сара, когда той пришлось давать журналистам интервью. «Я воспринимаю принца как старшего брата, которого судьба мне не дала, — сказала репортеру Сара. — Мне очень нравилось проводить с ним время, но я его не любила. А я никогда не выйду замуж за человека, которого не люблю, будь он мусорщик или король Англии. Если бы он сделал мне предложение, я бы его отклонила». Диана, которая читала романтические романы Барбары Картленд, мечтала о том, чтобы выйти замуж за принца. Она бы никогда не отклонила подобного предложения.

Диана поведала о своих мечтах подружкам, и те принялись подбирать для Дианы вещи, которые ей следовало надевать, когда она отправлялась на свидание с принцем. Они никогда не видели будущего короля Англии, потому что он ни разу не заходил к Диане домой. Не заезжал Чарльз за ней и тогда, когда они куда-нибудь отправлялись. «Подарки он тоже дарил редко, — вспоминала одна из соседок Дианы по квартире. — Книга на Рождество, акварель, написанная им в Балморале, один букет без карточки принца, доставленный лакеем после их обручения, и маленькая зеленая пластмассовая лягушка, которую Диана держала на приборном щитке

своего автомобиля. Она дразнила Чарльза, что больше не надо целовать лягушек, потому что она уже нашла своего принца. Наверное, он соглашался».

За шесть месяцев ухаживания Чарльз редко звонил Диане, полагаясь на своего конюшего, который доставлял ей его приглашения. Предполагалось, что она должна сама добираться туда, куда ее пригласили. «Мы называли его «сэр», — вспоминала ее соседка по квартире, — потому что именно так вначале называла его сама Диана... Мы помогли ей выработать стратегию. Было очень забавно, мы как бы играли».

Молодые женщины, которых Чарльз называл «глупенькие соседки Дианы», жили вместе с Дианой в доме номер 60 на Коулерн-корт, в Лондоне, рядом с универсальным магазином «Харродз». Диана купила трехкомнатную квартиру на деньги, которые унаследовала от своей прабабушки. «Это был подарок к совершеннолетию», — сказала она. Как и две ее старшие сестры, она получила деньги (75 000 долларов), когда ей исполнилось восемнадцать. Мать посоветовала ей вложить их в недвижимость, поэтому Диана и купила квартиру. Она сдала ее трем подругам, на которых возложила и уборку. «Должна признаться, — вспоминала ее подруга, — что большую часть работы по дому делала сама Диана. Ей нравилось делать уборку. Она гордилась своей квартирой и все такое».

Когда Диана выросла, она стала весьма педантичной. Она долгие часы тратила на уборку, приводила в порядок шкафы с одеждой, перевешивала платья. Выстраивала все туфли по цвету и каждый день убирала свою постель, тщательно расправляя уголки. Она постоянно все чистила пылесосом и научилась стирать, поскольку ей нравился запах свежеевыглаженного белья. Как Золушка, она

с удовольствием выполняла роль горничной старшей сестры, которая платила ей два доллара в час за уборку своей лондонской квартиры. Годы спустя Диана рассказывала друзьям, что психиатр объяснил ее стремление к чистоте подсознательным желанием навести порядок среди окружающего хаоса. Понимая, что находится в не совсем уравновешенном состоянии, Диана старалась избегать приема транквилизаторов, потому что боялась привыкания. Ей совсем не хотелось попасть в зависимость от медикаментов.

Ее семью раздирали на части развод, алкоголизм и насилие. Последние десять лет ее отец обвинял жену в том, что она неспособна произвести на свет наследника. «То было ужасное время для моих родителей, скорее всего это и явилось причиной развода, — сказал брат Дианы, Чарльз. — Мне кажется, они так и не смогли оправиться».

Отца Дианы, Эдварда Джона Спенсера, близкие называли Джонни Спенсер. Как виконт Олторп он унаследовал большое состояние и поместье площадью в тринадцать тысяч акров, которое его предки получили в шестнадцатом веке. Бывший конюший двух монархов, короля Георга VI и королевы Елизаветы II, стал восьмым графом Спенсером. Когда Джон унаследовал титул, ему потребовался сын, которому этот титул можно было передать. В 1954 году он женился на Фрэнсис Рош, красивой блондинке, дочери четвертого лорда Фермоя. Они переехали в Парк-Хаус, находящийся в поместье Сандрингем, графство Норфолк. Первый ребенок, Сара, родилась на следующий год, а два года спустя, в 1957 году, появилась на свет вторая девочка, Джейн. Джонни Спенсер хотел мальчика, он настоял на том, чтобы жену осмотрели специалисты и выясни-

ли, почему у нее рождаются дочери. Фрэнсис решила попытаться еще раз и в январе 1958 года родила мальчика. Его назвали Джоном в честь отца. «Я даже ни разу не видела его. Никогда не держала на руках, — сказала Фрэнсис. — Мальчик весил восемь фунтов, но у него было что-то не в порядке с легкими». Он прожил всего десять часов. Фрэнсис не сдавалась и через восемнадцать месяцев, 18 июля 1961 года, дала жизнь третьей дочери, которую они назвали Дианой Фрэнсис. «Мне следовало родиться мальчиком», — говорила Диана много лет спустя.

Джонни Спенсер начал слишком много пить и поносить жену. Он отправил ее к лондонским специалистам, чтобы те выяснили, что же с ней «не так». Три года спустя, когда Фрэнсис исполнилось двадцать восемь лет, она родила сына. «Наконец, — сказала она, — я исполнила свой долг». Сама королева стала крестной матерью мальчика.

Наследника, Чарльза Эдварда Мориса Спенсера, называли досточтимый Чарльз Спенсер, пока его дед, граф Спенсер, был жив. После смерти графа в 1975 году Джонни Спенсер унаследовал титул отца, а его сын Чарльз, которому исполнилось девять лет, стал виконтом Олторпом.

«Ожидание смерти близкого человека, чтобы получить его титул», — так с горечью описывала Фрэнсис жизнь своего мужа до того момента, пока тот не унаследовал отцовский титул. К этому моменту у нее начался роман с энергичным женатым человеком, который, по ее словам, вернул в ее жизнь страсть и смысл. Хотя Питер Шенд Кидд, сорока двух лет, не имел титула, он был богатым и обаятельным человеком и обладал исключительным чувством юмора. В отличие от Джона Спенсера, придворного, который относился к людям королевской

крови с большим почтением, на Кидда они не производили особого впечатления. После обеда с королевой он сказал своим детям, что Ее Величество «была, как всегда, скучной», а «Букингемский дворец похож на паршивый отель».

Кидд унаследовал бизнес по производству обоев, являлся отставным морским офицером и владел землями в Англии, Шотландии и Австралии. Кроме того, у него было трое маленьких детей.

«Это не остановило Фрэнсис, — вспоминает один из сыновей Питера Шенда Кидда. — Она жесткая — настоящий хищник. Когда она положила глаз на отца, у моей матери не осталось ни единого шанса».

Диане исполнилось шесть лет в 1967 году, когда ее мать ушла от отца и сняла квартиру в лондонском районе Челси, чтобы быть поближе к своему любовнику. Фрэнсис сказала мужу, что хочет развода и рассчитывает получить опеку над детьми. Джонни напился, назвал ее «беглянкой» и избил. Когда он протрезвел, то расплакался и попросил вернуться домой. Фрэнсис попыталась помириться с ним, но ничего хорошего у них не получилось. Она покинула Парк-Хаус и уехала в Лондон.

Вскоре после этого миссис Питер Шенд Кидд подала в суд на развод, назвав Фрэнсис виновной стороной. Джонни Спенсер был унижен изменой жены и подал в суд с целью получить опеку над детьми. Его поддержала мать Фрэнсис, леди Рут Фермой, фрейлина королевы-матери. Леди Фермой показала под присягой, что дети чувствуют себя счастливее с отцом, чем с матерью. Кроме того, она заявила, что при ней Спенсер ни разу не терял самообладания.

«Рут была старой роялисткой, хотя и родилась в Шотландии. Она отличалась удивительным снобиз-

мом и всю жизнь вращалась в придворных кругах, — заявил один из членов семьи Спенсеров. — Я ее боготворил, она прекрасно ко мне относилась, но должен признать, что Рут плохо обращалась со своими детьми, особенно с Фрэнсис. Во время суда она приняла сторону Джона, потому что никогда не видела, чтобы он бил Фрэнсис, — так она сама мне потом объяснила. Рут не довелось быть свидетельницей пьяных скандалов, поэтому она могла с чистой совестью говорить, что Джон всегда вел себя сдержанно. А сама Фрэнсис не рассказывала матери о своих неприятностях: они с Рут были не особенно близки. К тому же в то время подобные вещи было не принято обсуждать даже со своими родными.

Рут никогда бы не приняла сторону тех, кто может нанести урон придворным королевы, будь это даже ее дочь. Но главная причина, по которой она повернулась спиной к собственной дочери, заключалась в том, что Рут хотела защитить своих внуков. Она и помыслить не могла, что они станут жить с простолюдином. Фрэнсис не простила мать. Они не разговаривали девять лет, их отношения навсегда остались холодными».

Писательница Пенни Джунор соглашается с этим предположением: «Леди Фермой никак не могла поверить в то, что ее дочь готова отказаться от графа ради торговца».

Суд решил вопрос в пользу виконта Олторпа, поэтому Диана и ее брат, которые переехали в Лондон вместе с матерью, вернулись обратно в Парк-Хаус, к отцу. Их старшие сестры, Сара и Джейн, остались в пансионе. В этом же 1969 году Фрэнсис вышла замуж за Питера Шенда Кидда, который так не хотел расставаться со своими детьми, что до самого последнего момента сомневался, правильно ли

поступает, заключая новый брак. «Он так и не сумел избавиться от чувства вины, — вспоминал один из его ближайших друзей, — что в сочетании с алкоголем и привело к разводу с Фрэнсис в 1990 году».

Будучи ребенком, живущим в неполноценной семье, Диана долго не могла научиться читать. Брат дразнил ее за то, что она медленно соображает и едва справляется с учебой. За все время обучения в школе Диана получила единственную награду в четвертом классе — кубок Палмера для любителей животных — за хорошее обращение с морской свинкой. Она любила танцевать и долгие часы проводила перед зеркалом, отрабатывая различные балетные па, но учиться ей не нравилось. В результате Диана бросила школу, когда ей исполнилось шестнадцать лет, а отец, которого беспокоило плохое образование дочери, записал Диану в швейцарский пансион благородных девиц в Гштааде. Она отправилась туда и с неохотой принялась изучать кулинарию и французский язык. Большую часть времени Диана проводила, катаясь на лыжах. Через три месяца она заявила, что слишком скучает по дому, чтобы закончить семестр. Диана так настойчиво упрашивала отца, что в конце концов он разрешил ей вернуться. Теперь, после смерти ее деда, огромный особняк Олторп времен Якова I перешел к ее отцу.

Отец продолжал тревожиться о ее будущем, но Диана ни о чем не волновалась. Прочитав статью в «Дейли телеграф» о неудачниках в учебе, которые впоследствии добились в жизни ошеломляющего успеха, она вырезала заметку и засунула под дверь отца. Потом потребовала, чтобы он разрешил ей переехать в Лондон. Диана хотела иметь там квартиру, как и ее старшие сестры.

«Я не могу больше переносить Олторп, — заявила Диана. — Здесь все затоплено Рейн*».

Рейн была дочерью яркой Барбары Картленд. Более скромная, чем мать, сорокасемилетняя Рейн после замужества стала известна широкой публике как леди Дартмут. Она поддерживала политику тори — в ее разновидности, свойственной Маргарет Тэтчер. Рейн познакомилась с Джонни Спенсером на политическом митинге местного отделения партии тори и пригласила его на обед в свою лондонскую квартиру, когда ее муж находился в отъезде. Спенсер, который после развода чувствовал себя одиноким, обрадовался ее вниманию. Спенсера привлекала сила ее характера, и он часто обращался к Рейн за советом, в особенности относительно содержания Олторпа. Она посоветовала ему обновить особняк, а чтобы расплатиться за работу, продать фамильные ценности, в том числе три картины Ван Дейка. Кроме того, Рейн предложила натянуть огромный тент, украсить территорию пластиковыми цветами и подавать чай в бумажных стаканчиках туристам. А также переделать конюшни в магазин по продаже подарков и сувениров. Она даже написала список товаров, которые могли бы привлечь туристов, в том числе свистки для защиты от насильников и романы ее матери.

Дети Спенсера пришли в ужас. «Она нам совсем не нравилась, — сказал Чарльз. — Всякий ребенок многое чувствует на интуитивном уровне — так вот, в ней я чувствовал нечто неприятное».

Диана высказывалась не так откровенно, как ее брат, но тоже невзлюбила Рейн. За спиной леди

* Здесь и ниже обыгрывается созвучие имени и слова «дождь» (по-английски — «rain»).

Дартмут она посмеивалась над ее вычурными бальными платьями, которые, по ее словам, Рейн брала напрокат на киностудиях, и называла ее «Графиня Пойдем Потанцуем» по названию британского телевизионного шоу о бальных танцах. Сестра Дианы, Джейн, относилась к Рейн, как к пыли на полке, а Сара была более откровенна в своих высказываниях.

«С тех пор, как мой дед умер, а мы переехали в Олторп, — рассказывала Сара подруге, — леди Дартмут стала нас посещать даже слишком часто». Когда позвонил репортер и попросил разрешения поговорить с новым графом Спенсером, Сара ответила: «Мой отец в постели с леди Дартмут*, и я не собираюсь их беспокоить».

Диана с братом бегали вверх и вниз по коридорам Олторпа, декламируя детский стишок: «Дождик, дождик, уходи». Дети называли любовницу отца «Кислотным дождем», и в ее присутствии всегда держались урюмо. Чарльз вообще отказывался с ней разговаривать, а Диана изводила ее анонимными письмами оскорбительного содержания и телефонными звонками: когда Рейн брала трубку, Диана молча нажимала на рычаг — устрашающая тактика, которой она якобы пользовалась и в последующие годы. Когда Рейн настаивала, чтобы к обеду все переодевались, дети являлись к столу в джинсах.

Как и Фрэнсис Шенд Кидд, Рейн была еще замужем, когда начался ее новый роман. Она тоже пережила унижение во время бракоразводного

* Муж Рейн, Джеральд Дартмут, подал на развод 29 мая 1976 года и угрожал назвать Джона Спенсера виновным в «отчуждении привязанности». Когда Рейн призналась в измене мужу, Дартмут вымарал имя Спенсера из документов и в дальнейшем называл его в документах «человеком, чья вина не была доказана». — *Примеч. авт.*

процесса, когда ее обвинили в нарушении супружеской верности и лишили права опеки над детьми. «Мы пережили тогда весьма тяжелые времена, — сказал один из ее сыновей. — Мой отец так никогда и не простил мать».

Мужа Рейн — Джеральда Легги, графа Дартмута, переполняла такая горечь, что он приказал художнику заменить деревом изображение жены на семейном портрете.

К тому времени Рейн вместе со своими чемоданами переехала в Олторп. Дети Спенсера просили отца прогнать ее, но она словно околдовала его. В 1976 году они поженились, и Рейн стала графиней Спенсер*. Никто из их детей не участвовал в гражданской церемонии.

«Нас не пригласили, — заявила Сара репортерам. — Мы оказались недостойными».

«Ни на чем не основанное заявление, — резко ответила Барбара Картленд. — Не будем забывать, что моя дочь рассталась с шестнадцатым графом ради восьмого. Вряд ли это можно назвать продвижением по социальной лестнице».

Рейн наслаждалась титулом Спенсера, его состоянием и поместьем. Ей нравилось в ее новом замужестве все, кроме детей. «Я уже сыта по горло шутками о «злой мачехе», — призналась она годы спустя. — Разве мог кто-нибудь относиться ко мне нормально, если окружающим нравилось считать

* В 1980 году во время поездки в Нью-Йорк Рейн поправила американского журналиста, назвавшего ее графиней Спенсерской. Рейн объяснила, что носит титул мужа, который именуется графом Спенсером, а не Спенсерским. Она добавила, что графы, чьи фамилии являются частью титула, считаются в обществе выше, чем те, чей титул отражает географическое название. — *Примеч. авт.*

меня матерью Дракулы. Поначалу мне пришлось очень тяжело... Сара меня не переносила, она не хотела даже смириться с моим местом во главе стола и давала указания слугам через мою голову. Джейн два года со мной не разговаривала, даже если мы сталкивались в коридоре. Диана держалась мило, но всегда была занята собой... а Чарльза переполняла ненависть».

С еще большей мстительностью Рейн вспоминает о первых месяцах после свадьбы: «Сара невозможна, с Джейн все в порядке, пока она занимается тем, что производит на свет детей, — единственное, на что она годится. Что до Дианы, так кто же сумеет вести разумный разговор с человеком, который не сдал успешно ни одного экзамена? Если вы скажете при ней «Афганистан», она подумает, что это сорт сыра».

Отношения между мачехой и приемными детьми стали еще более тяжелыми в сентябре 1978 года, когда у Джона Спенсера произошло кровоизлияние в мозг, которое чуть не закончилось для него фатальным исходом. Он находился в коме два месяца, которые провел в больнице. Рейн навещала его каждый день, сидела у постели, проигрывала записи оперных арий и всячески желала его выздоровления. Она спорила с детьми относительно лечения и не разрешала им посещать Спенсера, пока он находился в коме. Рейн говорила, что не хочет, чтобы они забирали жизненную энергию, которая ему необходима для выздоровления. Доктора готовили ее к смерти мужа, но она не принимала их диагнозы и прогнозы. Рейн утверждала, что ее супруг будет жить, если применить сильное немецкое лекарство (аслоциллин), которое еще не успело пройти лицензирование в Англии. Ссылаясь на законы, врачи за-

явили, что не имеют права дать ему новый препарат, даже если бы он у них имелся. Тогда Рейн перевела мужа в другую больницу и использовала свое влияние, чтобы достать лекарство и испытать его действие на муже. Эксперимент удался, и, как она и предсказывала, граф Спенсер почувствовал себя лучше и поправился, хотя и не окончательно. Часть мозга осталась поврежденной, что оказывало влияние на его речь и способность двигаться.

«Я могла бы хоть десять раз подряд спасти жизнь моего мужа и потратить на это все свои деньги, — заявила она одному писателю, — но отношение его детей ко мне нисколько не изменилось бы.

Однако я специалист по выживанию, и многие напрасно склонны об этом забывать. Меня нельзя сломать. Никто не в силах меня уничтожить, и никто не уничтожит Джонни до тех пор, пока я сижу у его постели... и передаю ему свою жизненную силу».

Рейн приветствовала возможность продвижения по социальной лестнице — она радовалась тому, что Диана собирается войти в королевскую семью. Да и отец гордился тем, что на его любимую дочь упал взор принца Уэльского. Однако мать забеспокоилась. Фрэнсис Шенд Кидд помнила, как принц ухаживал за ее старшей дочерью, и не забыла, как переживала Сара, когда ее имя исключили из королевского гостевого списка. Сара, страдавшая от анорексии* в то время, когда встречалась с Чарльзом, очень ценила его приглашения и заказала библиотекарю вырезать все газетные заметки, где ее имя упоминалось вместе с именем принца Чарльза. Она даже за-

* Патологическое отвращение к пище.

вела специальный альбом, в котором прослеживалось ее восхождение на Олимп в компании немногих счастливиц. После интервью о «мусоршике» статьи и приглашения прекратились. Теперь их стала получать младшая сестра.

Принц Чарльз был заинтригован разговором с Дианой во время вечеринки в июле настолько, что пригласил ее в оперу. Он передал ей приглашение в последнюю минуту через своего секретаря. Однако Диану это нисколько не огорчило; она с нетерпением ждала какого-нибудь жеста со стороны принца. Диана согласилась и сделала вид, что разделяет его восхищение Верди. Позднее Чарльз предложил ей поехать в «Каудрей»* посмотреть его игру в поло, потом понаблюдать за тем, как он охотится в Сандринхеме и участвует в скачках в Ладлоу. Диана соглашалась — и не сводила с принца восторженных глаз. «По большей части, — сказала она матери, — мне нравится быть рядом с ним».

Вместе с Чарльзом Диана отправилась на борту его яхты «Британия» в Каус, где проходит знаменитая регата, а неделю спустя она приняла его приглашение на обед в Букингемском дворце. Диана призналась, что побаивалась таких друзей Чарльза, как Николас Сомс «Толстяк», однако сумела снискать их расположение и легко вошла в компанию принца. Особенно им нравилось то, с каким юным пылом она относилась к принцу. «Ее переполняли решимость и энтузиазм, — вспоминала Пэтти Палмер-Томкинсон, жена одного из ближайших друзей Чарльза, — и она очень хотела его заполнить». Через много лет биограф

* «Каудрей-парк» — стадион для игры в поло в графстве Суссекс.

Дианы — Эндрю Нортон прокомментарирует события того времени более резко. «В процессе развития их причудливого романа, — писал он, — Диана, точно послушный щенок, с радостью бежала к Чарльзу, стоило ему свистнуть».

Пресса узнала о Диане только осенью 1980 года, когда она сидела рядом с Чарльзом на берегу реки Ди, наблюдая за тем, как он ловит рыбу. Мощный бинокль позволил репортеру Джеймсу Уитакеру и его фотографу Артуру Эдвардсу заметить ее между деревьями. Когда Диана увидела, что они наблюдают за ней, она тихонько ускользнула. Через несколько дней они разыскали ее в Лондоне. «Коварный мистер Уитакер» (так она дразнила вожака королевской своры репортеров) представил девушку как «леди Ди».

«Хорошенькая, но не ослепительная красавица, — вспоминал впоследствии он, — она обладала обаянием, но была начисто лишена волшебства. Однако на моих глазах произошло чудо, и Диана превратилась в самую пленительную женщину на свете, которую обожали журналисты и простые люди».

Тучный репортер, носивший шелковые носовые платки в нагрудном кармане клубного пиджака с золотыми пуговицами, стал для Дианы чем-то вроде крестной для Золушки. Уитакер размахивал своей волшебной палочкой журналиста, публикуя о Диане одну историю за другой, называл ее «самой подходящей кандидатурой на роль будущей королевы». Журналист превозносил ее «невинность», «изумительное очарование» и «благословенную скромность». Он романтизировал ее «неувядаемую свежесть» и «королевскую манеру держаться». Коллеги Уитакера вслед за ним прославляли достоинства леди Ди.

За два месяца милостивая дочь графа Спенсера сумела очаровать целое королевство: теперь все хотели, чтобы холостяк принц женился на белокурой принцессе. Диана казалась британцам самым совершенством. В ней было больше британского, чем в Чарльзе, который являлся ее шестнадцатым кузеном со стороны короля Якова I, а среди ее предков имелись и потомки Карла II. «Кроме того, она приходилась родственницей чуть ли не каждому французскому аристократу, — заявил Гарольд Брукс-Бейкер, редактор справочника «Дебретт», самого авторитетного издания по вопросам наследования. — Она в родстве с братом Наполеона и восемью американскими президентами, включая Джорджа Вашингтона».

Но самое главное: леди Диана Спенсер — протестантка и известна своим целомудрием. Девственность делала девушку самой достойной кандидаткой на роль королевы, которая подарит Великобритании наследника. Даже принц Филипп одобрял Диану. «Она может добавить в нашу линию высокий рост», — заявил он, словно Диана была племенной кобылой.

Британская пресса, как все англичане, ликовала. Журналисты без конца восхищались молодой женщиной, которую называли «Застенчивая Ди». Ее фотографии постоянно появлялись на первых страницах газет и журналов — голова скромно склонена, глаза опущены. «Ей девятнадцать, и она безупречная английская роза», — писала «Сан». В своих блузках с оборками Диана стала воплощением невинности школьницы. «У-ДИ-вительная!..» — не уставала восхищаться «Миррор». Репортеры преследовали Диану, гонялись за ее маленьким красным автомобилем по городу, забирались на крыши домов, чтобы сделать удачную фо-

тографию. Каждый день они находили ее на улицах, дома и на работе.

— Дорогая, как ты выносишь этих мерзких типов? — спросил Чарльз.

— Я люблю детей и, работая с ними, научилась быть терпеливой, — ответила Диана. — Я общаюсь с журналистами так, словно они дети.

Она мягко выговаривала фотографам, которые становились слишком развязными.

— Эй, Ди, — завопил один из них. — Повернись налево!

Она ласково ему улыбнулась и спокойно проговорила:

— Меня зовут Диана.

Девушка никогда не переставала улыбаться.

Сначала Диана неизменно сохраняла спокойствие, но однажды она дала волю слезам, когда несколько машин с репортерами заставили ее съехать на обочину. В другой раз пристыженные искатели сенсаций оставили на ветровом стекле ее машины записку: «Мы не хотели вас обидеть. Приносим самые глубокие извинения». Диана согласилась позировать только после того, как один фотограф напугал детей, забравшись в детский сад через окно туалета и, естественно, прихватив с собой свое оборудование.

«У вас есть две минуты», — сурово сказала Диана.

Он успел сделать четыре снимка со вспышкой, напугав двоих малышей, которые вцепились Диане в юбку. Так весь мир получил первое и самое сильное впечатление об обаятельной красавице. Диана стоит, прижимая к себе одного ребенка и держа другого за руку, но она не сообразила, что солнце светит ей в спину, а сквозь тонкую

ткань юбки просвечивает то, что принц Чарльз назвал «великолепной парой ног». Надпись под фотографией гласила: «Ошибка леди Дианы». Британские газеты призывали Чарльза сделать простодушную девушку королевой Англии.

«Санди таймс» писала, что она безупречна: «Серьезная, но не скучная; милая, но не слишком; забавная, но не глупая; спортивная и женственная; сексуальная, но не нахальная».

«Я утверждаю, что она настоящий идеал, — писал в «Дейли мейл» Найджел Демпстер. — У нее есть все, чтобы рожать здоровых детей».

Спустя годы Диана отрицала, что ее подвергли перед свадьбой медицинскому осмотру у назначенного дворцом врача.

Один из заголовков гласил: «Чарльз, не ДИчись ее». Другой призывал: «За ней иДИ».

Пресса ожидала, что принц сделает предложение в свой тридцать второй день рождения — в ноябре 1980 года, когда Диану пригласили провести выходные вместе с королевской семьей в Сандринхеме. Репортеры с нетерпением ждали официального объявления, устроившись рядом с особняком. Они видели, как Диана приехала в пятницу и уехала в воскресенье. После отъезда Дианы мимо них прошел Чарльз, который прогуливал свою собаку.

«Почему бы вам не отправиться по домам к своим женам? — спросил он. — Я знаю, что вы с пятницы ждете новостей, а теперь разочарованы. Однако довольно скоро вы все узнаете».

Когда принц не сделал предложения, его пожурили в редакционной статье «Гардиан»: «Придворный циркуляр», выпущенный вчера Букингемским дворцом, — писала газета, — разочаро-

вал нацию, которая испытывает политические и экономические трудности. На миг все поверили, что звон свадебных королевских колоколов развеет печаль».

Роман чуть не расстроился окончательно 16 ноября 1980 года, когда на первой странице «Санди таймс» появилась статья под заголовком: «Королевский поезд любви». Газета цитировала полицейского офицера — его имя не называлось, — который утверждал, будто леди Диана тайно провела две ночи с принцем Чарльзом в королевском поезде. Поезд с роскошной кухней, гостиной и спальней использовался членами королевской семьи только для официальных визитов. В статье утверждалось, что Чарльз ночевал в поезде после визита в герцогство Корнуолл и призвал к себе Диану, которую посреди ночи тайно провели через полицейское оцепление. Заголовок сопровождала фотография поезда в Уилтшире: «Любовь на запасном пути».

«Грубая и оскорбительная ложь, — заявил пресс-секретарь королевы. — Ее Величество выражает резкое осуждение». Дворец потребовал опровержения и извинений, но редактор Роберт Эдвардс стоял на своем. Он заявил, что у него имеются подписанные показания свидетеля, видевшего женщину, которая провела две ночи в поезде, причем в течение нескольких часов она оставалась в спальне принца, а затем незаметно скрылась. Однако редактор сделал одну ошибку: он принял таинственную блондинку за Диану.

«Его свидетель не узнал Камиллу Паркер Боулз, — рассказывает Джон Бэретт. — Чарльз возобновил с ней связь после смерти Маунтбаттена,

когда она лично выразила ему соболезнования по поводу кончины самого верного друга принца. Мне это известно, поскольку тогда я заканчивал дела в Бродландсе и был в постоянном контакте с принцем. Чарльз не скрывал, что миссис Паркер Боулз вновь появилась в его жизни. Он говорил, что она помогла ему во многом разобраться. Они проводили вместе долгие часы — катались на лошадях, охотились, стреляли. Она исполняла роль хозяйки на его званых обедах и организовывала вечеринки. Естественно, контролировала список приглашенных гостей. Чарльз называл ее своей Пятницей.

«Она прекрасно ему подходила — крупная и сговорчивая. Чарльз был самым настоящим Виндзором — я включаю сюда лорда Льюиса и принца Филиппа. Все они любили женщин, похожих на мужчин. Длинные ноги в бриджах для верховой езды — им нравилось, когда их подружки напоминали скаковых лошадей. Женщины Маунтбаттена, женщины Филиппа, женщины Чарльза — все были, точно родные сестры, начиная с Саши [герцогиня Аберконская], кузины королевы. Она была любовницей Маунтбаттена, который передал ее Филиппу — так случалось нередко. Лорд Льюис и Филипп также делили чудо без подбородка [Бэретт имеет в виду жену одного из близких друзей Филиппа], потом доставшееся по наследству Чарльзу. Камилла отличалась от них, потому что не имела никаких отношений ни с Маунтбаттеном, ни с Филиппом. Она была любовницей Чарльза с самого начала».

Принц Уэльский продолжал встречаться с Камиллой, когда воинский долг призвал ее мужа, подполковника Эндрю Паркера Боулза, в Родезию

(теперь Зимбабве)*, чтобы помочь британской колонии обрести независимость. Камила не стала сопровождать мужа.

«Чарльз сказал, что не сможет перенести разлуки, и она осталась, — сказала одна из приятельниц Камиллы, которая держала своих лошадей в той же конюшне, что и миссис Боулз. — Муж Камиллы отнесся к ее решению совершенно спокойно, поскольку к тому моменту увлекся другой женщиной».

Диана не понимала, какие трудности ее ждут. Однако заметила, что Камила постоянно оказывается рядом с Чарльзом. Диану поражало, почему она так много знает о ее отношениях с Чарльзом. В то время Диана еще не чувствовала себя достаточно уверенной, чтобы позволить себе спросить принца о его прошлом увлечении. Она поделилась своими тревогами с соседками по квартире и сестрами, но ничего не сказала Чарльзу. Ее несколько подбодрил гнев Чарльза по поводу инцидента с поездом: он всячески поносил репортеров, называя их «проклятыми стервятниками». Когда редактор отказался дать опровержение, Чарльз на-

* В марте 1980 года в «Прайвит ай» появился очерк об Эндриу Паркере Боулзе, отправившемся на место службы без жены, которая предпочла остаться в Англии. «Эндриу, 39 лет, женат на бывшей (?) симпатии принца Чарльза, Камилле Шенд. Если я увижу королевский «астон-мартини», припаркованный возле особняка Паркера Боулза, в то время как храбрый подполковник исполняет свой долг за океаном, я знаю, в чем будет состоять мой долг». В апреле того же года «Дейли мейл» написала, что принц Чарльз собирается председательствовать во время празднования независимости Зимбабве. Его официальной спутницей будет «старая любовь — миссис Камила Паркер Боулз». Отметив, что сам Эндриу Паркер Боулз будет в это время находиться в Англии, газета продолжала: «Официальные представители Букингемского дворца счастливы видеть Чарльза в обществе дам, находящихся в благополучных браках, поскольку в этих случаях не возникает повода для сплетен». — *Примеч. авт.*

стоял на том, чтобы дворец вторично заявил о своем возмущении.

Через несколько дней он отправился в Индию — путешествие было запланировано много месяцев назад, и Диана проводила его до аэропорта. Когда он спокойно поднялся по трапу королевского самолета и даже ни разу не оглянулся, Диана расплакалась.

Репортеры, сопровождавшие Чарльза в Тадж-Махал, спросили у него, что он думает о грандиозном памятнике страсти, воздвигнутом императором из династии Великих Моголов в честь своей жены. «Превосходная идея, — ответил Чарльз, — построить такое замечательное здание в честь того, кого ты так любил». Индийский репортер спросил, не собирается ли принц жениться, и Чарльз поразил его своим странным ответом. «Меня вдохновляет мысль о том, что я мог бы иметь много жен, если бы принял мусульманскую веру», — ответил он.

Британские журналисты с беспокойством переглянулись, пытаясь понять, не шутит ли принц. Никто потом не решился процитировать его слова полностью. Даже после появления в Англии австралийского газетного магната Руперта Мэрдока и его репортеры продолжали сохранять лояльность к принцу. Они нередко смягчали свои отчеты о королеве и ее наследнике, часто скрывая подробности, которые могли бы показаться читателям нелестными. Вот и в данном случае журналисты воздержались от воспроизведения столь откровенной цитаты. Они описали интервью так, как и положено преданным подданным Ее Величества, — сообщили, что Чарльз сказал: «Я прекрасно понимаю, что огромная любовь может заставить мужчину построить для

обожаемой жены Тадж-Махал. Когда-нибудь я хотел бы привезти сюда свою».

В Англии отзвуки истории с поездом продолжали тревожить Диану, у которой случилась истерика, когда она прочитала в «Санди таймс» цветистое описание инцидента. «Чего бы ни ожидала от нее публика, — писала газета 30 ноября 1980 года, — монархия требует, чтобы репутация Дианы была безупречной. Часть привлекательности леди Дианы заключается в том, что она в соответствии с эвфемизмом Флит-стрит* «девушка без прошлого» — то есть раньше она ни разу не вступала в любовную связь».

До этого момента Диана шагала вперед с высоко поднятой головой. Каждое слово, написанное о ней, источало фимиам. Теперь же она испугалась и в слезах позвонила матери. Разгневанная Фрэнсис Шенд Кидд написала письмо в «Таймс», осуждая «зловую ложь» и «выдуманные истории», которые газета напечатала о ее дочери. Она потребовала, чтобы репортеры прекратили преследовать Диану. Письмо Фрэнсис вдохновило шестьдесят членов парламента, выдвинувших предложение «осудить манеру, в которой средства массовой информации пишут о леди Диане Спенсер». За их возмущением мгновенно последовала редакционная статья «Гардиан», озаглавленная: «Девятнадцатилетняя в осаде», в которой говорилось, что ни одна девушка такого возраста не заслуживает подобных нападок.

Опасаясь, что мать несколько перестаралась, Диана позвонила Джеймсу Уитакеру в «Дейли стар», чтобы отозвать письмо. Диана сказала, что

* Улица Лондона, где расположены редакции многих газет. В переносном смысле — мир прессы.

не хочет настраивать против себя прессу, но ей необходимо заявить о своей непричастности к истории с поездом.

«Диана хотела только одного — стать женой Чарльза, — вспоминает Уитакер. — Как и все остальные, включая королеву, Диана позвонила мне, чтобы заверить, что не имеет никакого отношения к сплетням о ночной гостье Чарльза, навестившей его в королевском поезде. «Пожалуйста, поверьте мне, — сказала она. — Я никогда не была в поезде и даже ни разу в жизни его не видела». Я написал статью и процитировал Диану, которая утверждала, будто весь вечер провела дома и смотрела вместе с подругами телевизор».

Большинство людей — за исключением разве что ее мачехи — считали, что Диана чиста, как Порция*. Она никогда прямо не говорила о своей невинности, но много лет спустя это сделал за нее биограф Эндрю Мортон. Он утверждал, что даже в раннем детстве Диана чувствовала, что ей уготована исключительная судьба. «Я должна готовиться к тому, что ждет меня впереди», — якобы говорила Диана. Ее мачеха думала совсем иначе. Рейн подозревала, что Диана рассталась с невинностью в 1978 году, когда встречалась с Джеймсом Гилби, юношей из богатой семьи производителей джина. Леди Спенсер случайно подслушала разговор между своей семнадцатилетней приемной дочерью и игривым лондонским холостяком, который нередко забывал о своем романе с Дианой и приглашал на свидания других девушек. Диана однажды отомстила ему, подобравшись среди ночи к его дому. Машина Гилби

* Героиня комедии У. Шекспира «Венецианский купец».

стояла перед подъездом, и Диана с помощью подружки обсыпала ее мукой и обмазала яйцами.

Рейн с неодобрением наблюдала, как Диана каждую неделю забирала грязные рубашки Гилби, тщательно их стирала и гладила, а потом на плечиках доставляла обратно. Во время своей предыдущей любовной истории она проделывала то же самое для Рори Скотта, лейтенанта шотландских гвардейцев.

Беспокойство о потускневшем имидже Дианы разделяла и мать Рейн — Барбара Картленд, которая заработала миллионы, понимая важность мягкой лжи, оплетающей жесткую правду: первая питает фантазию, а вторая разбивает сердце. Она приняла молчаливое соглашение между особами королевской крови и обычными людьми: они делают вид, что обладают неким превосходством, а мы делаем вид, что совершенно с ними согласны. Поэтому восьмидесятилетняя романистка завернулась в манто из перьев розового марабу и пригласила к себе домой журналиста, чтобы объявить всему миру о невинности Дианы. Она провела интервью в постели, в окружении пяти пуделей с ошейниками, украшенными искусственными бриллиантами.

«Принц Чарльз получит чистую молодую девушку, — заявила она. — Мне кажется, у Дианы никогда не было кавалера. Она чиста, как одна из моих героинь. Замечательная. Безупречная».

Рейн понимала, что одних заявлений ее дорогой мамочки недостаточно. Она проконсультировалась с адвокатом, потому что вдруг стали ходить слухи о существовании фотографий обнаженной Дианы, что ужасно обеспокоило леди Спенсер. «Особенно она опасалась журнала «Прайвит ай», — рассказал адвокат. Рейн вспомнила, как Диана хихикала, раз-

говаривая по телефону с подружками о снимках*, сделанных в Швейцарии в бассейне, когда она сняла купальник. Адвокат заверил Рейн, что судебный запрет можно получить до того, как фотографии будут опубликованы. Затем он посоветовал ей обратиться к кому-нибудь из представителей аристократических кругов, чтобы тот развернул кампанию по возвращению доброго имени Дианы. Рейн встретила с лордом Фермоем, который приходился Диане дядей, и попросила его поддержать честь семьи. Склонный к депрессии, лорд, покончивший с собой четыремья годами позже, охотно согласился помочь.

«Уверяю вас, Диана никогда не имела любовника, — заявил Фермой репортеру. — Чистота пользуется большим спросом, когда речь идет о выборе невесты для принца Чарльза. И это неудивительно, если вспомнить имена нескольких предыдущих подруг принца. Насколько мне известно, Диана никогда не вступала ни с кем в подобные отношения. Она его достойна».

«В результате, — написал «Ньюсуик», — честь осталась нетронутой». Интерес к роману принца Чарльза стал таким безграничным, что теперь особенно рьяные репортеры сопровождали принца Уэльского повсюду, докучая ему бесконечными вопросами о его намерениях. К январю 1981 года королевская семья чувствовала себя так, словно оказалась под арестом в Сандринхеме, — особняк постоянно находился в окружении репортеров и фотографов.

* В 1993 году один немецкий журнал выставил на продажу фотографии обнаженной Дианы, но потом было принято решение их не продавать и вернуть Диане. «Они не представляют журналистского интереса, — сказал редактор журнала, — и могут лишь удовлетворить нездоровую страсть к подглядыванию». — *Примеч. авт.*

«Напоминает бдение у постели умирающего», — сказал принц Филипп своему секретарю, выглянув в окно.

Королева пожаловалась, что не может выйти из дома и покататься на лошади, — ее тут же начинает осаждать «целая банда репортеров».

«Ее Величество, если вы меня простите, вела себя как жена простого рыбака, и послала меня... — рассказал позднее Джеймс Уитакер, запомнивший этот эпизод очень ярко, но не решившийся описать его во всех подробностях. — Я просто вложил в уста королевы такие слова: «Уходите. Неужели вы не можете оставить нас в покое?» Но на самом деле она высказалась более определенно.

Дело было так. Я с двумя фотографами разбил в парке лагерь. Когда королева выехала на лошади из королевских конюшен, нам удалось к ней приблизиться. Нас было трое: фотографы Лес Уилсон и Джимми Грей и я. Королева галопом поскакала к нам, посмотрела мне в глаза и прошипела: «Убирайтесь отсюда, вы, долбан...» Прежде чем она успела закончить предложение, я повернулся, чтобы выполнить приказ.

«Мадам, — ответил я, — мы как раз собирались вас покинуть. Мы уходим». Я помчался прочь, крикнув через плечо обоим фотографам, чтобы они снимали. Один застыл на месте, а другой чуть отступил назад. «Если ты думаешь, что я собираюсь столкнуть эту долбаную королеву с долбаной дороги, чтобы сделать этот долбаный снимок, то ты ошибаешься, — заявил он. — Ты просто долбаный болван». И тоже убежал. Никто из нас не проявил тогда достаточной смелости».

Когда репортеры обратились к принцу Филиппу в тот же день, только чуть позже, чтобы поздра-

вить его с Новым годом, он повел себя не менее грубо. «У вас яйца вместо мозгов», — оскалился он. А затем, опустив голову, прошел через толпу репортеров, понося нас последними словами.

Журналистка из «Сан» заявила, что охотничий отряд, в составе которого находились Филипп и Чарльз, обстрелял ее машину дробью. А шестнадцатилетний принц Эдуард посоветовал обратиться с общественной дороги возле семейного особняка фотографу «Дейли миррор». «Я бы не рекомендовал вам здесь стоять, — заявил принц. — Могут и пристрелить».

Чарльз, ожесточенный постоянным преследованием, тем не менее находил в себе силы, чтобы сохранять приличия. «Могу ли я воспользоваться представившимся мне удобным случаем, чтобы пожелать вам счастливого Нового года, — проговорил он сквозь сжатые зубы, — а вашим редакторам особенно тошнотворного?»

Диана приехала через несколько дней, устроив переполох среди фотографов, которые заблокировали подъезд к Сандринхему, пытаясь сделать удачный снимок. Потерявшая терпение королева предупредила сына: «Еще один год твоего романа мы не перенесем». Принц Филипп высказался намного жестче. Он заявил, что Чарльз должен немедленно принять какое-нибудь решение, иначе репутация Дианы будет загублена окончательно и бесповоротно.

Филипп всегда уделял своим детям больше внимания, чем королева. Он постоянно следил за тем, с какими женщинами встречается Чарльз, не одобрял увлечения сына чернокожими женщинами и игнорировал роман сына с девушкой с обложки «Пентхауса». Он знал о его романе с Камиллой Пар-

кер Боулз и предупреждал Чарльза, что подобные отношения ставят под удар монархию. Подталкивая сына к женитьбе, Филипп беспокоился о том, кто станет избранницей Чарльза, поскольку от этой женщины во многом зависело будущее его «Фирмы». Филипп вложил всю свою жизнь в монархию и намеревался изо всех сил ее охранять. После того как Чарльзу исполнилось тридцать*, его отец стал особенно внимательным и без колебаний говорил, кто из подружек Чарльза ему подходит, а кто — нет. Начав встречаться с Сабриной Гиннес, семья которой занималась банковским делом и пивоварением, Чарльз пригласил ее на вечеринку в загородный дом вместе с друзьями королевской семьи. Новость немедленно просочилась в прессу, вызвав новый всплеск интереса к подругам Чарльза. «Принц снова влюбился?» — вопрошал один из заголовков. Филипп так разозлился, что попросил хозяев дома отменить приглашение Сабрины. Чтобы быть уверенным, что его просьба будет выполнена, принц Филипп предупредил, что придет в пять часов вечера. Напуганные до смерти, друзья выполнили его указания и сообщили мисс Гиннес, что ей «следует уйти» до определенного времени, чтобы «избежать конфуза» из-за визита принца Филиппа.

Однако Филипп приехал немного раньше и все-таки встретился с молодой женщиной, когда она уезжала. Он попросил ее проследовать за ним в гостиную и, не тратя времени на вежливые банальности, коротко и четко, как удар гильотины,

* За последние триста лет (со времен Карла II) ни один принц Уэльский не тянул с женитьбой так долго. Только двое — Яков Стюарт и Генрих V — из более ранних времен оставались холостыми к тридцати годам. — *Примеч. авт.*

приказал ей исчезнуть из жизни его сына. Он заявил, что больше не желает слышать, как ее имя связывается с именем принца Чарльза. Филипп закончил разговор, предложив девушке немедленно покинуть дом. Она убежала в слезах.

В такой же жесткой манере Филипп поговорил с сыном относительно брака с Дианой Спенсер. Он не требовал, чтобы Чарльз на ней женился, просто призывал побыстрее принять решение. «Не теряй времени, Чарльз», — сказал Филипп.

«Разница между отцом и сыном, — объяснял один из секретарей королевы, — состоит в том, что Чарльз колеблется, а Филипп рубит сплеча».

Следующие четыре недели Чарльз пытался принять окончательное решение. Он оставил запись о «мучительных сомнениях» в своем дневнике, консультировался с любовницей Камиллой Паркер. Она сказала, что одобряет выбор Чарльза, а саму Диану описывала своим друзьям, как тихую «мышку». В письме другу Чарльз писал: «Дело в том, что меня беспокоит необходимость принимать решения, в результате которых я оказываюсь в новых обстоятельствах, однако, надеюсь, мне удастся выбрать правильный путь... Звучит смешно: ведь я мечтаю сделать все, что в моих силах для страны и семьи — но порой я боюсь давать обещания, а вдруг я потом стану о них жалеть».

Впоследствии он винил отца в том, что тот заставил его форсировать заключение брака, которого сам Чарльз не хотел.

Однако, несмотря на все сомнения, 6 февраля 1981 года на третьем этаже своих покоев в Букингемском дворце во время обеда на двоих Чарльз сделал Диане предложение. Она с радостью согласилась, а он извинился за то, что не приготовил

для нее кольца. Через несколько дней принц связался с «Гаррардом», крупной ювелирной фирмой, поставлявшей драгоценности королевскому двору, и их представитель явился с несколькими обтянутыми черным бархатом подносами, заполненными кольцами. Диана выбрала шестикаратный сапфир, окруженный восемнадцатью бриллиантами. Кольцо стоило 50 000 долларов. «Глаза королевы полезли на лоб, когда я выбрала самый большой камень, — смеясь, сказала Диана, — но мне он действительно понравился».

О помолвке принца Уэльского и Дианы Спенсер было официально объявлено 24 февраля 1981 года. «Я не мог бы жениться на девушке, которая не нравилась бы британцам», — заявил Чарльз. Почти вся страна радовалась вместе с королевской семьей. Однако мать Дианы — Фрэнсис Шенд Кидд боялась за свою дочь.

«Я проплакала шесть недель, — призналась она одной родственнице. — У меня возникло предчувствие, что с Дианой случится нечто ужасное, когда она станет членом королевской семьи».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	9
Глава 1	29
Глава 2	35
Глава 3	50
Глава 4	72
Глава 5	111
Глава 6	146
Глава 7	190
Глава 8	239
Глава 9	277
Глава 10	306
Глава 11	350
Глава 12	406

Литературно-художественное издание

Келли Китти

Королевская семья Англии

Книга 1

Редакторы В. Генкин, Е. Левина
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Кудрявцев
Технический редактор Н. Хотулева
Младший редактор Е. Панова

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.01.99.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура Академия.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 11 000 экз.

Заказ 519.

**Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры**

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г.Назрань, ул.Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

**Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».**

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

БИОГРАФИИ

Королевская СЕМЬЯ АНГЛИИ

Они — самая знаменитая семья на свете. Жизнь их описана в огромном количестве книг и статей. Кричащие заголовки извещают мир о каждом их шаге. Однако все попытки проникнуть за королевский фасад оставались безуспешными. За стены дворца удалось попасть только Китти Келли, прославленному автору биографий Нэнси Рэйган, Фрэнка Синатры и многих других знаменитостей. Китти Келли — самый бесстрашный биограф нашего времени. Она посвятила четыре года изучению истории королевского семейства. Кроме тщательного исследования документов, она провела сотни эксклюзивных интервью с бывшими и нынешними служащими королевского дома, друзьями и родственниками рода Виндзоров, членами парламента и другими лицами, имевшими возможность близко наблюдать королевскую семью. Она подняла занавес над жизнью самого скрытного семейства в истории.

ISBN 5-237-01670-7

9 785237 016703